

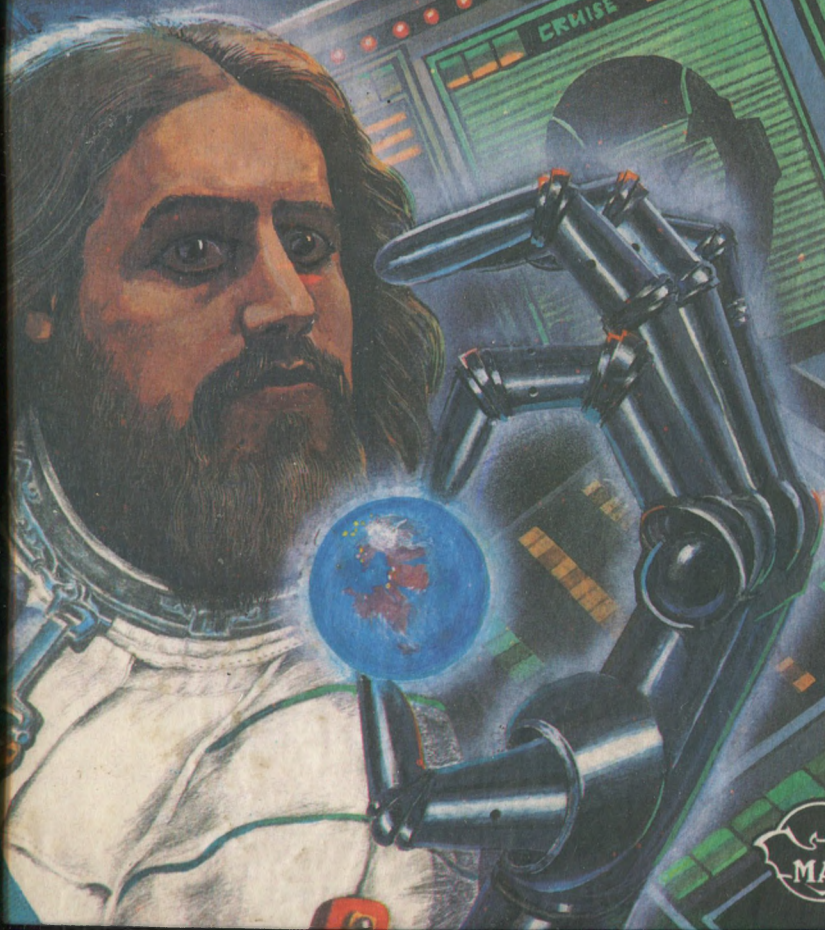

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

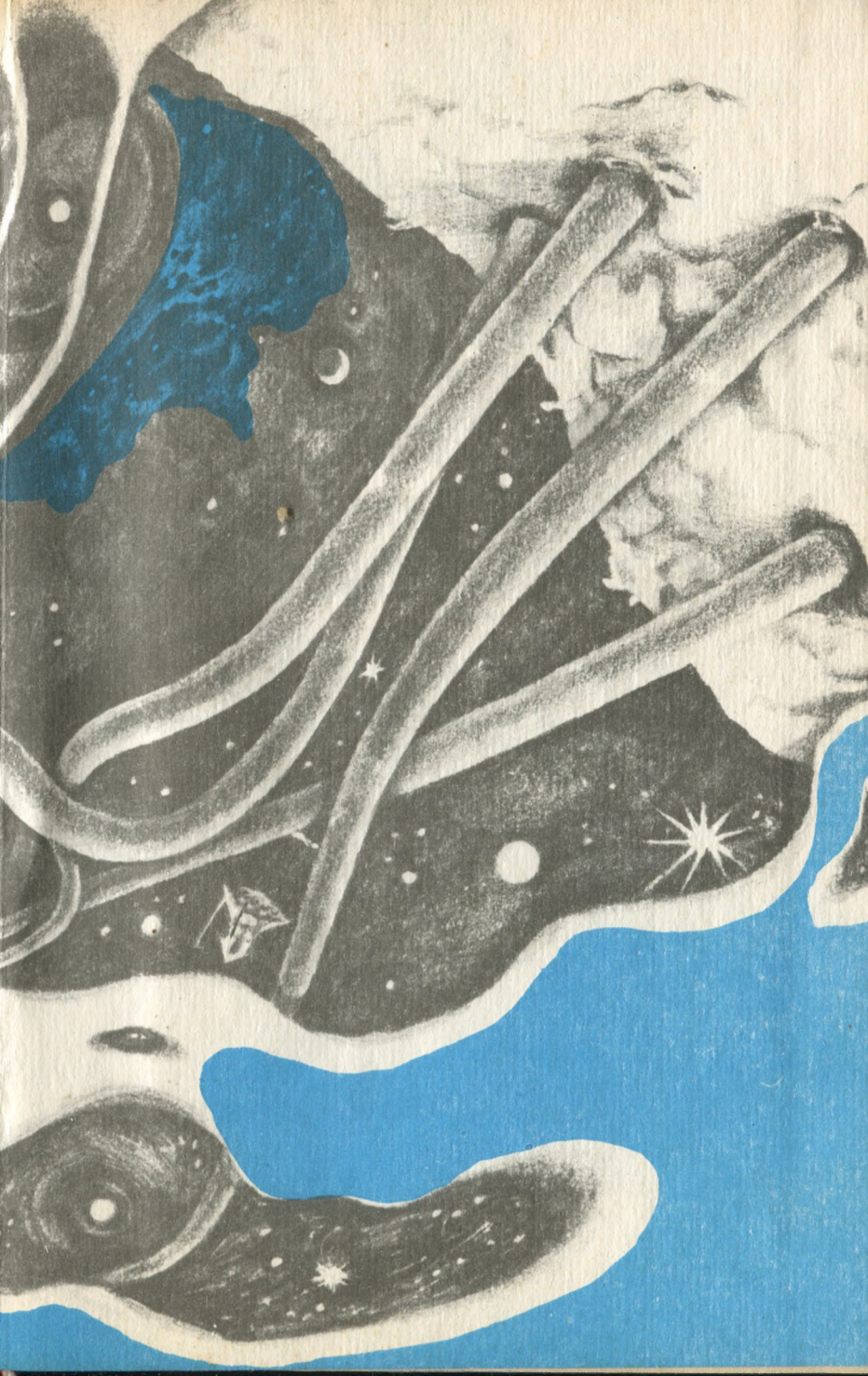
УОЛДО

РОБЕРТ Э.
ХАЙНЛАЙН

УОЛДО

•

/

1

•

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

УОЛДО

... Во Вселенной долгожители
оказались не одни. На расстоянии
многих миллионов миль
от источника золотого солнечного
света существовала Жизнь.

... Другой Мир изливает Энергию
на нас. Нужно лишь суметь
подключиться, взглянуть на все
несколько по-иному... И стать
Сильным.

... Магия вырвалась на свободу. Но
больше никто не пострадает от трех
стихий — огня, земли и воды, и ни
один из Демонов не позволит себе
слишком многого за пределами
Полумира.

Человек XXI века посетил звездные
миры Вселенной, познал Другой Мир
и проник в загадочный Полумир.
И только после этого понял,
как прекрасно
БЫТЬ ПРОСТО ЧЕЛОВЕКОМ!

ROBERT A. HEINLEIN

METHUSELAH'S CHILDREN

WALDO

MAGIC, INC.

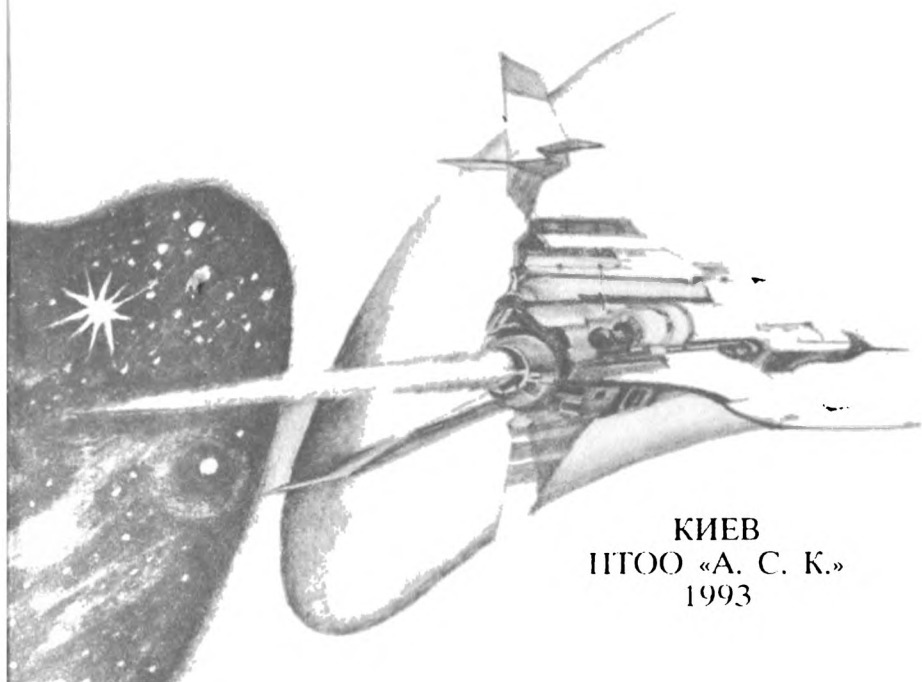

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

ДЕТИ МАФУСАИЛА

УОЛДО

МАГИЯ, ИНК.

КИЕВ
ІНТОО «А. С. К.»
1993

ББК 84. 7 США—44
X15

Видання підготовлено за участю
МП «Каннон», м. Київ
та
ТОВ «Негоціант—Плюс», м. Калуша

Перекладачі
Я. Войтко, Н. Войко, Г. Цират
Художник
С. Середенко
Відповідальний за випуск
І. Бойченко

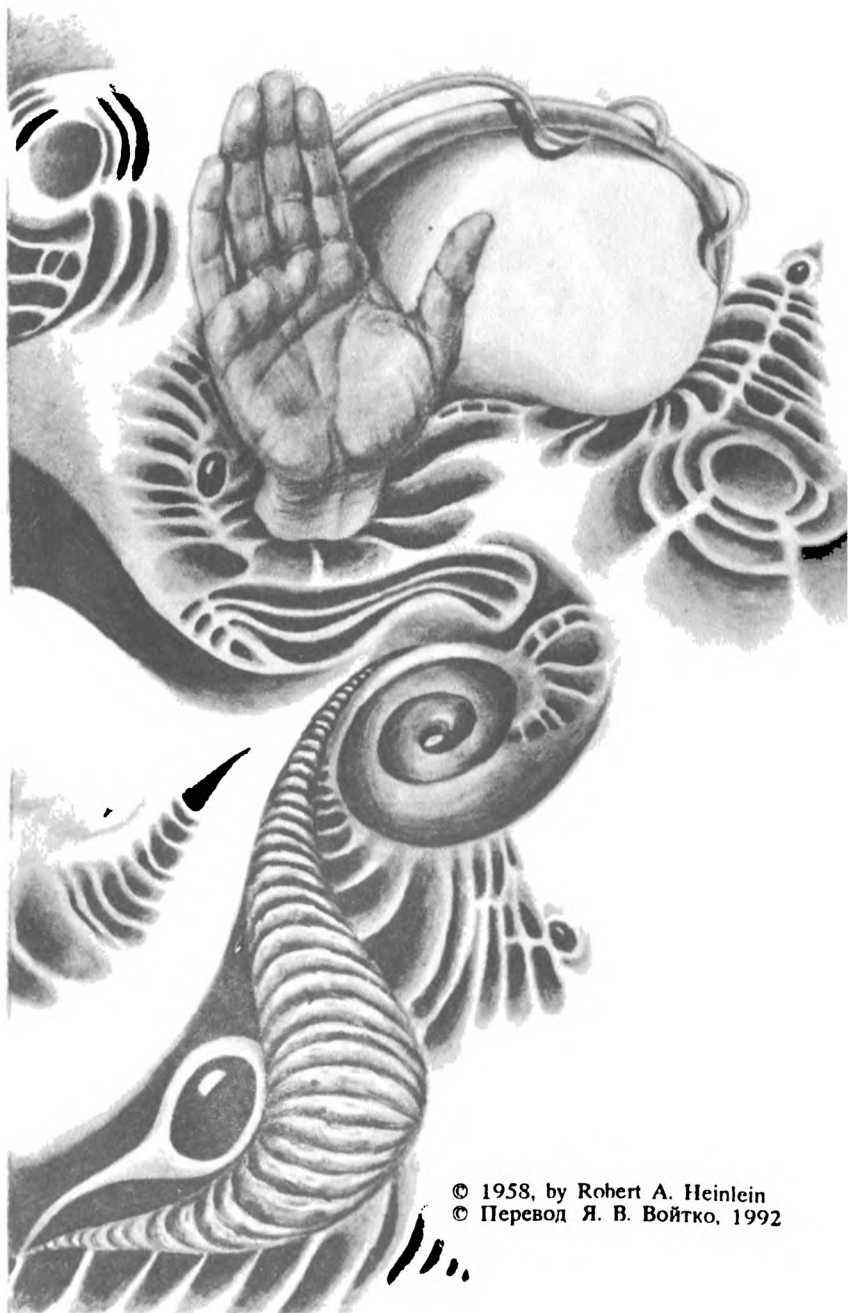
Повний чи частковий передрук творів, що містяться в книзі, заборонений. Будь-яке комерційне використання перекладу може здійснюватися виключно з дозволу перекладачів та видавців.

ISBN 5-85434-070-4

© Художнє оформлення.
С. Г. Середенко, 1993
© Підготовка видання.
ВТОВ «А. С. К.», 1993

ДЕТИ МАФУСАИЛА

© 1958, by Robert A. Heinlein
© Перевод Я. В. Войтко, 1992

Эдварду И. Смиту, доктору философии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Мэри Сперлинг, ты просто дура, что не хочешь выйти за него замуж!

Прежде чем ответить, Мэри Сперлинг подсчитала сумму проигрыша и выписала чек: «Слишком уж велика разница в возрасте». Она передала подруге кредитное поручительство: «Пожалуй, мне не стоит играть с тобой на деньги. Иногда мне кажется, что ты экстрасенс».

— Ерунда! Ты просто хочешь сменить тему. Тебе ведь уже около тридцати... Ты же не сможешь быть красивой вечно.

Мэри сухо улыбнулась.

— Можно подумать, что я этого не знаю!

— Борку Ваннингу едва за сорок, и он очень уважаемый человек. Ты должна воспользоваться этим шансом, слышишь?

— Вот и пользуйся. Ладно, я побежала. Что поделаешь — работа, Вэн.

— Работа! — передразнила Вэн, хмуро глядя, как закрывается дверь за Мэри Сперлинг. Ей не терпелось знать, почему Мэри не выходит замуж за такого превосходного жениха, как достойный Борк Ваннинг. Еще больше ее интересовало, почему и куда уезжает Мэри, но обычай, предписывающий не вмешиваться в чужие дела, остановил ее.

Мэри и не собиралась каждому рассказывать, куда она уезжает. Возле квартиры подруги она спустилась по труболету на первый этаж, вызвала свою машину из робопарка, выехала на улицу и настроила навигационную систему на Северное побережье. Машина подождала, пока можно будет вклиниться в полосу движения, а затем влилась в скоростной поток. Откинувшись на спинку кресла, Мэри задремала.

Когда заданная программа была выполнена, машина просигналила, требуя новых указаний. Мэри проснулась

и выглянула из окна кабины. По правую сторону угадывались угрюмые очертания озера Мичиган. Мэри связалась с регулировщиком-автоматом, спрашивая разрешения на включение в местную полосу движения. Регулировщик поставил машину в нужный ряд, переключив на ручное управление.

Мэри достала документы из перчаточного ящика. Номер машины в водительском удостоверении, который регулировщик автоматически сфотографировал при выезде с контролируемой магистрали, не соответствовал номеру на автомобиле.

Машина проследовала по обочине еще несколько миль, повернула на узкую грязную дорогу, ведущую к побережью, и остановилась. Выключив фары, Мэри внимательно прислушалась.

В южном направлении сияли огни Чикаго; в нескольких сотнях метров от побережья шумела контролируемая автострада, а здесь не было слышно ничего, кроме слабого шума крыльев ночных птиц. Она включила зажигание. На световом табло загорелись цифры. Мэри изучала их, одновременно сопоставляя со своими данными. С удовольствием убедившись, что радары не засекли ее и никого не было рядом, она быстро спрятала приборы в перчаточный ящик, закрыла окно и снова завела мотор.

Машина, похожая на быстроходный глиссер, легко скользнула по озеру и нырнула в воду, затем, отплыв четверть мили от берега, опустилась на глубину пятнадцати метров. Мэри связалась со станцией.

— Отвечайте,— послышался голос.

— «Жизнь коротка,..

— ...но годы длятся долго».

— Пока не наступит черный день,— ответила Мэри.

— Иногда я задумываюсь, действительно ли это так,— откликнулся голос, как бы приглашая к разговору.— О'кей, Мэри. Я узнал тебя.

— Это ты, Томми?

— Нет, это Сесил Хедрик. Контролеры не засекли тебя?

— Нет. Переключайся.

...Через семнадцать минут машина всплыла на поверхность озера внутри большой пещеры. Причалив, Мэри обменялась приветствиями с охранниками и прошла по тоннелю в большую подземную комнату, где уже сидели пятьдесят—шестьдесят человек. Поболтав немного со зна-

комыми, ровно в двенадцать ночи она поднялась на трибуну и окинула взором присутствующих.

— Мне сто восемьдесят три года,— начала Мэри.— Есть ли здесь люди старше меня?

Ответа не последовало. С достоинством выждав паузу, она снова заговорила.

— В таком случае, согласно нашим обычаям, я объявляю собрание открытым. Будем ли избирать председателя?

Кто-то сказал: «Продолжайте, Мэри.»

Возражений не последовало.

— Ну что ж, хорошо.

Казалось, она была безразлична к оказанной чести, да и присутствующим импонировала ее непринужденность: спокойное отношение к жизни, внутренняя освобожденность от земных забот.

— Мы собрались как всегда, чтобы обсудить свои проблемы и вопросы благосостояния наших братьев и сестер. Может быть, представители какого-нибудь Клана хотят сделать сообщение? Или кто-то хочет выступить от себя лично?

Встретившись с ней взглядом, один из мужчин встал.

— Я, Айра Уизерол, говорю от имени Рода Джонсонов. Мы собрались почти на два месяца раньше обычного. У опекунов, должно быть, имеются для этого веские причины, и мы должны выслушать их.

Она кивнула и обратилась к низкорослому мужчине, сидевшему в первом ряду: «Прошу Вас, Джастин».

Чопорный человечек встал и неуклюже поклонился. Из-под его кильта* были видны тощие ноги. В кильте он выглядел и вел себя как старый, покрывшийся плесенью служащий, однако темные волосы и здоровый цвет лица указывали на то, что он мужчина в расцвете лет.

— Джастин Фут,— представился он.— Говорю от имени опекунов. Прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как Кланы решились на проведение эксперимента и дали понять гражданам, что среди них живут люди, продолжительность жизни которых значительно превышает обычную человеческую. Прожив вдвое больше, чем живет человек, мы доказали научным путем, что такое возможно.

* Мужская юбка шотландских горцев. (Здесь и далее прим. пер.).

Хотя мужчина выступал без бумажки, казалось, он зачитывает вслух заранее подготовленный текст. Присутствующие знали все то, о чем он говорил, но никто не торопил его; слушатели не выказывали ни малейшего нетерпения, столь привычного для других аудиторий.

— Когда Кланы приняли решение отказаться от политики умолчания и рассказать об особых свойствах, которыми мы обладаем, остальным членам общества, то руководствовались несколькими соображениями. Вначале необходимо сказать о том, почему мы на первом этапе не раскрывали свою тайну. Впервые у супружеских пар, пользовавшихся поддержкой Фонда Говардов, потомство появилось в 1875 году. Это не вызвало никаких сенсаций, поскольку дети ничем особенным не отличались. Фонд действовал в качестве официально зарегистрированной некоммерческой организации...

17 марта 1874 года... Контора юридической фирмы «Димс, Уингейт, Олден энд Димс». Айре Джонсону, студенту медицинского колледжа, его собеседник — мужчина средних лет — предлагает заключить необычный контракт. Айра нетерпеливо прерывает разговор:

— Минуточку! Если я правильно понял, вы хотите нанять меня для того, чтобы я женился на одной из этих женщин?

Похоже, адвокат такого не ожидал.

— Ну что вы, мистер Джонсон. Нет, конечно, нет.

— Видите ли, именно так это и прозвучало.

— Нет-нет, такой договор был бы недействительным и противоречил нашим законам. Мы просто информируем вас как руководители Треста: если случится так, что вы действительно женитесь на девушке из этого списка, наша приятная обязанность будет состоять в том, чтобы каждый ребенок от такого союза получал содержание на указанную сумму. Правда, никаких договоров мы заключать не будем и тем более не диктуем вам дальнейших действий. Мы просто сообщаем вам некоторые факты.

Айра Джонсон поежился.

— Я все-таки не понимаю, что это значит?

— Так решило правление нашего Фонда. Можно сказать, что мы это делаем из уважения к вашим дедушке и бабушке.

— Так вы говорили с ними обо мне? — резко оборвал Джонсон.

Он не испытывал нежных чувств к своим пожилым родственникам. Вот уж до чего прижимистые старички, и хоть бы кто соблаговолил умереть в таком возрасте, чтобы у него оказалось достаточно денег для окончания медицинского колледжа.

— Да, мы говорили с ними. Но не о вас.

Адвокат не стал продолжать разговор, а вручил юному Джонсону список девушек, ни с одной из которых тот не был знаком. Айра собрался порвать его, как только выйдет на улицу, но... Вместо этого он всю ночь напролет писал письмо девушке, которую оставил дома, и лишь с восьмого захода нашел нужные слова, чтобы сообщить ей о размолвке. Он был рад, что ему не пришлось объясняться с ней на словах — это выглядело бы гораздо хуже.

...Когда он спустя какое-то время женился на девушке из списка, то обнаружил любопытное, но не слишком уж примечательное совпадение — у его жены, как и у него самого, было две бабушки и двое дедушек — живых, здоровых и весьма жизнерадостных.

...официально зарегистрированной некоммерческой организации, — продолжал Фут, — и объявленная им цель — поощрение рождаемости среди носителей крепких американских генов — соответствовала обычаям того времени. Кроме простого умолчания об истинном назначении Фонда, не требовалось никаких других средств сохранения тайны. И только позже, в эпоху Мировых Войн, которую иногда называют «Безумным Веком»...

Заголовки некоторых статей, опубликованных
в апреле—июне 1969 года

МАЛЮТКА БИЛЛ СРЫВАЕТ БАНК

Двухлетний мальчик, едва научившись ходить,
стал самым юным победителем телевикторины,
выиграв миллион долларов.

Президент поздравил мальчика по телефону

РЕШЕНИЕ СУДА О ПРОДАЖЕ ЗДАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ШТАТА КОЛОРАДО

Верховный суд штата установил, что пенсионеры
скупают государственное имущество
в крупных масштабах

**СОБРАНИЕ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ПОТРЕБОВАЛО ОПРЕДЕЛИТЬ ВЕРХНИЙ
ВОЗРАСТНОЙ ПРЕДЕЛ
ДЛЯ УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ**

**ДАННЫЕ ОБ УРОВНЕ РОЖДАЕМОСТИ В США
ЯВЛЯЮТСЯ СТРОЖАЙШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ТАЙНОЙ»,— заявляет Министр обороны.**

**ЖЕНЩИНА-КОНГРЕССМЕН ИЗ КАРОЛИНЫ
ПОБЕЖДАЕТ НА КОНКУРСЕ КРАСОТЫ**
«Я буду баллотироваться в Президенты»,— заявила она
перед началом своего турне по стране.

**В АЙОВЕ ВОЗРАСТ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРАВА
УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ
ПОДНЯТ ДО Сорока одного года**
ВОЛНЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ГОРОДКЕ ДЕ-МОЙНА

**УВЛЕЧЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ЗАПАД:
ЧИКАГСКИЙ СВЯЩЕННИК СЪЕЛ БУТЕРБРОД
ИЗ ГЛИНЫ ПРЯМО ЗА КАФЕДРОЙ В ЦЕРКВИ:**

**«Это возврат к основам бытия»,— заявил
он своей пастве.**

**СТУДЕНТЫ ВУЗОВ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА ВЫСТУПАЮТ
ПРОТИВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**
«Мы требуем повышения стипендий, уменьшения
лекционных часов, отмены домашних заданий.
Мы требуем дать нам право избирать преподавателей
и наставников».

**ДЕВЯТЫЙ ГОД ПОДРЯД РАСТЕТ ЧИСЛО
САМОУБИЙСТВ**

**Представитель Комиссии по атомной энергии отрицает,
что это связано с выпадением радиоактивных осадков.**

...«Безумным Веком», опекуны того времени решили (и мы считаем: правильно), что любое меньшинство в период языковой дезориентации и массовой истерии становится объектом преследования, законодательной дискриминации и даже ярости толпы. Более того, неустойчивое финансовое положение страны, и в особенности принудительный обмен ценных бумаг Треста на правительственные облигации, поставил под угрозу нашу платежеспособность.

Тогда определились два пути дальнейшего развития: активы Фонда были обращены в недвижимость и распределены между представителями Кланов, а в качестве постоянной линии проводилась политика так называемого «Маскарада». У нас всегда находились денежные средства, необходимые для симуляции смерти кого-либо из членов Клана (если он жил так долго, что окружающие уже начинали беспокоиться) или для организации его появления в новом качестве где-нибудь в другой части страны.

Мудрость такой политики (хоть и доставляла некоторые неудобства) сразу же стала очевидной в период Междоусобицы Пророков. Во времена правления Первого Пророка возраст девяноста семи процентов наших собратьев официально не превышал пятидесяти лет. Однако тщательная регистрация, проводимая тайной полицией Пророков, усложняла проблему изменения внешности.

Только осторожность и удача спасли нас от разоблачения, ведь тогда неприятности могли быть у каждого, обладавшего даром, который Пророки были не в силах отобрать.

Строго говоря, Кланов не было замешано в событиях, которые привели ко Второй Американской Революции. Однако факт остается фактом: многие из них участвовали в заговоре, служа верой и правдой предводителям. И даже в сражениях, предшествовавших падению Нового Иерусалима, воевали люди из наших Кланов. Воспользовавшись неразберихой, мы подкорректировали возраст сильно постаревших собратьев. В этом нам помогли некоторые члены Кланов, которые после победы революции занимали ключевые посты в обществе.

На собрании Кланов в 2075 году, когда было достигнуто Соглашение, многие предлагали нам раскрыть тайну, поскольку демократия утвердилась вновь, но все же большинство не согласилось: наверное, из-за укоренившейся

традиции секретности. Однако возрождение культуры в последующие пятьдесят лет, проповедь терпимости, совершенствование методов воспитания и системы образования дали нам основания полагать, что наконец-то наступило время, когда можно открыться и по праву утвердиться в обществе как его необычное, но от этого не менее уважаемое меньшинство.

Для такого решения были весьма веские причины. Росло число наших собратьев, которые считали «Маскарад» социально неприемлемым в новом, более открытом обществе. Необходимость каждые несколько лет покидать насиженные места и искать новые не просто выводила нас из душевного равновесия; нас мучила совесть, что приходится лгать там, где открытость, честность и порядочность стали законом в отношениях между людьми. Кроме того, проводя исследования в области биологических наук, Клань сделала много новых открытий, которые могли принести большую пользу нашим недолговечным собратьям. Но, чтобы помочь им, нам нужна была полная свобода. Далеко не все с этим соглашались, однако серьезных оснований для дальнейшего использования «Маскарада» практически не оставалось. В новых условиях здоровые и миролюбивые граждане должны были приветствовать нашу открытость.

В 2125 году, одиннадцать лет назад, мы решились на эксперимент, позволив группе добровольцев (а их оказалось процентов десять) раскрыть тайну своего возраста, не разглашая остальных секретов организации. К сожалению, результаты не оправдали наших надежд.

Джастин Фут замолчал. И тут вдруг заговорил крепкий мужчина среднего роста с загорелым лицом космонавта. В его волосах уже серебрилась седина, что было даже как-то странно, необычно для людей Кланов. Мэри Сперлинг давно заметила его и пыталась угадать, кто он такой: живое лицо и громкий смех мужчины еще до начала собрания пробудили в ней любопытство, но поскольку любой член Клана мог посещать заседания Совета, она потеряла к нему интерес.

— Продолжай, приятель,— произнес он.— Что там у тебя дальше?

Фут ответил, не поворачивая головы:

— Основной доклад прочтет главный специалист по психометрии. Я лишь слегка обрисовал ситуацию.

— О, Господи! — воскликнул незнакомец. — Парень, зачем же нам выслушивать то, что мы давно знаем?

— Я лишь начал разговор. И кроме того, меня зовут Джастин Фут, и никакой я вам не приятель.

Мэри Сперлинг решительно вмешалась.

— Брат, — обратилась она к незнакомцу, — поскольку вы обратитесь к Опекунам, те не могли бы вы представить-ся? К сожалению, я не узнаю вас.

— Извините, Сестра. Я — Лазарус Лонг, выступаю от своего имени.

Мэри покачала головой:

— Я так и не поняла, откуда вы.

— Еще раз прошу прощения. Это имя для «Маскарада», которое я взял во времена Первого Пророка... Оно показалось мне забавным. Имя моего Клана — Смит. Вудро Вильсон Смит.

— Вудро Смит?.. Так сколько же вам лет?

— Что? Ах, да, я просто не считал в последнее время. Сто... Нет, подождите... Двести... Двести тринадцать. Да, точно, двести тринадцать.

Внезапно воцарилась мертвая тишина. Мэри смущенно спросила:

— Разве вы не слышали, когда я спрашивала, присутствует ли здесь кто-нибудь старше меня?

— Слышал. Да ерунда все это, Сестра. У вас очень хорошо получалось. Так уж случилось, что я не посещал собраний Кланов больше ста лет.

— Я попрошу вас вести собрание дальше, — сказала Мэри, покидая трибуну.

— Нет, что вы! — запротестовал седой, но она не обратила на это никакого внимания и нашла себе свободное место. Он огляделся вокруг, пожал плечами и понял, что надо уступить. Неуклюже пристроившись у края стола, он снова заговорил:

— Ну что ж, продолжим. Кто следующий?

Ральф Шульц из Клана Шульцев был больше похож на банкира, чем на специалиста по психометрии. Он не был ни излишне застенчивым, ни рассеянным, и речь его была плавной, неторопливой и полной достоинства:

«Я был одним из тех, кто предложил покончить с «Маскарадом». Это была ошибка. Мне казалось, что все воспримут это как должное. Я, конечно же, предвидел, что горстка ненормальных будет недолгобливать и даже нена-

видеть нас; я даже предполагал, что большинство будет нам завидовать, ведь всякий, кто любит жизнь, хотел бы пожить подольше. Но я не думал, что возникнут настолько серьезные проблемы. Как известно, современное сознание покончило с межрасовыми распрями; тот, кто еще не освободился от расовых предрассудков, стыдится об этом говорить. Я считал, что наше общество уже стало настолько терпимым, что мы сможем мирно и открыто жить рядом с недолговечными.

И оказался неправ. Негры ненавидели белых людей и завидовали им, пока белые пользовались привилегиями, которые из-за цвета кожи были недоступны неграм. Это была здоровая, нормальная реакция. Когда с дискриминацией покончили, проблема разрешилась сама собой и произошла культурная ассимиляция. Мы отмечали, что точно так же недолговечные завидуют долгожителям, но считали, что зависть не свойственна большинству людей, поскольку для них очевидно, что мы обладаем этими свойствами благодаря нашим генам. Это не наша вина и не заслуга, а просто удачный шанс, которым когда-то воспользовались наши предки.

Однако это были не более чем желательные для нас предположения. Теперь уже нетрудно увидеть, что корректное применение математических методов дало бы другой ответ и выявило фальшивые аналогии. Я не защищаю тех, кто ошибся, здесь не может быть оправдания. Мы обманулись в своих ожиданиях.

На самом деле произошло следующее. Мы продемонстрировали нашим недолговечным собратьям величайшее благо, которое только может представить себе человек... Затем сообщили, что оно никогда не будет им принадлежать... Они же отказались поверить нам. Их зависть превратилась в ненависть, поскольку они уверовали, что мы злонамеренно лишаем их законных прав.

Сегодня ручейки ненависти превратились в такой бурный поток, что возникла реальная угроза благосостоянию и даже жизни наших братьев, добровольно разоблачивших себя. Потенциально эта угроза представляет опасность для всех нас, и она чрезвычайно велика, поэтому решение данной проблемы не терпит отлагательств».

Присутствующие восприняли информацию довольно спокойно: привычка вырабатывалась у них годами, что, однако, не могло свидетельствовать о полном единодушии.

— Ева Барстоу, представляю Клан Куперов. Ральф Шульц, мне сто девятнадцать лет. Я, пожалуй, постарше вас. Я не являюсь крупным специалистом в области математики и человеческого поведения, как вы, но я знала многих людей.

Мне кажется, что человеческие существа изначально нежны, добры и приветливы. Безусловно, у них есть некоторые недостатки, но большинство людей будут вести себя прилично, если им дать какой-нибудь минимальный шанс. Я не могу поверить, что они будут ненавидеть меня и будут жаждать моего уничтожения только потому, что я уже долго живу на свете. Возможно, вы снова ошибаетесь? Шульц невозмутимо посмотрел на нее и поправил юбку.

— Вы правы, Ева. Я снова могу легко ошибиться. В психологии такое случается: это настолько сложный предмет, в нем столько неизвестных, скрытых связей, что наши отчаянные попытки разобраться в происходящем иногда выглядят нелепо.

Он снова встал, повернулся лицом к присутствующим и с достоинством продолжил: "На этот раз я не стану делать долгосрочных прогнозов. Я просто излагаю факты, избегаю предположений и не принимаю желаемое за действительное. А факты таковы, что мои прогнозы столь же точны, как в том случае, что яйцо обязательно разобьется, если оно упадет на пол. Но Ева права... в определенной степени. Люди действительно добры и благородны, но только по отношению друг к другу. Ева не подвергается опасности со стороны своих соседей и друзей. Я тоже не опасаясь своих товарищей. Но весь парадокс состоит в том, что опасность для нее исходит от моих соседей и друзей, а для меня опасны ее друзья. Массовая психология — это не просто сумма психологий индивидуумов; это один из основных постулатов социальной психодинамики, а не какие-то мои домыслы. Это норма движения массы, закон толпы, который знают и используют военные, политические и религиозные лидеры в своих целях, привлекая для этого рекламных агентов, пророков и пропагандистов, подстрекателей, актеров и гангстеров. Закон толпы действовал в течение столетий, причем намного раньше, чем был описан с помощью математики. Он обычно срабатывает, и сейчас такой момент как раз наступил.

Я и мои коллеги стали замечать, что в последнее время недовольство толпы по отношению к нам нарастает. Мы не могли поделиться своими подозрениями с Советом, потому что у нас не было достаточно доказательств. Тогда это могло бы быть расценено просто как брюзжание свихнувшегося меньшинства в обществе, которое становилось все более здоровым. Эта тенденция сначала была столь незаметна, что мы даже не были уверены, существует ли она на самом деле, поскольку все общественные тенденции тесно переплетаются друг с другом, как спагетти на тарелке. А для математического описания взаимодействия общественных сил необходимо наличие многомерного топологического пространства, нередко с подключением десяти-двенадцати измерений.

Итак, мы ждали, волновались и очень осторожно пытались проводить статистические исследования.

Социопсихологические явления возникают и исчезают по закону "растущих дрожжей" — сложной закономерности расстановки сил. Мы все еще не теряли надежды, что другие благоприятные факторы обратят эту тенденцию вспять — например, работы Нельсона в области симбиотики, наш собственный вклад в развитие гериатрии, большой интерес общественности к открытию спутников Юпитера для поселения. Любой крупный прорыв, который бы способствовал увеличению продолжительности жизни и укрепил надежды недолговечных, мог бы покончить с тлеющими угольками нарастающей озлобленности.

Вместо этого ветер ненависти стал еще сильнее раздувать пламя, превращая его во всепоглощающий пожар. Насколько мы смогли определить, число недовольных за последние тридцать семь дней удвоилось. Я не могу предугадать, во что это выльется. Вот почему я настаивал на созыве чрезвычайного собрания. Нас могут ожидать неприятности в любой момент."

Он тяжело опустился на стул.

Ева больше не спорила с ним, и никто другой не пытался этого делать, ведь каждый из них знал о проявлениях ненависти к добровольно открывшимся братьям. Для решения проблемы было предложено ровно столько путей, сколько людей присутствовало на собрании. В течение двух часов долгожители обменивались мнениями, и лишь затем Лазарус попросил слова.

— Я вижу, мы так ни к чему и не пришли, —

констатировал он, — и похоже, что сегодня мы не сможем принять решение. Давайте обсудим имеющиеся варианты. Во-первых, — он начал загибать пальцы, — мы можем ничего не предпринимать и только наблюдать за развитием событий.

Во вторых, нам следует полностью отказаться от "Маскарада", обнародовать настоящее число членов Кланов и потребовать гарантий наших прав политическим путем.

Далее. Мы можем действовать открыто и использовать организационные и финансовые возможности для защиты наших раскрывшихся братьев и, вполне вероятно, снова провести их через систему "Маскарад".

Или попросить выделить нам территории, где бы мы могли жить самостоятельно.

Можно придумать и что-то совсем другое. Я предлагаю вам определиться, кто поддерживает какой из четырех вариантов и соответственно сгруппироваться. Пусть каждая группа разработает план и представит его Кланам. А те, кто не поддерживают ни один из вариантов, пусть соберутся в центре комнаты и обменяются мнениями. А пока что, если никто не возражает, я предлагаю прекратить прения до завтрашнего вечера. Какие будут предложения?

Все молчали. Парламентская процедура, которую применил Лазарус Лонг, озадачила каждого; они привыкли долго и неторопливо дискутировать до тех пор, пока какая-нибудь одна точка зрения не возьмет верх. Поскольку возразить никто не осмелился, Лазарус объявил, что собрание закрывается до завтрашнего вечера.

Мэри Сперлинг подошла к нему.

— Я хочу больше узнать о вас, — сказала она, глядя ему прямо в глаза.

— Конечно, Сестра.

— Вы остаетесь для обсуждения?

— Нет.

— Вы не хотите поехать домой вместе со мной?

— С удовольствием. У меня нет срочных дел.

— Тогда я приглашаю вас.

Она провела его через тоннель к подземному озеру. При виде псевдоавтомобиля он очень удивился, но решил ничего не говорить, пока они не погрузятся в воду.

— У вас неплохая машина.

— Мне она тоже нравится.

— И необычная.

Она улыбнулась.

— Да, ко всему прочему она моментально взрывается, если в нее пытается проникнуть кто-то из посторонних.

— Неплохо. Вы инженер по дизайну?

— Я? Нет, конечно! По крайней мере, в течение последних лет я этим не интересовалась. Если хотите, вы можете получить машину с такими же характеристиками через систему Кланов. Надо поговорить...

— Не утруждайте себя, мне она не нужна. Мне просто нравятся новые приспособления, которые выполняют предписанную им роль бесшумно и эффективно. Кому-то пришлось хорошо попотеть над их созданием.

— Да,— ответила она и сосредоточилась на управлении, провсряя радар и выезжая на берег так, чтобы не привлечь внимания.

Когда они пришли к Мэри домой, она подала ему сигареты и налила вина, затем в своей комнате сбросила повседневную одежду и надела мягкий длинный халат, в котором выглядела гораздо стройнее и моложе. Когда она вернулась к Лазарусу, он встал, помог ей прикурить, всем своим видом выражая восхищение ею.

Она сдержанно улыбнулась, взяла сигарету и села в кресло, поджав ноги.

— Лазарус, вы вселили в меня надежду.

— Неужели для этого нужен я? — отпарировал он, — По-моему, вам достаточно взглянуть на себя в зеркало.

— Я не об этом, — нетерпеливо продолжала она. — Я имею в виду вас. Знаете, я превысила все разумные пределы долгожительства. Я жду смерти и сопротивляюсь ей уже десять лет. Но вот вы сидите здесь... и вам намного больше лет. Вы придаете мне новые силы.

Он вытянулся на стуле.

— Это вам-то ждать смерти? О, Боже, девочка, да вы выглядите так, что можете прожить еще лет сто.

Мэри вяло запротестовала.

— Не пытайтесь подбодрить меня. Вы же знаете, что внешность здесь ни при чем. Лазарус, я не хочу умирать!

Лазарус спокойно ответил:

— Я не пытался шутить с вами, Сестра. Вы просто совсем не похожи на развалину.

Она грациозно наклонила голову.

— Это благодаря биотехнологии. Я поддерживаю внешность на уровне тридцатилетней женщины.

— Я бы сказал, даже моложе. Мне незачем обманывать вас, Мэри. Вы слышали, что я не был на собраниях более ста лет. На самом деле, я не имел вообще никаких контактов с Кланами все это время.

— Правда? Можно спросить, почему же?

— Это длинная и скучная история. Словом, они мне надоели. Когда-то я избирался делегатом на ежегодные собрания. Но эти люди становились все менее гибкими и слушали только самих себя, во всяком случае, так мне казалось. Поэтому я отошел от них и провел большую часть периода Междущарствия на Венере. Ненадолго вернулся после подписания Соглашения, но и с тех пор провел на Земле, пожалуй, не более двух лет. Я не люблю сидеть на месте.

В ее глазах мелькнуло любопытство.

— О, расскажите мне немного об этом. Я никогда не путешествовала в далеком космосе, только однажды была в Луна-Сити.

— Когда-нибудь непременно расскажу. Но меня больше интересует ваша внешность. Девочка, вас и на самом деле не отличишь от обычной молоденькой женщины.

— Да, пожалуй. По крайней мере, я бы хотела этого. Я не могу вам подробно рассказать, как это делается. Гормоны, симбиотика, эндокринотерапия и немного парapsихологии — вот и все. Можно еще только добавить, что для Кланов старение откладывается, и его можно остановить, по крайней мере, при помощи косметики.

Она немного помолчала.

— Когда-то они думали, что открыли секрет бессмертия, настоящий Родник Молодости. Но они ошиблись. Старение просто задерживается, а затем... Затем жизнь прекращается. Примерно через девяносто дней после явных признаков смерти человек умирает. — Она вздохнула. — Конечно, большинство наших братьев не дожидаются этого — в течение нескольких недель они проходят обследование для подтверждения диагноза старости, а потом подвергаются эйтаназии*.

— Что за чушь! Уж я, по крайней мере, не позволю это проделать с собой. Когда старейшина придет за мной, пусть только попробует меня забрать.

* Помощь в умерщвлении, обычно применяется для безнадежно больных людей.

Мэри грустно усмехнулась.

— Мне приятно слышать от вас такие слова, Лазарус. Я бы стала бороться с охранниками за каждого, кто моложе меня. Ваш пример вдохновляет меня.

— Мы переживем многих из них, Мэри, так что не беспокойтесь. Но вернемся к сегодняшнему собранию. Я был далеко и не интересовался новостями. Действительно ли этот Ральф Шульц знает, о чем говорит?

— Пожалуй, да. Его дед был выдающимся человеком и отец тоже.

— Я полагаю, вы знакомы с Ральфом.

— Немного. Он — один из моих внуков.

— Вот это любопытно. Ведь он выглядит старше вас.

— Ральф счел необходимым остановить внешнее старение на уровне сорока лет, вот и все. Его отец был моим двадцать седьмым ребенком. Должно быть, Ральф — сейчас припомню — да, по крайней мере, лет на восемьдесят или девяносто моложе меня, но при этом старше некоторых моих детей.

— Тебе было хорошо под защитой Кланов, Мэри? — Лазарус перешел на "ты".

— Наверное. Но и им было хорошо со мной. Мне нравилось рожать, и Трест получил от меня тридцать детей. У меня есть все, чего бы я ни захотела. — Она снова задрожала. — Я знаю, почему так взволнована. Мне нравится жить!

— Перестань! Я думал, что мой наглядный пример и юношеский задор помогли тебе избавиться от этого.

— Да... Вы помогли мне.

— Послушай, Мэри, почему бы тебе снова не выйти замуж и не произвести на свет еще кучу детишек? Это отвлечет от дурных мыслей.

— В моем-то возрасте? Вы шутите, Лазарус!

— Возраст — не помеха. Ведь ты моложе меня.

Несколько мгновений она смотрела на него.

— Лазарус, вы предлагаете мне заключить контракт? Если да, то скажите об этом прямо.

Он открыл было рот, но запнулся.

— Не спеши и расслабься! Я говорил в общем и целом. Я не домосед. Всякий раз, когда я женился, уже через несколько лет моя жена видеть меня не могла. Не то чтобы... Я просто хотел сказать, что ты симпатичная девочка и что мужчины могли бы...

Она не дала ему закончить, наклонилась и мягким движением руки закрыла ему рот.

— Я не хотела смущать вас, Брат. Это у меня вышло непроизвольно, ведь мужчины так смешны, когда думают, что их заманивают в ловушку.

— Наверное,— согласился он.

— Забудьте об этом, прошу вас. Лучше скажите, какой план они могут выбрать?

— Ты имеешь в виду этот сегодняшний сброд?

— Да.

— Конечно, никакой. Они ни о чем не договорятся. Мэри, собрание — это единственная известная науке форма жизни, имеющая сто желудков и никаких мозгов. Но в конце концов кто-нибудь, настаивая на собственном мнении, склонит их к принятию своего плана. Я пока не знаю, кто победит.

— А вы сами... Как бы вы предпочли действовать?

— Я? Да никак. Мэри, если я что-нибудь понял за последние пару веков, так это только то, что рано или поздно все кончится. Войны и депрессии, Пророки и Согласия — все это преходяще. Вопрос в том, как это пережить.

Она задумчиво кивнула:

— Мне кажется, вы правы. Требуется лет сто или около того, чтобы понять, как прекрасна жизнь.

Он встал во весь рост.

— Но сейчас этому седому мальчишке неплохо было бы вздремнуть.

— Да, мне тоже надо выспаться.

Квартира Мэри располагалась на последнем этаже, с видом на небо. Вернувшись в гостиную, она потушила свет и раздвинула жалюзи на потолке. Они сидели прямо под звездами: Лазарус посмотрел на небо, и его взгляд остановился на любимом и таком знакомом созвездии.

— Странно, — заметил он. — Кажется, к поясу Ориона добавилась четвертая звезда.

Она подняла голову.

— Должно быть, это большой корабль из второй Кентаврийской Экспедиции. Вы можете увидеть, как он движется.

— Нет, без телескопа не увижу.

— Пожалуй, так, — согласилась Мэри. — Неплохо придумано — построить корабль в космосе, правда?

— У них не было другого способа. Он слишком большой для сборки на Земле. Я бы мог прилечь прямо здесь, Мэри. Или у вас есть свободная комната?

— Вторая дверь направо. Если что-нибудь не так, дайте мне знать.

Она потянулась к нему и быстро чмокнула в щеку, пожелав спокойной ночи. Лазарус пошел в свою комнату.

Наутро Мэри Сперлинг проснулась как обычно. Она тихонько встала, стараясь не разбудить Лазаруса, проскочила в ванную, приняла душ и сделала массаж, проглотила таблетку-заменитель сна, наскоро позавтракала, насколько это позволяло ей блюсти фигуру, затем включила автоответчик, записавший телефонные звонки. Телефон воспроизвел несколько звонков, о которых Мэри моментально забыла, но потом она узнала голос Борка Ваннинга.

— Привет, — послышалось из аппарата. — Мэри, это Борк, звоню тебе в двадцать один час. Я буду проезжать мимо твоего дома завтра около десяти утра, чтобы успеть искупаться в озере и где-нибудь позавтракать. Считай, что я назначаю тебе свидание. Пока, дорогая. Что подделаешь — служба.

— Служба! — автоматически повторила она. — Черт бы его побрал! Надо было сразу отказать ему. Мэри, это твоя ошибка. Ведь ему вчетверо меньше лет, чем тебе, а справиться с ним ты не можешь.

Позвонить Борку сейчас же и сказать, что... Нет, уже слишком поздно; он будет здесь с минуты на минуту. Этого еще только не хватало!

2

Прежде чем лечь в постель, Лазарус снял кильт и швырнул его. Автомат поймал юбку, вытряхнул и аккуратно повесил ее на плечики. "Неплохо сделано", — подумал Лазарус. Он посмотрел на свои волосатые бедра и усмехнулся; под кильтом с одной стороны был подвешен бластер, с другой — нож. Он, конечно, знал о ныне действующем благородном обычае не носить оружия, но без него он чувствовал себя раздетым. Да и что это, собственно, за обычаи? Всего-навсего выдумка престарелых дам. Не бывает опасного оружия, бывают опасные люди.

Выйдя из ванной, Лазарус положил свой бластер в пределах досягаемости на случай, если ночью придется им воспользоваться.

Он проснулся внезапно, машинально схватившись за нож, однако тут же вспомнил о том, где находится, и с облегчением вздохнул. Огляделся вокруг, пытаясь понять, что же его разбудило.

Из гостиной доносился невнятный шум. "Наверное, Мэри развлекает гостей", — подумал он и решил, что пора вставать.

Умывшись, снова повесил свое оружие на пояс и пошел искать хозяйку. Бесшумно отворив дверь в гостиную, он услышал голоса. Говорил мужчина, и разговор заинтересовал Лазаруса. Благодаря планировке комнаты его нельзя было заметить; притаившись, Лонг стал бесстыдно подслушивать. В прошлом это не раз спасало ему жизнь, и никаких угрызений совести он не испытывал. Напротив, это даже забавляло его.

— Мэри, ты поступаешь просто глупо, — говорил мужчина. — Ты ведь равнодушна ко мне, и, кроме того, должна признать, что брак со мной пойдет тебе на пользу. Так в чем же дело?

— Я уже говорила тебе, Борк, это — разница в возрасте.

— Что за нелепость! Чего ты хочешь? Романтики юности? Конечно же, я понимаю, что не так молод, как ты... Но женщине нужен мужчина старше ее, чтобы обращаться к нему за помощью и быть за ним, как за каменной стеной. Поверь, я не стар для тебя — как раз то, что надо.

Лазарус почувствовал, что в нем нарастает неприязнь к незнакомцу. До чего же противный голос!

Мэри молчала. Мужчина продолжал настаивать:

— Во всяком случае, у меня для тебя есть сюрприз. Я бы рассказал тебе прямо сейчас, но... но это государственная тайна.

— Значит, не говори. Но в любом случае я не изменю своего решения, Борк.

— Да нет же, ты увидишь! Я все-таки расскажу тебе, я ведь знаю, что тебе можно доверять.

— Борк, не хочешь ли ты сказать, что...

— Это не имеет значения. Все равно все будут знать об этом уже через несколько дней. Мэри... Я никогда не стану старым!

— Что ты хочешь этим сказать? — Лазарусу показалось, что в ее голосе проскользнуло подозрение.

— Мэри, найдено средство вечной молодости!

— Что? Когда это случилось? О чем ты говоришь?

— Ну, наконец-то ты заинтересовалась. Что ж, я не буду интриговать тебя. Ты ведь знаешь этих старичков, которые называют себя Кланом Говарда?

— Да, я кое-что слышала о них, — медленно проговорила она. — Ну и что из того? Они же сказали всю правду.

— Да, я знаю. Администрация тщательно изучила изложенные ими факты. Некоторым из них, несомненно, больше ста лет, но они все еще молоды!

— Нет, в это трудно поверить.

— И тем не менее, это — правда.

— Ну и ... как они это делают?

— Вот в этом-то и вся соль. Они утверждают, что живут долго лишь потому, что являются наследниками долгожителей. Но ведь это абсурд, который наука давно опровергла. Администрация провела тщательнейшую проверку, и вот результат: они обладают секретом сохранения молодости.

— Это же еще надо доказать...

— Да, перестань, Мэри! Ты — замечательная девочка, но не можешь же ты подвергать сомнению выводы лучших ученых мира. Да и не это главное. Я открою тебе одну тайну: пока что мы не знаем их секрета, но очень скоро узнаем. Без лишнего шума, не будоража общественность, мы их выловим и допросим. Мы узнаем секрет, и тогда ни ты, ни я никогда не постареем! Ну, что ты скажешь?

Мэри ответила очень медленно и почти неслышно:

— Хорошо, если бы все могли жить долго.

— А? Ну да, конечно. Но в любом случае мы с тобой получим рецепт. Ты только подумай: многие годы счастливой супружеской жизни и при этом всегда молодые и здоровые! Лет сто, не меньше, а может и...

— Постой, Борк. Этот "секрет"... Он только для избранных?

— А вот это решать политикам. Уже сейчас перенаселение вызывает значительные проблемы. Но тебе незачем сушить голову: у нас с тобой все это будет.

— Ты хочешь сказать, что у меня все будет, если я выйду за тебя замуж?

— Мэри, ну зачем ты так? Я сделаю для тебя все на свете, ведь я так люблю тебя. Но будет гораздо проще, если ты выйдешь за меня. Ну скажи, что ты согласна!

— Предположим, я соглашусь. Как ты собираешься выжимать из них этот секрет?

Лазарусу даже показалось, что он услышал, как тяжело начал дышать Борк.

— О, у меня они заговорят!

— Ты собираешься изолировать их, если они не согласятся?

— Изолировать? Нет, ты в этом решительно ничего не понимаешь, Мэри. Это ведь не мелкая шалость, а измена, заговор против всего человеческого рода. Мы ничего не пожалеем! У Пророков найдутся способы заставить их заговорить, если они не сделают этого добровольно.

— Ты серьезно? Ведь это же нарушение Согласия!

— К черту Согласие! Это вопрос жизни и смерти. Или ты думаешь, что мы позволим, чтобы какой-то клочок бумаги помешал нам осуществить задуманное? Нельзя строить из себя святош, когда речь идет о фундаментальных вещах, за которые стоит сражаться до последнего. Ведь это как раз такой случай. Эти... эти ублюдки стараются отнять у нас саму жизнь. И ты считаешь, что в такой обстановке мы можем подчиняться каким-то обычаям?

От ужаса Мэри едва смогла выдавить из себя несколько слов:

— И ты думаешь, что Совет способен нарушить Согласие?

— Тут и думать нечего. Вчера на заседании Совета мы наделили Администратора всеми необходимыми полномочиями.

В напряженной тишине Лазарус пытался услышать продолжение разговора. Наконец Мэри чуть слышно произнесла:

— Борк...

— Да, дорогая?

— Борк, ты должен что-то предпринять. Надо их остановить.

— Остановить? Зачем? По-моему, ты сама не знаешь, что говоришь. Я не могу этого сделать, да если бы и мог, не стал бы.

— Но ты должен, понимаешь? Ты должен убедить Совет. Они совершают ошибку, трагическую, непрости-тельную! Они ничего не добьются, пытая этих несчастных. Никакого секрета просто не существует!

— О чем ты? Не слишком ли ты перевозбудилась, дорогая? Ты пытаешься судить лучших и мудрейших людей нашей планеты. Поверь мне, мы знаем, что делаем. Мы тоже не в восторге от того, что приходится прибегать к крайним мерам, но ведь это делается для всеобщего блага. Послушай, я уже жалею, что рассказал тебе обо всем. Естественно, ты у меня добрая и ласковая, за это я тебя и люблю. Но почему бы тебе не выйти за меня замуж и перестать ломать голову над государственными проблемами?

— Замуж за тебя? Да ни за что на свете!

— Мэри, умоляю, ну почему нет?

— Потому что я одна из тех, кого ты собираешься преследовать!

Борк удивленно отпрянул.

— Мэри, с тобой все в порядке?!

— Это ты у меня спрашиваешь? Да если хочешь знать, мне так хорошо, как только может быть в моем возрасте. Слушай меня, болван! У меня есть внуки, которые вдвое старше тебя. Я жила в эпоху, когда Первый Пророк завоевал эту страну. Я была свидетелем того, как Гарриман запустил первую ракету на Луну. Тебя даже и в мыслях не существовало — твои дед и бабка еще даже не встретились, когда я уже была взрослой и замужней женщиной. И вот явился ты и, не смущаясь, предлагаешь подвергнуть пыткам меня и весь мой род. И ты хочешь, чтобы я пошла за тебя замуж? Да я лучше выйду за кого-нибудь из собственных внуков!

Лазарус поменял позу, просунул руку под подол и нащупал оружие. Теперь можно было ожидать чего угодно. Вот уж действительно, подумал он, на женщину можно полагаться до тех пор, пока она не выйдет из себя. Он застыл. Борк заговорил холодным, уверенным тоном чиновника (а ведь еще несколько минут назад он изображал из себя пылкого любовника):

— Мэри, ты только не волнуйся. Присядь, тебе сразу станет легче. На вот, прими успокоительное. Я отведу тебя к лучшему психиатру города — нет, не города, — всей страны! Все будет хорошо, вот увидишь!

— Не прикасайся ко мне!

— Но, Мэри, послушай...

Лазарус вышел из своего укрытия, держа в руках бластер.

— Сестра, что нужно от тебя этой обезьяне?

Ваннинг резко обернулся.

— Кто вы такой? — крикнул он в негодовании. — Что вы здесь делаете?

Не обращая на него никакого внимания, Лазарус продолжал обращаться к Мэри:

— Одно твое слово, Сестричка, и я разрежу его на куски, мелко-мелко, чтобы можно было спрятать.

— Не стоит, Лазарус, — ответила она, снова взяв себя в руки. — Но все равно — спасибо. И прошу вас, уберите оружие: я не хочу, чтобы пролилась кровь.

— О'кей, — Лазарус пристегнул бластер, но левую руку продолжал держать на бедре.

— Кто вы такой? — повторил Ваннинг. — По какому праву вы вмешиваетесь?

— Я тоже хотел у тебя об этом спросить, приятель, — ответил Лазарус, — но теперь не вижу смысла. Я — один из тех старых чудаков, которых ты ищешь. Я такой же, как и Мэри.

Ваннинг с интересом посмотрел на него.

— Хотел бы я знать. . . — начал он, переведя взгляд на Мэри. — Нет, это какая-то чушь. Впрочем, проверить эту историю не составит труда. У меня достаточно оснований, чтобы задержать вас, во всяком случае, я никогда не встречал более яркого примера антиобщественного поведения. — Он направился к видеофону.

— Лучше не подходи к этой игрушке, парень, — быстро сказал Лазарус и повернулся к Мэри:

— Я не буду стрелять из пушки, лучше воспользуюсь ножом.

Ваннинг остановился.

— Ну что ж, — негромко проговорил он, — уберите свою подделку. Отсюда я звонить не буду.

— Послушай, это не подделка. Чистая сталь. Полоснет так, что будь здоров.

Ваннинг повернулся к Мэри.

— Я ухожу. И если ты в своем уме, то пойдешь со мной.

Она покачала головой. Ваннинг недоуменно пожал плечами и обратился к Лазарусу Лонгу.

— А вас, сэр, подвели ваши примитивные выходки. Скоро вас арестуют.

Лазарус бросил взгляд на жалюзи, через которые в комнату сверху падал дневной свет.

— Это напоминает мне одного моего босса, который однажды в Венусбурге хотел меня арестовать.

— И что же?

— Я живу на свете гораздо дольше, чем он.

Ваннинг открыл было рот, чтобы возразить, затем вдруг повернулся и быстро вышел. Когда он ушел, Лазарус протянул задумчиво:

— Таких мерзавцев я давненько уже не встречал. Бьюсь об заклад, что он никогда в жизни не пользовался вилкой, предварительно десять раз не прокипятив ее.

Мэри сначала удивленно взглянула на собеседника, а потом рассмеялась.

— Я рад, что ты снова в форме, Мэри. А то мне уже показалось, что ты чересчур расстроилась.

— Это правда. Ведь я не знала, что вы нас слушаете, и должна была на ходу придумывать всякую всячину.

— Я не помешал?

— Ну что вы, я рада, что вы меня выручили. Однако надо спешить.

— Пожалуй, он сказал правду — за мной пришлют проктора, да и за тобой тоже.

Мэри собралась за считанные минуты, но лишь только они выскочили в коридор, как заметили поднимающегося по лестнице мужчину с характерной нарукавной повязкой и полицейской сумкой через плечо. Сомнений быть не могло — это был надзиратель.

— Служба, — козырнул он. — Я ищу гражданина, который сегодня утром гостил у гражданки Мэри Сперлинг. Вы не скажете, где их найти?

— Конечно, — охотно отозвался Лазарус. — Она живет вот там, — он указал на дверь в противоположном конце коридора. Как только проктор повернул голову, Лазарус ударил его сзади по шее прикладом своего бластера. Верзила на удивление быстро обмяк.

Мэри помогла Лазарусу затащить детину в свою квартиру. Лазарус склонился над полицейским, порылся в его сумке, достал шприц и сделал укол:

— Ну вот, пусть наш друг поспит пару часиков.

Лонг снял с надзирателя сумку, прихватив ее с собой.

— Кто знает, может, еще пригодится.

Потом сунул в карман и нарукавную повязку.

Выйдя из квартиры, они направились на автостоянку. Спускаясь по труболету, Лазарус заметил, что Мэри программирует машину на Северное побережье.

— Куда мы поедем? — поинтересовался он.

— В Поместье Кланов. Больше некуда. Однако нас будут искать, и до наступления темноты нам придется спрятаться в каком-нибудь укромном местечке за городом.

Поставив машину на автопилот, Мэри извинилась и сказала, что попробует заснуть на несколько минут. Лазарус еще немного посмотрел на пейзажи, мелькавшие за окном, а затем и сам заклевал носом.

Их разбудил громкий сигнал тревоги. Ход машины замедлился настолько, что, казалось, она вот-вот остановится. Мэри дернула за рычаг, и вой сирены прекратился.

— Возобновляется местный контроль машин, — монотонно вещал голос. — Следуйте на скорости двадцать миль в час к ближайшему постовому для проверки. Возобновляется местный контроль машин. Следуйте...

Мэри выключила динамик.

— Вот и о нас вспомнили, — весело сообщил Лазарус. — Что будем делать?

Мэри не отвечала. Она опустила стекло и выглянула. Стальное ограждение, отделявшее их скоростную контролируемую трассу от неконтролируемой местной дороги, находилось справа в каких-нибудь пятидесяти метрах и просматривалось на целую милю вперед до первой стоянки с въездными воротами. Но там всегда находилась и контрольная вышка, где пройдет проверка. Мэри вновь завела машину и стала маневрировать между машинами, одни из которых стояли, другие же медленно двигались. Когда они оказались вблизи барьера, Лазарус вдруг почувствовал, как сжались сиденья, машину бросило вверх-вниз, и они едва не задели барьер крылом.

С севера прямо на них мчался автомобиль. Другой шел со скоростью не менее девяноста миль, водитель которого был застигнут врасплох — он никак не ожидал, что внезапно на свободной дороге может появиться чья-то машина. Мэри пришлось лавировать то влево, то вправо;

автомобиль занесло и развернуло. Вырвавшись из тисков, машина перескочила через ограждение.

После того, как Мэри удалось взять машину под контроль, Лазарус расслабился и с облегчением вздохнул.

— Ну и дела! — присвистнул он. — Надеюсь, нам больше не придется повторять такой трюк.

Мэри с улыбкой глядела на него:

— Вас нервируют женщины, сидящие за рулем?

— О нет, нисколько! Я просто прошу тебя в следующий раз предупреждать, когда задумаешь что-нибудь подобное.

— Я и сама не ожидала, — созналась она. — Мне казалось, что мы сможем где-нибудь переждать до темноты, а тут пришлось показать все свое мастерство. Сейчас, наверное, постовому уже обо всем доложили.

— А зачем дожидаться темноты? — возразил Лазарус. — Почему бы не прорваться к озеру в твоей колымке, и пусть она ответит нас в Поместье.

— Мне бы не хотелось этого, — нахмурилась она, — я и так уже привлекла слишком много внимания. Тримобиль, замаскированный под обычную машину, — очень удобная штука, но если кто-нибудь увидит, что мы погружаемся в воду, то непременно захочет докопаться до истины. Они начнут исследовать озеро, используя все — от сейсмографов до сонаров, и еще Бог знает что.

— Разве Поместье не ограждено щитами?

— Безусловно. Но они найдут такой огромный объект, если начнут искать.

— Ты права, — согласился Лазарус. — Мы не можем позволить себе, чтобы эти несчастные ищейки обнаружили Поместье Кланов. Может, нам бросить машину и попытаться где-нибудь укрыться? Где угодно, только не в Поместье.

— Нет, именно там, — возразила Мэри.

— Но почему?

— Помолчите! Мне пришла в голову отличная мысль. Лазарус замолчал. Мэри порылась в перчаточном ящике.

— Отвечайте, — послышался голос.

«Жизнь коротка...» — начала Мэри.

Они обменялись паролем.

— Послушайте, — второпях начала объяснять Мэри, — у меня неприятности. Не прерывайте связь.

— Хорошо.

— Есть ли у вас подводная лодка?

— Да.

— Замечательно. Выведите ее на меня, — она уточнила свои координаты. — У нас остались считанные минуты. Поторопитесь!

— Умерь свой пыл, Мэри, — запротестовал голос. — Ты же знаешь, я не могу выслать подлодку в дневное время, уж во всяком случае, когда штиль. Так недалеко...

— Короче, вышлете или нет?

— Я тоже слышал тебя, Мэри, — в разговор вмешался третий голос. — Говорит Айра Барстоу. Мы подберем тебя.

— Но ведь... — стал возражать первый.

— Заткнись, Томми! Лучше проследи за сигнализацией и выведи меня в нужное место. — До встречи, Мэри!

— Спасибо, Айра!

Во время разговора с Поместьем она свернула с трассы на неасфальтированную дорожку, по которой просхала прошлой ночью, не снижая скорости и не глядя по сторонам. Лазарус сцепил зубы. Они проскочили мимо таблички с выцветшей надписью "Зараженная зона. Проезд ограничен". Мельком взглянув на нее, Лазарус подумал, что в их нынешней ситуации вряд ли какие-нибудь нейтроны представляют большую опасность.

Мэри остановила машину возле груды поваленных деревьев. Немного впереди, там, где кончался обрыв, плескалась в озере вода. Она отстегнула ремень безопасности, закурила сигарету и немного расслабилась.

— Теперь надо подождать. Им понадобится не менее получаса, чтобы добраться сюда, даже если Айра пойдет на полной скорости. Лазарус, как вы думаете, кто-нибудь видел, как мы сворачивали сюда?

— Сказать по правде, Мэри, мне некогда было глядеть по сторонам.

— Впрочем, сюда никто и не приходит, за исключением разве что каких-нибудь озорных мальчишек.

"И девчонок", — подумал Лазарус, а вслух сказал:

— Я видел на дороге запретительный знак. Неужели тут так опасно?

— Ах, вы об этом? Ерунда. Волноваться нечего, если, вам, конечно, не вздумается здесь поселиться. Сейчас наша проблема в другом.

— Лодка прямо перед вами, — послышалось из наушников.

— Это ты, Айра? — удивленно спросила Мэри.

— Да, это я, но я все еще нахожусь в Поместье. В укрытии для подлюдок как раз оказался Пит Харди, и мы выслали его к тебе. Не задерживайся.

— Спасибо! — Она повернулась, чтобы сообщить об этом Лазарусу, как вдруг он сам взял ее за руку.

— Посмотри назад.

Как раз в этот момент в какой-то сотне метров от них приземлился вертолет, из которого выскочили трое мужчин в форме надзирателей.

Мэри резким движением открыла дверь и моментально сбросила верхнюю одежду. "Бежим!" — крикнула она, тут же оборвав провода с панели.

Она подбежала к обрыву, а Лазарус бросился за ней, на ходу отвязав и сбросив пояс кильта. Мэри легко сбегала по обрыву вниз, а Лазарус то и дело натывался на камни и, чертыхаясь, разбрасывал их ногами.

Ударная волна от взрыва машины была очень сильной, но, к счастью, скала прикрыла их.

В воду они плюхнулись одновременно. Люк небольшой субмарины едва вместил бы одного человека. Лазарус подтолкнул Мэри и попытался пленгуть ее за медлительность, но обнаружил, что в воде это сделать не так-то просто.

Ему казалось, что он находится в воде уже целую вечность. "Странно, почему какие-то рыбешки могут жить здесь, а я не протяну и нескольких минут", — подумалось ему, но тут люк открылся, и Лазарус ввалился внутрь.

Одиннадцать томительных секунд понадобилось Лонгу, чтобы вылить воду из бластера и оценить степень его повреждения.

Мэри тараторила, обращаясь к шкиперу:

— Послушай, Пит. Там, на берегу, остались три проктора и вертолет. Моя машина взорвалась как раз рядом с ними, когда мы нырнули под воду. Но если не все из них пострадали, то наверняка найдется какой-нибудь умник, который догадается, что мы могли спрятаться только под водой. Нам нужно скорее уходить отсюда, пока они не обнаружили нас с воздуха.

— Ничего не выйдет, — удрученно сообщил Пит Харди, показывая на приборы. — Даже если у них нет специальной техники, то мы должны будем выйти за пределы досягаемости радара раньше, чем вертолет наберет высоту, что невозможно.

Тем временем маленькая лодка неуклонно продвигалась вперед. Мэри сомневалась, стоит ли выходить на связь с Поместьем прямо из подлодки. Решила, что не следует, — это могло бы только увеличить опасность обнаружения лодки и Поместья. Немного успокоившись, она устроилась в узком пассажирском кресле, где два человека ни за что бы не поместились. Лодка погрузилась почти до самого дна, идя по счислению по сигналам радиомаяков Маскегон-Гэри.

К тому времени, когда они выплыли на поверхность озера вблизи Поместья, Мэри твердо решила, что она не будет использовать никаких средств связи, даже несмотря на то, что эта система надежно защищена внешним экраном. Вместо этого она надеялась передать информацию при помощи телепата из числа членов Кланов. Среди здоровых обитателей семейства Говарда экстрасенсов было не больше, чем среди обычного населения, но узкородственные связи, которые помогли сохранить и развить способность к долгожительству, усилили также плохие гены, поэтому в Клане часто отмечались случаи физической и умственной отсталости людей. Управление генетического контроля бросило все силы на решение проблемы избавления от плохой наследственности, однако еще несколькими поколениям придется платить за свое долголетие высокой степенью врожденных дефектов. Тем не менее почти пять процентов из числа неполноценных членов Клана обладали даром телепатии.

Мэри сразу направилась в приют, где на территории Поместья содержались больные. Лазарус Лонг, не отставая, следовал за ней по пятам.

— Где крошка Стив? — спросила она у старшей сестры.
— Он нужен мне.

— Нельзя ли потише? — холодно ответила сестра. — У нас тихий час, нечего беспокоить больных.

— Дженис, мне нужно его видеть, — настаивала Мэри.
— Некогда ждать. Я должна передать сообщение всем Кланам и немедленно.

Сестра перегородила ей дорогу.

— Это можно сделать в отделении связи. Я не могу позволить, чтобы моих детей то и дело дергали. Я не пущу вас.

— Дженис, ну прошу вас! Я не решаюсь использовать ничего, кроме телепатии. Вы же знаете, я не стану этого делать просто так. Отведите меня скорее к Стивенсу.

— Даже если бы я согласилась, это ничего не даст. Сегодня крошка Стив далеко не в лучшей форме.

— Тогда отведите меня к лучшему экстрасенсу, который смог бы это сделать. Дженис, побыстрее! От этого может зависеть безопасность каждого из нас.

— Вас послали сюда Онекуны?

— Нет, у них просто не было времени.

Сестра никак не рвалась выпустить их. И когда Лазарус уже подумывал, не применить ли силу, Дженис наконец уступила.

— Ладно, вы можете поговорить с Билли, хотя мне и не следовало пускать вас. Но учтите, его нельзя утомлять.

Сердито поглядывая на посетителей, сестра провела их по коридору в последнюю палату. Лазарус посмотрел на лежащего мальчика, и ему стало дурно.

Сестра достала шприц и наполнила его какой-то жидкостью.

— Он что, работает под гипнозом? — поинтересовался Лазарус.

— Нет, — ответила сестра, — ему нужен стимулятор, чтобы он вообще стал говорить с вами. — Она протерла ваткой руку мальчика и сделала укол. — Приступайте, — обратилась она к Мэри и отошла в сторону, наблюдая за происходящим.

Мальчик зашевелился на кровати, его блуждающий взгляд остановился на них. Ребенок ослабил.

— Тетушка Мэри! — радостно воскликнул он. — О, ты, наверное, принесла что-то вкусненькое маленькому Билли.

— Нет, — мягко ответила она. — Сегодня нет. Тетушка Мэри слишком спятила. В следующий раз, ладно? Это будет сюрприз. Идет?

— Ладно, — добродушно согласился он.

— Вот и молодец. — Она погладила мальчика по голове. Лазарус снова отвернулся. — А теперь согласится ли маленький Билли сделать что-то для тетушки Мэри?

— Конечно.

— Ты можешь слышать своих друзей?

— О, да.

— Всех?

— Ага. Только они обычно ничего не говорят, — добавил Билли.

— Позови их.

Мальчик несколько мгновений помолчал.

— Они услышали меня.

— Чудесно! Теперь слушай меня внимательно, Билли. Всем Кланам: срочное предупреждение! Говорит Мэри Сперлинг-старшая. По решению Большого Совета Администратор будет арестовывать саморазоблачившихся собратьев. Совет наделил его всеми полномочиями. Они готовы пустить в ход любые средства, чтобы вытянуть из нас так называемый секрет долголетия. Они даже хотят применять пытки, придуманные инквизиторами Пророков! — Ее голос сорвался, но через мгновение она взяла себя в руки. — Нельзя терять времени! Найдите их, предупредите и спрячьте. Возможно, у вас остались считанные минуты, чтобы спасти наших сограждан.

Лазарус взял ее за руку и что-то прошептал на ухо. Она кивнула и продолжила:

— Если кого-то из собратьев арестуют, его нужно спасать во чтобы то ни стало. Не стоит апеллировать к Согласию, не тратьте времени зря, вызывая к справедливости, — спасайте людей! А теперь за дело!

Она остановилась и устало обратилась к Билли:

— Они услышали нас?

— Конечно.

— Они передадут это всем, кому нужно?

— Да. Услышали все, кроме Джимми-Ковбоя. Он на меня злится, — доверительно добавил Билли.

— Джимми-Ковбой? А где он?

— Он живет в Монреале, — вмешалась сестра. — Там еще два экстрасенса. Ваше сообщение прошло.

— Подождем ответа от кого-нибудь? — нерешительно спросила Мэри.

— Нет!

— Но Дженис...

— Я не могу этого позволить. Я должна дать Билли противоядие. Поэтому попрошу вас уйти.

Лазарус взял Мэри за руку.

— Успокойся, девочка. Тебя либо услышали, либо нет, но ты сделала все, что могла.

Мэри стала писать отчет на имя Постоянного Секретаря, а Лазарус ушел по своим делам. Он вернулся назад в надежде найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему. При въезде в Поместье охранники были первыми, кто встретился ему.

— Привет, — сказал Лонг.

— Приветствую вас, — ответил один из охранников. — Чем могу быть полезен... — Он с любопытством поглядел на Лазаруса, на котором почти не было одежды, но тут же отвел взгляд: манера одеваться — это личное дело каждого.

— Скажи, парень, ты не знаешь, кто мог бы мне одолжить юбку?

— С одним из таких людей вы разговариваете. Дик, постой здесь, а я вернусь через минуту.

Лазаруса провели в гостиницу для холостяков, дали ему одежду, помогли высушить сумку и ее содержимое, причем ни на кого не произвело ни малейшего впечатления оружие, находящееся при нем. Странности в поведении старших не могли волновать охранников. Они видели, в каком виде появилась и Мэри Сперлинг — всего лишь в купальном костюме. К тому же он знал, что многие из старших чрезвычайно привязаны к личным вещам.

— Может, еще что-то? Вот, например, эти туфли?

— Нет, спасибо, приятель, — Лазарус разглядел принесенную юбку. Она была длинновата для него, но что поделаешь. На Венере хватило бы и набедренной повязки; впрочем, ему не очень нравились венерианские обычаи. Черт побери, все-таки люди не прочь хорошо одеться.

— Теперь немного лучше, — сказал Лонг. — Кстати, как тебя зовут?

— Эдмунд Харди, из Клана Футов.

— Правда? И кто же твои предки?

— Чарльз Харди и Эвелин Фут. Эдвард Харди — Элис Джонсон и Теренс Бриггс — Элсонора Уизерол. Оливер...

— Достаточно. Я так и думал. Ты один из моих праправнуков.

— Это уже интересно, — дружелюбно заметил Харди. — Мы с вами родственники на одну шестнадцатую часть, не говоря уже об общей генеалогии. Могу я узнать, как зовут вас?

— Лазарус Лонг.

Харди покачал головой.

— Наверное, это ошибка. В моем роду таких нет.

— Ну, тогда Вудро Вильсон Смит. Это имя, с которого я начинал.

— Ах, да, теперь я, конечно же, вспоминаю. Но ведь я считал... Я думал, что...

— Что меня уже нет? Как видишь, это не так.

— Ну что вы, я вовсе не это имел в виду, — запротестовал парень, сконфузившись. — Я рад, что мы с вами встретились, дел. Я всегда хотел услышать правду о Собрании Кланов в 2012 году.

— Это было еще до твоего рождения, Эд, — оборвал его Лазарус. — И не называй меня делом.

— Извините, сэр... То есть, я хотел сказать, прошу прощения, Лазарус. Могу ли я быть как-то вам полезен?

— Ладно, мне не следовало сердиться на тебя. К тому же, я бы чего-нибудь перекусил. Видишь ли, с утра я очень торопился...

— Одну минуту.

Харди отвел его в буфет для холостяков, включил для него кухонный комбайн, затем угостил старика кофе и ушел. Лазарус моментально проглотил свой завтрак — три тысячи калорий в виде горячих сосисок, яиц, тостов, кофе с молоком и еще всякой всячины. Он всегда предпочитал хорошенько заправляться, ибо никогда не знаешь, сколько может пройти времени, прежде чем появится новая возможность подкрепиться. Плотно позавтракав, Лонг откинулся в кресле, поковырял в зубах, и, сбросив посуду в мусоросжигатель, пошел искать телебокс.

Лазарусу удалось разыскать этот ящик в библиотеке для холостяков рядом с гостиницей. В комнате сидел мужчина, который казался ровесником Лазаруса. На этом все сходство и заканчивалось: незнакомец имел стройную фигуру, мягкие черты лица, а на голове у него была причудливой формы рыжая шевелюра, совсем не похожая на седые, гибкие и крепкие волосы Лазаруса. Незнакомец сидел, уставившись в экран своего портативного прибора.

Подойдя поближе, Лазарус гаркнул прямо в ухо:

— Здрасьте!

Мужчина резко поднял голову и воскликнул:

— Ради Бога, извините! Я просто увлекся. Чем могу быть полезен?

— Я искал телебокс. Что, если мы перебросим изображение на экран?

— С удовольствием. — Мужчина встал, нажал кнопку обратной перемотки, а затем кнопку перевода на экран. — Вас интересует конкретный сюжет?

— Я хотел бы посмотреть что-нибудь о наших Кланах, — сказал Лазарус.

— Я сам искал такую информацию. Может быть, нам стоит переключиться на режим автоматического поиска?

— Пожалуй, — согласился Лазарус. — На звуковой дорожке это сделать легче. Какое ключевое слово?

— "Мафусаил".

Лазарус стал прослушивать дорожки; машинка заурчала, прогоняя ненужную информацию, и наконец остановилась в нужном месте. *"Последние новости, — послышалось из аппарата. — На нашем канале единственная служба новостей Среднего Запада, которая принимается и транслируется всеми крупными станциями. Арендванный канал передач на Луна-Сити. В эфире — корреспонденты студии "Три-П": информация из Первых рук — Полезная — Полная..."*

Линкольн, штат Небраска. Ученый обвиняет долгожителей! Доктор Уитвел Оскарсен, почетный президент лица им. Бриана, призывает к официальному пересмотру статуса группы родственников, которые называют себя Кланом Говарда. "Уже доказано, — утверждает ученый, — что они решили проблему продления жизни человека, возможно, до бесконечности. За что их можно похвалить: это стоящие и потенциально плодотворные исследования. Но их утверждение, что решение данной проблемы заключается лишь в наследственной предрасположенности, противоречит как научным данным, так и здравому смыслу. Наши современные представления об устоявшихся законах генетики позволяют с уверенностью утверждать, что они скрывают от общественности какие-то секретные методы, благодаря которым добиваются таких результатов."

Попытки монопольно использовать достижения науки противоречат нашим обычаям. Когда сокрытие таких знаний затрагивает основы самой жизни, подобное поведение можно назвать предательством по отношению к человеческому роду. Как гражданин я призываю Администрацию применить здесь силу и напоминая, что эту ситуацию не могли предвидеть мудрецы, которые разработали Соглашение и кодифицировали наши основные обычаи. Все законы создаются людьми и представляют собой попытку охватить всю бесконечность их взаимоотношений. Но нет правил, в которых бы не было исключений. Связать себя правилами перед лицом новой...

Лазарус нажал на кнопку "Стоп".

— По-моему, достаточно?

— Да, я уже слышал это, — вздохнул незнакомец. — Я давно не встречал таких случаев нарушения логических построений. Честно говоря, я удивлен: доктор Оскарсен в прошлом проделал солидную работу.

— Старик выжил из ума, — заключил Лазарус, набирая команду продолжения поиска. — Пришел возраст, вот он и хочет "узнать тайну" и считает, что это естественно.

В аппарате что-то загудело, щелкнуло, и снова полилась речь:

Последние известия! На нашем канале единственная служба новостей...

— А мы можем перескочить на другой канал? — спросил Лазарус.

Его собеседник посмотрел на контрольную панель.

— Кажется, для этого он не приспособлен.

...Энсенада, Калифорния. Джефферс и Люси Уизерол сегодня попросили специальной прокторской защиты, утверждая, что группа граждан ворвалась к ним в дом, оскорбила их и совершила другие антиобщественные действия. Чета Уизерол, по их собственному признанию, принадлежит к пресловутым Кланам Говарда, и они утверждают, что указанный инцидент может быть связан именно с этим фактом. Начальник военной полиции района отмечает, что они не представили никаких доказательств, и предложил передать дело на обсуждение. На сегодняшний вечер назначено собрание горожан, на котором будет...

— Брат, неужели то, что мы слышали, правда? Это первый случай антиобщественного группового насилия за последние два десятка лет. И тем не менее они сообщили об этом так, как о простой неполадке в каком-нибудь интеграторе погоды.

— Не совсем, — угрюмо ответил Лазарус. — Формулировки, используемые ими для описания наших братьев, несут скрытую нагрузку.

— Да, и делается это очень изощренно. Не знаю, было ли в передаче хоть одно слово, эмоциональный индекс которого превысил бы 1,5. Вы ведь знаете, что для сводок новостей оптимальный индекс — 2,0.

— Вы психометрист?

— О нет. Мне, наверное, следовало бы представиться. Меня зовут Эндрю Джексон Либби.

— Лазарус Лонг.

— Знаю. Я тоже вчера вечером был на собрании.

— Либби... Либби... — задумчиво пробормотал Лазарус.

— Что-то не припоминаю таких Кланов. Правда, фамилия мне показалась знакомой.

— Моя история немного напоминает вашу.

— Пришлось поменять имя в эпоху Междоусарствия, да?

— И да, и нет. Я родился после Второй Революции. Новые Крестоносцы завербовали моих предков, и они порвали с Кланами, меняя себе имена. Я уже был взрослым, когда узнал, что принадлежу к Кланам.

— Что за чертовщина. Интересно, как вы смогли обнаружить это? Если, конечно, не секрет.

— Видите ли, я служил на флоте, и один из старших офицеров...

— Я знаю! Теперь вспомнил. Сначала я думал, что вы космонавт. Тихоня-Либби, вычислитель.

Либби расплылся в улыбке.

— Да, так меня называли.

— Ну конечно. Последняя колымага, которую я водил, была оборудована вашим полугравитационным выпрямителем, в контрольном блоке рулевого управления использовался ваш дробный дифференциал. Но эту штуку я установил сам — можно сказать, одолжил у вас патент.

Похоже, Либби не очень волновала эта кража. Его лицо просветлело.

— Вас интересует знаковая логика?

— Только с практической точки зрения. Я поставил на ваш прибор модернизированное устройство, которое получил в результате анализа отброшенных альтернатив, используемых в вашем тринадцатом уравнении. Вот как это получается: предположим, вы движетесь в среде плотности "х" с градиентом "n"-го порядка, соответствующим вашему курсу, и хотите узнать свой оптимальный курс для следования в пункт А по совпадающему вектору "ρ," пользуясь автоматическим переключателем диапазонов на протяжении всего пути...

Они перешли на профессиональный жаргон, а телебокс тем временем продолжал выполнять программу поиска; три раза он автоматически включался, но каждый раз Либби нажимал на кнопку сброса информации, так и не дослушав до половины.

— Я понял, что вы хотите сказать. Я тоже когда-то хотел сделать похожую модификацию, но пришел к выводу, что это перенатабельно и слишком дорого. Но ваше решение представляется мне относительно оптимальным.

— Как вы это определяете?

— Видите ли, в вашем устройстве шестьдесят движущихся деталей, и если применять стандартные производственные процессы... — Либби на мгновение задумался, подсчитывая в уме, — для их оптимизации необходимо применить пять тысяч двести одиннадцать операций при нулевой автоматизации по системе Терблига, тогда как в моем случае...

— Энди, у тебя не идет кругом голова от этих всех расчетов? — Лазарус по обыкновению перешел на "ты".

Либби сконфуженно улыбнулся.

— Ничего необычного в моем таланте нет. Теоретически его может развить любой нормальный человек.

— Безусловно, — согласился Лазарус, — можно и змею научить танцевать, если хорошенько обуять. Не обращай внимания, это я просто рад, что встретил тебя здесь. Мне приходилось слышать о тебе тогда, когда ты был еще почти ребенком. Ты ведь работал в Корпусе космического строительства?

Либби утвердительно кивнул.

— Проект "Земля — Марс" № 3?

— Вот именно. Я помню этого парня, будь он пеладен. Торган из Драйутера. Я знал и твоего деда по материнской линии. Старый упрямый осел.

— Да, мне рассказывали.

— Чтоб ты и не сомневался. Мы с ним хорошенько повздорили на Собрании в 2012 году. В выражениях он не стеснялся. — Лазарус слегка нахмурился. — Просто удивительно, Энди, я все помню как сейчас: у меня всегда была хорошая память, но в последнее время, особенно последние сто лет, мне с каждым днем становится все труднее держать информацию в голове.

— Неизбежная математическая необходимость, — прокомментировал Либби.

— Это почему же?

— Все дело в том, что жизненный опыт линейно нарастает, но корреляция памяти увеличивается до бесконечности. Если бы люди могли жить, скажем, до тысячи лет, возникла бы необходимость изобрести совершенно

иной способ построения ассоциаций в памяти, чтобы можно было избирательно привязывать их ко времени. Иначе человек будет беспомощно барахтаться в обилии собственных познаний, но не сможет их применить. А это не что иное, как слабоумие.

— Правда? — внезапно встревожился Лазарус. — Тогда нам следует этим заняться.

— О, решить эту проблему вполне возможно.

— Так давай ее решать, пока мы не окажемся застигнутыми врасплох.

Телебюкс вновь привлек к себе внимание, на этот раз непрерывными гудками и миганием индикатора: *Слушайте все! Высший Совет приостанавливает действие Соглашения! Как предусматривается в пункте о чрезвычайной ситуации, Совет объявил о беспрецедентной акции под руководством Администратора по задержанию и допросу всех членов так называемых Кланов Говарда — немедленно и любой ценой! Администратор постановил, чтобы все официальные средства информации передали следующее сообщение: "Приостановление гарантируемых Соглашением гражданских прав касается только группы, известной под названием "Кланов Говарда". Представители правительства наделяются полномочиями действовать сообразно обстоятельствам при оперативном задержании лиц, о которых идет речь в постановлении. Призываем граждан стойко переносить любые мелкие неудобства, которые могут возникнуть. Ваше право на невмешательство в личную жизнь будет гарантировано всеми имеющимися средствами; свобода передвижения может быть временно ограничена, но при этом будет выплачиваться полная материальная компенсация.*

Программа ежедневных новостей предоставляет слово популярному комментатору Альберту Райфснайдеру:

"Приветствую вас, сограждане! Причин для беспокойства нет. Для рядового гражданина это чрезвычайное положение доставит не больше беспокойства, чем комарный укус. Волноваться не стоит! Расслабьтесь! Помогите прокторам и продолжайте вести привычный образ жизни. Не будьте рабами традиций — сотрудничайте со Службой!"

"Вы можете быть уверены: слуги народа все сделают, чтобы получить для вас бесценный дар — долгую и счастливую жизнь! Не стоит слишком обольщаться, но

похоже, мы стоим на пороге новой эры. Секрет, ревностно охраняемый горсткой эгоистов, скоро..."

Лонг многозначительно посмотрел на Либби и выключил аппарат.

— Надо полагать, — горько заметил Либби, — что это один из примеров "объективного изложения событий".

Прежде чем ответить, Лазарус порылся в кармане и достал сигарету.

— Не беспокойся, Энди. Времена бывают разные. Мы ведь давно были готовы к тому, что может наступить черный день. Этим людям снова не терпится повосвать... На этот раз с нами.

3

К вечеру убежище, громко называемое "Поместьем Кланов", гудело, как улей. Со всех концов продолжали прибывать долгожители с равнин и гор, пешком и на машинах.

Задолго до наступления темноты у входа в подземелье образовалась пробка: отовсюду приплывали спортивные подлодки, замаскированные автомобили, подводные катера, которые при необходимости могли погружаться в воду, и на каждом из них было полно беженцев — усталых, изрядно напуганных. Многим из них пришлось полдня провести под водой в ожидании момента, когда можно будет проскочить в ущелье.

Помещение для собраний, конечно же, не могло вместить всю толпу; старожилы пенсер расчистили самую большую комнату, столовую и убрали перегородки, отделявшие ее от гостиной. Как обычно, в полночь, Лазарус взобрался на импровизированную сцену.

— Прошу внимания, — объявил он. — Рассаживайтесь так, чтобы всем было видно. Я родился в 1912 году. Есть ли кто-нибудь старше меня?

После небольшой паузы он продолжил: «Какие будут предложения по кандидатуре председательствующего?»

Было предложено три человека, но тут с места поднялся один из кандидатов и заявил:

— Я — Алекс Джонсон из Клана Джонсонов. Предлагаю вычеркнуть мое имя из списка и прошу других кандидатов последовать моему примеру. Лазарус вчера показал нам

пример, как нужно действовать. Сейчас не время для того, чтобы Клань спорили о том, кто из них важнее.

Присутствующие согласились, и Лазарус продолжил заседание.

— Я благодарен вам за доверие. Но прежде, чем мы приступим к обсуждению, я попрошу Главного Опекуна дать нам справку. Прошу вас, Зак. Есть ли сведения о задержании наших людей?

Заккур Барстоу не нуждался в представлении: "Я говорю от имени Опекунов. Наш отчет еще не завершен, однако пока что мы не имеем сведений, что кто-либо из наших братьев был арестован. Из девяти тысяч двухсот восьмидесяти пяти саморазоблачившихся долгожителей зарегистрировались девять тысяч сто шесть. Сообщается, что они успели перебраться в укрытия на территории других Кланов, спрятались в домах неразоблаченных собратьев или в других местах. Предупреждение, переданное Мэри Сперлинг, было особенно ценным ввиду того, что Совет начал осуществлять свою акцию практически немедленно. Однако до сих пор мы ничего не знаем о ста семидесяти девяти собратьях. Возможно, большинству из них удастся пробраться к нам в течение ближайших дней. Другие, вероятно, тоже в безопасности, но не могут нам об этом сообщить".

— Ближе к делу, Зак, — стал поторапливать его Лонг. — Есть ли реальные шансы, что все они вернутся целыми и невредимыми.

— Абсолютно никаких.

— Почему же?

— Потому, что по крайней мере трое из них под вымышленными именами входят в состав космических экспедиций, курсирующих между Землей и Луной. Другая часть наших собратьев, о которых мы пока ничего не знаем, пожалуй, находятся в затруднительном положении.

— Разрешите задать вопрос! — дерзко вставил небольшой человек, выставив палец вперед, как будто намеревался отчитать Главного Опекуна, как мальчишку. — Была ли организована защита тех, кто сейчас подвергается опасности, при помощи гипнотических уловок?

— Нет, у нас не было...

— Я требую объяснить, как это могло произойти?

— Замолчите! — оборвал его Лазарус. — Вы нарушаете регламент. Здесь вам не суд, и нам некогда тратить время на выяснение того, как это случилось. Продолжайте, Зак.

— Хорошо, но сначала я отвечу на вопрос. Все вы знаете, что предложение о защите тайн гипнотическими средствами было отвергнуто на том же собрании, когда принималось решение о приостановлении действия "Маскарада". Насколько я помню, брат, который сейчас поднимает эту проблему, был одним из тех, кто помог заблокировать тогда решение.

— Не правда! Я требую...

— Да заткнитесь вы, наконец! — Лазарус сердито посмотрел на возмутителя спокойствия. — Приятель, вы являетесь живым примером того, что нашему Фонду надо было сначала позаботиться о развитии умственных способностей граждан и лишь потом — о продлении их жизни.

Лазарус оглядел собравшихся: "Каждый получит слово, но в строго установленном порядке. Если кто-то снова вмешается, я лично врежу ему. Надеюсь, я понятно изъясняюсь?"

В толпе пробежал легкий шумок удивления и в то же время одобрения. Заккур Барстоу продолжал:

— По рекомендации Ральфа Барстоу опекуны в течение трех последних месяцев незаметно пытались убедить саморазоблачившихся должностных пройти курс гипноза. В целом эти попытки были успешными. — Он снова остановился.

— Зак, нельзя ли поживее? — попросил его Лазарус. — Всех ли удалось зацелить?

— Нет. По крайней мере, я знаю двоих братьев, которые точно не получили такой защиты.

Лазарус задумался: "Это меняет дело".

— Братья, игра окончена. Один укол какого-нибудь дрянного наркотика, и они узнают все о "Маскараде". Ситуация изменилась или может измениться в считанные часы. Я предлагаю обсудить это и выработать план действий.

В диспетчерской ракетной службы Южного полушария застучал телетайп. Оторвав листок, робот прикрепил его на панель прямо перед экипажем. Второй пилот, который находился ближе других, оторвал листок и пробежал его глазами. Ужас застыл на его лице.

— Командир, соберитесь с духом.

— Что-нибудь случилось?

— Прочтите это.

Капитан прочел послание и тихо присвистнул.

— Вот это да! Я ведь никогда никого не арестовывал. Я даже не видел, как это делается. Какие будут предложения?

— Я преклоняюсь перед вашим авторитетом.

— Да неужели? — съязвил капитан. — Вместо того, чтобы подлизываться, лучше пойдн и арестуй их.

— М-м... Я же не это имел в виду. Ведь вы располагаете всеми полномочиями. Я подменю вас у руля.

— Ты меня не понял. Я передаю тебе полномочия. Иди и прикажи это сделать.

— Но, Эл, я ведь не обязан...

— Выполняй приказ!

— Слушаюсь, сэр!

Пилот направился в кормовую часть. Корабль как раз вошел в плотные слои атмосферы — все в нем тряслось и грохотало. "Интересно, как будет выглядеть арест во время свободного падения,— подумал он. — Наверное, придется ловить пассажира сачком для бабочек?"

Он вычислил пассажира по бортовому журналу, подошел и положил ему руку на плечо.

— Служба, сэр. В наши документы вкралась опечатка. Могу ли я взглянуть на ваш билет?

— Пожалуйста, прошу вас.

— Не могли бы вы пройти со мной в соседнюю каюту? Там нас никто не потревожит.

— Да, конечно.

Они перешли в спальню командира, и пилот предложил пассажиру сесть. Внезапно он стукнул себя по лбу: "Это же падо! Я забыл список в диспетчерской!" — и выбежал из комнаты. Дверь закрылась, и пассажир услышал щелчок. Забеспокоившись, он попробовал повернуть рукоятку. Дверь была заперта.

В Мельбурне за ним пришли два проктора. Покидая в их сопровождении космопорт, он слышал обрывки фраз, которые бросала ему вслед любопытная и на удивление враждебно настроенная публика.

— Вон, смотри, это один из них!

— Правда? Но он же совсем не старый.

— Ну что ты уставился, Герберт?

— А почему бы и нет? Совсем недурно для его возраста.

Его отвели в военную комендатуру.

— Итак, сэр,— сказал начальник военной полиции, предлагая арестованному сесть,— я думаю, вы нам можете, разрешив сделать вам маленький укол...

— А в чем тут дело?

— Ведь вы же хотите помочь обществу, — продолжал полицейский непрерываемым тоном. — Вы даже не почувствуете боли.

— Я требую объяснений! Имейте в виду, что я — гражданин Соединенных Штатов.

— Безусловно, однако Федерация распространяет свою юрисдикцию на любое государство, участвующее в Системе, а я выполняю ее распоряжение. Прошу вас облажить руку.

— Я отказываюсь и настаиваю на своих гражданских правах.

— Взять его!

Четверо дюжих мужчин схватили его, но не успел шприц коснуться руки арестованного, как пассажир сразу обмяк и перестал сопротивляться.

Офицеры напряженно следили за действием наркотика. Наконец главный инспектор осторожно приподнял веко задержанного должителя и заключил: "Пожалуй, парень готов. Кстати, он быстро потерял в весе — на него сильно подействовало средство. У кого список вопросов?"

Заместитель передал ему вопросник, и допрос начался.

— Хорас Фут, вы слышите меня?

Губы арестованного зашевелились, казалось, он вот-вот заговорит, но вдруг его передернуло и из горла хлынула кровь.

Инспектор вскочил и резко запрокинул голову мужчины.

— Быстро зовите врача! — заорал офицер. — Парень умудрился откусить себе половину языка!

Прочитав радиogramму от начальства, капитан шаттла "Лунный луч" чертыхнулся.

— Это что еще за детские забавы? — рявкнул он, зло глядя на помощника. — Нет, ты только почитай!

Помощник капитана не успел прочитать ничего, кроме заголовка радиogramмы, потому что капитан продолжал трясти рукой: "... Необходимо обеспечить, чтобы вышеупомянутые лица не смогли нанести себе увечья, — наконец

зачитал он послание вслух. — *Вам надлежит доставить подозреваемых даже в бессознательном состоянии, не предупреждая их*. — Капитан со злостью пихнул клочок бумаги в сторону: "Чем они думают? И кто они такие, чтобы приказывать на моем корабле, как поступать с моими пассажирами! Нет уж, увольте! Ведь нет закона, который обязывал бы меня это делать! Ну что ты стоишь, как истукан?!"

Помощник невозмутимо глядел куда-то в сторону.

Остановившись посреди комнаты, капитан включил селектор:

— Начальника хозчасти ко мне!

— Я здесь, капитан!

— Почему нас никогда не дозовешься, черт возьми?

— Я все время был здесь, сэр.

— Не возражать! Вот, ознакомьтесь. — Капитан передал послание и резко вышел.

По команде начальника группы в одной из кают был отключен кондиционер, и двое пассажиров мирно заснули под воздействием смертельной дозы незаметно распыленного усыпляющего газа.

— Еще одно сообщение, сэр.

— Когда все это кончится? — вздохнул Администратор.

— Советник Борк Ваннинг приветствует вас и хочет побеседовать.

— Скажите ему, что я, к сожалению, занят.

— Он настаивает на встрече с вами, сэр.

Администратор Форд резко оборвал:

— Тогда скажите достойному господину Ваннингу, что в моем учреждении он не уполномочен давать распоряжения!

Помощник ничего не ответил; Администратор Форд устало склонил голову на руки и продолжил:

— Нет, Джерри, не говорите ему этого. Будьте дипломатом... но не пускайте его сюда.

— Слушаюсь, сэр.

Оставшись наедине, Администратор снова пробежал глазами доклад: *"Краткая запись беседы с условно осужденным гражданином Артуром Сперлингом (полная стенограмма прилагается). Условия допроса: субъект получил дозу препарата нео-ско, перед этим ему введена ненорми-*

рованная доза гипнотического газа. Применение противоядия ("Как отучить этих клерков от многословия, — подумалось ему. — Почему-то мелкие чиновники всегда стремятся к высокопарному стилю") дало следующие результаты. Илья задержанного — Артур Сперлинг из Клана Футов; возраст — сто тридцать семь лет (внешне ему можно дать сорок пять плюс—минус четыре года: медицинское заключение прилагается). Субъект признал, что является членом Кланов Говарда. Он заявил, что в Кланах насчитывается немногим более ста тысяч человек. Когда ему возразили, что настоящее их число составляет около десяти тысяч, он настаивал на своем первоначальном утверждении".

Администратор перечитал этот абзац еще раз и задумался. Пробежав текст глазами, он, наконец, нашел ключевую информацию: "... настаивал на том, что его долголетие является не чем иным, как результатом наследственности. Он признал, что для сохранения постоянной внешности применялись искусственные средства, но категорически утверждал, что его долголетие врожденное, а не приобретенное. На высказанное предположение, что его родители могли без ведома субъекта подвергнуть его лечению с целью увеличения продолжительности жизни, он ответил положительно, что допускает такую возможность. Когда у него стали спрашивать имена лиц, которые могли выполнить или продолжают выполнять до сих пор такого рода операции, он стал настаивать на предыдущем утверждении, что такого рода медицинской обработки не производится.

Он указал имена, а в некоторых случаях и адреса около двухсот своих сородичей, которые ранее не значились таковыми по нашим документам (список прилагается). Во время сеансов силы покинули задержанного, и он впал в глубокую апатию, из которой его невозможно вывести никакими известными стимуляторами (справка прилагается).

Заключение по результатам ускоренного анализа по методу аппроксимации Келли-Холмса: запрашиваемый субъект не имеет сведений и отрицает существование предмета поиска. Он не помнит случаев его применения, но в этом он ошибается. Сведения о предмете поиска сконцентрированы у небольшой группы (ее состав — предположительно двадцать человек). Члена этой элитной группы можно

определить, применив методику трехкратного поиска при помощи взаимной конкатенации. Возможность эффективного поиска рассчитана на основании двух предположений: топологическое социальное пространство непрерывно и включено в физическое пространство Западной Федерации; существует по крайней мере один вид связи между арестованными субъектами и элитной группой. Ни одно из этих предположений невозможно проверить в данный момент, однако первая версия во многом подтверждается статистическим анализом имен членов Кланов Говарда, названных Субъектом и ранее остававшихся вне подозрения. Что касается второго предположения, то получается, что элитная группа, обладающая предлогом поиска, смогла использовать его, не вступая в социальный контакт, что само по себе абсурдно.

Предполагаемое время поиска составляет 71 час плюс—минус 20 часов, что пока не подтверждено экспертной комиссией".

Форд бросил рапорт прямо на контрольную панель: "Кретины! Не узнать этого человека тогда, когда они уже его почти вычислили! И они еще называют себя психографами!" Закрыв лицо руками, он в крайнем изнеможении опустил на стул.

Лазарус постучал по кафедре прикладом своего бластера, призывая присутствующих к порядку.

— Не перебивайте выступающего, — пригрозил он и добавил: — Продолжайте, но как можно короче.

Бертрам Харди вежливо кивнул:

— Я повторяю: эти людишки, которые нас окружают, не заслуживают ни малейшего снисхождения. Мы должны вести себя с ними осторожно, хитро и коварно. А когда мы наконец соберемся с силами, то нанесем удар! Беспокоиться об их благополучии нам нужно ровно настолько, насколько охотнику нужно предупреждать зверя о своем приближении.

С задних рядов послышался оглушительный свист. Лазарус вновь ударил по столу. Харди невозмутимо продолжал:

— Так называемый человеческий род разделился на две части, и пришло время открыто заявить об этом. С одной стороны, есть *homo vivens*, то есть мы... С другой стороны,— *homo moriturus*! И в этом они подобны серым

ящерицам, саблезубым тиграм и бизонам, их дни сочтены! Мы не будем больше смешивать нашу живую кровь с их жалким подобием крови — это было бы равносильно скрещиванию с обезьянами! Я предлагаю покончить с ними: рассказать им какую-нибудь сказочку, заверить в том, что мы откроем для них источник вечной молодости. Мы выиграем время, вступим в бой с недолговечными (а они его неизбежно спровоцируют) — и победим!

Аплодисментов не последовало, но Лазарус про себя отметил, что некоторые присутствующие колеблются. Идеи Бертрама Харди противоречили многолетнему образу мышления, однако теперь его слова поправились многим. Лазарус не верил в судьбу; он верил., впрочем, это неважно, но он подумал о том, как бы выглядел брат Бертрам, будь у него сломаны обе руки.

Ева Бартоу попросила слова.

— Если это именно то, что подразумевает Брат Бертрам под выживанием сильнейших, — с горечью заметила она, — то я предпочитаю быть на стороне слабых. Я не могу согласиться с тем, чтобы жить за счет наших несчастных соседей. Более того, очевидно, наше присутствие, сам факт нашего богатого наследия наносит моральный ущерб недолговечным. Долголетие и огромные возможности заставляют наших соседей думать о том, что их лучшие побуждения тщетны, и единственное, что им остается — это безнадежно бороться против неизбежной смерти. Жизнь рядом с нами отбирает у несчастных силу и наполняет их паническим страхом смерти.

Поэтому я предлагаю план. Давайте обнаружим себя, расскажем всю правду и потребуем себе места на Земле, какой-нибудь маленький уголок, где мы могли бы жить отдельно. Если наши несчастные друзья захотят окружить нас большой стеной, наподобие той, что воздвигнута в Ковентри, — пусть так и будет. Это лучше, чем никогда не видеть друг друга.

Некоторые из присутствующих уже были готовы поддержать эту идею, но в разговор вступил Ральф Шульд.

— Не отвергая плана Евы в целом, я хочу высказать мнение профессионала. Психологического обособления, о котором она говорит, не так-то легко добиться. Современные средства связи...

— Тогда нам нужно улететь на другую планету! — возразила она.

— Куда? — спросил Бертрам Харди. — На Венеру? Лучше я поселюсь в парилке. Или на Марсе, где уже все ресурсы исчерпаны и делать больше нечего.

— Нет, по крайней мере не при нашей с тобой жизни. Дорогая Ева, ваша сердечная доброта вызывает уважение, но, к сожалению, в вашем предложении мало смысла. В Солнечной галактике есть только одна планета, пригодная для жизни, где мы с вами сейчас и находимся.

Что-то в словах Бертрама Харди привлекло Лазаруса Лонга, у него мелькнула неясная мысль. Совсем недавно он слышал или даже сам говорил нечто подобное, буквально каких-то два—три дня назад. Это было связано с его первым космическим путешествием более ста лет назад. Вот черт! Опять подвела память... Нет, это не к добру.

И тут он вспомнил. Ну конечно же, космический корабль! Мажзвездная станция, курсирующая между Землей и Луной, которую сейчас заканчивают конструировать в космосе.

— Друзья мои, — начал он, — прежде чем мы станем обсуждать идею поселения на другой планете, давайте рассмотрим иные возможности. — Он подождал, пока стихнет гул в зале. — Вы задумывались когда-нибудь над тем, что планеты, которые вращаются вокруг нашего Солнца, — это еще не конец Вселенной?

Воцарившуюся тишину нарушил Заккур Барстоу.

— Лазарус, вы это серьезно?

— Уж куда серьезнее...

— Что-то не похоже. Может, вы нам объясните?

— Попробую. — Лазарус оглядел собравшихся. — Неподалеку от Земли в открытом космосе строится станция — просторный корабль для межпланетных перелетов. Почему бы нам не воспользоваться этим и не поискать себе пристанища?

Первым пришел в себя Бертрам Харди.

— Возможно, это одна из новых оригинальных шуток нашего председателя, но если он говорит серьезно, то я хочу высказать свои соображения. Я возражал против Марса, а сейчас буду возражать в десять раз больше. Насколько я знаю, безрассудные мечтатели, которые сейчас конструируют эту станцию, собираются воспользоваться ею лет через сто. И тогда, может быть, их внуки и найдут какую-нибудь планету. Очень не хочется болтаться целое

столетие внутри стальной посуды, да я и не собираюсь жить так долго. Нет, я выхожу из игры.

— Дело ваше, — заметил Лазарус. — Энди Либби, где ты?

— Я здесь, — поднялся Либби.

— Попрошу выйти на середину. Тебе приходилось участвовать в конструировании нового корабля для кентаврийцев?

— Нет...

Лазарус обратился к собратьям.

— Это решает дело. Если Энди не приложил своих рук к созданию двигателя, то эта посуда не сможет двигаться быстро. Парень, надо заняться этой проблемой. Вполне возможно, нам это понадобится.

— Но, Лазарус, вы ведь не хотите сказать, что...

— А что, и теоретически это невозможно?

— Вы же знаете, что теоретически — да, но ведь...

— Тогда лучше запусти свой котелок на полную мощность и постарайся решить проблему.

— Попробую. — Либби потупил взгляд.

— Минуточку, Лазарус, — вклинился Заккур Барстоу. — Мне нравится это предложение, и я считаю, что его нужно подробно обсудить и не поддаваться паническим настроениям Брата Бертрама.

Даже если Брат Либби потерпит полное фиаско, хотя я никогда не поверю в это, ведь все-таки немалого смыслу в механике, даже тогда я предпочту целое столетие жить по-человечески, не испытывая чувства страха. Большинство из нас, периодически погружаясь в анабиоз и частично меняя экипаж, все-таки смогут завершить перелет. Есть свой резон...

— И вы думаете, — перебил его Бертрам, — что они позволят нам укомплектовать станцию своими людьми?

— Берг, — холодно ответил Лазарус, — когда хочешь выступить, нужно взять слово у председателя. Ты даже не являешься представителем Клана. Это последнее предупреждение.

— Как я уже говорил, — продолжал Барстоу, — есть свой резон в том, чтобы именно мы, долгожители, осваивали далекие миры. Какой-нибудь мечтатель мог бы сказать, что в этом и заключается наше истинное предназначение. — Он задумался. — Что касается корабля, о котором говорит Лазарус, то они, пожалуй, не позволят

завладеть им. Но ведь Кланы обладают большим богатством. И если нам потребуется корабль или несколько кораблей, неужели мы не сможем построить их или хотя бы заплатить за их создание? Лучше бы нам это сделать — другого пути может просто не оказаться, если им взбредет в голову нас уничтожить.

Последние слова Барстоу проговорил как-то тихо и очень грустно: в голосе его звучала скорбь. Присутствующих как громом поразило: все было настолько неожиданным, что большинство не представляло себе даже последствий. А что, если им не удастся найти выход, который бы устраивал недолговечных?

Сейчас, когда горькая правда прозвучала из уст старшего Опескуна, они осознали, что, возможно, Кланы будут полностью уничтожены — их могут выследить и убить.

— Ну что ж, — Лазарус прервал затянувшуюся паузу. — Давайте будем искать выход.

В ту же минуту в комнату ворвался связной, бросился к Заккуру Барстоу и зашептал ему что-то на ухо. Потрясенный услышанным, тот попросил повторить, затем прошел на трибуну к Лазарусу и тихо сказал пару слов.

— Объявляется перерыв, — закончил Лонг изменившимся голосом. — Подумайте над своими предложениями, а заодно и отдохните. — Он полез в карман, достал сигарету и закурил, глядя на быстро удалявшуюся фигуру Заккура.

— Что случилось? — с тревогой в голосе поинтересовался кто-то из присутствующих.

Лазарус затянулся: "Нам придется немного подождать. Я еще ничего не знаю. Но полдесятка предложенных сегодня вариантов нашего спасения можно не обсуждать. Ситуация снова изменилась, насколько — сказать пока невозможно".

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, — медленно сказал Лазарус, — что Администратор Федерации желает немедленно поговорить с Заком Барстоу. Он назвал его имя... и позвонил на нашу секретную телефонную станцию.

— Но ведь это невозможно!

— И тем не менее — это правда.

По пути к видеофону Заккур Барстоу пытался хоть немного успокоиться и сосредоточиться.

На другом конце провода distinguished Слейтон Форд пытался сделать то же самое — немного успокоиться и поразмыслить. Он знал себе цену. Его длительная и блистательная карьера с годами увенчалась должностью Администратора Совета. В рамках Соглашения Форд возглавлял Западную Администрацию, и он знал, что ему нет равных в деле ведения переговоров.

Но в этот раз все было по-иному.

Как может выглядеть человек, который прожил вдвое больше обычного землянина? К тому же, опыт взрослой жизни которого превышает опыт самого Форда в четыре или даже пять раз? Слейтон хорошо помнил, как менялись его взгляды по мере того, как он взрослел. Он знал, что мальчик или подающий надежды юноша не может идти ни в какое сравнение с умудренным опытом мужчиной, каким он был сейчас. Так чего можно было ожидать от Барстоу? Наверное, он самый способный, самый целеустремленный из всей группы. Как же можно предугадать мысли и намерения этого человека?

Форд был уверен только в одном: он не собирается продавать Манхэттэн-Айленд и не позволит, чтобы неотъемлемое право людей на продление жизни зависело от горстки наглецов.

Несколько мгновений, после того как зажегся экран, Форд изучал лицо Барстоу. Правильные черты, волевой взгляд... Такого вряд ли проведешь. А между тем этот мужчина выглядел довольно молодо — даже моложе, чем сам Форд!

Он прогнал подсознательно преследовавший его образ собственного отца, который слыл нестигаемым и жестким человеком, и понемногу внутреннее напряжение начало спадать.

— Вы гражданин Заккур Барстоу? — негромко, но твердо спросил он.

— Да, господин Администратор.

— Вы являетесь высшим должностным лицом Кланов Говарда?

— Я в настоящее время являюсь основным представителем Фонда наших Кланов. Но я скорее подотчетен своим братьям, а не руковожу ими.

Форд сознательно проигнорировал это заявление.

— Мне представляется, что ваша должность предполагает руководящие функции. Я ведь не могу беседовать с тысячами граждан одновременно.

Барстоу и бровью не повел. Он понял ход игры противника: они знали точное число членов Кланов, но сознательно сократили его. Заккур даже свылся с той мыслью, что местонахождение секретного штаба Кланов уже не представляет особой тайны, и, что еще более удручающе, Администратор знает, как вклиниться в их частную систему связи. "Откуда такая точная у них информация? Видимо, они все-таки схватили нескольких собратьев и те вынуждены были заговорить".

"Да, именно так и произошло, — предположение сменилось уверенностью. — Теперь они знают о нас все. Блефовать бесполезно, но и раскрывать новую информацию тоже не стоит. Они все же многого не знают".

Барстоу не стал медлить с ответом.

— О чем вы хотели поговорить со мной, сэр?

— О политике Администрации по отношению к вашим сородичам. В том числе и о благополучии ваших собратьев.

Барстоу пожал плечами.

— Что мы можем обсуждать? Согласие нарушено, а вы наделены полномочиями делать с нами все, что угодно, лишь бы выжать из нас секрет, которого просто не существует. Единственное, что нам остается, — это молить о пощаде.

— Ну зачем же вы пытаетесь обмануть меня! — Форд не скрывал своего раздражения. — У нас с вами общая проблема. Давайте ее открыто обсуждать и пытаться найти решение.

Барстоу медленно произнес:

— Да, я хотел бы уладить это дело. И вы, думаю, тоже. Но вся проблема заключается в том, что вы исходите из ложных посылок, будто мы, Клан Говарда, умеем продлевать человеческую жизнь. Но мы понятия не имеем, как это делать.

— Предположим, что я вам поверил. Что дальше?

— Я бы тоже хотел вам верить. Но почему же вы тогда участвуете в преследовании моих людей? Вы же гоняете нас, как крыс.

Форд сухо заметил:

— Существует старая, как мир, притча об одном теологе, которого попросили примирить доктрину Божественного

всепрощения с Концепцией проклятия младенцев. "Всевышний, — пояснил он, — считает необходимым делать то, что входит в его официальную компетенцию, а в душе он сожалеет об этом".

Барстоу улыбнулся: "Я понял вашу аналогию. Вы считаете, что она здесь уместна?"

— Думаю, что да.

— Но вы ведь мне позвонили не для того, чтобы принести извинения от имени палачей?

— Конечно, нет. Вы следите за политической обстановкой? Впрочем, вам это нужно по долгу службы.

Барстоу кивнул, и Форд продолжил свой рассказ.

Во время действия Соглашения его Администрация находилась у власти больше других. Форд пережил правление четырех Советов. Но сейчас его положение было столь зыбким, что он не стал выяснять степень доверия к себе. Если бы он отказался выполнять решение Совета и поставил вопрос о восторге доверия, то Форда выпытали, и на его место пришел бы лидер нынешней оппозиции.

— Вы меня поняли? Я могу либо остаться в должности и постараться решить проблему, либо уйду, и всем этим будет заниматься мой преемник.

— Насколько я понимаю, вы ведь не спрашиваете у меня совета?

— Боже упаси. По крайней мере, не по этому вопросу. Я уже принял решение. Постановление Совета будет выполнено в любом случае если не мной, то господином Ваннингом. Я решил, что это лучше сделать мне. Вопрос только в том, могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Барстоу колебался, вспоминая все, что он знал о карьере Форда. Длительный период его правления справедливо считался Золотым веком государственности. Будучи мудрым и практичным человеком, Форд идеи прав и свобод человека, выдвинутые Новаком, воплотил в реальные законы. Это была эпоха действия Соглашения и добропорядочности, принципы цивилизованности, казалось, уже утвердились навсегда.

Но в то же время нарастали отрицательные тенденции, и Барстоу понимал причины их возникновения ничуть не хуже, чем Администратор. Когда одних людей начинает чрезмерно беспокоить исключительность других, тогда создается благоприятная обстановка для процветания

мошенников, демагогов и диктаторов. Кланн Говарда, сами того не желая, способствовали возникновению кризиса в общественной морали, от которого они же и пострадали. То, что "секрета" на самом деле не было, уже никого не интересовало.

Кто-то, а Форд хорошо понимал ситуацию.

— Мы поможем, — неожиданно ответил Барстоу.

— Хорошо. Чего бы вы хотели?

Заккур все еще сомневался.

— Можно ли хоть как-то приостановить эту гнусную акцию, я имею в виду нарушение Соглашения?

— Сейчас уже слишком поздно, — покачал головой

- Администратор.

— И что, даже если вы пойдете к людям и расскажете им...

Форд не стал слушать дальше.

— Я не успел бы еще закончить свою речь, как меня бы освободили от должности. И ко всему прочему, мне никто не поверит. Поймите меня правильно, Заккур Барстоу: как бы я ни сочувствовал вам и вашим людям, я все равно не стал бы этого делать. Нанна с вами проблема напоминает мне разъедающую наше общество заразную болезнь; от нее нужно избавиться. Да, меня вынудили это сделать, но обратного пути нет. Я просто обязан принять решение.

Барстоу опять возразил:

— Но ведь моих людей преследуют.

— Ваши люди, — решительно произнес Форд, — составляют одну десятую всего населения, а мне нужно найти такое решение, которое устраивало бы всех! Что вы скажете по этому поводу?

— Пожалуй, выбора у меня нет...

— Не только у вас, но и у меня, — заметил Форд. — Я вам обещаю, что аресты, допросы будут проводиться как можно гуманнее. Я ведь подчиняюсь приказам.

— А если попытаться с помощью пропагандистских средств убедить людей, что никакого секрета не существует?

— Подумайте сами, реально ли это?

— Да, пожалуй, нет, — вздохнул Барстоу.

— Даже если бы это было возможно, вряд ли кто-нибудь поверил. Ведь большинство людей, даже мои помощники, убеждены в существовании Источника Молодости. Потому

что альтернатива этому слишком печальна. Вы подумали, что будет значить для них подобное крушение надежд?

— Продолжайте.

— Для меня Смерть приемлема только потому, что она — великий демократ и ко всем относится одинаково. Однако сейчас у Смерти появились свои любимчики. Заккур Барстоу, можете ли вы понять черную зависть обыкновенного пятидесятилетнего мужчины, у которого перед глазами пример вашего коллеги? Ведь если поразмыслить, то из этих пятидесяти лет двадцать он практически ребенок, а профессионализм приходит к нему после тридцати пяти. Прежде чем он утвердился в жизни и станет уважаемым человеком, ему уже сорок. Следовательно, он чего-то стал добиваться в жизни только в последние десять лет.

Форд весь подался вперед и продолжал.

— А когда он уже достиг своей цели, что он получает в награду? Зрение начинает подводить его, юношеский задор угас, да сердце и почки пошаливают. Он еще не очень стар, но... уже чувствует приближение первых холодов. Он знает, что его ждет, слишком хорошо знает!

— Но ведь это неизбежно, и каждый понимает это.

— И вот появляетесь вы,— с горечью в голосе проговорил Форд. — Вы упрекаете его за слабость, вы унижаете его в глазах собственных детей. Он уже не строит планов на будущее, тогда как вы можете спокойно приниматься за проблемы, решение которых потребует даже не пятидесяти, сотен лет! Неважно, каких успехов он достиг, вы все равно сравняйтесь с ним, превзойдете его — и все из-за того, что вам суждено гораздо больше прожить. Вы как бы снисходительно прощаете его слабость... Можно ли после этого вас любить?

Барстоу устало поднял голову.

— А вы, Слейтон Форд, вы ненавидите меня?

— Нет. Я не могу себе позволить роскошь кого-либо ненавидеть. Но вот что я вам скажу, — в его голосе появилась твердость. — Если бы вы действительно обладали секретом, я бы разорвал вас в клочья, но вытряс его из вас.

— Вас можно понять. — Барстоу задумался на несколько мгновений. — Мы, то есть Клан Говарда, мало что можем сделать. Мы не были инициаторами этого — все решили за нас. Однако мы можем предложить лишь одно.

— И что же?

Барстоу пояснил свою мысль, однако Форд отрицательно покачал головой.

— То, что вы предлагаете, с медицинской точки зрения — возможно. И я не сомневаюсь, что если вы поделитесь хоть частью своего генофонда, увеличится средняя продолжительность жизни. Но даже если наши женщины и согласятся на искусственное оплодотворение, в чем я не уверен, это будет означать психологическую смерть для наших мужчин. Безысходность и ненависть могут привести к расколу, а затем и к гибели человечества. Нет, сколь бы ни были благородны ваши порывы, устоявшихся обычаев нарушать мы не сможем. Нельзя же обращаться с мужчинами, как с животными, — они нам этого не позволяют.

— Я знаю, — согласился Барстоу, — но это все, что мы можем предложить.

— Наверное, вас стоило бы поблагодарить, но я лично чувства благодарности не испытываю. Давайте будем практичными людьми. Все вы, несомненно, заслуженные и уважаемые люди, но как социальная группа вы столь же опасны, как носители чумы. Поэтому вас следует изолировать.

Барстоу кивнул:

— Мои братья пришли к такому же решению.

Форд с едва заметным облегчением вздохнул:

— Я рад, что вы размышляли над этим.

— Но что мы можем сделать, как помочь самим себе? Выделиться в отдельную колонию? Где-нибудь в глухом месте, в котором сами потом начнем вымирать, скажем, на Мадагаскаре? Или снова занять Британские острова, отстроить их заново и колонизировать Европу по мере снижения уровня радиоактивности?

— Это невозможно, — возразил Администратор. — Тогда подобной проблемой придется заниматься моим внукам. А к тому времени ваша мощь может возрасти, и вы сможете победить нас. Нет, Заккур Барстоу, вы и ваши братья должны покинуть нашу планету навсегда.

Барстоу помрачнел.

— Я знал, что этим кончится. Так куда же нам податься?

— Выберите что-нибудь в Солнечной системе.

— Но где? Венера — это не подарок, но даже если мы захотим перебраться туда, то примут ли нас? Венерианцы

не подчиняются Земле, это было решено еще в 2020 году. Конечно, сейчас они принимают эмигрантов-изгоев в соответствии с Четырехпланетной Конвенцией... Но захотят ли они поселить там сотни тысяч землян, которые представляют для них опасность? Абсолютно не уверен.

— Согласен. Лучше выбрать другую планету.

— Но ведь вам известно, что во всей системе нет другой планеты, где может поддерживаться жизнь в нынешних ее формах. Потребуется нечеловеческие усилия, даже при наличии средств и самой современной техники, чтобы создать минимальные условия для существования.

— Нужно постараться. Для этого денег мы не пожалеем.

— Не сомневаюсь. Но неужели вы считаете, что такое решение более перспективно, чем выделение нам резервации на Земле? Не покончите ли вы с перелетами в один прекрасный момент?

Форд неожиданно выпрямился в кресле:

— Что ж, я понял вас! Я пока не думал об этом, но давайте обсудим и такую возможность. Вы считаете, что лучше остаться на Земле и воевать, чем улететь? История знает немало таких примеров.

— Да, когда венерианцы свергли иго земных правителей. Но теперь все нормализовалось, Луна-Сити отстроен вновь. И тоннаж космических грузовых перевозок вырос в десятки раз. Можете вы их остановить? И если да, то что из этого выйдет?

Форд прокручивал ситуацию снова и снова. Он не мог остановить космическое движение — этого не смог бы сделать ни один Администратор. Но можно ли запретить посещать планету, где поселятся долгожители? Да и поможет ли это? Пусть даже сменится одно, два или три поколения — что это изменит? В древности Япония пыталась самоизолироваться, и все равно чужаки все плыли и плыли к ее берегам. Ведь нельзя навечно изолировать культуры друг от друга. А когда они взаимодействуют, то более сильная подавляет слабую. Это — закон.

Постоянная и абсолютная изоляция невозможна. Так что остается только один выход. И очень непопулярный. Однако Форда это не остановило: он умел принимать нестандартные решения. Он уже прикидывал различные варианты и даже забыл о том, что Барстоу по-прежнему

на связи. Если местонахождение Кланов Говарда уже известно начальнику военной полиции, то не пройдет и часа, от силы двух—трех, как их накроют. Даже если у должностных мощные системы защиты, это лишь вопрос времени. Те, кто будет арестован в Поместье, выведут на других членов Кланов. А если все сложится удачно, то они будут в его руках в течение одних суток.

Единственное, о чем он пока раздумывал — уничтожать их сразу либо просто стерилизовать. Каждый вариант решит проблему; третьего не дано. Но какой из вариантов более гуманный?

Форд знал, что на этом его карьера закончится. Он будет освобожден от должности с позором, возможно, его отправят в Ковентри, но об этом думать не хотелось. Он был способен идти на жертвы ради выполнения общественного долга.

Барстоу, конечно, не мог прочесть мыслей своего собеседника, но почувствовал, что Форд уже принял решение. И ясно представил себе, что оно могло означать для него и всех братьев. Он решил, что пришло время испробовать последнее.

— Господин Администратор!

— А? Ох, извините, я просто задумался. — Это было слишком мягко сказано: странно, что он все еще продолжает беседовать с человеком, которого мысленно уже приговорил к смерти. — Благодарю вас, Заккур Барстоу, за эту беседу. Извините, что заставил...

— Господин Администратор!

— Да, я слушаю вас.

— Я предлагаю вам вывезти нас за пределы Солнечной системы.

— Что? — Форд явно не ожидал этого. — Это вы серьезно?

Барстоу заговорил быстро и убедительно, развивая еще сырую концепцию Лазаруса Лонга и импровизируя на ходу.

— Возможно, что-нибудь и получится, — медленно сказал Форд. — Вы не упомянули о некоторых трудностях, скажем, о политических препятствиях и жесткой нехватке времени. И все же... можно попробовать. — Он поднялся из-за стола. — Возвращайтесь к братьям, но ничего пока не говорите об этом. Позже я свяжусь с вами.

Барстоу возвращался медленно, размышляя о том, что он скажет должителям. Они потребуют от него полного отчета и будут правы. Заккур твердо решил сотрудничать с Администратором до конца, если это давало хоть малейший шанс на спасение. Он направился в кабинет и попросил вызвать Лазаруса.

— Привет, Зак, — гаркнул Лазарус, входя в комнату.
— Ну, как прошли переговоры?

— Как говорится, с переменным успехом, — ответил Барстоу. — Решили, что.., — и он вкратце изложил содержание беседы. — Ты можешь вернуться и рассказать братьям и сестрам какую-нибудь историю, которая немого отвлекла бы их?

— Гм... Попробую.

— Тогда тебе лучше поторопиться.

Собравшиеся гудели, как пчелиный рой. Они забрасывали Лазаруса вопросами и не хотели расходиться.

— Где Заккур? Мы хотим все знать!

— Зачем понадобилась эта мистификация?

— Послушайте меня, кретины! — рявкнул Лазарус. — Зак выступит перед вами, как только будет готов, и не торопите его — он знает, что делает.

Какой-то мужчина крикнул:

— Я уезжаю домой!

— Сделайте милость, — съязвил Лазарус. — И передайте мои наилучшие пожелания прокторам.

Мужчина, смутившись, сел на место.

— Может быть, еще кому-то захотелось домой? — Лазарус обвел взглядом присутствующих. — Никто вас не держит. Но вы наконец должны понять своими куриными мозгами, что они объявили нас вне закона. Единственное, почему нас еще не схватили прокторы, это потому, что Заккур Барстоу умест заговаривать зубы Администратору. Делайте, что хотите... — сказал он всерьез. — Собрание объявляется закрытым.

Через несколько минут Лазарус снова был у Барстоу.

— Послушай, Зак, — забубнил он. — Давай обсудим все по порядку. Итак, Форд собирается воспользоваться своими чрезвычайными полномочиями, чтобы помочь нам забраться в один большой космический корабль и удрать. Я правильно понял?

— Он практически уже пообещал нам.

— Да-а... Тогда ему придется одновременно убеждать Совет, что все, что он делает — это всего лишь необходимый шаг, чтобы "выдавить" из нас секрет, то есть, он собирается их попросту надуть. Ведь так?

— Я об этом пока не думал.

— Но ведь это правда?

— Что ж... Вполне возможно.

— Хорошо. Скажи, понимает ли наш приятель Форд, какую авантюру он начинает и действительно ли это может у него получиться?

Барстоу вспомнил все, что он знал о Форде, и проанализировал свой недавний разговор с ним.

— Да, — решил он. — Администратор все понимает и готов пойти на риск.

— Ладно. А ты, дружище? Ты в этом тоже уверен? — Лазарус был настойчив, как никогда.

— Я? Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь тоже собираешься обмануть своих, правда? Не дрогнешь ли ты, если что-то получится не так, как тебе хотелось бы?

— Что-то я не понимаю тебя, Лазарус, — взволнованно ответил Барстоу. — Я ведь не собираюсь никого обманывать — уж во всяком случае не братьев по Кланам.

— А ты трезво оценил ситуацию, — безжалостно продолжал Лонг. — Тебе надлежит позаботиться о том, чтобы каждый мужчина, каждая женщина или ребенок участвовали в этом побеге. Не думаешь ли ты, что все сто тысяч долгожителей с радостью согласятся, причем единогласно? Ты же знаешь, что даже волки в стае не всегда держатся вместе.

— Но они будут вынуждены согласиться, — запротестовал Барстоу. — Другого шанса не будет. Либо мы улетим, либо они перестреляют нас. Я уверен, что Форд может нам помочь, более того, он гарантирует свою помощь.

— Тогда почему ты сам не пошел и не сказал об этом на собрании, а вместо этого предложил мне поговорить с братьями всякой туфты?

Барстоу почесал затылок.

— Я не знаю.

— Не знаешь? Тогда я скажу тебе, — настаивал Лазарус. — У тебя гораздо лучше работает интуиция, чем у многих —

голова. Ты послал меня рассказать им сказочку, потому что прекрасно знал, что правда далеко не всем понравится. Если бы ты сказал им, что нам нужно убираться, иначе нас тут перебьют, одни впали бы в панику, другие стали упрямиться, а кто-нибудь из старейшин как истеричная баба настаивал бы на своих правах в соответствии с Соглашением. И разболтал бы о наших планах раньше, чем понял, что правительство играет с нами в кошки-мышки.

Барстоу пожал плечами и грустно улыбнулся.

— Ты прав. Я даже этого не сообразил. Конечно же, ты прав.

— Но ты это предвидел, — продолжал Лазарус. — У тебя уже были готовы ответы. Зак, я преклоняюсь перед твоей интуицией и поэтому пойду за тобой. Вы с Фордом хотите надуть всех на планете, но я желаю еще раз спросить: хватит ли у тебя мужества пройти все до конца?

5

Разбившись на группы, должители взволнованно обсуждали случившееся.

— Ничего не понимаю, — говорила заведующая архивом Кланов собравшимся вокруг нее. — Старший Опекун никогда раньше не вмешивался в мою работу. Но сегодня он ворвался прямо в мой офис вместе с этим Лазарусом Лонгом и приказал убираться восвояси.

— Что же он сказал? — заинтересовался один из слушателей.

— Ну, я-то спросила его: "Чем могу быть вам полезна, Заккур Барстоу?", а он мне в ответ: "Немедленно уходите отсюда и прихватите с собой сотрудников". Хоть бы вспомнил, что разговаривает с женщиной!

— Нашла на что жаловаться, — возразил ей другой голос. Это был Сесил Хедрик из Клана Джонсонов, главный инженер по связи.

— Сегодня ко мне нагрянул Лазарус Лонг и заявил, что теперь он будет здесь распоряжаться: мол, так приказал Барстоу. Я ответил, что никто не имеет права притрагиваться к приборам кроме меня и моих операторов. И вы знаете, что он сделал? Вы не поверите. Он вытащил бластер и стал угрожать мне!

— Вы шутите, Хедрик!

— Какие уж тут шутки? Я уверяю вас, Лазарус опасен. Ему обязательно нужно пройти психокоррекцию. Он явно прожил лишнее...

На мониторе Форда появилось взволнованное лицо Лазаруса Лонга.

— Все ли у вас готово? — спросил Лонг.

— Да, — подтвердил Администратор, настраивая переговорное устройство.

— Хорошо, — ответил Лазарус. — Я отключаюсь.

Экран погас, и Форд передал сообщение по системе внутренней связи: "Немедленно пригласите ко мне начальника военной полиции".

Чиновник, отвечающий за общественную безопасность, прибыл через несколько минут. Лицо его выражало досаду и почтение одновременно. Сегодня он провел самую беспокойную ночь за всю свою жизнь. И тем не менее Старик захотел, чтобы ему доложили обо всем лично. "А на кой черт тогда придуманы эти видеофоны? — со злостью думал он. — И вообще, чего это меня дернуло стать полицейским?" Он не смог скрыть своего дурного настроения, подчеркнутого официально приветствуя Администратора.

— Вызывали, сэр?

Форд как будто ничего не заметил.

— Да, благодарю вас. Вот, взгляните. — Он нажал кнопку, и из факсимилиатора выскочила катушка с намотанной на ней пленкой.

— Это полный список Кланов Говарда. Арестуйте всех.

— Слушаюсь, сэр. — Глядя на катушку, шеф полицейских всей Федерации лихорадочно соображал, нужно ли ему спрашивать, как она попала к Форду. То, что не через полицейское отделение, — так это факт. Может быть, существует еще одна разведслужба, о которой он ничего не знает?

— Списки составлены в алфавитном порядке, но разбиты по регионам, — сообщил Администратор. — После того, как их рассортируют, пришлите, лет, принесите мне их лично. Можно также прекратить допросы с применением психотропных средств, — добавил он. — Просто арестуйте их и держите взаперти. Новые инструкции получите позже.

Шеф военной полиции решил, что время проявлять любопытство пока не пришло.

— Слушаюсь, сэр. — Он отдал честь и вышел.

Форд снова повернулся к приборной панели и передал по селектору, что созывает всех руководителей отделов земельных ресурсов и транспортного контроля. Немного поразмыслив, он добавил к этому списку начальника отдела потребительских товаров и услуг.

А в это время в Поместье Кланов бурно продолжалось собрание Опекунов. Барстоу на нем не было.

— Мне это все не нравится, — сказал Эндрю Уизерол. — Я бы еще мог понять, если бы Заккур отложил свой отчет перед нами. Но не придти... Я был уверен, что он с нами проконсультируется. Что ты думаешь об этом, Филип?

Филипп Харди закусил губу.

— Не знаю. У Заккура своя голова на плечах. Но я согласен, что сначала ему следовало бы собрать нас всех и посоветоваться. Может, он хоть с тобой говорил, Джастин?

— Нет, — холодно ответил Джастин Фут.

— Так что же нам делать? Мы ведь не можем силой затянуть его сюда и заставить отчитаться перед нами. Это означало бы, что в случае отказа мы его сместим, а мне, честно говоря, этого пока не хочется.

Они бы еще продолжали сидеть, но дверь распахнулась, и в зал ворвались прокторы...

Когда слышались шум и крики, Лазарус все понял. Он прекрасно понимал, что нужно сдать и тем самым показать хороший пример. Но, увы, старые привычки так укореняются... Пытаясь оттянуть неизбежное, он юркнул в ближайшую мужскую душевую.

"Это — конец!" — Лазарус посмотрел на воздуховод. — Нет, слишком узок." На лбу выступил холодный пот. Лазарус полез в карман за платком и — о, чудо! — достал оттуда повязку того самого полицейского из Чикаго, которого они с Мэри хорошо "отделали".

Когда проктор из карательного отряда, которому было поручено осмотреть это крыло Поместья, заглянул в душевую, он обнаружил там еще одного "проктора".

— Здесь никого нет, — объявил Лазарус. — Я все проверил.

— Как ты мог понасть сюда раньше меня?

— С другого фланга. Прошел по тоннелю с Каменного острова, а потом по вентиляционной трубе. — Лазарус был уверен: полицейский не знает, что здесь нет никакого Каменного острова. — Огоньку не найдется?

— Какой огонек? Сейчас не время для перекуров.

— Плевать! — ответил Лазарус. — Мой шеф прохладится где-то в миле отсюда.

— Зато мой в двух шагах, — возразил проктор.

— Да? Ну, тогда ладно. В любом случае мне нужно ему кое-что сообщить.

Лазарус собрался было проскочить мимо, но проктор преградил дорогу. Он с подозрением смотрел на странную одежду своего собеседника. Лазарус вывернул кильт наизнанку, и издали его голубая подкладка походила на служебную униформу надзирателей.

— Так с какой ты станции, говоришь?

— С этой, парень, — ответил Лазарус, одновременно нанося удар в грудь полицейскому. В свое время один старшекласник учил маленького Лонга, что от удара в солнечное сплетение увернуться труднее, чем от удара в челюсть; тот парень погиб во время массовых беспорядков в 1966 году.

В новой униформе Лонг почувствовал себя гораздо увереннее, настоящим проктором. Форма не только была ему к лицу, но и сидела лучше, чем его прежний наряд. Перебросив через плечо связку гранат паралитического действия, он выбежал из душевой. Направо находился Приют (а это был тупик), поэтому Лазарусу ничего не оставалось, как пойти налево, хотя он знал, что наверняка натолкнется на шефа того парня, что остался лежать без сознания. По проходу он прошел в зал, куда прокторы загоняли долгожителей. Не глядя на своих собратьев, Лазарус направился к офицеру, руководившему операцией.

— Сэр, — начал он, отдавая честь. — Там внутри есть что-то похожее на больницу... Вам понадобится пятьдесят — шестьдесят носилок.

— Не отвлекайте меня, доложите своему начальству. У нас тут и так работы по горло.

Лазарус хотел было ответить, но вдруг поймал на себе взгляд Мэри Сперлинг. Она тут же отвела глаза. После секундного замешательства Лонг овладел собой и снова обратился к проктору:

— Я не могу, сэр. Моего шефа здесь нет.

— Тогда идите наверх и вызовите бригаду скорой помощи.

— Слушаюсь, сэр.

Лазарус с важным видом пошел к выходу, засунув большие пальцы рук за пояс кильта. Он шел по проходу, ведущему к тоннелю — единственному выходу наружу, в городок Воксган. И тут он услышал топот. Сзади бежали два проктора и что-то кричали на ходу.

Лонг остановился прямо перед входом в тоннель и спокойно стал ждать полицейских.

— Что случилось, ребята? — непринужденно спросил он.

— Шеф приказал нам... — Надзиратель не успел больше ничего промолвить: прямо у него под ногами взорвалась граната парализического действия. На лице проктора застыло удивление. Его коллега свалился рядом с ним.

Спрятавшись за дверью, ведущей в тоннель, Лазарус посчитал до пятнадцати:

— Первый — огонь! Второй — огонь! Третий — огонь!

Выждав еще пару секунд, пока закончится парализическое действие, он рванул вперед. И только тогда с досадой заметил, что его левую ногу задело взрывом.

Еще раз проверив, не очнулись ли двое прокторов, он поднялся вверх по тоннелю. Возможно, Лонга и не искали, так как никто из собратьев не выдал его. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что если кто-то и донесет на него, то уж во всяком случае не Мэри Сперлинг.

Чтобы выбраться на Свет Божий, ему понадобились еще две гранаты парализического действия и не меньше сотни крепких слов. Выйдя на поверхность, он засунул оставшиеся гранаты и повязку в карман, а патронган забросил высоко на дерево. Теперь нужно было добраться до ближайшего магазина одежды.

В первой попавшейся лавке Лазарус набрал код отдела кильтов. Просмотрев на мониторе образцы товара, каждый из которых расхваливал на все лады слащавый голос, он остановился на кильте гражданского покроя и уж, конечно, не голубого цвета и нажал на кнопку, заказав нужный размер. Увидев цену, он вставил в щель автомата кредитную карточку и потянул на себя рычаг. Пока заказ выполнялся, он с наслаждением курил.

Переодевшись и торопливо захватив форму проктора в мусорный ящик, Лазарус шагал дальше. Если бы

кто-нибудь в этот момент проходил мимо, то наверняка бы обратил внимание на стройного и элегантного мужчину.

Последний раз Лонг был в Вокегане лет сто назад, но довольно легко разыскал старинный мотель, без лишней суеты снял номер и завалился спать.

Он позавтракал в номере, вполуха прислушиваясь к громко работавшему телебоксу: как-никак, а ему было небезразлично, что говорят о налете на Поместье Кланов. Впрочем, сама информация интересовала его постольку поскольку — мысленно Лазарус уже был далеко. Только теперь он понял, какую грубую ошибку совершил, вернувшись в Семейство Говарда. Он искренне порадовался, что ему удалось избавиться от прошлого, а его новый образ не мог вызвать ни у кого серьезных подозрений.

Но его сладкие грезы вдруг прервала фраза, которую он услышал с экрана:

"... в том числе Заккур Барстоу, который считался вождем этих туземцев..."

Арестованных переправляют в резервацию, которая находится в штате Оклахома, недалеко от развалин Окла—Орлеанской магистрали, примерно в двадцати милях к востоку от Мемориального парка Гарримана. Начальник военной полиции называет это место "Ковентри в миниатюре". Он отдал приказ всем самолетам не подлетать ближе чем на десять миль к этому месту. С Администратором мы связаться не смогли, но наш надежный информатор внутри администрации сообщает, что массовые аресты были произведены с тем, чтобы ускорить расследование, в ходе которого, как ожидается, администрация получит секрет Кланов Говарда. Блестящая акция по аресту и вывозу всех членов группировки, объявленной вне закона, предпринята с целью предупредить нарушение законности. Эти отщепенцы должны наконец понять, что гражданскими правами, которые имеют в нашем обществе все благопристойные граждане, нельзя пользоваться для обмана и нанесения ущерба всему обществу.

Имущество членов этой преступной группировки по приказу Администрации передано в Общественный фонд, и на время их заключения попадет в распоряжение агентов..."

Лазарус выключил телебокс. "Вот черт, — подумал он. — Пожалуй, хватит тревожиться о том, чему ты помочь не в силах". Конечно, он ждал, что его тоже арестуют, но

судьба распорядилась иначе. Вряд ли от него была бы какая-то польза, очутись он вместе со всеми в тюрьме.

Можно даже считать, что им крупно повезло: ведь членов Кланов схватили всех сразу и поместили под стражу вместе. Если бы долгожителей вылавливали по одному, можно было бы ожидать чего угодно — линчевания, самосуда, даже погромов. Лазарус знал по своему опыту, как подвержено подсознание даже самых цивилизованных людей инстинкту ненависти и массовому психозу. Именно поэтому он посоветовал Заку не сопротивляться. К тому же, Зак и Администратор договорились собрать всю группу вместе, что позволит им осуществить свой дерзкий план.

Правда, Лазаруса интересовало, что сейчас делает Зак и что он может подумать об исчезновении своего компаньона. И как отреагировала Мэри Сперлинг — наверно, она тоже была шокирована, когда Лонг вдруг заявился и наделал шуму, как настоящий проктор.

Он пожалел о том, что не может ей всего объяснить.

Впрочем, его не слишком-то беспокоило, что думают обо всем этом долгожители. Очень скоро они будут за много световых лет отсюда... или мертвы. Вот и вся перспектива.

Лазарус включил видеофон и позвонил на почту.

— Говорит капитан Аарон Шеффилд, — сказал он и назвал свой почтовый индекс. — В последний раз я был зарегистрирован на военно-полевой почте базы Годдард. Пронту вас направить мою корреспонденцию по адресу... — нагнувшись, он прочитал кодовый номер почтового ящика гостиницы.

— Информацию принял, — подтвердил клерк на другом конце провода. — Немедленно передаю по инстанциям.

— Спасибо.

Он прикинул, что почту ему доставят часа через два, полчаса на перелет и еще в три раза больше времени займет бюрократическая волокита. Можно подождать и здесь. Несомненно, преследователи хорошенько отстали от него, но в то же время в Вокегане ему делать было нечего. Как только придет почта, он возьмет напрокат автолет и полетит... А, собственно, куда лететь? И что он сейчас собирается делать?

Лонг прокрутил в голове несколько вариантов и неожиданно для себя пришел к выводу, что во всей Солнечной системе не было такого дела, которым бы он действительно хотел заняться.

Это несколько обескуражило его. Однажды он слышал и в чем-то даже согласился с тем, что потеря интереса к жизни означала поворотный пункт в борьбе между анаболизмом и катаболизмом. А проще говоря — он постарел! Вдруг он позавидовал обычным недолговечным, которые в его возрасте могли себе позволить сидеть на шее у своих детей. Среди членов Кланов любовь детей к родителям не получила такого распространения. Ведь не стали бы вы поддерживать семейные отношения на протяжении сотен лет или даже больше. А дружба, за исключением привязанности между самими долгожителями, рассматривалась как нечто преходящее и незначительное. И сейчас Лазарус никого не хотел видеть.

Впрочем, нет... Когда-то на Венере Лонг дружил с одним плантатором, который знал очень много народных песен и громко гоготал после двух рюмок вина. Надо бы его навестить, подумал он. Хоть Лонг и не любил Венеру, но почему бы не прокатиться, если есть возможность?

Вдруг он вспомнил, что не видел этого парня Бог знает сколько лет. Наверняка, тот уже давно умер.

Лазарус подумал, что Либби был прав, когда говорил о необходимости разработки нового типа ассоциаций памяти для престарелых долгожителей. Хорошо, если бы парень успел провести необходимые исследования и изобрести нечто толковое, прежде чем Лазарус впадет в старческий маразм. Помечтав минуту—другую, он подумал, что теперь уже вряд ли когда-нибудь встретится с Либби. В номер принесли почту, но никаких важных сообщений в ней не было. Впрочем, ничего удивительного, ведь личных писем он и не ждал. Рекламные листки дружно полетели в мусоропровод. Из всех посланий его заинтересовало только письмо от фирмы "Пан-Терра Докин", в котором сообщалось, что его космический лайнер под милым названием "Дозорный" прошел капитальный ремонт и переведен на платную стоянку. Как он и просил, мастера ничего не трогали на пульте астронавигационного управления — этой конструкцией Лазарус очень гордился.

Лонг решил, что к вечеру сядет на корабль и полетит куда-нибудь в открытый космос. Это все же лучше, чем быть привязанным к Земле и ждать неизвестно чего.

Для того чтобы оплатить счета и взять напрокат реактивный самолет, Лазарусу понадобилось не более

двадцати минут. Он взлетел и направился на базу Голдгард, воспользовавшись уровнем местного движения, чтобы не выходить на контролируемые авиалинии, где следовало бы предъявить план полета. Не то чтобы он сознательно пытался избегать полиции, оснований для опасений по поводу возможных поисков "капитана Шеффилда" у него не было. Просто годами выработанная привычка, и к тому же данный маршрут был самым коротким.

Но еще задолго до прибытия на базу, пролетая над восточным Канзасом, он решил приземлиться.

Для посадки Лазарус выбрал летное поле неподалеку от маленького городка — здесь вероятность натолкнуться на какого-нибудь вездвигного проктора была ничтожной — и стал искать будку видеофона. Когда он наконец нашел аппарат, его вдруг охватили сомнения. Как отсюда можно связаться с первым лицом всей Федерации — да и можно ли это сделать вообще? Если просто позвонить в Баннию Новака и попросить Администратора Форда, то его не только не станут соединять, но и попытаются засечь в Министерстве общественной безопасности, выяснить личность, что не предвещало ничего хорошего.

Пожалуй, существует только один путь: связаться с самим Министерством безопасности и постараться позвать начальника военной полиции, а после этого что-нибудь придумать на ходу.

— Министерство общественной безопасности, — ответил дежурный. — Слушаю вас, гражданин.

— Здравия желаю, — заговорил Лазарус хорошо поставленным командирским голосом. — Говорит капитан Шеффилд. Соедините меня с Главным. — Он не кричал, но тон его был таким, что не подчиниться было невозможно.

Поколебавшись, дежурный спросил:

— По какому делу, сэр?

— Я же сказал, что говорит капитан Шеффилд! — На этот раз Лазарус уже всем своим видом показывал раздражение.

Секунду помедлив, дежурный ответил:

— Я соединю вас с заместителем Главного.

В тот же момент подключился видеозэкран.

— Я вас слушаю, — отозвался заместитель, оглядывая Лонга с головы до ног.

— Немедленно соедините меня с Главным.

— А в чем дело?

— Ради всего святого, дайте мне Главного! Я ка-пи-тан Шеф-филд, неужели не ясно?

Не будем очень винить заместителя за то, что он соединил Лазаруса с шефом. Этой ночью бедняга почти не спал, а за последние двадцать четыре часа произошло столько необычного, что он уже просто перестал удивляться. Когда на экране появился начальник собственной персоной, Лазарус заговорил первым.

— Ну, наконец-то! Мне стоило немалого труда преодолеть ваши бюрократические препоны. Соедините меня с Администратором и побыстрее! Используйте закрытый канал связи.

— Какого черта? И вообще, кто вы такой?

— Послушайте, приятель, — ответил Лазарус голосом, в котором проскользнули нотки отчаяния. — Я ни за что не стал бы связываться с вашим непотребным министерством, если бы это было не так срочно. Соедините меня с Фордом. Речь идет о Клапах Говарда.

Шеф полиции сразу переменял тон. «Доклады-вайте».

— Послушайте,— устало сказал Лонг. — Я знаю, что вы любите следить за Администратором, но сейчас не время для этого. Если вы будете чинить мне препятствия и заставите потерять два часа, чтобы доложить обо всем лично, я все равно доложу. Но Форд непременно захочет узнать, кто виноват в этом. И тогда вам уж точно придется за все ответить.

Начальник полиции решил попробовать отделаться от этого типа, подключив его к одному из трех мониторов Администратора. Если в течение трех секунд Форд не отключит экран, тогда он будет знать, что поступил правильно, и наказания не последует. Если же Форд не отреагирует — ну что ж, всегда можно сослаться на помехи в параллельных системах связи.

Узнав Лазаруса по изображению на экране, Администратор был просто ошеломлен.

— Вы?? — только и смог воскликнуть он в первую секунду. Но, тут же овладев собой, продолжил:

— Но как же вы могли... Ведь Заккур Барстоу сказал, что...

— Заблокируйте свой канал связи! — не дал ему договорить Лазарус.

Прежде чем монитор отключился, начальник полиции успел подумать, что у Администратора имеются свои тайные агенты, и решил в будущем учесть это.

Тем временем Лазарус быстро и абсолютно честно рассказывал о том, как он смог оказаться на свободе, и добавил:

— Теперь вы видите, что я мог бы спрятаться в укрытии и сбежать насовсем. Собственно говоря, это не поздно сделать еще и сейчас, но я хочу знать: сделка с Заккуром Барстоу еще действительна?

— Да.

— Вы уже придумали, как погрузить добрую сотню тысяч людей на "Новый рубеж", не привлекая внимания? Вы же знаете, что вашим подчиненным доверять нельзя.

— Знаю. Поэтому, пока мы ничего не придумали, все будут оставаться на местах.

— Тогда мне придется потрудиться за всех. Наверное, я единственный человек, у которого развязаны руки и которому вы оба можете доверять. А теперь слушайте...

Не перебивая Лазаруса в течение восьми минут, Форд наконец согласно закивал головой и произнес:

— Пожалуй, это может получиться. В любом случае вы уже можете начинать подготовку. Я открою для вас аккредитив и перенесу на базу Годдард.

— Вы не могли бы сделать это незаметно? Было бы подозрительно выставлять напоказ аккредитив от самого Администратора.

— Я сделаю это через разведслужбу. Когда вы получите документ, он будет выглядеть так, как будто вы получили его прямо из банка.

— Спасибо. Да, как я смогу связаться с вами в случае надобности?

Форд назвал ему цифры кода:

— Этот шифр позволит вам связаться со мной непосредственно. Нет, записывать не надо; лучше запомните его.

— А как я могу поговорить с Заком Барстоу?

— Выйдите на меня, и я соединю вас. Напрямую можно связаться с ним, только имея на руках очень чувствительную аппаратуру.

— Даже если бы она у меня была, я бы не стал возить ее с собой. Ну, все, я отключаюсь.

— Удачи вам!

Выйдя из видеофонной кабины, Лазарус быстро заплагал ко взятому напрокат самолету. Он не знал, практикуется ли прослушивание линии связи Администратора. На месте начальника военной полиции он наверняка сделал бы это. Вполне возможно, что из какого-нибудь близлежащего полицейского участка за ним уже направили бригаду, и поэтому следовало поскорее исчезнуть.

Поднявшись в воздух, Лонг взял курс на запад, идя на малой высоте в границах местной авиатрассы, пока не вошел в гряды облаков, закрывавшей горизонт. Развернувшись, он направил самолет на Канзас-Сити, следя за тем, чтобы не превышать скорость и не опускаться ниже предельно допустимого уровня.

В Канзас-Сити Лазарус оставил самолет в аэропорту и поймал такси, на котором доехал до контролируемой дороги на Джошлин. Там он пересел на реактивный аэробус местной линии, следовавший из Сен-Луиса. Билет в салон первого класса решил не покупать, чтобы не засветиться, когда списки пассажиров передадут в диспетчерскую западного региона.

Расслабившись, он стал обдумывать свой план во всех подробностях.

Сто тысяч человек при среднем весе семьдесят килограммов — нет, пожалуй, надо брать в среднем восемьдесят — это будет восемь тысяч тонн. "Дозорный" мог бы преодолеть одну гравитационную силу при таком весе, но маневрировать он будет с большим трудом. Впрочем, об этом не могло быть и речи: людей ведь нельзя сложить штабелями, как какой-нибудь мертвый груз. Да, печальная аналогия, но такая возможность, к сожалению, не исключалась.

Нужен транспортный корабль.

Купить достаточно большой пассажирский корабль, который смог бы доставить Клань с Земли к месту зависания "Нового рубежа" на конструкционной орбите, не составляло труда. Четырехпланетная Пассажирская Служба с удовольствием разгрузит такой корабль за кругленькую сумму. При существующей конкуренции между пассажирскими компаниями каждая из них пытается снизить убытки за счет эксплуатации новых судов, которые пользуются большой популярностью. Но пассажирский корабль здесь не годится: то, что собирался сделать Лазарус, не только могло вызвать подозрения, но

и что еще важнее — он не смог бы пилотировать его в одиночку. Согласно требованиям Закона о технике безопасности в космосе, пассажирские корабли конструировались так, чтобы ими управлял экипаж. Данное решение основывалось на предположении, что в чрезвычайных обстоятельствах никакое автоматическое устройство не способно заменить человека.

Без грузового корабля не обойтись.

Лазарус знал одно прекрасное место, где он точно сможет найти то, что нужно. Несмотря на достижение лунной колонией экономической независимости, в Луна-Сити по-прежнему ввозилось гораздо больше товаров, чем вывозилось оттуда. Но если на Земле запрещались порожние перелеты кораблей, то в космосе было куда дешевле накапливать пустой грузовой транспорт. Особенно на Луне, где порожний грузовик представлял подчас гораздо большую ценность как металлический контейнер, чем как транспортное средство.

Когда аэробус приземлился в Голлард-Сити, Лазарус прошел на космодром. Там он оплатил счета, проверил корабль и запросил разрешение на ближайший полет до Луны. Такая возможность, сообщили ему, появится только через двое суток. Но это не слишком огорчило его. Лонг просто обратился в Диспетчерскую службу и сообщил, что хочет заплатить за досрочный вылет. Через двадцать минут Лазарус получил от служащего устные заверения в том, что он может отправляться на Луну хоть сегодня.

Соответственно, на Лазаруса свалилась масса проблем, которые требовали немедленного решения. Несколько часов он провел в бесчисленных бюрократических согласованиях межпланетных маршрутов. Потом получил обещанный Фордом аккредитив и превратил его в наличные. Лазарус хотел было использовать полученные деньги для ускорения процедуры согласований, как когда-то заплатил за приобретенный левым путем корабль. Но понял, что теперь сделать это не удастся. Два столетия борьбы за выживание научили его тому, что взятку нужно предлагать мягко и незаметно, как галантный мужчина делает предложение высокомерной леди. К собственному удивлению, Лонг вынужден был признать, что добродетель и честность иногда пускают глубокие корни.

Служащие базы Голлард, казалось, не имели ни малейшего понятия о том, что в жизни существует такой

метод решения всех проблем, как взятка. Лазарус, конечно, был восхищен их неподкупностью, но легче от этого не становилось. Что за чертовщина?! Ему пришлось провести много времени за заполнением различных бланков. А ведь он с удовольствием потратил бы его на достойные гурманов угощения, предлагаемые Межпланетным рестораном.

Лазарус даже предпочел бы новый укол вакцины вместо того, чтобы возвращаться на "Дозорный" для поиска какого-то ключика бумаги, удостоверяющего факт прививки, которую ему сделали после его прибытия на Землю несколько недель назад.

До старта оставалось еще целых двадцать минут, а Лонг уже сидел у контрольной панели "Дозорного". Карманы его были набиты десятками документов с печатями, чего нельзя было сказать о желудке, где так и не успел побывать желанный сэндвич. Он уже выбрал для себя траекторию типа "Хофманн-S" и заложил данные в автопилот. На панели загорелись зеленые лампочки. Не включилась только одна. Она зажжется, когда наземный контролер начнет отсчет времени.

Лонга наполнил душевный трепет, который, несмотря на возраст, возникал у него всегда, когда до взлета оставались уже считанные минуты...

Внезапно его осенило: а что, если... Лонг отстегнул привязные ремни и достал дополнение к "Справочнику земного пилота". Пожалуй, это интересно...

"Новый рубеж" находился на циркулярной орбите (делая круг ровно за двадцать четыре часа) над 106-м градусом западной широты при нулевом склонении на расстоянии примерно двадцати шести тысяч миль от центра Земли.

Почему бы не посетить его и не разузнать, как устроен корабль?

Топливные баки "Дозорного" были заполнены до отказа, а багажное отделение пустовало. Поэтому корабль мог бы за каких-то несколько секунд пройти расстояние в добрый десяток миль. Конечно, база дала ему "добро" на полет до Луна-Сити, а не до межпланетного корабля. Однако на данной фазе Луны отклонение от маршрута полета будет едва заметно на экране. Пока в центр управления полетами поступит видеозапись, пока ее проанализируют... Тогда ему передадут уведомление о нарушении правил движения и даже могут отобрать космические права. Однако сейчас

это Лазаруса уже не волновало, а мысль об авантюре не покидала его.

Он быстро вычислил новую траекторию на баллистическом калькуляторе... Просчитал элементы орбиты "Нового рубежа" по "Справочнику пилота". Остальное он знал, как свои пять пальцев, и мог бы управлять кораблем даже с закрытыми глазами. Маневры по стыковке со спутниками по двухкасетной траектории на двадцатичетырехчасовой орбите все пилоты обычно знают наизусть.

Пока шел отчет времени, Лазарус заложил полученные данные в автопилот, снова пристегнул ремни и расслабился. Корабль прошел фазу ускорения, Лонг проверил курс и вектор полета по бортовым приборам. С удовольствием отметил, что все идет по плану, поставил будильник на время стыковки и безмятежно уснул.

6

Примерно через четыре часа будильник разбудил его. Лазарус нажал на кнопку, но будильник не умолкал. Взглянув на экран, Лонг понял причину — прямо по курсу зависла огромная цилиндрическая масса "Нового рубежа". Лонг отключил радарную оповещательную сеть и продолжил маневрировать вручную, даже не используя баллистический калькулятор. Наконец будильник тоже отключился. Тут же сработало видеофонное устройство, и через секунду на Лазаруса уже смотрел с экрана человек в форме астронавта.

— Говорит "Новый рубеж". Как называется ваш космолет?

— Частный корабль "Дозорный". Я — капитан Шеффилд. Приветствую вас и вашего командира. Могу ли я подняться на борт?

Команда с радостью приняла визитера. Строительство корабля закончилось, осталось пройти проверку, испытания и приемку. Большая часть конструкторов уже отбыла на Землю, и на борту оставалось около десяти человек. Это были в основном представители Фонда Джордана и несколько инженеров, нанятых корпорацией для конструирования сложных систем. Инженеры томились от ничегонеделания. Им все же уже порядком надоело, и думали они лишь о том времени, когда окажутся на родной планете

и предадутся земным радостям. Посетитель внес некоторое оживление в их праздную жизнь.

После недолгой процедуры стыковки "Дозорного" с кораблем-гигантом Лазаруса приветствовал на борту главный инженер, а по сути — командир. Строительство корабля считалось еще незавершенным, и настоящего капитана Земля должна была прислать позже. Тем временем командир повел гостей на экскурсию. Они размеренно проплывали в невесомости по многочисленным тоннелям, заглядывали в лаборатории, склады и библиотеки, где находились сотни тысяч электрообмоток, целые акры емкостей для гидропонного выращивания растений и пополнения запасов кислорода. Ну, и конечно же, просторные, даже роскошные апартаменты для экипажа и десятка тысяч пассажиров.

— Мы надеемся, что экспедиция "Авангард" будет еще доукомплектовываться, — пояснил инженер полетных систем. — Специалисты по социодинамике подсчитали, что наша колония сможет обеспечивать все основные потребности людей и их культурные запросы.

— Так уж и все, — усомнился Лазарус. — Ведь сейчас существует больше десяти тысяч профессий.

— Безусловно, однако мы планируем пригласить специалистов по всем основным гуманитарным и техническим дисциплинам. Кроме того, по мере расширения колонии можно дополнительно привлечь людей редких профессий при помощи библиотечных и компьютерных фондов и охватить буквально все — от хореографии до ковортчества. Таков общий план, хотя это и не входит в мою компетенцию. Ведь здесь непочатый край работы.

— Вам, наверно, уже не терпится начать экспедицию? — спросил Лазарус.

Мужчина изумленно посмотрел на собеседника.

— Мне? Неужели вы думаете, что я полетел бы куда-нибудь на этой штуковине? Дорогой мой, я ведь инженер, а не кретин какой-нибудь.

— О, прошу прощения.

— Ничего. Я вообще-то не против иногда прошвырнуться по космосу, скажем, в Луна-Сити я уже бывал несчетное количество раз, даже летал на Венеру. Но ведь вы понимаете, что те, кто конструировал, например, "Ландыш", не станут летать на нем. Я даю голову на отсечение, что те, кто согласится добровольно замуровать

себя в этой посудине, не сойдут с ума. И знаете почему? Только потому, что они наберут в команду таких же сумасшедших.

Лазарус решил сменить тему. Командир не стал вести его ни в машинное отделение, ни в зал атомного реактора. Он лишь заметил, что это полностью автоматизированные объекты, которые практически не требуют вмешательства человека. Полное отсутствие движущихся частей в каждом из узлов реактора и двигателей было заслугой ученых — парастатиков. Таким устройством мог управлять даже человек без специального образования.

Наибольший интерес для Лонга представляла диспетчерская, и здесь он задержался надолго. Задавал такое количество вопросов, что вконец утомил собеседника, который не прогнал его только из вежливости.

Наконец Лазарус отстал от него, но не потому, что решил не надоедать инженеру: просто он уже достаточно много узнал о системах управления станцией.

Прежде чем покинуть корабль, он узнал еще две важные вещи: через девять дней основной экипаж планировал провести выходные на Земле, после чего будет произведена присемка станции. В течение трех дней огромный корабль будет пустовать, и, должно быть, там останется только связист. Лазарус не хотел привлекать внимание лишними расспросами на этот счет. Нужно учесть, что на судне не останется охраны, потому как в ней нет необходимости — с таким же успехом можно выставить охрану по берегам реки Миссиссиппи.

Кроме того, Лонг увидел, как можно проникнуть на корабль: случайно он стал свидетелем прибытия почтовой ракеты. И тогда для него многое произошло.

В Луна-Сити Джозеф Макфи, представитель корпорации "Диана Терминал", филиала фрахтовой фирмы "Диана", радушно приветствовал Лазаруса.

— Заходите, капитан, и присаживайтесь. Что будем пить? — тараторил он, наливая тоник, который беспринципно поступал на Луну. — Ох, и давно же я вас не видел. Где Вас носило в последнее время? Ну что, там у вас все еще продолжают рассказывать анекдоты?

— Да, на базе Голдлард весельчаки не перевелись, — ответил Лазарус и рассказал анекдот про шкипера и

министра. Макфи в ответ поведал Лазарусу про старую деву в свободном полете, и Лонг уже в который раз сделал вид, что слышит его впервые. Как водится у мужчин, за анекдотами последовал разговор о политике. Макфи подробно поделился своими взглядами на "единственно возможное" решение европейского вопроса. Они основывались на разработанной им же сложной теории, где объяснялось, почему Соглашение нельзя распространять на страны с недостаточно высоким уровнем промышленного развития. Лазарус не стал поддерживать собеседника, но и не спорил с ним. Когда нужно, он кивал, потягивая через соломинку дрянной космический коктейль. Выждав подходящий момент, Лонг спросил о главном:

— Джо, не знаешь ли ты компаний, которые могут продавать космические корабли?

— Ты что, серьезно хочешь купить тачку? Похвально! Я думал, что уже никогда не дождусь покупателя. У меня сейчас столько этого стального хлама, сколько не было за последних десять лет. Если ты действительно будешь покупать, я сделаю для тебя скидку.

— Может, куплю, а может, и нет. Все зависит от того, есть ли у тебя то, что мне нужно.

— Ты только скажи, и я достану. Никогда еще дела на рынке не шли так плохо. Бывают дни, когда вообще нет посетителей. — Макфи нахмурился. — А знаешь, в чем дело? Это все чертовы Клансы Говарда. Никто не хочет тратить попусту деньги до тех пор, пока они там не выяснят их секрет. Ведь как можно строить планы, когда не знаешь, сколько тебе осталось — десять лет или сто? Запомни мои слова: если администрации удастся выбить рецент долгожительства, то наступит такой бум долгосрочных инвестиций, какого еще свет не видывал. Ну, а если нет... тогда все эти вложения не стоят и цента. И вот увидишь, начнется вселенское необузданное чревоугодие и разврат. А период реконструкции мы будем вспоминать как невинную вечеринку. — Насупившись, он снова замолчал. — Так тебе, говоришь, какая железка нужна?

— Как раз железки мне и не надо. Мне нужен настоящий корабль.

Лицо Макфи вытянулось, его брови пошли вверх.

— Правда? Какой тип ты хочешь?

— Точно еще не знаю. У тебя не найдется полчасика, чтобы мы вместе на них взглянули?

Они сели в лифт и по Северному тоннелю спустились из здания фирмы. Затем прошли пешком мимо рядов припиртованных кораблей, которые в условиях небольшой гравитации казались не такими уж и массивными. Лазарус отметил про себя, что только два корабля обладали необходимыми для осуществления его идеи грузоподъемностью и размерами. Первый из них, танкер, стоил дешевле, но, подсчитав в уме полезную площадь корабля с учетом металлических настилов под крупногабаритные грузы, Лазарус определил, что восемь тысяч тонн живого груза здесь вряд ли поместится. Другой корабль имел устаревшую конструкцию и порядком изношенный регулятор подачи топлива. Зато он был приспособлен для перевозки грузов, да к тому же достаточно вместительный. Его оптимальная нагрузка оказалась даже выше, чем требовалось для дела, ведь общий вес пассажиров довольно невелик по сравнению с огромным объемом корабля. Это позволило бы разнообразить их пребывание здесь, что было крайне важно. А что касается регуляторов, то с ними Лонг справится: ему приходилось чинить и не такую рухлядь.

Лазарус поторговался с Макфи о цене. Нет, не потому, что это было так важно — просто ведь он себя по-другому, это могло бы вызвать подозрения. В конце концов, они заключили хитроумную сделку, по которой Макфи приобрел для себя "Дозорный", Лазарус уступил его без заледной, приняв от партнера в уплату необеспеченный вексель. За этот вексель и небольшую сумму наличности Лазарус приобрел у Макфи грузовой корабль. В свою очередь, Макфи получил право заложить "Дозорный" в коммерческом кипринговом банке Лупа-Сити и использовать выручку, добавив немного наличных, для выкупа собственных ценных бумаг (если прежде не нагрянет ревизия, подумал Лазарус, впрочем, не особенно об этом беспокоясь).

Вообще-то вряд ли это можно было назвать подкупом: Лазарус просто воспользовался тем, что Макфи давно хотел иметь собственный корабль. А "Дозорный" всегда казался ему идеальной космической яхтой для деловых поездок и холостяцких развлечений. Лонг просто сбил цену до того предела, какой Макфи посчитал для себя выгодным. Но при этом все было обставлено так, что Макфи не станет распространяться о сделке преждевре-

менно, но крайней мере, до тех пор, пока не сможет снова погасить свой вексель. К тому же Лазарус запутал дело, попросив своего партнера выгодно приобрести партию табака. И теперь Макфи был точно уверен в том, что загадочная авантюра капитана Шеффилда непременно связана с полетом на Венеру, ибо только там был сильно развит подобного рода бизнес.

Лазарусу удалось подготовить грузовик к вылету в космос за каких-нибудь четыре дня. И все благодаря его щедрым подношениям и высокой оплате за сверхурочные работы. В конце концов он покинул Луна-Сити в качестве владельца корабля "Городок Чилликот", для удобства сократив название до Чилли. (Это в честь своего любимого блюда, которого, впрочем, он не пробовал уже Бог весть сколько времени. "Чилли" — крупные красные бобы, обильно политые острым томатным соусом, с кусками мяса, причем настоящего, а не той синтетической бурды, которую нынешняя молодежь называет мясом. От одной мысли об этом кушаньи у него потекли слюнки).

Только теперь Лонг почувствовал, что освободился от всех забот.

Приблизившись к Земле, он попросил регулировщика движения поставить корабль на парковочную орбиту, поскольку не хотел спускаться ниже, что привлекло бы внимание и лишь привело к ненужным затратам топлива. Лонг мог стать на орбиту и без разрешения, но не исключалась возможность того, что во время его отсутствия "Чилли" могут засечь, доложить по инстанциям и даже навестить с проверкой. Поэтому безопаснее было действовать в открытую.

Регулировщик выделил орбиту довольно быстро. Лазарус выравнял и стабилизировал корабль. Затем настроил опознавательный радиомаяк "Чилли" на собственную волну, позаботился о том, чтобы космический радар мог засечь ее, и приземлился в челноке на запасной космодром Голдлард. На этот раз он предусмотрительно оформил все необходимые документы. Пришвартовав пилонку, он избежал таможенной проверки и быстро прошел через пропускной пункт космопорта.

Сейчас для Лазаруса главным было найти ближайший видеофон и связаться с Заком и Фордом. "А потом, если хватит времени, — мелькнула мысль, — заскочу в какой-нибудь ресторанчик и понаслаждаюсь настоящим

чили". Он не стал звонить Администратору из космоса, так как связь корабля с Землей контролируется на передающих станциях. И если бы автоматическое устройство записало упоминание о Кланах Говарда, не помогло бы и традиционное невмешательство в личную жизнь.

Администратор ответил на звонок немедленно, хотя в это время в Банне Новака уже была глубокая ночь. По темным кругам под глазами Форда Лазарус понял, что его собеседнику давно не до сна.

— Привет, — заговорил Лазарус. — Мне нужно поговорить с Заком Барстоу по третьему каналу. Есть новости.

— А, это вы, — устало отозвался Форд. — Я уже не думал вас когда-нибудь увидеть. Где вас носило?

— Вы прекрасно знаете, что я покупал корабль. У нас нет времени на разговоры, соедините меня с Заккуром.

Форд нахмурился, но все же переключил коммутатор. На второй половине экрана появилось напряженное лицо Барстоу. Он немало удивился, увидев Лонга, и совсем, казалось, не обрадовался его появлению.

— Эй, ребята, что там с вами? Разве Форд ничего не говорил о том, чем я занимаюсь?

— Нет, почему же, он все нам рассказал, — признался Барстоу, — но ведь мы не знали, где ты. Видишь ли, уже прошло столько времени, а от тебя ни слуху, ни духу... Ну, мы тут и подумали, что больше не увидим тебя.

— Ну и зря, — обиделся Лазарус. — Вы же знаете, что я никогда никого не подводил. Ладно, лучше послушайте, где я был и что мне удалось сделать.

Он рассказал им о "Чили" и о разведывательном полете на "Новый рубеж".

— Так вот, я предлагаю сделать следующее. В ближайшую субботу, когда "Новый рубеж" будет находиться на орбите без экипажа, я приземляюсь на "Чили" в ванией тюремной резервации, мы быстро загружаемся, летим на "Новый рубеж", захватываем его и удираем. Ваних прокторов нужно отвлечь, пока я буду приземляться и загружаться. Потом нам нужно быстренько прошмыгнуть мимо контролеров космодвижения. И не дай Бог, если рядом с "Новым рубежом" будет болтаться какой-нибудь дурацкий космолет. Если на корабле остался аварийный узел связи, то они успеют подать сигнал о помощи, прежде чем мы заглушим их.

— Надо все хорошенько обдумать,— кисло ответил Форд.— Как я понимаю, нужно проделать невероятный отвлекающий маневр. М-м-да... Это уже из области фантастики...

— Но в последний момент вы должны использовать все свои полномочия,— возразил Лонг.

— Возможно. Однако четыре дня мы ждать не можем.

— Это еще почему?

— Ситуация может измениться гораздо быстрее.

— У меня тоже есть проблемы,— вставил Барстоу.

Лазарус переводил недоуменный взгляд с одного собеседника на другого.

— Ну-ну, выкладывайте, что там у вас еще?

Они рассказали ему, что занялись почти невыполнимой задачей, то есть задумали сложный и тонкий обман. Тройной обман, одновременно рассчитанный на Клань, общественность и Федеральный Совет. Причем в каждом конкретном случае требовалось проявлять недюжинную изворотливость.

У Форда не было под рукой никого, кому бы он мог доверять. Потому что даже самые близкие ему люди могли быть заражены манией поиска Источника Молодости. Кроме того, ему нужно было постараться убедить Совет в том, что предложенные им идеи как нельзя более соответствуют целям Администрации.

К тому же Форд был обязан ежедневно отчитываться перед общественностью и убеждать всех, что его правительство с каждым днем все больше приближается к секрету вечности. Из дня в день сообщения детализировались, а ложь, соответственно, становилась все изощреннее. Если дело слишком затянется — возможно излишнее беспокойство людей, а уж тогда — обычно такие мирные, они превратятся в агрессивную толпу.

Совет постоянно ощущал нарастающее давление толпы. Опять был поставлен вопрос о вотуме доверия Форду. Но ему удалось получить большинство с разницей всего в два голоса. Надежд на то, что его поддержат в другой раз, не оставалось. И поэтому нужно было срочно что-то предпринимать.

У Барстоу были заботы другого плана. Ему требовались надежные помощники, ведь предстояло подготовить к бегству сотысячную армию долгожителей. Нужно было успокаивать людей, уверять их в том, что все пройдет

быстро и гладко. Поэтому они должны быть готовы в любой момент. Всю правду Зак не рассказывал, слишком рано было раскрывать карты: ведь среди них наверняка найдутся глупцы и упрямцы. А для того чтобы помешать им осуществить план, достаточно одного неосторожного слова, брошенного кем-либо невзначай и услышанного прокторами.

Поэтому необходимо было выявить лидеров, которым бы он полностью доверял, убедить их, а через них — и всех остальных. Первым делом Барстоу нашел около тысячи надежных "пастырей", чтобы в нужный момент люди пошли за ним. Однако такое количество союзников было слишком большим, чтобы исключить возможность того, что кто-нибудь из них не спасует.

Дело усугублялось и тем, что Заккуру нужны были помощники и совсем другого рода для выполнения куда более сложных задач. Вместе с Фордом они разработали план (хотя, кажется, очень ненадежный), как выиграть время. Они понемногу раскрывали тайны Кланов о том, как замедлить появление внешних симптомов старения. Это был якобы тот самый "секрет". Для реализации этого плана Барстоу пришлось подключить биохимиков, специалистов по гормональной терапии, по симбиотике и метаболизму. Их же, в свою очередь, должны были готовить самые квалифицированные психометристы Кланов. Ведь на допросах люди должны поддерживать ложную версию даже под воздействием самых сильных наркотиков. Разработка такой версии и обучение ей было куда более сложным делом, чем создание простой техники блокирования информации. Но, хотя ложь пока воспринималась нормально, напряженность возрастала с каждым днем.

Барстоу больше не мог держать всех в неведении, и подавляющее большинство долгожителей начало роптать. Они, казалось бы, справедливо негодовали по поводу того, что с ними творят, и требовали от властей Кланов предпринять какие-либо шаги и немедленно. Словом, авторитет Барстоу среди своих сородичей падал так же стремительно, как и авторитет Форда в Совете.

— Четыре дня мы ждать не можем, — повторил Форд. — В нашем распоряжении часов двенадцать, ну в лучшем случае — сутки. Завтра в полдень состоится заседание Совета.

Тут уже заволновался Заккур.

— Я не уверен, что смогу подготовить их за столь короткий срок. Могут возникнуть проблемы с посадкой на борт.

— Не стоит волноваться,— резко оборвал Форд.

— Почему?

— Потому что все, кто останется, обречены на смерть, если им повезет.

Барстоу молча отвел взгляд. Впервые каждый из них ясно осознал, что им предстоит совершить не просто политический трюк, а почти безнадежную попытку избежать массовой бойни, и что сам Форд тоже балансирует между жизнью и смертью.

— Ну что ж,— решил разрядить обстановку Лазарус,— раз вы так решили, давайте думать дальше. Я смогу посадить "Чилли"... — Он быстро подсчитал в уме время, необходимое для выхода с орбиты и стыковки, — скажем, к десяти вечера по Гринвичу. Для надежности накинём ещё час. Что вы скажете насчёт семнадцати часов по оклахомскому времени? Это — практически ещё сегодня.

Его собеседники, казалось, вздохнули с облегчением.

— Ладно,— кивнул Барстоу.— Я доставлю их в лучшем виде.

— Хорошо,— согласился Форд.— Если это самое ближайшее время, то пусть так и будет.— Он на секунду задумался. — Заккур, я сразу же выведу из резервации всех прокторов и правительственных служащих и освобожу вам выход. Как только ворота откроются, вы сможете обо всем рассказать своим людям.

— Я постараюсь.

— Ничего не забыли? — спросил Лазарус.— Ах да, Зак, вам лучше определить место для моей посадки, а то я невзначай могу укоротить жизнь многим нашим собратьям...

— Я позабочусь об этом. Лучше, если ты прибудешь с Запада. Я выставлю обычный опознавательный знак. Идет?

— Идет.

— Не пойдет,— вмешался Форд.— Нам нужно будет снабдить его системой наведения.

— Ерунда, — возразил Лазарус.— Я бы мог посадить свой космолан и на вершине памятника Вашингтону.

— Только не в этот раз. И не удивляйтесь, если нам не повезет с погодой.

Приближаясь к "Чилли", Лазарус посылал сигналы с космошлюпки. Он не очень-то доверял механизмам, созданным без его участия, а затянувшиеся поиски "Чилли" могли бы привести к срыву всего плана. Но, к его великой радости, радиомаяк откликнулся.

Лазарус определил соответствующий вектор, сориентировал челнок в нужном направлении и за три минуты до ожидаемой стыковки резко затормозил, довольный тем, как завершил маневр. Пришвартовав шлюпку, Лонг поспешил вовнутрь корабля, чтобы поскорее подготовить его к приземлению.

Лазарус удачно вошел в стратосферу и описал круг над поверхностью планеты. Умело маневрируя, он даже сэкономил горючее, чтобы не пользоваться износостойким регулятором подачи топлива. Спустившись в тропосферу, он уточнил маршрут. Температура внутри салона была достаточно высокой, но не представляющей опасности. И, наконец, он понял, что имел в виду Форд, когда предупреждал о погоде. Небо над Оклахомой и половиной Техаса было покрыто черными дождевыми тучами. Лазаруса это удивило и вместе с тем порадовало: он вспомнил о былых временах, когда люди еще не умели управлять погодой. Он считал, что с тех пор, когда инженеры погоды научились регулировать осадки, жизнь на Земле потеряла некий шарм. Лонг надеялся, что на их планете (если они когда-нибудь до нее доберутся) будет всегда хорошая погода.

Затем начался резкий спуск, и времени на раздумья уже не оставалось. Несмотря на огромную массу, корабль мотало из стороны в сторону. Вот это да! Должно быть, Форд вызвал этот маленький смерч в условленное время, и поэтому образовалась область низкого давления.

Где-то на линии связи ему посылал проклятия контролер движения. Но Лазарус отключил звук и сосредоточил свое внимание на радаре сближения и мерцающем индикаторе инфракрасных лучей, сравнивая поступающую информацию с расчетными показателями. Корабль пролетел над гигантским разломом, где раньше по пути из Орлеана в Оклахому простирался небольшой городок. Когда Лазарус был здесь в последний раз, в местечке еще кипела жизнь. Теперь же ему подумалось, что из всех существовавших когда-либо механических монстров, которыми ошачливило себя человечество, этот космолет-динозавр легко занял бы первое место.

Но тут мысли Лазаруса снова прервал гудок навигационной системы: корабль поймал наводящий луч.

Машина выпустила шасси, резко затормозила, включился пронзительный гудок. Грузовые люстры с шумом растворились, и по обшивке корабля громко забарабанил дождь.

Согнувшись под порывами ветра, Элинор Джонсон старалась прикрыть плащом младенца, которого она прижимала к груди. Как только разразилась гроза, ребенок громко заплакал, и от этого плача сердце Элинор просто разрывалось. Сейчас дитя умолкло, но это молчание не предвещало ничего хорошего.

Элинор и сама заплакала, хотя старалась никому этого не показать. За свои двадцать семь лет она ни разу не видела такой бури. Ей казалось символичным, что эта гроза круто меняла всю жизнь, уносила ее из родного поллюбившегося домика с таким уютным старомодным каминном. Но одновременно вихрь уносил ее и от двух угрюмых прокторов, которые скрутили ее, как какую-то психопатку, и после гнусных издевательств затолкнули в эту темницу на просторах Оклахомы.

Неужели это было на самом деле? Неужели все происходило с ней наяву или весь этот кошмар ей только приснился, и у нее нет ни малышня, ни дома, не будущего?

Но нет, слишком уж пронизывающим был ветер, и раскаты грома, казалось, раздаются так близко. Нет, все это не могло лишь присниться. И тогда то, что сообщил им Старший Опекун,— правда, во всяком случае, ей очень этого хотелось. Элинор и сама видела, как вспышки молнии освещали огромный приземлившийся космолет. В темноте корабля не было видно, но толпа несла и несла ее вперед. Значит, корабль уже где-то близко. Она оказалась в самом хвосте толпы, поэтому взойдет на борт одной из последних.

Но нужно было попасть на корабль во что бы то ни стало: старейшина Заккур Барстоу обрисовал весьма мрачную перспективу, если им не удастся бежать. Элинор искренне верила в его честность и тем не менее с трудом представляла себе, как люди могут быть такими подлыми и ничтожными, чтобы убивать столь невинные и беззащитные создания, как она сама и ее маленькое дитя.

Внезапно ее охватил панический страх: а что, если к тому времени, когда она доберется до космолета, там не останется ни одного свободного места? Она еще сильнее прижала к себе ребенка, и он снова заплакал, но на этот раз уже от боли.

Какая-то женщина из толпы приблизилась к Элинор и заговорила:

— Должно быть, вы устали. Давайте я немного понесу на руках вашего младенца.

— Нет, что вы, не нужно. Все в порядке. — На мгновение молния осветила лицо женщины, и Элинор узнала в ней Мэри Сперлинг.

Теплые слова Мэри подбодрили ее, теперь она знала, что нужно сделать. Даже если корабль будет переполнен, Элинор сможет передать ребенка над головами — ведь не откажут же собратья принять на себя заботу о нем.

Тем временем толпа уносила ее все дальше в спасительную темноту.

Когда Барстоу увидел, что погрузка закончится через несколько минут, то бросил свой пост на одном из грузовых пилотов и что было духу по грязи помчался в пункт связи. Форд предупредил его, чтобы Заккур дал сигнал перед стартом корабля — это было необходимо для проведения отвлекающего маневра. Взломав в темноте дверь, он ворвался внутрь и быстро набрал код, который дал ему Форд для экстренной связи.

Экран загорелся немедленно, но вместо Форда на нем появился незнакомец. Барстоу машинально выпалил:

— А где Администратор? Я хочу с ним поговорить.

И только в этот момент узнал человека, чье лицо он увидел на мониторе.

Сейчас уже, пожалуй, не было людей, которые бы ни знали Борка Ваннинга, лидера оппозиции в Совете.

— Я и есть Администратор,— холодно улыбнувшись, сообщил Ваннинг.— Новый Администратор. А вы кто такой и какого черта сюда звоните?

Барстоу поблагодарил всех святых, что в темноте его лица нельзя было узнать. Моментально отключив связь, он как угорелый выскочил из комнаты.

Два грузовых пилота уже были закрыты; по остальным подтягивались задержавшиеся в пути. Барстоу, бранясь,

затолкал их внутрь, а сам, едва успев вскочить, помчался в диспетчерскую.

— Улетаем! — заорал он. — Быстро!

— Ты чего раскричался? — возмутился Лазарус, герметически закрывая все выходы. Настроив акселератор, он выждал положенных десять секунд и включил двигатели.

— Ну вот, — с облегчением заметил он шесть минут спустя. — Я надеюсь, что в момент взлета все пассажиры лежали? — Ну, а если нет, то на нашей совести будет несколько переломов, полученных собратями. Так о чем ты там говорил?

Барстоу рассказал ему о своей попытке связаться с Фордом. Лазарус аж присвистнул от удовольствия и замурлыкал мотив старинной песенки:

— Похоже, им не хватило всего нескольких минут. Но какие мы молодцы, а?

Он хлопнул Заккура по плечу. Через мгновение уже внимательно следил за контрольной панелью, где высвечивались параметры их баллистической траектории.

7

Лазарусу стоило немалого труда разместить "Чилли" как раз вдоль борта "Нового рубежа". Из-за изношенных систем управления космолет напыхался из стороны в сторону, как порывистая лошадь. И все же Лонгу удалось пришвартоваться: магнитные якоря сработали; гидравлические затворы совместились, и зажимы плотно зацелковались, соединяя корабли в одно целое. Лазарус нырнул в переходной люк, открыл контактную дверь и оказался в пассажирском отделении "Нового рубежа", где его уже ждал шкипер-инженер.

— Так это снова вы? — разозлился шкипер. — Какого черта вы не отвечали на наши позывные? Вы не имели права стыковаться с нами без разрешения, это частный корабль. Что все это значит?

— Это значит, что ты вместе со своими парнями полетишь на Землю на несколько дней раньше. Я вам даже подарю свой космолет.

— Еще чего?

— Послушай, приятель, — в руке Лазаруса, откуда ни

возьмись, появился бластер.— Мне бы очень не хотелось делать тебе больно, особенно после того, как ты уделил мне столько внимания... но, похоже, придется, если ты будешь продолжать сопротивляться.

Парень, казалось, все еще не мог поверить своим глазам. Вокруг него даже собралась группа подчиненных. Один из членов команды хотел было сбегать, и Лазарусу пришлось выстрелить ему в ногу. Тот дернулся и стал хвататься руками за воздух.

— Ну вот, теперь вам еще и с ним заботы прибавилось, — съязвил Лонг.

Это решило дело. Шкипер по системе оповещения собрал всю команду в пассажирском отделении. Лазарус сосчитал членов экипажа. Их было двадцать девять, что соответствовало сведениям, которые он получил во время своего первого визита. Он выделил каждому из них по два охранника и после этого осмотрел раненного в ногу парня, который все еще корчился от боли.

— Ничего серьезного, — заключил он и обратился к шкиперу-инженеру.— Как только мы вас отправим, наложите на место ожога радиоактивный бальзам. Аптечку найдете слева от диспетчерской.

— Но это же пиратство! Вам это просто так с рук не сойдет!

— Возможно, — задумчиво согласился Лазарус. — Но мы уже как-нибудь выкрутимся. — Теперь он обратился к собратьям. — Эй, там, поторапливайтесь! У нас не так много времени.

Беглецы покидали "Чилли" очень медленно. Между двумя кораблями был открыт всего один иллюз, но задние так напирали, что узкое отверстие, казалось, вот-вот треснет. Они вылетали в более просторный космос, как осы из растревоженного гнезда.

Большинство из долгожителей никогда раньше не знали невесомости. Теперь они с трудом могли ориентироваться в условиях нулевой гравитации и терялись в бесчисленных закоулках гигантской машины. Лазарус попытался хоть немного упорядочить этот процесс, выискивая тех, кто умел себя вести в условиях невесомости. Он просил буквально ловить своих неопытных собратьев и тащить их за что попало в большой корабль, убирать с пути застрявших и расчищать дорогу остальным. Назначив таким образом около дюжины "загонщиков", Лонг, при-

метив Барстоу, выдернул его из толпы и поставил на свое место: «Надо за ними присмотреть. Мне нужно пробраться в диспетчерскую. Если увидишь Энди Либби, пришли его ко мне».

От толпы отделился какой-то мужчина и попытался протиснуться к Барстоу.

— Взгляните, там какой-то корабль хочет привартоваться к нашему. Я заметил его через иллюминатор.

— Где? Покажите! — насторожился Лазарус.

К несчастью, мужчина почти не разбирался в технике, но с горем пополам все же мог объяснить.

— Я сейчас вернусь, — бросил Лазарус Заккуру. — Пусть они проходят дальше, и постарайся не выпускать из виду наших гостеприимных хозяев. — Он кивнул в сторону пленников, отстегнул бластер и стал пробираться по узкому проходу навстречу людскому потоку.

Судя по описанию, швартовка могла происходить где-то у третьего выхода. Да, похоже, незнакомец был прав. В дверь был встроен иллюминатор с бронированным стеклом. Но вместо звезд Лазарус увидел луч света, направленный прямо на корабль.

К одному из узлов уже успел причалить космолет. Причем те, кто находился внутри, совсем не пытались прорваться на "Чилли", а может, просто не знали, как это сделать. Изнутри иллюз не был закрыт, впрочем, и снаружи тоже, о чем свидетельствовал зеленый огонек индикатора возле дверной ручки.

Лазарусу стало немного не по себе. Будь это корабль контролера движения, судно космического флота или еще что-нибудь в этом роде, его прибытие не сулило ничего хорошего. Но почему же они не открывают дверь и не заходят?

Первой мыслью было подскочить к двери и закрыть ее, а потом — все остальные, побыстрее закончить погрузку и удрать на "Новом рубеже". Но даром, говорят, человек произошел от обезьяны: любопытство не позволило ему уйти отсюда, не разобравшись, что же произошло.

Поначалу он все-таки задвинул засов, затем стал медленно пробираться к иллюминатору и попытался заглянуть в него красным глазом, чтобы не выдавать себя.

За дверью стоял... Слейтон Форд.

Лазарус отодвинул засов, толкнул дверь рукой и застыл в ожидании, держа в одной руке бластер, а в другой — нож.

В проходе показалась чья-то фигура. Лазарус сразу узнал Форда. Дав ему пройти, Лазарус снова ухитрился задвинуть засов и закрыл Форду путь к отступлению, не снимая палец со спускового крючка бластера.

— Это как еще понимать? — заорал он. — Что вы здесь делаете? Небось, сейчас сюда ворвется патруль?

— Я один.

— Это правда?

— Я бы хотел полететь с вами... Если вы не возражаете...

Лазарус, не отвечая, продолжал наблюдать за пришельцем. Снова заглянув в иллюминатор, он попытался оценить обстановку. Похоже, Форд сказал правду, потому что вблизи больше никого не было видно.

Но не это привлекло внимание Лонга. Прибывший космолет и кораблем нельзя было назвать. Он был предназначен только для ближних полетов — обычная стратошлюпка, способная лишь пришвартоваться к большому судну. Она была похожа на космолодку "Джуниор", которая когда-то давно участвовала в соревнованиях. Впрочем, кажется, это она и была. Но главное, что эта маленькая космическая шлюпка могла летать только по заранее заданной траектории и, как правило, навстречу искусственному спутнику, который периодически дозаправлял ее.

Но здесь для нее топлива не было. Грузовой корабль мог бы прицепить к себе эту милую игрушку и без топлива переслать обратно. А это возможно лишь при одном условии; система наружной защиты должна предохранить пилота от перегрузок и высоких температур при вхождении в плотные слои атмосферы. Правда, Лазарусу ни за что не хотелось бы быть этим пилотом.

Что-то здесь не ладно! Он опять обратился к Форду:

— Предположим, мы бы вам отказали. Что тогда? Как же вы рассчитываете вернуться?

— Я на это не рассчитываю, — тихо сказал Форд.

— Тогда рассказывайте, что там произошло, но подробности оставьте на потом — у нас и так мало времени.

Как оказалось, Форд сжег за собой все мосты. Выходя из служебного помещения каких-то несколько часов назад, он прекрасно понимал, что когда все обнаружится, то лучшее, на что он мог бы рассчитывать, — это пожизненное заключение в Ковентри, и это только в том случае, если

удастся избежать гнева толпы или допросов с применением новейших психотропных средств.

Акция, которая должна была отвлечь внимание, стоила ему полной потери доверия Администрации. Объяснения, которые он представил, не удовлетворили Совет. Форд попытался доказать, что вызванная им буря и вывоз всех прокторов из резервации были всего лишь попыткой деморализовать упрямых должителей. Собственно, этот довод можно было принять, но только не в данной ситуации. Приказы, которые он отдал космическим войскам, чтобы отвлечь их внимание от "Нового рубежа", пожалуй, никто не связывал с возможным бегством Кланов Говарда. И тем не менее отсутствие обоснованности принятых решений было использовано оппозицией для отстранения Форда от должности. Они цеплялись буквально ко всему, лишь бы изгнать его. Задавались на Совете и вопросы относительно некоторых сумм из резервного фонда Администрации, которые обходным путем получил некий капитан Аарон Шеффилд — так вот, использованы ли эти средства в интересах общества?

Лазарус раскрыл глаза от удивления.

— Так они уже сидели у меня на хвосте?

— Не совсем, иначе вас бы здесь не было. Но они действительно следовали буквально по пятам. Думаю, что в этом им помогали некоторые мои приближенные.

— Скорее всего. Однако у нас все получилось, так что забудем об этом. Лучше поспешим, потому что в ту самую минуту, когда закроются шлюзы за последним из беглецов, нам нужно будет улететь.

Лазарус быстро направился к выходу.

— Так вы оставляете меня на борту?

Уже на бегу, стараясь не врезаться в какой-нибудь прибор, Лазарус крикнул: "А у вас есть другие предложения?"

По правде говоря, вначале Лонг подумал, что Форда стоило бы отправить домой на "Чилли", но переменить решение его заставила не столько благодарность, сколько уважение к этому человеку. Сразу же после освобождения от должности Форд умудрился долететь до базы Хаксли, которая находилась недалеко от Башни Новака, нанял прогулочный спутник "Монте-Карло", который раньше назывался "Джуниор", и отправился напрямик на "Новый рубеж". Такое мог совершить лишь отважный человек.

Никаких сомнений или колебаний — сделал, и все тут!

— Конечно, вы полетите с нами, — повторил Лазарус. — Вы мне чем-то нравитесь, Слейтон.

"Чили" уже был наполовину разгружен, но узкий шлюз, служивший переходом, все равно еще был забит людьми до отказа. Лазарусу чудом удалось вклиниться в эту живую массу и добраться до нужного места, стараясь при этом не расталкивать женщин и детей и не замедлить движения. Связанные одним ремнем с Фордом, они протиснулись во входное отверстие, и сразу же подошли к Барстоу.

Заккур не поверил своим глазам.

— Да, это он, — подтвердил Лазарус. — Ну чего ты уставился, это даже неприлично. Он полетит с нами. Ты не видел Либби?

— Я здесь, Лазарус. — Либби отделился от толпы и приблизился к ним, маневрируя в невесомости так, как мог это делать только ветеран полетов. Лонг заметил маленькую дорожную сумку в руке инженера.

— Вот и хорошо. Побудь с нами. Зак, как ты думаешь, долго нам еще загружаться?

— Это одному Богу известно. Я не считал. Наверное, около часа.

— Нужно постараться быстрее. Если по бокам поставить парочку крепких молодых ребят, они смогут ускорить посадку. Нам нужно выбраться отсюда даже скорее, чем это возможно физически. Я иду в диспетчерскую. Позвоните мне сразу же, как только посадка закончится. Энди, Слейтон, за мной!

— Лазарус, но ведь...

— Потом, Энди, потом. У нас еще будет время поговорить.

Лонг решил взять Форда с собой, потому что, во-первых, не знал, что с ним делать, а во-вторых, считал нужным поместить его подальше от чужих глаз, пока они вместе не придумают какую-нибудь вескую причину, которая бы объясняла его присутствие на корабле. Пока что никто на Форда не обращал никакого внимания: но когда все успокоится, потребуется держать ответ.

Диспетчерская находилась примерно в четверти мили от входа на корабль. Лазарус знал, что где-то по пути к ней должен быть пассажирский салон, но искать его времени не было, и поэтому он просто нырнул в первый попавшийся проход, ведущий в другой конец судна. Чем

дальше они отходили от толпы, тем быстрее двигались, хотя Форд еще полностью не освоил рыбьих маневров своих попутчиков, которым состояние невесомости было знакомо "с пеленок".

Оказавшись в аппаратной, Лазарус долго объяснял Либби весьма незамысловатую, но довольно своеобразную систему управления космолетом. Либби был просто восхищен, и уже скоро начал сам переключать какие-то рычаги. Лонг повернулся к Форду:

— Ну что скажете, Слейтон? Нам бы не помешало иметь второго сменного пилота.

Форд покачал головой:

— Я, конечно, все это слушал, но никогда не смогу запомнить. Ведь я не пилот.

— Скажете еще! — удивился Лазарус. — Так как же вы смогли прилететь сюда?

— О, конечно, у меня есть космические права, но никогда не хватало времени, чтобы попрактиковаться. У меня всегда был пилот-водитель. Я уже много лет сам не вычислял траекторий.

Лазарус смерил его взглядом:

— И тем не менее вышел на встречную орбиту, не имея резервных запасов топлива?

— Ах, вы об этом. Но у меня не было другого выхода.

— Все ясно. Так икота можно научить плавать. По крайней мере, мне всегда нравился именно такой способ.— Лонг хотел было снова что-то объяснить Либби, но тут по громкоговорителю вклинился Барстоу: «Лазарус, осталось пять минут! Как слышишь? Прием!»

Лонг отыскал микрофон и гаркнул:

—О'кей, Зак! Пять минут! — И тут же чертыхнулся.— Вот бабда, я еще даже не выбрал курс. Что ты предлагаешь, Энди? Вовсю рванем от Земли, чтобы наши благодетели не сели нам на хвост, а потом определим себе какую-нибудь планетку? А вы, Слейтон, чего молчите? Это не противоречит приказам, которые вы отдавали своим космическим воякам?

— Нет, Лазарус, нет! — запротестовал Либби.

— Но почему же?

— Сейчас нам нужно взять курс прямо на Солнце.

— На Солнце? Это еще зачем?

— Я же вам пытался объяснить еще во время нашей первой встречи. Ведь вы сами попросили меня разработать космический привод.

— Но ведь его у нас нет, Энди.

— Есть! Вот, смотрите. — Либби открыл сумку, привязанную к своей руке.

Лазарус осторожно открыл ее придиричиво осмотрел устройство, которое состояло из отдельных деталей и частей различных машин и выглядело скорее как сконструированная ребенком игрушка, чем изделие, апробированное в научной лаборатории. По сравнению с отполированным и сложным оборудованием диспетчерской оно выглядело грубовато, неряшливо и весьма странно.

Лонг повертел устройство в руках, разглядывая его со всех сторон.

— Это что— твоя модель?

— Нет, готовый прибор. Космический двигатель.

Лазарус все еще не мог в это поверить.

— Парень, — угрюмо сказал он, — ты, случайно, не свихнулся?

— Нет, нет! — горячо возразил Либби. — Я в таком же здравом уме, как и вы. Это принципиально новая конструкция. Вот почему я хочу, чтобы мы пролетели рядом с Солнцем. Если эта штука в порядке, то лучше всего она будет работать под мощным световым давлением.

— А если она не сработает, — угрюмо заметил Лазарус, — то во что мы превратимся? В пятна на Солнце?

— Сейчас мы не полетим на Солнце, но пока что возьмем курс к нему, а как только я рассчитаю траекторию, мы сможем скорректировать ее и полететь, куда вы захотите. Я собираюсь пройти мимо Солнца по плоской гиперболической траектории, не выходя за пределы орбиты Меркурия. Нужно пройти так близко к фотосфере, как только может выдержать корабль. Я не знаю, насколько мы сможем приблизиться, поэтому сейчас еще не могу все рассчитать. Но будьте уверены, когда у нас будут полные данные, мы осуществим задуманное.

Лазарус снова недоверчиво посмотрел на устройство, напоминавшее забавную детскую игрушку.

— Энди, ты и впрямь уверен, что котелок у тебя варит, как прежде? Если да, то я согласен попробовать. А ну-ка, пристегнитесь. — Он пристегнул ремни к креслу пилота и посмотрел на Барстоу. — Что скажешь, Зак?

— Самое время!

— Ну, тогда держитесь!

Лазарус включил индикатор на левой контрольной панели: прозвучал сигнал готовности. После того как Лонг потянул на себя рычаг, пространство перед ними резко поплыло, в глазах замерцали мириады звезд.

Лонг быстро оценил обстановку. Видимость была неплохая, но почти двадцать процентов обозримой площади закрывала тень Земли.

— Нам нужно выйти из темноты, Энди. Давай сделаем обходной маневр. — Он попробовал для начала включить искусственную гравитацию на четверть, дабы немного утрамбовать пассажиров и приучить их к осторожности, а затем стал поворачивать космолет вокруг оси так, чтобы выйти из пространства, затемненного Землей. После этого он включил ускорение наполовину, и, наконец — на полную мощность.

Когда ослепительно белый диск Солнца появился из-за заслонявшей его Земли, она вдруг превратилась из темного силуэта в тоненький серебристый полумесяц, быстро удаляющийся от беглецов.

— Я не стану подходить ближе, чем на тысячу миль, — объявил Лазарус. — Причем на двойной скорости. Энди, тебе не мешало бы рассчитать для меня временный вектор.

Задумавшись на несколько секунд, Либби выдал готовый расчет. Тогда Лазарус опять подал сигнал готовности и постепенно довел гравитацию до уровня, вдвое превышающего земное притяжение. На какое-то мгновение Лазарусу захотелось даже включить гравитацию на полную мощность, однако он вовремя спохватился, вспомнив о своих собратьях-пассажирах, большинство из которых за свою долгую жизнь не сталкивались с подобными перегрузками. Любой корабль-преследователь из космофлота мог бы двигаться с куда большим ускорением, но Лонг не решался рисковать, имея на борту живой груз. Во всяком случае, и преследователи не смогли бы долго выдержать этот темп в силу особенностей конструкции кораблей.

У "Нового рубежа" таких конструкционных ограничений не было. Его конвертер мог преобразовать любую массу в чистую лучевую энергию. В энергию превращались метеориты, космическая пыль, рассеянные атомы, собиравшиеся в поле поглощения корабля и даже все остальное, вплоть до мусора, тел умерших, отходов и прочего. Каждый грамм вещества преобразовывался в девятьсот триллионов эрг новой энергии.

В конце концов, тонкий краешек Земли почти перестал быть заметен и сместился в левую сторону экрана, а прямо по курсу до неимоверных размеров разрасталось Солнце. Примерно через двадцать минут, когда корабль прошел уже довольно солидное расстояние, неожиданно заработала космическая линия связи.

"Новый рубеж!" — послышалось в динамике. — *Вам необходимо произвести маневр и выйти на разрешенную орбиту. С вами говорят из управления официальных космических сообщений".*

Лазарус отключил связь.

— По крайней мере,— воодушевленно заметил он,— им должно хватить ума не преследовать нас до самого Солнца. Энди, теперь на нашем пути нет препятствий, и настало, пожалуй, время скорректировать маршрут. Ты сам вычислишь его или доверишь компьютеру?

— Лучше я сам,— ответил Либби. Он уже обнаружил, что основные астронавигационные данные о передвижении космолета, в том числе и по "черным дырам", можно перепроверить сразу по нескольким приборам. Вооружившись этой информацией и данными бегущей строки, он принялся вычислять гиперболоид, по траектории которого собирался обогнуть Солнце. Поначалу Энди предпринял несмелую попытку воспользоваться баллистическим калькулятором, но у него ничего не получилось. Данной конструкции он не знал, в ней не было движущихся частей, даже на внешнем термине. Поэтому Либби отказался, чтобы не тратить понапрасну времени. Пришлось вернуться к своему диковинному способу умственных вычислений. В его мозгу тоже не было движущихся частей, но зато инженер давно привык к нему.

Лазарус тем временем решил проверить, что творится за бортом космолета. Он снова включил межкорабельную связь. Послышались ставшие привычными проклятия в его адрес, хотя сигналы уже пробивались с большим трудом. Его имя теперь стало известным, точнее сказать, одно из его имен. А это говорило о том, что ребята с "Чилли", наверное, сразу же обратились за помощью в пункт контроля за движением. Стало немного грустно, когда узнал, что "капитан Шеффилд" лишен лицензии на вождение космических судов. Лонг попробовал переключиться на частоты военно-космического флота, но не смог расслышать практически ничего, кроме отрывистых сиг-

налов и шума, среди которого один раз мелькнуло название "Новый рубеж". Поэтому вскоре переключился на другие частоты.

По помехам в эфире он определил, что в космосе вокруг них находится множество кораблей. Но сам этот факт мало что говорил ему: на таком расстоянии от Земли и должно быть столько космолетов. Другое дело, что по своим приборам он не мог видеть, были это грузовые лайнеры, выполнявшие обычные рейсы или какой-то военно-космический корабль, который уже мчится им вдогонку.

И все же на "Новом рубеже" было больше возможностей для анализа обстановки, чем на других кораблях. Здесь находилось специальное оборудование, которое могло самостоятельно справляться с возникающими чрезвычайными ситуациями. Диспетчерская полусферической формы, где они сейчас находились, представляла собой гигантский многоканальный телевизионный приемник, который мог в различных ракурсах выводить одну и ту же картину на несколько экранов. Были здесь и сверхчувствительные приборы, которые одновременно являлись огромным радарным экраном, фиксирующим любой объект в своем радиусе действия.

Но и это было еще не все. Сверхчувствительные датчики с помощью дифференциального анализа могли определить и вывести на дисплей результаты наблюдений за объектом. Изучив левую панель, Лазарус постарался запомнить показания приборов, чтобы при необходимости воспользоваться ими в дальнейшем, и переключил спектр системы визуального наблюдения.

Звезды и даже Солнце внезапно поблскли, будто бы покрылись густым туманом. Но около десятка других небесных тел загорелись ярче обычного. С помощью приборов Лазарус стал изучать их угловые характеристики. Светлые тела превратились в красно-вишневые. Ими оказались небольшие кометы, за которыми тянулся розовый шлейф. Однако один из предметов оставался ярко-белым, да и хвоста у него не было. Поначалу Лонг исследовал кометы и определил, что с ними столкнуться не должен, а затем переключил приборы на изучение ярко светящегося прямо по курсу объекта.

Вначале он появился в фиолетовом цвете, затем цвет его менялся несколько раз, и наконец объект предстал в голубовато-зеленом тоне. Лазарус на секунду задумался.

Он умножил полученные данные на показатели двойного ускорения, и объект снова стал ярко-белым. Лонг проделал ту же операцию с изображением, но под другим углом, и удовлетворенно откинулся в кресле.

— Лазарус! — позвал его Энди.

— Что такое, Либ?

— Я тебе не помещаю, если мы немедленно попробуем скорректировать курс?

— Вовсе нет. Я просто занимался некоторыми наблюдениями. Если этот волшебный фонарь нас не обманывает, то наши земные друзья не успели сесть нам на хвост.

— Замечательно! Вот посмотри на цифры...

— Знаешь, что, заложи-ка их сам. Ты пока побудь у руля, а я тем временем поищу где-нибудь кофе с бутербродом. Ты ведь тоже не прочь подкрепиться?

Либби рассеянно кивнул: он был полностью поглощен расчетами по смене траектории корабля. И тут впервые с начала полета к разговору подключился Форд.

— Давайте, я принесу вам поесть. Я сделаю это с большим удовольствием.— Он всем своим видом выражал готовность хоть чем-нибудь быть полезным.

— Но, Слейтон, у вас ведь может и не получиться. О чем бы Зак с вами ни договаривался, все равно у большинства наших пассажиров ваше имя ассоциируется со словом "мразь". Лучше я позвоню в кормовую часть и попрошу это сделать кого-нибудь другого.

— Но, возможно, при сложившихся обстоятельствах меня никто и не узнает, — возразил Форд.— И уж во всяком случае, я выполню вполне законное поручение — неужели я им не смогу этого объяснить?

Лазарус понял по выражению лица своего собеседника, что для поддержания духа ему это крайне необходимо.

— Что же, пожалуйста, только не забудьте, что наш корабль идет с двойным ускорением.

Форд немедленно отвязался от кресла.

— Не страшно, я надену космоходы. Так какие вам принести сэндвичи?

— Я бы предпочел говяжий бифштекс, но наверняка у них здесь есть только искусственные заменители. Да, еще сыру и ржаного хлеба, если найдется. Побольше горчицы, ну, и галлончик кофе. А ты что будешь, Энди?

— Я? Не имеет значения. Что ты будешь, то и я.

Форд быстро собрался, привязав к ногам имитаторы двойной тяжести.

— Да, я справлюсь с этим гораздо быстрее, если вы мне скажете, куда идти, — добавил он.

— Приятель, я могу сказать только одно: если в космолете все отсеки не забиты едой, то мы совершили роковую ошибку. Ищите везде, обязательно где-нибудь отыщется.

Вперед, вперед и вперед, к самому Солнцу, на скорости, которая с каждой секундой возрастает на шестьдесят четыре фута. Дальше и дальше, несмотря на пятнадцать часов перегрузок. За это время они преодолели семнадцать миллионов миль и развили немыслимую скорость — шестьсот миль в секунду. Цифры мало о чем говорят, но представьте себе, что вы пролетели от Нью-Йорка до Чикаго за время, равное одному сокращению сердечной мышцы.

Барстоу было не по себе, когда начались большие перегрузки. Все другие в это время пытались лечь и заснуть. Они тяжело дышали, стараясь придать удобное положение своему телу, которое давило на них собственным весом. Но Заккуру нельзя было расслабляться. Он бродил среди людей, подбадривая их, хотя, казалось, что на шею ему привязали камень весом в триста килограммов.

Он переходил из одной каюты в другую. Ничего нельзя было сделать для облегчения состояния людей, пока ускорение возрастало. Люди сбивались в кучи, подобно скоту, который везут на бойню. Не было даже места, чтобы вытянуться во весь рост — ведь помещения не были рассчитаны на такую массу людей.

"Единственное благо состояло в том, — устало думал Барстоу, — что на Земле они были бы куда более несчастными. А нынешняя их усталость все равно когда-нибудь пройдет. Конечно, кто-нибудь уже в недалеком будущем наверняка поставит вопрос о том, стоило ли вообще уезжать. Его забросают вопросами, почему здесь находится Форд, попросят разъяснить не всегда понятное поведение Лазаруса и оценить свою собственную, весьма неоднозначную роль во всей этой истории". Но это еще предстоит, а пока он с неохотой признал, что прежде, чем возникнут волнения, необходимо как-то предупредить их.

Он обхватил руками лестницу, стиснул зубы и пополз на следующую палубу. Протискиваясь между телами собратьев, он чуть было не наступил на женщину, которая крепко прижимала к себе маленького ребенка. Мальчик был мокрый и весь дрожал от холода. Но ведь на десятки тысяч миль, пожалуй, не найдется сухой пеленки.

Заккур прошел дальше, решив не беспокоить женщину. Элинор не спала. После благополучной посадки на корабль Элинор переложила заботу о многих собственных нуждах на старших собратьев. И сейчас, после эмоционального перенапряжения и постоянного давления собственного веса, она не чувствовала ничего, кроме апатии. Вначале, когда только начались перегрузки, ребенок заплакал. Потом как-то скоро стих. Элинор приложила руку к его сердечку, убедилась, что дитя дышит, и снова впала в прострацию.

Через пятнадцать часов, когда до орбиты Венеры оставалось около четырех часов лета, Либби дал команду выключить ускорение. Корабль уже двигался по инерции, и его скорость увеличивалась под воздействием всевозрастающего притяжения Солнца.

Внезапно Лазарус проснулся от странной легкости: на него ничего не давило. Посмотрев на сидящего рядом Либби, он спросил:

— Уже вышел на кривую?

— Да, на расчетную траекторию.

Лазарус окинул его взглядом с головы до ног.

— О'кей. Теперь я подменю вас, ребята, а вы пойдите поспите. Я смотрю, ты как выжатый лимон.

— Я лучше останусь здесь и просто отдохну.

— Нечего куражиться. Ведь ты не спал даже тогда, когда я управлял кораблем. Я же тебя знаю: ты будешь глазеть на приборы и что-нибудь вычислять. Так что лучше отдохни. Слейтон, возьми его с собой.

Либби неловко улыбнулся, но все же решил уйти. Спустившись на одну из нижних палуб, где вповалку лежали люди, он сумел-таки найти укромный уголок, разложил свой килт и моментально уснул.

Невесомость должна была принести облегчение всем пассажирам, но лучше почувствовали себя лишь несколько десятков беглецов, которым и раньше приходилось бывать в подобных космических переделках. Тошнота, вызываемая свободным падением, подобно морской болезни, может

позабавить только тех, кто смотрит со стороны. Даже таланта Данте не хватило бы, чтобы описать сто тысяч случаев одновременного головокружения и страданий. Конечно, на борту имелись противорвотные средства, но их не так-то просто было найти. Среди членов Кланов были и врачи, но они страдали не меньше других. Мучения, казалось, никогда не кончатся.

Барстоу, который сам тоже успел отвыкнуть от обычных некогда полетов в условиях невесомости, проплыл обратно в диспетчерскую и попросил Лазаруса хоть чем-нибудь помочь несчастным.

— Им очень плохо, — пожаловался он. — Может быть, включить вращение в корабле и дать им передышку? Я думаю, это поможет.

— Но ведь затруднится маневрирование. Извини, Зак, но сейчас и для них важнее просто уцелеть, чем сохранить содержимое желудков. Я не слышал, чтобы от морской болезни кто-нибудь умер. Просто надо успокоиться.

Тем временем корабль все дальше погружался в бездну космоса, набирая скорость. Те немногие из пассажиров, кто мог еще держаться на ногах, пытались оказать помощь другим.

Либби все еще спал безмятежным сном бывалого космонавта, привыкшего к невесомости. Такая возможность представилась ему впервые с того дня, как члены Кланов были арестованы. Все свои бессонные дни и ночи он посвятил изобретению нового космического привода.

Вокруг него сновали озабоченные санитары, но Энди лишь переворачивался с боку на бок и мирно посасывал. Разбудить его смог только сигнал о новом ускорении корабля. Он быстро сориентировался, прижался к подпорной стене и настороженно ждал. Почти сразу же почувствовал удар нарастающей массы — на этот раз ускорение было пробное — и мгновенно понял, что происходит что-то неладное. Подыскивая для сна укромный уголок, он прошел почти четверть мили. И теперь ему нужно было столько же пройти назад, но при этом испытывая уже тройную перегрузку. Он корил себя за то, что поддался на уговоры Лазаруса и ушел из диспетчерской.

Ему удалось преодолеть лишь часть труднейшего пути наверх, но и это уже было сродни героизму. Либби поднялся на высоту десятиэтажного дома с таким трудом, как будто нес на плечах еще пару молодцев. Неожиданно

он почувствовал невероятную легкость и без особого труда пределал остальной путь до диспетчерской.

— Что случилось? — поинтересовался он с порога.

Лазарус, с сожалением качая головой, ответил:

— Пришлось поменять курс.

Стоявший рядом Форд ничего не сказал, но и он выглядел весьма озабоченным.

— Я так и понял. Но почему? — Либби уже вновь привязывал себя к креслу второго пилота, одновременно изучая астронавигационную ситуацию.

— Красные огни на экране, — отозвался Лазарус, описав то, что незадолго до этого он увидел на экране.

Либби задумчиво покачал головой: "Это военно-космический корабль. Я не припомню, чтобы коммерческие суда ходили по такому маршруту. Космический минный треугольник".

— Вот и я подумал то же самое. Времени проконсультироваться с тобой не было. Я был вынужден резко изменить курс, чтобы они не смогли догнать нас.

— Да, вы поступили правильно, — подтвердил Либби. — А я-то думал, что мы уже застрахованы от любой погоны.

— Мне кажется, это не земной корабль, — вставил Слейтон Форд. — Похоже, что это — венерианцы.

— Скорее всего, так оно и есть, — согласился Лазарус. — Ваш преемник, новый Администратор, попросил помощи у Венеры и получил ее. Такой себе дружеский жест межпланетной доброй воли.

Либби уже почти не слушал его. Он изучал показания приборов и тут же анализировал их. Картина вырисовывалась не из приятных.

— Лазарус, я бы не сказал, что вы выбрали удачную орбиту.

— Знаю, — с грустью согласился Лонг. — Мне нужно было увернуться от них, и я смог пройти только в одном направлении, которое они мне оставили — поближе к Солнцу.

— Пожалуй, даже слишком близко. Солнце — не такая уж большая звезда, и на нем далеко не самая высокая температура. Но если речь идет о людях, находящихся от Солнца даже на большом расстоянии, то его тепла вполне хватит, чтобы отправить всех на тот свет. Недаром на Земле мы стараемся даже не смотреть на

него без защитных очков. И это с расстояния девяноста двух миллионов миль! Что же тогда говорить о двух с половиной миллионах, когда жара в тысячу четыреста раз выше, чем в самый жаркий день в Долине Смерти, где-нибудь в Сахаре или Адене? Такое излучение нельзя воспринимать как жару или свет, смерть от него будет мгновенной, как от выстрела бластера. Солнце — естественная водородная бомба, а "Новый рубеж" — очень близко от грани, за которой уничтожение становится реальностью.

Внутри корабля было очень жарко. Долгожителей защищали от мгновенной лучевой смерти только бронированные стены и обшивка, но температура неуклонно повышалась. Несмотря на то, что беглецы больше не страдали от перегрузок, их самочувствие не улучшилось. Причиной тому стали постоянное дребезжание перегородок и жара: не было места, к которому можно было бы спокойно прислониться. Корабль вращался вокруг собственной оси, при этом набирая скорость. Увы, он не был приспособлен для этого. А если учесть еще и удвоенное ускорение, линейное и угловое, то вообще не приходилось ждать ничего хорошего. Но вращаться вокруг оси было просто необходимо! Когда поворачивалась к Солнцу одна сторона, другая в это время охлаждалась. С помощью же только линейного ускорения практически было невозможно обогнуть Солнце как можно дальше, как можно быстрее и с минимальным временем в перигелии.

В кабине пилотов тоже было невыносимо жарко. Даже Лазарус, добровольно сняв свой кильт, стал походить на венерианца. К металлическим предметам притронуться было невозможно. На гигантском звездном экране вместо Солнца виднелся огромный черный диск — на таком близком расстоянии от светила зрение переставало правильно воспринимать спектры излучения.

— Тридцать семь минут до перигелия, — мрачно заметил Лазарус. — Мы не можем рисковать, Энди. Корабль не выдержит.

— Знаю, я никогда не предполагал, что нам придется пролетать так близко.

— Ну, конечно. Возможно, мне не стоило маневрировать. Может, нам и удалось бы проскочить мимо минного поля. Да что уж теперь! — сокрушался Лазарус. — Похоже, парень, настало время испытать твоё изобретение. — Он

ткнул пальцем в невзрачное устройство, которое Либби называл "космическим приводом". — Так ты говоришь, нужно подсоединить эти проводки?

— Да, именно так и задумано. Правда, я не могу быть уверен, что оно сработает как следует,— признался Либби.— И нет никакой возможности проверить это.

— Ну, а что, если оно ни к черту не годится?

— Существует три варианта,— словно читая лекцию, методично стал объяснять Либби. — Во-первых, ничего не произойдет...

—...И тогда мы зажаримся,— закончил фразу Лазарус.

— Во-вторых, мы, как и корабль, можем прекратить существование в тех формах материи, которые нам известны.

— Иначе говоря, погибнем. Что же, это чуточку приятнее.

— Пожалуй, что так. Но пока я не знаю, что такое смерть. И в-третьих, если мои предположения подтвердятся и аппарат действительно сработает, мы станем удаляться от Солнца практически со скоростью света.

Лазарус снова взглянул на устройство и вытер со лба лившийся ручьями пот.

— Энди, жара стала просто невыносимой. Давай, подключай эту штуку, и будем надеяться на лучшее!

Энди настроил прибор.

— Ну, давай же,— поторапливал его Лонг,— запускай и дело с концом.

— Что я и сделал,— отозвался Либби.— Взгляните на Солнце.

— Какое еще Солнце? Впрочем... Ого!

Огромный черный диск, соответствовавший на мониторе изображению Солнца, вдруг стал резко уменьшаться. За каких-то пятнадцать секунд его диаметр уменьшился наполовину, еще через двадцать секунд от него осталась лишь четверть прежнего.

— Сработало! — заорал Лазарус. — Нет, Слейтон, вы только посмотрите! Оно сра-бо-та-ло!

— В общем-то, я был уверен в успехе, — серьезно заметил Либби. — У нас должно было получиться.

— Гм... Это только для тебя могло быть очевидным, Энди, но я ведь должен реально смотреть на вещи. Какую мы развили скорость?

— Относительно чего?

— Скажем, относительно Солнца.

— У меня пока не было возможности рассчитать, но, вероятно, чуть меньше скорости света. Она и не может быть выше.

— А почему бы и нет, если отбросить в сторону теоретические выкладки?

— Потому что мы еще можем наблюдать эту картину,— Либби указал на светящийся экран.

— Действительно, — согласился Лазарус.— Но подожди, ведь мы не должны ничего видеть?

Либби улыбнулся.

— Я скажу, в чем дело. Со стороны Солнца мы можем видеть все благодаря коротким волнам, заметным даже для глаза. С противоположной же стороны — мы лишь улавливаем излучение радиочастиц, преобразуемое в свет.

— Ну, а последние?

— Не прикидывайтесь неучем, Лазарус. Я уверен, что вы и сами сможете понять принцип наложения дополнительных векторов.

— Нет уж, разбирайся в нем сам,— заявил Лазарус,— а я буду сидеть здесь и с удовольствием наблюдать за его действием. Правда, Слейтон?

— Конечно.

Либби вежливо улыбнулся.

— И, пожалуй, хватит уже тратить горючее основных двигателей. — Он дал предупредительный звонок, затем отключил привод. — Вот теперь можно вернуться к нормальным условиям полета.

Энди начал было отсоединять свое устройство, но Лазарус поспешно остановил его.

— Не спеши, Энди! Мы еще даже не вышли за пределы орбиты Меркурия. Зачем же жать на тормоза?

— Но ведь от этого мы и не остановимся. Скорость уже приличная, и мы будем поддерживать ее.

Лазарус недоверчиво покачал головой:

— При других обстоятельствах я бы с тобой согласился, Энди. Ясно, что здесь действует первый закон движения. Но, учитывая, что наша скорость искусственна, я не совсем уверен в твоей правоте. Ведь мы эту энергию получили даром. Похоже, ты предлагаешь нам расслабиться и лететь лишь по инерции. Но как только первоначальный импульс будет исчерпан, не вернется ли космолет с такой же скоростью назад?

— Не думаю,— ответил Либби.— Скорость, с которой мы идем, нельзя назвать псевдоскоростью. Она настолько реальна, насколько реально существуем мы с тобой. Вы попытаетесь применить простую человеческую логику там, где она неприменима. Вы ведь не думаете, что мы в один момент вернемся туда, откуда начинали свое движение, то есть, к области низкого гравитационного потенциала?

— Туда, где ты включил свое устройство? Нет, ведь мы прошли довольно большое расстояние.

— И мы будем продолжать двигаться. Потому что наша вновь приобретаемая гравитационная энергия, которая выше солнечной, уже превратилась в кинетическую, придающую нам скорость.

Однако после всех объяснений Лазарус все равно выглядел озадаченным, так как ответы Либби, очевидно, удовлетворили его не полностью.

— Я надеюсь, Энди, ты понимаешь, о чем я говорю. Неважно, как я это формулирую, но ведь мы откуда-то взяли огромную энергию. Теперь вопрос: откуда? Когда я ходил в школу, меня учили уважать национальный флаг, быть порядочным гражданином и верить в действие закона сохранения энергии. А ты, похоже, нарушаешь его, а?

— Об этом можете не беспокоиться, — возразил Либби. — Так называемый закон сохранения энергии был одной из рабочих гипотез, недоказанной и недоказуемой, которая использовалась лишь для описания общих явлений. Этот закон применим только к устаревшей концепции мироздания, основанной на динамике, и к системе, которую можно представить в виде статичного переплетения различных взаимосвязей. Такое "нарушение закона" не более необычно, чем прерывность какой-то функции. Из этого я и исходил. Я обнаружил дискретность математической модели взаимоотношений массы и энергии, называемой инерцией, и использовал ее. Оказалось, что эта математическая модель адекватно отражает реальное положение вещей. Вот в этом и была единственная случайность — никогда нельзя сказать, соответствует ли истине та или иная модель, пока не попробуешь применить ее.

— Да, конечно, невозможно узнать вкус вина, не попробовав его. Но, Энди, я все еще не понимаю, чем это ускорение было вызвано?! — Он обернулся к Форду. — А вы, Слейтон?

Форд покачал головой: " И я тоже хотел бы это знать. Но сомневаюсь, смогу ли понять хоть что-нибудь".

— Ты видишь, Энди, мы оба не понимаем. Что ты на это скажешь?

Теперь смутился Либби: «Но видите ли, причинно-следственные связи не имеют ничего общего с действительностью. Надо просто принять этот факт таким, каким он есть. Причинность — лишь старомодный постулат донаучной философии».

— Похоже, — протянул Лазарус, — я старомоден.

Ничего не ответив, Либби отключил свой аппарат.

Размеры Черного диска продолжали уменьшаться. Когда он составил шестую часть своего наибольшего диаметра, то внезапно превратился из черного в ослепительно белый. На этом расстоянии от Солнца нагрузка на рецепторы корабля нормализовалась.

Лазарус продолжал в уме вычислять кинетическую энергию корабля — одна вторая, умноженная на квадрат скорости света, минус масса гигантского "Нового рубежа". Полученный ответ так и не удовлетворил его, поэтому он вскоре бросил это занятие и сосредоточился на управлении космолетом.

8

— Вначале давайте о деле, — перебил Барстоу. — Меня тоже очень волнуют научные аспекты нашего полета, но у нас миллион проблем. Сейчас мы должны составить ежедневный график, так что пока отложим математику с физикой и поговорим об организации полета.

Он обращался не к Опекунам, а к ассистентам, которых выбрал сам для осуществления всего комплекса мероприятий, связанных с дерзким побегом. Это были Ральф Шульц, Ева Барстоу, Мэри Сперлинг, Джастин Фут и еще десять других долгожителей.

Лазарус и Либби тоже были приглашены на собрание. Только один Форд остался в диспетчерской на хозяйстве: он получил указания не допускать никаких визитеров и особенно внимательно следить за тем, чтобы никто не подходил к контрольной панели. Конечно, это была не ахти какая работа, но Лазарус посчитал, что она необходима Слейтону в чисто психологическом плане. Он

заместил, что Форд испытывает психологический дискомфорт, и ему это не очень понравилось. Казалось, Форд полностью ушел в себя. Конечно, он отвечал на вопросы, когда у него что-либо спрашивали, но не более того. Такое состояние бывшего Администратора не могло не беспокоить Лазаруса.

— Нам нужен исполнительный человек, — продолжал Барстоу, — который на этот период был бы наделен очень широкими полномочиями, чтобы отдавать приказы и следить за их выполнением. Ему придется принимать решения, проводить организационные мероприятия, распределять обязанности и следить за функционированием экономической системы корабля. Это очень ответственный пост, и я хочу, чтобы на него был избран человек демократическим путем. Но это будет позже. А сейчас нам уже необходим руководитель: слишком расточительно мы относимся к продовольственным запасам, да и посмотрели бы вы, на что стали похожи некоторые отсеки нашего корабля.

— Заккур...

— Да, Ева?

— Мне кажется, что выборы нужно поручить опекунам. У нас нет никаких полномочий — мы всего лишь сформировали группу для действий в чрезвычайной ситуации, которая уже перестала быть чрезвычайной.

— Гм... — прокапнулся Джастин Фут. — Я придерживаюсь несколько иного мнения, чем сестра. Опекуны многого не знают, и их нужно будет вводить в курс дела, а для этого у нас нет времени. Более того, я сам как один из опекунов заявляю, что этот институт уже не имеет никакой власти, поскольку более не существует юридически.

— А как ты это себе представляешь, Джастин? — поинтересовался Лазарус.

— А вот как: опекуны когда-то выполняли роль хранителей Фонда, который существовал отдельно, хотя и был связан с финансовыми учреждениями недолговечных. Согласитесь, что опекунов даже нельзя было считать правительством. Их единственная обязанность состояла в том, чтобы поддерживать связи между Кланами и обществом. Поскольку связи Кланов с земными жителями теперь прерваны, институт опекунства прекращает свое существование и становится историей. Нас же на этом корабле еще нельзя назвать обществом — мы представляем

собой лишь бесформенную массу. А собравшиеся здесь уважаемые коллеги обладают не меньшими полномочиями для выдвижения кандидатур, чем кто-либо из опекунов.

Лазарус вдохновенно заплодировал.

— Джастин, это один из ярчайших примеров словесной эквилибристики, которую я слышал за последние сто лет. Давай как-нибудь соберемся и придумаем что-то вроде солипсизма.

Джастин Фут сильно поморщился.

— Вообще-то... — опять начал он, но Лазарус прервал его:

— Нет, ни слова больше! Ты убедил меня, и хватит об этом. Раз уж мы пришли к такому мнению, то давайте выберем достойную кандидатуру. Зак, что ты скажешь, если мы предложим тебя? Это было бы вполне логично.

— Я ведь знаю все свои недостатки, — отрицательно покачал головой Барстоу. — Я инженер, а не чиновник — просто руководство Кланов хорошо относилось ко мне. Нам нужен специалист по социальному управлению.

Когда Барстоу доказал всем, что он не кокетничает, посыпались другие предложения. Среди долгожителей было много людей, специализировавшихся в области политологии, и даже такие, кто в свое время находился на государственной службе. Лазарус пока не участвовал в дискуссии, он только слушал. Затем подошел к Еве Барстоу и о чем-то пошептался с ней. Поначалу удивление отразилось на ее лице, но после минутного размышления она кивнула и попросила слова.

— У меня есть еще одна кандидатура, — как всегда мягко сказала Ева. — Я попрошу сразу не отвергать ее. Человек, которого я предлагаю, гораздо более подходит по темпераменту, опыту и образованию, чем кто-либо из тех, о ком до сих пор шла речь. Я предлагаю избрать администратором корабля Слейтона Форда.

Воцарилось гробовое молчание, сменившееся затем возмущенными возгласами.

— Да Ева с ума сошла! Ведь Форд остался на Земле!

— Нет, не остался. Я видел его здесь, на нашем корабле.

— Но все равно об этом не может быть и речи!

— Кланов никогда не поддержат его!

— А даже если и захотят поддержать, то ведь он не из нашего рода!

Ева терпеливо ждала, пока все выскажутся.

— Я прекрасно понимаю, как нелепо, на первый взгляд, выглядит такая кандидатура. Я понимаю, какие трудности при этом возникнут. Но подумайте о преимуществах. Все мы знаем Слейтона Форда и то, каким высоким авторитетом он пользовался. Да в своей области Форд — просто гений! Вы только подумайте, как непросто нам будет жить в этом перенаселенном космолете. Решить эту задачу даже нашим лучшим умам будет не под силу.

Ее слова возымели действис, ибо Форд был одним из немногих государственных деятелей, чей талант руководителя был признан еще при жизни. Даже современные историки отмечают, что он по крайней мере дважды спасал Западную Федерацию от крупнейших кризисов. И скорее это была беда, а не вина Форда, что его карьера закончилась полным крахом.

— Ева,— сказал Заккур Барстоу,— что касается Слейтона, я согласен с твоим мнением и лично был бы рад видеть его нашим руководителем. Однако что скажут остальные? Ведь для Кланов, за исключением тех их членов, которые здесь присутствуют, имя Администратора ассоциируется с преследованиями, от которых пострадали должностители. Мне кажется, большинство его не поддержит.

— А я в этом не уверена, — настаивала Ева. — Ведь мы уже решили разъяснить всем некоторые весьма странные факты и совпадения, происшедшие за последние недели. Так почему бы нам не рассказать все до конца и не показать должностителям, что Форд пожертвовал карьерой ради их спасения? Ведь это же сущая правда!

— Гм... С этим можно согласиться наполовину. Нельзя сказать, чтобы он пожертвовал собой исключительно для нас, но тем не менее я не сомневаюсь, что его личная жертва нас спасла. Но вопрос о том, сможем ли мы убедить других, причем настолько, чтобы им захотелось принять и выполнять его указания. Ведь пока что для большинства он — отъявленный негодяй. Впрочем, кто знает... Нам нужно посоветоваться со специалистом. Вот ты, Ральф, что скажешь? Возможно ли такое?

Ральф Шульц явно заколебался.

— Истинная аргументация не имеет ничего общего с психодинамикой. Сказать, что правда восторжествует, — значит поддаться благому пожеланию. Истории известно крайне мало подобных примеров. Тот факт, что Форд

действительно является жертвой и мы ему обязаны своей свободой, никак не связан с чисто техническим вопросом, который вы мне задали.— Он задумался. — Но само по себе ваше предположение содержит определенные чувственные и драматические аспекты, которые могут быть использованы в пропагандистских целях. Да, я считаю, что проблему решить можно. Сколько времени может потребоваться для этого? Задействованная социальная среда, если пользоваться нашим жаргоном, является одновременно "жесточкой" и "горячей". Мне следует добиться высокого уровня положительного "к"-фактора для возникновения цепной реакции. Тогда сработает. Но пока необходимо провести исследования, к тому же я не знаю, какие слухи сейчас ходят на корабле. Если вы примете решение о целесообразности проведения такой акции, то мне нужно будет распространить некоторые слухи. Сначала для восстановления репутации Форда, а затем, часов через двенадцать, и о том, что Форд вместе с нами находится на корабле..., потому что он с самого начала решил связать свою судьбу с нашей.

— Я бы не стал этого говорить, Ральф...

— А ты, Заккур, уверен в обратном?

— Нет, но ведь...

— Вот видишь! О его истинных намерениях известно только ему самому и Богу. Ведь мы с тобой ничего не знаем наверняка. А динамика предположения — это еще один, причем совершенно иной, вопрос. Заккур, к тому времени, когда до тебя в третий или четвертый раз дойдут распущенные мною слухи, ты сам засомневаешься: что же происходило на самом деле. — Психометрист задумался, просчитывая в уме шансы на успех и полагаясь на интуицию, приобретенную в результате столетнего применения математических методов при анализе человеческого поведения. — Да, это должно сработать. Если вы все поддержите мое предположение, то по истечении суток можете объявить об этом публично.

— Надо поддержать! — крикнул кто-то из присутствующих.

Через несколько минут после завершения дискуссии Барстоу послал Лазаруса за Фордом. Лонг так и не объяснил бывшему Администратору, зачем он понадобил-

ся. Заходя в каюту, где проводили свое совещание руководители Кланов, Форд чувствовал себя как подсудимый, который идет в зал суда и уверен, что ему все равно вынесут обвинительный приговор. Он пытался держаться достойно, однако в его глазах светилась грусть.

Лазарус уже изучил взгляд Форда за то время, что они провели вместе в диспетчерской. Сколько раз в своей жизни ему приходилось видеть такие же! Глаза обреченного на смерть, которому отказали в помиловании; глаза тех, кто решил свести все счеты с жизнью; глаза загнанного зверя, который попал в западню — у всех во взгляде можно было прочесть безысходность и обреченность, порожденную уверенностью в том, что их время кончилось.

Именно так и чувствовал себя Форд. Лазарус видел, как нарастает его беспокойство, и не мог понять, чем оно вызвано. Конечно, они все попали в переделку, но ведь для Форда опасности было не больше, чем для остальных. Кроме того, осознание опасности обычно мобилизует человека на борьбу с ней. Почему же глаза Форда были отмечены печатью смерти?

В конце концов Лазарус решил, что Администратор достиг вершины умственного перенапряжения, за которой самоубийство становится реальностью. Но почему? Лазарус размышлял над этим еще там, в диспетчерской, и, к своему удовлетворению, постиг логику размышлений Форда. Там, на Земле, Администратор занимал очень видное положение среди своих соплеменников — недолговечных. Высокий пост делал его почти неуязвимым для чувства неполноценности и ощущения превосходства других, которые столь свойственны простым смертным. Но здесь он был единственным изгоем в роду Мафусаиловом!

Форд не имел ни опыта старших, ни жизненной перспективы, которая заставляет юношей строить свои честолюбивые планы. Он видел себя ущербным, безнадежно отставшим от жизни. Сейчас он ничем не отличался от бесполезного и беспомощного пенсионера. Для человека с его складом ума и характера такая ситуация была просто невыносимой, и выход был только один — самоубийство.

Войдя в комнату, Форд поискал взглядом Барстоу.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да, господин Администратор. — Барстоу кратко разъяснил ситуацию и рассказал о том, какую ответст-

венность они хотели бы на него возложить. — Вас никто не принуждает, — заметил он, — но нам нужны ваши знания и опыт. Вы согласитесь нам помочь?

У Лазаруса просто отлегло от души, когда он увидел в глазах Форда неподдельное удивление.

— Вы действительно этого хотите? — медленно произнес он. — Вы не шутите?

— Да уж куда серьезнее!

Форд ответил не сразу, и его ответ прозвучал неожиданно.

— Можно, я сяду?

Ему пододвинули стул, и он тяжело опустился в него, закрыв лицо руками. Никто не осмеливался начать разговор. Наконец Форд поднял голову и сказал: «Если такова ваша воля, я сделаю все, чтобы оправдать доверие».

Капитан кораблю нужен был не меньше, чем Администратор землянам. До настоящего времени обязанности командира корабля практически выполнял Лазарус. Но когда Барстоу официально предложил ему и дальше оставаться капитаном, он запротестовал:

— Нет, только не я. Мне уже пора немного отдохнуть, расслабиться. Либби — вот кто вам нужен. Серьезный, в прошлом офицер военно-космических сил — кто может быть лучше?

Все посмотрели на Либби, и он покраснел.

— Конечно, мне приходилось водить космолеты, но это меня никогда не прельщало. По складу своего характера я не более чем один из членов экипажа.

— Ты не можешь так быстро отвертеться, — настаивал Лазарус. — Ты изобрел сверхскоростной привод и только сам знаешь, как он действует. Это твоя работа, парень.

— Но это абсолютно ничего не означает, — снова попытался возразить Либби. — Мне хочется быть просто астронавигатором, это совпадает с моими желаниями. И я предпочел бы работать под чьим-нибудь началом.

Лазарус был приятно удивлен, когда в дело вмешался Слейтон Форд, приняв на себя новые полномочия. Форд-меланхолик перестал существовать, снова уступив место властному администратору.

— Дело тут не в личных симпатиях, Либби: каждый из нас обязан делать то, что он умеет. Я согласился

руководить нашим гражданским сообществом. Это то, чему я всю жизнь учился. Но я не могу управлять кораблем как таковым, для этого у меня не хватает знаний. И в данном случае ваша кандидатура подходит как нельзя больше.

Либби покраснел еще сильнее и проговорил, заикаясь:

— Я бы сделал это, если бы был единственным специалистом. Но ведь здесь, на борту, среди членов наших Кланов есть десятки космонавтов, у которых гораздо больше опыта и знаний для роли командира. Если вы поищите, то обязательно найдете.

— Что скажете, Лазарус? — спросил Форд.

— Гм... В чем-то Энди прав. Капитан должен, если это настоящий капитан, жертвовать собой ради корабля. Что ж, если Либби считает себя не вправе быть командиром, то лучше нам заняться поиском другого кандидата.

У Джастина Фута был с собой микрокомпьютер с данными всех долгожителей. Правда, ему не хватало устройства для быстрого просмотра и сортировки данных. И все же присутствующие смогли назвать около полутора десятка кандидатур. Выбор пал на капитана Кинга, за свои подвиги получившего прозвище "Неистовый".

Либби пришлось объяснить новому командиру принцип действия привода, основанного на световом давлении. — Данные о предполагаемом месте назначения закладываются в виде параболоидов, проходящих по касательной к курсу корабля. Это означает, что при помощи обычного привода ускорение всегда будет достигаться при постоянном значении вектора, почти равном скорости света. Необходимо будет корректировать остальные параметры движения корабля в период его маневрирования перед ускорением, что, однако, не так уж сложно. Ведь велики различия между параметрами нашего настоящего вектора и вектора маневрирования. В общем виде это можно назвать ускорением под заданным углом к нашему курсу.

— Да, я понимаю, — перебил его Кинг, — но почему вы считаете, что эти векторы всегда будут совпадать?

— Если капитан решит по-другому, этого не произойдет, — немного смуглившись, ответил Либби. — Показатели, снижающие нашу реальную скорость, заставят нас притормозить, не уточняя маршрута. Тогда время нашего полета неизмеримо возрастет до нескольких поколений, нескольких столетий...

— Конечно, конечно! Я знаком с основами баллистики, мистер Либби. Но почему вы отбрасываете другую альтернативу? Почему бы не увеличить нашу собственную скорость? Почему я не могу на свое усмотрение увеличить скорость, идя нынешним курсом?

Либби заволновался: «Капитан, конечно, может попытаться это сделать... Но это будет попытка превысить скорость света, что практически невозможно.»

— Именно это я и хочу подчеркнуть. Я знаю, что такое "практически невозможно", но в то же время меня всегда интересовало, оправдано ли такое предположение. Как раз сейчас и можно это проверить.

Либби заколебался: его чувство долга боролось с любопытством маститого ученого: «Капитан, если бы это было исследовательское судно, я бы сам с удовольствием решился на эксперимент. Пока что невозможно сказать, в каких условиях мы окажемся, если на самом деле превысим скорость света. Но мне кажется, что тогда мы будем полностью оторваны от электромагнитного спектра других тел. Сможем ли мы тогда видеть, куда летим?»

Либби основывал свои соображения не только на теоретических выкладках. Сейчас их приборы могли "видеть" лишь благодаря электронным устройствам. Для человеческого глаза оставшиеся позади полушарие было не более чем темным пятном. Даже самые короткие лучи в этом спектре человек не воспринимал. Можно было увидеть звезды прямо по курсу. Но их видимость объяснялась сверхконцентрацией длинных волн Герца, образовавшихся из-за невероятной скорости движения корабля. Темные "радиозвезды" горели, словно звезды первой величины. Звезды, чьи радиочастоты были меньше, терялись во мраке космоса. Знакомые созвездия изменились до неузнаваемости.

Тот факт, что они могли видеть объекты, искаженные под воздействием эффекта Допплера, подтверждался спектральным анализом. Линии Фраунхофера не только сместились к фиолетовому цвету, но и вышли за пределы всего спектра. А вместо них появилось нечто новое, ранее неведомое.

— М-да... Я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил Кинг. — Но тем не менее хочу рискнуть. Провалиться мне на месте, если я не сделаю этого! Да, конечно, об этом не может быть и речи, когда на борту пассажиры.

Хорошо, рассчитайте для меня приблизительные маршруты к солнцеподобным, но не слишком отдаленным звездам. Скажем, на первый раз в пределах десяти световых лет.

— В указанном квадрате таких звезд нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что там нет солнц?

— Есть. Это Тау Цети. До нее одиннадцать световых лет.

— Нет, эта — слишком яркая.

— Да, сэр. Но там же есть и другая, она в каталоге обозначена кодом ZD9817. Правда, до нее лететь вдвое больше.

Кинг опустилсся на стул.

— Этот вопросик я подброшу нашему руководству. Вы лучше скажите, что у нас со временем?

— Не имею понятия, сэр.

— Так просчитайте! Или дайте мне данные, и я рассчитаю сам. Я не говорю, что из меня получился бы хороший математик, как вы, но эту задачку смог бы решить любой мало-мальски грамотный инженер. Уравнения довольно просты.

— Это так, сэр, но у меня нет данных для уравнения, чтобы вычислить временное сжатие. Пока что я просто не знаю, как определить скорость корабля. Фиолетовое смещение использовать бесполезно: мы даже не знаем, что означают эти линии. Боюсь, что придется подождать, пока мы выработаем новые критерии.

Кинг вздохнул.

— Либби, иногда я задаюсь вопросом: зачем я вообще за это взялся? Ну, а если все-таки попытаться угадать, сколько же нам предстоит еще лететь?

— Долго, сэр, пожалуй, несколько лет.

— Правда? Ну что ж, бывало и похуже. Несколько лет, говорите? В шахматы играете?

— Да, сэр. — Либби не сказал, что давно бросил это занятие из-за отсутствия достойных соперников.

— Похоже, у нас впереди для этого уйма времени. E2-e4.

— Конь g8-f6.

— Не любите наигранных комбинаций? Ну что ж, мы еще сыграем. Пожалуй, мне следует убедить их лететь на ZD9817, хоть это и вдвое дольше. Надо предупредить Форда, чтобы он начинал разъяснительную работу.

— Да, кстати, я говорил вам о способе снижения скорости? При минусовом ускорении, равном земному, я полагаю, меньше чем за год мы сможем снова выйти на межзвездные скорости.

— Правда? Тогда, может быть, мы снизили скорость точно так же, как и набрали ее, с помощью вашего светового привода.

Либби покачал головой.

— К сожалению, сэр, недостатком светового привода является то, что он не учитывает ваши предыдущие маршрут и скорость. Если в безинерционном полете вы проходите вблизи какой-нибудь звезды, давление ее света отбросит вас от нее подобно пробке, вылетающей из бутылки шампанского. Когда исчезает инерция, тогда же исчезает и ваш импульс ускорения.

— Хорошо,— заключил Кинг,— тогда давайте предположим, что мы будем идти согласно вашему графику. Пока что я не могу с вами спорить. В этой вашей штуковине есть еще несколько вещей, в которых я до конца не разобрался.

— В ней еще довольно много вещей,— вполне серьезно ответил Либби,— в которых я сам — настоящий профан.

Корабль промчался мимо земной орбиты через десять минут после включения Либби своего космического привода.

На всем отрезке пути до орбиты Марса вместе с Лазарусом они обсуждали эзотермические физические аспекты действия прибора. Прошло еще минут пятнадцать.

Орбита Юпитера осталась далеко позади, когда Барстоу созвал организационное собрание. Правда, чтобы разыскать нужных ему людей по всему кораблю, Заккуру понадобилось не меньше часа. Когда же все уgomонились, то корабль миновал Сатурн. Земляне все еще дискутировали и не заметили, когда космолет подошел к Урану.

Командиром корабля Форда все же утвердили. В это время они находились возле Нептуна. Кинг стал капитаном. Он быстро подобрал себе команду, рассказал, что к чему. Во время одного из горячих споров об устройстве механизма космонавты и не заметили, что корабль прошел орбиту Плутона. К этому времени космолет в открытом космосе покрыл расстояние в четыре миллиарда миль.

Впрочем, с тех пор как Солнце своей энергией придало им чудовищное ускорение, прошло не больше шести часов.

И теперь вокруг космолета существовала только открытая галактика с мириадами солнечных комет и гипотетическими трансплутониевыми планетами. Ближайшие звезды находились на расстоянии нескольких световых лет. "Новый рубеж" устремился к ним в дерзкой попытке превысить скорость света.

Вперед, все дальше и дальше, в пустынные глубины Вселенной, где все линии почти выпрямляются, не искажаясь гравитацией.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом они уносились все дальше от родной планеты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Космолет неуклонно рвался вперед, в бездну пространства, и один световой год походил на другой как две капли воды. За это время Клань вполне приспособилась к жизни в космосе.

"Новый рубеж" имел почти цилиндрическую форму, и если он не набирал ускорения, то вращался вокруг своей оси для создания искусственной гравитации вблизи бортов корабля. Крайние, или "нижние", каюты представляли собой жилые помещения, тогда как внутренние, "верхние", использовались под склады и хранилища. Между каютами размещались магазины, гидропонные фермы и тому подобное. В самом центре, вдоль оси, располагались диспетчерская, конвертер и основной привод.

Конструкция напоминала устройство крупных межпланетных кораблей, используемых в наши дни, за исключением слишком больших размеров космолета. Это был целый город, где хватило бы места для двадцатитысячной колонии, а наличие дополнительного экипажа из десяти тысяч человек позволяло удвоить количество пассажиров при дальних перелетах к Проксиме Центавра. Однако сотысячная масса долгожителей создавала пятикратную нагрузку на все системы жизнеобеспечения корабля.

Чтобы уменьшить ее, должители начали погружаться в анабиоз. Переоборудовав некоторые каюты под склады, они освободили для своих новых нужд много места. Спящим должителям хватало и одного процента всей площади. Со временем на корабле появилось достаточно помещений для бодрствующих, сменяющих друг друга. Вначале никто добровольно не хотел погружаться в анабиоз — ведь эти люди обостренно воспринимали жизнь, унаследовав уникальные гены: уж слишком явно "охлажденный сон" напоминал сон вечный. И тем не менее большие неудобства, связанные с перенаселением корабля и утомительной монотонностью бесконечного путешествия, заставили многих из них пересмотреть свое мнение и пополнить ряды должителей, готовых при первой же возможности погрузиться в холодное забытие.

Те, кто оставался бодрствовать, выполняли необходимую работу: вели корабельное хозяйство, обрабатывали гидропонные поля, ремонтировали оборудование и особенно следили за поддержанием жизнедеятельности уснувших собратьев. Биомеханики разработали целый комплекс эмпирических формул, описывающих физическое состояние ослабленного организма, а также меры предосторожности при различных состояниях: внезапном ускорении, перепадах температур, применении медикаментов, а также возрастном нарушении обмена веществ и так далее. Размещая людей в верхних каютах, можно было свести к минимуму увядание организма, вызываемое ускорением (то есть, воздействием давления тканей организма на самих себя, что могло привести к пролежням). Но уход за спящими должен был осуществляться вручную: их надо было переворачивать, массажировать, проверять уровень сахара в крови, влияние перегрузок на сердечно-сосудистую систему, брать анализы для того, чтобы доведенный до крайне низкого уровня метаболизм не перешел в физическую смерть. Если не считать десятка коск в корабельной больнице, космолет не был приспособлен к размещению спящих пассажиров; не было здесь и автоматизированного оборудования, так что все это доставляло немало хлопот.

В одном из ресторанчиков, который постоянные посетители называли "Клубом", а те, кто туда практически никогда не ходил, — гораздо менее лестным словом, Элинор Джонсон встретила свою подругу Нэнси Уизерол.

Надо сказать, что здесь обычно собиралась довольно бойкая молодежь, и Лазарус был одним из немногих пожилых завсегдатаев: он любил шумное общество и к тому же не считал себя слишком старым.

Элино́р тихонько подкралась к подруге сзади и обняла ее:

— Нэнси! Так ты уже снова проснулась! Как я рада видеть тебя!

Нэнси, уворачиваясь от объятий, холодно ответила:

— Привет. Осторожнее, а то разольешь мой кофе.

— Вот это да! Ты что, не рада меня видеть?

— Ну, конечно. Но ты забыла, что если для тебя прошел год, то мне кажется, что я заснула только вчера, и все еще не могу до конца проснуться.

— Так сколько же времени ты уже не спишь?

— Всего пару часов. Как твой ребеночек?

— О, замечательно! — Лицо Элино́р просветлело. — Ты бы не узнала моего мальчика — он так вытянулся за этот год. Скоро будет мне по плечо, он с каждым днем все больше похож на своего отца.

Нэнси сменила тему: в кругу друзей Элино́р не принято было говорить о ее погибшем муже.

— Так чем ты занималась, пока я лодырничала? Все еще преподаешь в младших классах?

— Да. Впрочем, скорее нет. Я перехожу каждый раз в новую возрастную группу, когда мой Хьюберт подрастает. Сейчас он уже во втором классе.

— Почему бы тебе не заснуть на несколько месяцев и не отдохнуть от всей этой суеты? Если ты и дальше так будешь крутиться, то скоро превратишься в старуху.

— Нет,— сказала Элино́р.— Я не могу позволить себе расслабиться до тех пор, пока Хьюберт не станет достаточно взрослым, чтобы обходиться без чужой помощи.

— Да брось ты! У половины женщин-добровольцев малолетние дети, и я их ничуть не осуждаю. Вот, например, для меня все наше путешествие длится только семь месяцев. Я не прочь остаток пути тоже провести вверх ногами.

Элино́р не сдавалась.

— Нет уж, спасибо. Тебе, может быть, это и подходит, но мне и так хорошо.

Лазарус, который сидел за этой же стойкой и безжало́стно кромсал искусственный бифштекс, согласился:

— Она боится пропустить что-нибудь важное. Впрочем, как и я. Так что я бы не уговаривал ее.

Нэнси решила поменять тактику.

— Тогда заведи еще одного ребенка, Элиноор. В этом случае ты сможешь избежать рутинных обязанностей.

— Для этого нужен муж, — грустно заметила Элиноор.

— Но ведь в этом нет ничего невозможного. Вот, например, взяты Лазарус. Он может еще раз попробовать стать отцом.

Элиноор смутилась, а Лазарус залился краской, да так, что это стало видно даже под его вечным космическим загаром.

— А знаешь, — невозмутимо констатировала Элиноор, — я уже говорила с ним об этом, но была отвергнута.

Нэнси поперхнулась кофе и виновато посмотрела сначала на Лазаруса, потом на Элиноор.

— О, извините меня. Я ведь не знала...

— Ничего, — ответила Элиноор. — А все потому, что я — одна из его правнучек, четвертое поколение.

— Но ведь... — Нэнси загнулась, вспомнив об обычае не лезть в личную жизнь других. — Но ведь такое кровосмешение вполне разрешено законом. Наверное, дело не в этом! Или мне лучше помолчать?

— Помолчи, — согласилась Элиноор.

Лазарус неловко заерзал на сидении.

— Я наверняка старомоден, — признался он, — но мои принципы сформулировались давно. Дело тут не в генетике: я просто буду чувствовать себя не в своей тарелке, если женюсь на собственной правнучке.

Нэнси не на шутку удивилась.

— Вот это действительно предрассудки! А может, вы просто излишне скромны. Мне так и хочется предложить вам себя в жены и посмотреть, что из этого получится.

Лазарус уставился на нее.

— А ты попробуй и не пожалеешь!

Нэнси холодно осмотрела его с головы до ног, явно смутившись от такого ответа. Лазарус старался переиграть ее в гляделки, но потом все же отвел взгляд.

— Мои юные леди, я, пожалуй, вас покину. Уйма дел! — Он лихорадочно напялил шляпу, но Элиноор легким прикосновением руки остановила его.

— Не уходите, Лазарус. Нэнси у нас известная обольстительница, и здесь ничего не подделаешь. Лучше расскажите, где мы приземлимся?

— Так мы собираемся приземлиться? Вот интересно! А когда?

Стараясь говорить спокойно, Лазарус поделился с ними своими планами. Звезда типа Г-2, а проще говоря, одно из многих солнц, на которую они взяли курс несколькими годами раньше, сейчас уже находилась на расстоянии не более одного светового года — точнее, чуть более семи световых месяцев. И уже сейчас с помощью полуинтерферометрических методов можно определить, что звезда ZD9817, или просто "наша" звезда, окружена планетами, подобными Земле.

Всего через месяц, когда эта звезда будет на расстоянии какого-нибудь светового полугода, экипаж начнет торможение. С корабля будет снято осевое вращение, и в течение года он будет поддерживать на борту тяготение, равное по силе земному, приближаясь к звезде не на межзвездной, а на межпланетной скорости. Тогда они попробуют найти планету, где условия жизни напоминают земные. Поиск будет недолгим и легким, поскольку искомые планеты будут светиться так же, как в Солнечной системе Венера или Земля. Путешественников не интересовали далекие неприветливые планеты типа Нептуна или Плутона, до которых солнечное тепло почти не доходит; не слишком привлекает их и невыносимая жара на планетах вроде Меркурия. Если все же не удастся приземлиться на планету, напоминающую Землю, им придется в плотную приблизиться к необычному солнцу и под давлением света унести вдалеке в поисках приюта — с той только разницей, что теперь их не будет преследовать никакая космическая полиция и они смогут выбрать свой маршрут более тщательно.

Лазарус пояснил, что в любом случае сам "Новый рубеж" приземляться не будет: он может не выдержать своей огромной массы и развалиться. Вместо этого, когда нужная планета будет найдена, космолет выйдет на парковочную орбиту и выпллет передовые отряды в космических шлюпках.

Через несколько минут Лазарус покинул общество молодых женщин и направился в лабораторию, где Клань продолжали свои исследования по проблемам обмена веществ и геронтологии. Он ожидал встретить там Мэри Сперлинг; после разговора с Нэнси Уизерол он понял, что ему необходима только ее компания. Если он и впрямь

когда-нибудь задумает жениться, думал про себя Лазарус, то Мэри все-таки больше в его вкусе. Впрочем, Лонг не то чтобы подумывал об этом всерьез: просто отношения между ним и Мэри были дружескими.

А Мэри Сперлинг, задыхаясь в ограниченном пространстве корабля (и то же время не желая предаваться праздному "охлаждению"), обратила свои силы и мысли, ранее направленные на ожидание смерти, в созидательное русло и добровольно согласилась поработать лаборантом в исследовательском геронтологическом подразделении. У нее не было биологического образования, только золотые руки и живой ум; за долгие годы полета она стала прекрасным помощником доктора Гордона Харди, руководителя этой исследовательской программы.

Лазарус увидел Мэри, которая обрабатывала бессмертную ткань, получившую название "Мисс Куропатка". "Мисс Куропатка" была старше любого из долгожителей, за исключением, возможно, одного лишь Лазаруса: это был растущий кусок природной ткани, взятой из сердца цыпленка и полученной Кланами в двадцатом веке из Института Рокфеллера. Но уже к тому времени эксперименты над тканью велись несколько десятилетий. В общей сложности доктор Харди и его предшественники поддерживали жизнь этого кусочка более двух столетий, пользуясь методикой Каррела — Линдберга — О'Шауга. И "Мисс Куропатка", похоже, находилась в отличной форме.

Гордон Харди настоял на том, чтобы ему разрешили взять с собой эту ткань и необходимую аппаратуру в резервацию; он проявил не меньшее упорство, поддерживая в ней жизнь и во время полета. "Мисс Куропатка" продолжала жить и сейчас уже весила двадцать или двадцать пять килограммов — слепая, глухая и безмозглая, но, несомненно, живая.

Мэри уменьшала размер подопытной ткани.

— Привет, Лазарус,— поздоровалась она.— Отойди-ка в оторону, я сейчас открою инкубатор.

Наблюдая, как Мэри срывает лишнюю ткань, Лазарус не смог удержаться от вопросов.

— Мэри, — начал он, — что же поддерживает жизнь в этом простом куске мяса?

— Ты задал вопрос некорректно, — не отрываясь, ответила она. — Правильнее было бы спросить: а почему он должен погибнуть? Почему это не может продолжаться вечно?

— Уж лучше бы он действительно сгинул! — отозвался из глубины комнаты доктор Харди. — Тогда бы мы могли понять, почему он это сделал.

— Боюсь, шеф, что вы никогда этого не узнаете от нашей курочки, — сказала Мэри, продолжая осуществлять необходимые манипуляции. — Все дело в половых железах, а их-то у нее и нет.

— Гм! А что вам известно об этом?

— Просто женская интуиция. А вы что знаете об этом?

— Ничего, ровным счетом ничего! Уж не знаю, что мне и делать с вами и вашей интуицией.

— Это ваши проблемы. По крайней мере, — лукаво заметила она, — могли бы и прислушаться, ведь я вас знаю чуть ли не с пеленок.

— Типично женский аргумент. Мэри, этот кусок ~~мышечной~~ ткани вкохтал и откладывал яйца задолго до того, как мы оба с вами родились, но толку от него никакого. — Он зло посмотрел на "Мисс Куронатку". — Вы знаете, Лазарус, я бы охотно променял ее на парочку карпов — мужскую и женскую особь.

— А при чем тут карпы? — удивился Лазарус.

— Да при том, что карпы, как мне представляется, не умирают. Их убивают, их съедают или морят голодом, подвергают всяким инфекциям, но, насколько нам известно, они не умирают сами по себе.

— Почему же?

— Вот это я и пытался выяснить перед тем, как мы отправились в наше вынужденное путешествие. У них совершенно необычная кишечная флора, и в этом, может быть, все дело. Но скорее причина в том, что они постоянно набирают вес.

Мэри чуть слышно произнесла несколько слов, и Харди повернулся к ней:

— Ну, что там еще? Снова снизошло какое-нибудь озарение?

— Я просто сказала, что амёбы тоже не умирают. Вы сами говорили мне о том, что любой живой амёбе пятьдесят миллионов лет или что-то около того. Но ведь они не разрастаются до гигантских размеров, а уж внутренней флоры в них и подавно нет.

— Поскольку и кишки где-то потерялись, — весело подмигнул Лазарус.

— Весьма остроумно, но я ведь сказал вам правду. Они не умирают, а просто спариваются и продолжают себе

жить дальше. Дело не в каких-то кишках, — нетерпеливо продолжал Харди. — Здесь можно провести структурную параллель. Но у меня руки опускаются из-за нехватки экспериментальных данных. Лазарус, я очень рад, что вы зашли. Я как раз хотел просить вас об одной услуге.

— Ну, говори, что там еще, пока я не растаял, как мед.

— Знаете ли вы, что сами представляете значительный интерес? Вы ведь не следовали нашим генетическим моделям: вы сами были одним из прародителей. Конечно, я не стану совать вас в инкубатор; я просто хочу провести медицинское обследование.

Лазарус фыркнул.

— Со мной все в порядке, приятель. Но лучше ты скажи своему преемнику, чем заниматься дальше: ты можешь и не прожить так долго. И могу поспорить с тобой на все, на что хочешь — никто не найдет ничего особенного, ковыряясь в моем трупе.

Планета, которую они себе выбрали, была вся покрыта зеленью и выглядела так свежо и молодо, как и прародина землян. Причем не только эта планета напоминала Землю, но и вся планетная система звезды походила на солнечную: небольшие небесные тела вокруг светила и массивные гиганты наподобие Юпитера — на ее окраинах. Космологи так и не смогли в свое время объяснить устройство Солнечной системы, выдвигая различные теории и на все лады пытаясь привести физико-математические "доказательства" того, что другой такой системы может и не быть. И вот теперь оказывается, что такое устройство не является уникальным, а скорее — весьма обычно для космоса.

Но гораздо более важным и волнующим стал тот факт, что телескопы бортовых исследователей зафиксировали на планете жизнь, причем разумную и даже цивилизованную! Можно было рассмотреть построенные там города, инженерные сооружения причудливых форм и неизвестного пока назначения — точно так же, как видны из космоса признаки жизни на Земле.

Весьма немаловажным было и то, что планетяне не занимали все пригодное для жизни пространство. Может быть, и найдется для вновь прибывших колонистов укромное место на этих континентальных просторах — если, конечно, их здесь ждут...

— По правде говоря, — рассуждал капитан Кинг, — я и не ожидал найти здесь что-нибудь подобное. Наверное, тут живут какие-нибудь примитивные аборигены, я уже не говорю о неизвестных нам животных. Хотя, конечно, в глубине души я считаю, что наш земной род — единственная полноценная цивилизация. Так что здесь нам придется вести себя очень осторожно.

Кинг сформировал из членов экипажа разведывательную группу, которую возглавил Лазарус: капитану импонировали его здравый смысл и воля к жизни. Вначале Кинг и сам хотел отправиться с экспедицией, но осознание того, что он необходим прежде всего на корабле, заставило его отказаться от своего первоначального намерения. А вот Слейтону Форду ничто не могло помешать, и поэтому Лазарус назначил его и Ральфа Шульца своими помощниками. Остальные члены группы — специалисты в различных областях — биохимики, геолог, эколог, стереограф, психологи и социологи всех направлений должны были наблюдать за аборигенами и изучать их. Был среди них даже один авторитетный специалист в области структурной теории Маккелви, которому поручалось найти способ общения с планетянами.

Решили оружия с собой не брать. Кинг настоял на этом.

— Ваша разведывательная группа идет на риск, — прямо заявил он Лазарусу. — Может быть, нам даже придется пожертвовать вами, но нанести ущерб им по каким бы то ни было причинам, даже в целях самообороны, мы не можем. Вы послы, а не солдаты. Помните об этом.

Лазарус вернулся в свою каюту, взял бластер и с серьезным видом передал его Кингу. Впрочем, он ни словом не обмолвился о другом оружии, которое всегда носил на поясе.

Как только Кинг дал команду погрузиться в шлюпки и приступить к выполнению задачи, в комнату ворвалась Дженис Шмидт, главная медсестра, которая обслуживала отделение инвалидов детства. Она смело растолкала мужчин и бросилась прямо к капитану.

Такое, действительно, могла сделать только медсестра, а Дженис было не занимать упрямства, к тому же, за свои сто лет работы она побывала в разных переделках.

— Что вы себе позволяете? — рассердился Кинг, едва заведя ее в двери.

— Капитан, я должна немедленно поговорить с вами об одном из своих маленьких пациентов.

— Сестра, вы явно пришли не вовремя. Уходите и подождите меня в кабинете, да не забудьте пригласить главврача.

Подбоченясь и перегородив дорогу, Дженис стояла на своем.

— Нет уж, вы меня выслушаете прямо сейчас. Это ведь передовая группа, да? Мне нужно кое о чем вам рассказать, прежде чем вы туда отправитесь.

Капитан хотел было отстранить ее, но затем передумал.

— Только побыстрее. У нас уже все спланировано.

Медсестра быстро заговорила. Ханс Уизерол, юноша девятинадцати лет ~~отроду, который сохранил свой юный вид~~ вследствие сверхъестественного функционирования щитовидной железы, был одним из ее пациентов. У него был недоразвитый, но отнюдь не дебильный мозг, и он страдал хронической апатией и нервно-мышечной недостаточностью, которая настолько ослабляла его, что он не мог даже самостоятельно обслуживать себя, но при этом юноша обладал необычайными телепатическими способностями. Ханс живо описал медсестре планету, на орбите которой находился их корабль. Эту информацию ему передали друзья с планеты, и, более того, они его там ждут.

Старт шлюпки пришлось задержать до тех пор, пока Кинг и Лазарус не приняли решение выслушать Ханса. Он поведал им новые детали и ценные данные, часть из которых можно было проверить и подтвердить на приборах. Однако ничего вразумительного о своих "друзьях" он сказать так и не смог.

— О, это обычные люди, — Ханс искренне удивился непонятливости собеседников. — Во многом похожи на тех, что остались у нас дома. Хорошие люди. Ходят на работу, в школу, в церковь. Растят детей и вообще наслаждаются жизнью. Они вам понравятся.

Однако он требовал взять его с собой: на планете друзья ждут его, и поэтому ему необходимо идти вместе с передовым отрядом. Лазарусу ничего не оставалось, как против своей воли включить в свою группу Ханса Уизерола, Дженис Шмидт и прихватить для Ханса носилки.

Когда через трое суток передовой отряд возвратился на корабль, Лазарус передал конфиденциальный отчет Кингу, а специалисты представили свои доклады чуть позже, каждый по своей отрасли.

— Капитан, планета похожа на Землю настолько, что наверняка может породить ностальгию. Но в то же время все так отличается, что иногда в дрожь бросает — будто смотришь в зеркало и вместо своего отражения видишь существо с тремя глазами и без носа. Неприятное ощущение.

— Так расскажи подробнее об аборигенах!

— Подожди, все по порядку. Сначала мы облетели вокруг освещенной стороны с целью визуального наблюдения. Ничего особенного, это мы уже видели через телескопы. Потом я спустил нилюку туда, куда мне указал Ханс — на площадку в самом центре одного из их городов. Сам бы я ни за что не выбрал этого места: предпочел бы сесть где-нибудь на лесной поляне и пойти в разведку. Но ведь ты приказал действовать так, как того хочет Ханс.

— Ты мог при необходимости поступать и по своему усмотрению, — заметил Кинг.

— Да. Впрочем, зачастую так и приходилось делать. К тому времени, как специалисты взяли пробы воздуха и оценили обстановку, вокруг нас уже собралась приличная толпа. Они — ну, как бы это тебе сказать... Ты ведь смотрел стереографии?

— Да. Навероятно, но это андроиды.

— Тоже мне, андроиды! Это мужчины. Не люди, но тем не менее мужчины. — Лазарус был не на шутку озадачен. — Что-то мне все не очень нравится.

Кинг не стал возражать. На картинках были изображены двуногие существа семи-восьми футов, двусторонне симметричные, с ярко выраженной скелетной внутренней системой, непропорционально большими головами и глазами, похожими на блюдца. Эти глаза, пожалуй, были одной из черт, которые больше всего делали их похожими на людей — большие, влажные, с каким-то трагическим выражением, и такие печальные, какие бывают у преданных умных сенбернаров.

Неудивительно, что глазам уделялось столько внимания: другие черты были отнюдь не столь привлекательны. Кинг с трудом заставил себя посмотреть на широкие беззубые рты, раздвоенные верхние губы. Он подумал, что

пройдет немало времени, прежде чем можно будет привыкнуть к этим существам.

— Продолжай, — попросил он Лазаруса.

— Мы открыли люки, и вначале я вышел один, показывая, что в руках у меня ничего нет и всем своим видом демонстрируя дружелюбие. От толпы отделились трое и направились к нам. Я бы сказал, с большой готовностью. Впрочем, они почти тут же потеряли ко мне всякий интерес; казалось, они ждут кого-то другого, и я приказал вынести Ханса на носилках.

— Шкипер, вы просто не поверите. Они сгрудились вокруг Ханса, как будто это был их давно пропавший брат. Нет, я даже не могу этого описать. Скорее, они встречали его как короля, который с триумфом возвращается на родину. Они старались оказывать и нам хоть какие-то знаки внимания, но от Ханса были просто без ума.

Лазарус остановился в нерешительности.

— Капитан... Ты веришь в перевоплощение?

— Не до конца. Я еще не решил этот вопрос для себя. Но, конечно же, я знаком с докладом комиссии Фролинга.

— Я и сам об этом не особенно задумывался. Но как иначе ты можешь объяснить прием, который они оказали Хансу?

— Меня это пока не очень интересует. Продолжай дальше. Как ты думаешь, можно ли нам у них поселиться?

— О, на этот счет они не оставили никаких сомнений, — ответил Лазарус. — Видишь ли, Ханс действительно может общаться с ними при помощи телепатии. Ханс сказал нам, что их Боги дали нам разрешение поселиться здесь, и аборигены уже даже разработали планы нашего размещения.

— Это правда?

— Сушая правда. Они хотят, чтобы мы у них остались.

— Но ведь это замечательно!

— Ты так думаешь?

Кинг внимательно посмотрел на кислую мину Лазаруса.

— Послушай, но в своем докладе ты обрисовал благоприятную картину во всех отношениях. Что же тебя тревожит?

— Сам не знаю. Я бы предпочел найти планету, где бы мы были предоставлены самим себе. Капитан, такая легкость наверняка таит в себе какие-нибудь неприятности.

Джокайра (или, если хотите, Жажейра, как называют их некоторые земляне) отдала весь город в распоряжение колонистам.

Такое удивительное дружелюбие со стороны местных жителей и непреодолимое желание землян походить босиком по настоящей траве и подышать свежим воздухом ускорило их высадку на планету. Сначала предполагалось, что для этого понадобится около земного года, а спящих долгожителей можно будет разбудить при первой же возможности, которая появится на новом месте обитания. Единственным сдерживающим фактором стало отсутствие большого количества плюпок, которые бы могли сразу взять на борт сотысячную массу людей.

Правда, города джокайра не были приспособлены для удовлетворения нужд землян. Да и самих джокайра нельзя было назвать человеческими существами. Их физические потребности отличались от земных, а о культурных различиях говорили инженерные сооружения, возведенные в городе. Но город, причем любой — это механизм для обеспечения некоторых практических нужд: укрытия, снабжение продовольствием, медицинское обслуживание, средства связи; сама внутренняя логика первоочередных жизненных потребностей порождает различия в решении этих вопросов в разных условиях. По-видимому, любые теплокровные существа, представители которых дышат кислородом, приспособятся в подобных условиях к любой непривычной обстановке. Во многом города джокайра напоминали фантазии художников-сюрреалистов. Однако землянам на своей планете приходилось жить и в юртах, и в бунгало, и в киберавтоматизированных капсулах под антарктическими льдами, так что им не составило особого труда перебраться в город джокайра и, конечно же, приспособить его к своим нуждам.

Это оказалось довольно легко, хотя работы было много. Хорошо, что в городе имелось много зданий — простых убежищ с крышей над головой, искусственными перегородками и помещениями, которые могли обеспечить элементарные нужды людей. Какая разница, для чего служили эти здания самим джокайра; земляне могли их применять по своему усмотрению для сна, отдыха, еды, работы и под склады. Существовали там и настоящие

пещеры, можно сказать, что джокайра любили подземную жизнь даже больше, чем мы.

В распоряжении жителей имелась свежая питьевая вода, которая насосами подавалась для пищевых и бытовых нужд. Но одним из недостатков стало отсутствие водопроводной системы: в городе не было дренажных сооружений. "Джоки" не любили водных процедур и удовлетворяли свои гигиенические потребности иным образом. Потребовалось немало усилий для того, чтобы организовать систему канализации и мусоропровода и приспособить их к условиям города. Первоначально упор делался на удовлетворение хотя бы минимальных потребностей; а принятие ванны — что ж, просто роскошь, пока не увеличится подача воды и пропускная способность канализации хотя бы в десять раз. Впрочем, ванна — это все-таки не первая необходимость.

Но все было мелочью по сравнению с решением действительно важной проблемы — организацией гидропонного земледелия, поскольку большинство спящих можно было будить только после того, когда будут заготовлены необходимые запасы продовольствия. Многие требовали всего и сразу, настаивали на немедленном вывозе с корабля всех комплектов гидропонного оборудования, чтобы разместить его и запустить на полную катушку на планете. Но более осторожное меньшинство долгожителей выступало за создание нескольких заводов, продолжая выращивать необходимые культуры и на "Новом Рубеже". Они резонно замечали, что какой-нибудь неизвестный грибок или вирус может погубить урожай на планете — и начнется повальный голод.

Меньшинство, линию которого последовательно подерживали Форд и Барстоу (в этом им немало помогал и капитан Кинг), добились своего: на планету был перемещен один гидропонный сельскохозяйственный комплекс, который предварительно разбили на более мелкие подкомплексы, чтобы их удобно было перевозить в космических пилонках.

Но даже и тут, как оказалось, перестарались. Натуральные продукты джокайра вполне годились в пищу, а сами аборигены охотно делились ими. Теперь усилия были направлены на то, чтобы культивировать на новых плантациях растения с Земли, пополняя ассортимент выращиваемых на планете культур. Джокайра взяли эту заботу

на себя и доказали, что являются неплохими фермерами (их благодатная земля даже не нуждалась в искусственных удобрениях), и, казалось, все были в восторге от того, что могут доставить радость новоселам.

Как только позволили условия, Форд перевел в город свой штаб по переселению, а Кинг остался на корабле. Спящих долгожителей будили по мере необходимости и возможностей с учетом той новой роли, которая им отводилась на планете. И хотя уже было достаточно продовольствия, воды и отстроены жилища, многое еще следовало сделать, чтобы обеспечить минимальный комфорт и приличные условия жизни. Культурные традиции землян и джокайра разительно отличались друг от друга. Джокайра вели себя очень дружелюбно и пытались помогать землянам, но иногда они никак не могли понять, почему пришельцы делают то или другое. Аборигены так и не свыклись с идеей невмешательства в личную жизнь: все здания в городе не имели перегородок, а несущими конструкциями для них служили колонны или столбы. Джокайра никак не могли взять в толк, зачем людям нужно разделять эти милые их сердцу длинные свободные пространства и по каким таким причинам человек иногда хочет побыть один.

Очевидно (до конца это выяснить не удалось, потому что уровень общения с ними не был адекватным), они в конце концов решили, что удлинение имсет для землян значение в связи с их религиозными верованиями. Во всяком случае, вскоре они и в этом стали оказывать гостям помощь, принося тонкие листы из неизвестного материала, который можно было использовать для перегородок — правда, только с помощью местных инструментов. Попытки изучить структуру материала, которые неизменно заканчивались неудачей, доводили земных инженеров до умопомрачения. Материал был коррозиестойчив, и даже его обработка кислотой не возымела никакого действия. Сверхтвердые алмазные инструменты разлетались от прикосновения к нему на куски, он не плавился от жары и не крошился от холода. Материал оказался на удивление свето-, звуко- и лучепроницаемым. Предел его прочности при растяжении невозможно было определить по той простой причине, что его нельзя было поломать. Но при помощи инструментов джокайра, даже если ими пользовались земляне, можно было его

резать, трансформировать и соединять с другими такими же листами.

Земным инженерам ничего не оставалось, как смириться с фактом существования такого вещества. По степени технологического контроля над природой джокайра были похожи на землян, однако их развитие шло по несколько иному пути.

Самые главные различия между двумя культурами лежали не в области техники. При том, что джокайра были необычайно дружелюбны и во всем старались помочь, они не были людьми. И мыслили по-другому, оценивая по-своему действительность; и общественные структуры, и строение языка указывали на наличие качеств, не присущих человеку.

Оливер Джонсон, семантик, которому поручили разработать язык для общения, сначала считал свою задачу очень простой, пользуясь таким надежным каналом связи, как Ханс Уизерол.

— Конечно, Ханс — не гений, — пояснял он Слейтону Форду и Лазарусу. — Он многого не умеет, поскольку все-таки слаб умом. Знает лишь малое количество слов, которое я могу перевести с его помощью, а некоторые идеи он, к сожалению, не может даже воспринять. Но в целом мне уже удалось составить довольно неплохой глоссарий, который в дальнейшем можно будет дополнить.

— А разве этого еще недостаточно? — поинтересовался Форд. — Я где-то читал, что для передачи практически любой идеи достаточно около восьмиста слов.

— Да, в какой-то степени это так, — согласился Джонсон. — В обычных ситуациях можно обойтись и тысячей слов. Я отобрал около семиста их терминов, в основном глаголов и существительных, чтобы составить для нас обиходный словарь. Но вот с тонкостями и оттенками придется подождать, пока мы не узнаем и не поймем их лучше. Пока нам не хватает слов, чтобы заняться высокими абстракциями.

— Ерунда, — заметил Лазарус. — Семи сотен слов должно хватить. Вот лично я, например, не собираюсь заниматься с ними любовью или обсуждать поэтические произведения.

Как оказалось, такой подход во многом был оправданным; большинство колонистов за две-три недели смогли запомнить достаточно джокайранских слов и уже вскоре болтали на этом странном наречии так, словно это был

их родной язык. Все земляне знали семантику и владели мнемоническими навыками; они, движимые необходимостью, довольно легко освоили основные слова и понятия. К этому вынудили их обстоятельства, но, кроме того, здесь была и возможность попрактиковаться. Пожалуй, только небольшое число закоренелых провинциалов полагало, что именно "туземцам" стоит заняться изучением английского языка.

Но джокайра не учили английского. Во-первых, никто из них не проявил к этому ни малейшего интереса. Во-вторых, наивно было бы полагать, что миллионы этих существ займутся изучением языка каких-то нескольких десятков тысяч поселенцев. И в любом случае почти полное отсутствие верхней губы не позволило бы им выговаривать такие губные звуки, как "м", "п" или "б", тогда как земляне могли без особого труда произносить гортанные, свистящие и шипящие звуки, да издавать щелчки, с помощью которых общались местные жители.

Лазарусу пришлось пересмотреть свое прежнее нелестное мнение о джокайра. Если привыкнуть к их необычной внешности, их просто нельзя было не полюбить, ведь они были так гостеприимны, щедры и дружелюбны. Лонг особенно привязался к Креелю Сарлоо, который практически выполнял роль связного между Кланами и джокайра. Среди своих соплеменников Сарлоо занимал должность, которую приблизительно можно было перевести как "начальник", "отец", "священник" или "вождь" племени, к которому он принадлежал и которое носило имя Креель. Он пригласил Лазаруса к себе в гости. А жил он в городе, расположенном неподалеку от поселения колонистов.

— Мои люди хотят увидеть тебя и понюхать твою кожу, — сообщил он. — Это доставит им большую радость. И Боги будут довольны.

Казалось, Сарлоо не мог произнести ни одной фразы без упоминания о Ёгах. Впрочем, Лазарусу это было безразлично; он был вполне терпим к другим религиям.

— Я обязательно приду, дружище Сарлоо. Для меня это тоже будет большой радостью.

Сарлоо повез его на обычном для джокайра средстве передвижения, которое представляло собой бесколесную тележку и очень напоминало ступу, она могла двигаться бесшумно и довольно быстро над землей, скользя у самой ее поверхности. Лазарус присел на корточки, держась за

борт посудины, а Сарлоо тем временем мчался на такой скорости, от которой у Лонга перехватило дыхание.

— Сарлоо! — Лазарус повсю старался перекрыть свист ветра. — Как эта штука работает? Что ею движет?

— Это Боги дышат на... — он употребил слово, значение которого было неизвестно собеседнику, — и способствуют его перемещению.

Лазарус попросил объяснить более подробно, но вскоре прекратил расспросы. В ответах ему почудилось что-то хорошо знакомое, и он теперь вспомнил, что именно. Когда-то на Венере он объяснял одному инженеру, как встарь работали дизельные двигатели. Тогда он и не пытался сохранить этот принцип в тайне — просто у них с собеседником не хватало общих понятий, терминов, чтобы описать это явление.

Ну что ж, решил он, попытаемся выяснить это другим способом.

— Сарлоо, я хотел бы посмотреть на то, что происходит внутри, — настаивал Лазарус, показывая на предмет, похожий на двигатель. — У тебя есть картинки?

— Картинки есть, — ответил Сарлоо, — но они сейчас находятся в храме. — Он укоризненно посмотрел своими большими глазами на Лазаруса, давая ему понять, что у него не хватает благоговения перед Богами. Лазарус поспешил сменить тему.

Воспоминания о венерианцах заставили его задуматься и о другом. Обитатели Венеры, отрезанные от остальной Солнечной системы густой облачностью, просто ничего не знали об астрономии. Прибытие землян заставило их пересмотреть свои концепции мироздания, но лишь частично. Земляне имели все основания полагать, что и после этого их представления не очень-то изменились. Лазарусу было интересно знать, что думают джокайра о визитерах. Они ведь даже не удивились, а почему?

— Сарлоо, — вновь заговорил он, — ты знаешь, откуда пришел я и мои собратья?

— Знаю, — ответил Сарлоо. — Вы прилетели с далеской звезды — такой далеской, что сменится множество времен года, пока даже свет пройдет это расстояние.

Лазарус посмотрел на него, приятно удивившись:

— Кто рассказал тебе об этом?

— Боги. И твой брат Либби тоже говорил.

Лазарус готов был отдать голову на отсечение, что боги ничего и не слышали об этом, пока Либби сам не растолковал Креелю Сарлоо всю правду, но решил не возражать. Кроме того, ему не терпелось спросить Сарлоо, удивился ли он появлению пришельцев из космоса, но не смог вспомнить ни одного слова, которым джокайра обозначают недоумение или удивление. Тем временем Сарлоо продолжал:

— Праотцы моего народа подобно вам тоже летали в небесах, но это было еще до появления Богов. Но мудрые Боги попросили нас этого не делать и остаться здесь.

А вот это уже ложь чистой воды, подумал Лазарус. На всей планете не было ни малейшего признака того, что джокайра хоть когда-нибудь поднимались в воздух.

В этот вечер в доме Сарлоо Лазарусу пришлось стать участником необычного действия, которое, как он предполагал, представляло собой изысканный прием и развлечение гостя, то есть его самого. Он сидел на корточках возле Сарлоо на невысокой платформе посреди широкой комнаты, где жили члены рода Креель, и добрых два часа выслушивал жуткое завывание, которое, надо полагать, было чем-то вроде джокайранского песнопения. Про себя Лазарус отметил, что если дюжине собак одновременно наступить на хвост, то эти звуки будут куда приятнее, чем то, что ему пришлось услышать, но он с достоинством выдержал испытание и даже пытался всем видом показать, что все это ему чертовски нравится.

Лонг вспомнил, как Либби доказывал, что этот массовый вой действительно представляет собой джокайранскую музыку и что землянам она со временем даже может понравиться, если они прочувствуют ее особую мелодику. Лазарус сильно в этом сомневался, однако вынужден был признать, что Либби во многом понимал джокайра лучше него. Например, Энди просто был в восторге, обнаружив математические способности у аборигенов. В частности, они могли манипулировать цифрами почти так же, как и он, обладавший необычными для землян способностями. Применявшиеся ими методы вычислений разительно отличались от земных. Число, любое число — большое или малое — они воспринимали как уникальную данность, которую можно постичь только целиком, не разбивая ее на более мелкие элементы. Кроме того, они оперировали для своего удобства любыми системами исчисления,

пользуясь рациональными и иррациональными числами, а то и вовсе какими-то особыми методами.

Просто счастье, отмечал про себя Лазарус, что Либби — "математический переводчик" в общении с планетянами, иначе землянам вряд ли удалось бы понять принцип действия многих технологий, с которыми знакомили их джокайра. Но при этом он не мог не задаться вопросом, почему джокайра не проявляли ни малейшего интереса к земным технологиям, которые им демонстрировали пришельцы?

Неблагозвучные завывания стихли, и Лазарус снова сосредоточился на происходящем. Принесли пищу, и джокайра разделались с ней с таким же массовым энтузиазмом, как они делали любое другое дело. «Достоинство отдельного человека, — подумал Лазарус, — вещь, о которой эти ребята вряд ли слышали». Огромная чаша около полуметра в диаметре с какой-то дымящейся аморфной массой была выставлена перед местом, где сидел Сарлоо. Не меньше десятка Креелей моментально столпились вокруг нее и принялись пожирать, даже и не думая уступать место своим старшим собратьям. Не церемонясь, Сарлоо оттолкнул нескольких своих родственников и запустил руку в блюдо, захватив кусок массы. Затем он скатал ее в комок и поднес два больших пальца ко рту Лазаруса. Лонг не отличался особой брезгливостью, но все же ему стоило немалых усилий напомнить самому себе, что пища джокайра вполне годится для землян и что от них он не добьется вразумительных ответов, если не попробует отборное кушанье.

Он откусил довольно приличный кусок. Гм... Неплохо: что-то мягкое и липкое без особого запаха. Не особенно вкусно, однако есть можно. Твердо решив не посрамить род человеческий, он съел еще немного массы, мысленно обещая себе вскоре поесть по-настоящему. Когда же Лазарус почувствовал, что еще один кусок может стать последним в его жизни, большой жизненный опыт подсказал ему довольно простой выход из положения. Вытащив из тарелки аппетитное на вид вареву, Лонг скатал из него мячик, который и предложил Сарлоо.

Этот жест был воспринят с пониманием. Весь остаток трапезы Лазарус кормил Сарлоо, кормил до тех пор, пока руки не устали, пока он искренне не подивился способности своего хозяина проглотить такое количество еды.

Поев, они заснули, и Лазарус спал вместе со всеми, в буквальном смысле — одной семьей. Джокайра спали там же, где и ели, без каких бы то ни было кроватей, и ложились, где придется, как падающий с дерева лист или как щенята, пристроившиеся возле своей матери. К своему удивлению, Лазарус спал хорошо и проснулся только тогда, когда солнце появилось в дырявой крыше пещеры и игриво брызнуло своими лучами ему в глаза, возвещая о новом дне. Сарлоо спал рядом, мирно и почти но-земному похрапывая. Лонг почувствовал, что какой-то маленький джокайра удобно примостился прямо у него на животе.

Вдруг Лазарус услышал у себя за спиной какое-то движение и резко обернулся. Еще один маленький джокайра, по земным меркам — лет шести, вытащил спрятанный у него бластер и теперь с любопытством разглядывал своими большими глазами дуло и спусковой крючок. Осторожно забрав у малыша смертельную игрушку, Лазарус с облегчением отметил, что предохранитель на месте, и пристегнул оружие к ремню. Ребенок с обидой посмотрел на него и, казалось, он вот-вот расплчется.

—Тс-с! — прошептал Лонг.— А то разбудишь всех.

Он взял малыша на руки и, прижав к себе, стал убаюкивать; маленький джоки прильнул к нему, уткнулся своим влажным ротиком в плечо и вскоре засопел.

"Маленький симпатичный чертенок,— подумал Лазарус, глядя на юного джокайра.— Возможно, я и полюбил бы тебя, если бы смог хоть когда-нибудь привыкнуть к твоему запаху".

Некоторые инциденты между двумя цивилизациями могли показаться забавными, если бы не несли в себе потенциальные неприятности: взять, например, случай с сыном Элинор Джонсон, Хьюбертом. Этот долговязый юнец был приставлен наблюдать за порядком на тротуарах. Однажды он сидел, наблюдая, как два техника, один из которых был человеком, а другой — джокайра, приспособивали джокайранский источник питания к какому-то земному механизму. Возможно, мальчик понравился джокайре, и тот с наилучшими намерениями взял его на руки.

Мальчик заплакал. Мать, которая старалась не упускать его из виду, сцепилась с джокайра. Конечно, у нее не

хватило сил повергнуть наземь этого верзилу, но инцидент оставил неприятный осадок.

Администратор Форд и Оливер Джонсон приложили максимум усилий, чтобы объяснить изумленным джокайра, что же произошло. К счастью, они просто опечалились, не собираясь мстить людям.

Форд вызвал Элинор Джонсон к себе.

— Своим поступком вы поставили под удар всю нашу колонию!

— Но я ведь только...

— Не возражать! Если бы вы не баловали своего ребенка, он не стал бы визжать. И если бы вы не были законченной идиоткой, то не стали бы давать волю рукам. После этого случая мы отладим мальчика в обычное воспитательное заведение, и вам придется с ним расстаться. Если я увижу еще хотя бы одно проявление враждебности к джокайра с вашей стороны, я прикажу вас надолго заморозить. Можете идти!

Почти такие же строгие меры Форд вынужден был применить и к Дженис Шмидт. Интерес, который джокайра проявили к Хансу Уизеролу, распространялся на всех дефективных телепатов. Казалось, планетяи бросало в благоговейную дрожь от одной только мысли, что эти ребята могли общаться с ними непосредственно. Креель Сарлоо сообщил Форду о том, что джокайра хотели бы поместить телепатов в отдельном храме вдали от поселений остальных землян и что планетяне хотели бы ухаживать за каждым из них персонально. Это больше походило на приказ, чем на просьбу.

Дженис Шмидт нехотя подчинилась увещаниям Форда. В этом джокайра необходимо было пойти навстречу в знак благодарности за то, что они сделали для всех землян, и Дженис ревностно наблюдала, как за ее мальчиками ухаживают няньки-джокайра.

Однако все телепаты, уровень интеллекта которых хоть ненамного превышал уровень Ханса Уизерола, при одном только приближении джокайра-нянек впадали в психоз, и вывести их из этого состояния было невозможно. Таким образом, Форд получил еще одну головную боль. Дженис Шмидт действовала более решительно и изобретательно, чем Элинор Джонсон. Форду пришлось вырвать у нее клятву, что она будет вести себя смирно под угрозой увольнения и лишения возможности видеть своих "дорогих

деток". Кресль Сарлоо, расстроенный и потрясенный до глубины души, пошел на компромисс, позволив Дженис и нескольким младшим сестрам из ее персонала заботиться о бедных психопатах, тогда как джокайра продолжали ухаживать за самыми слабоумными пациентами.

Но наибольшая проблема возникла из-за... родовых имен.

У всех джокайра были собственное имя и фамилия. Число родовых имен было ограничено, почти так же, как в Кланах. Фамилия аборигена также указывала на его племя и храм, который он обожествлял.

С этим и пришел Кресль Сарлоо к Форду.

— Великий Отец Дивных Братьев,— сказал он,— настало время вам и вашим детям выбрать себе родовое имя.

Так или примерно так прозвучало заявление Кресля Сарлоо в переводе на земной язык.

Форд уже успел привыкнуть к трудностям в общении о джокайра.

— Сарлоо, друг мой и брат,— ответил он,— я слышу твои слова, но не понимаю их. Объясни мне, что ты имеешь в виду.

Сарлоо стал объяснять снова: «О дивный брат, времена года сменяют друг друга, и наступаст период созревания. Боги сообщили нам, что вы, Дивные Братья, уже многому научились (?) и теперь должны выбрать себе племя и родовое имя. Я пришел, чтобы обсудить наши приготовления (церемонии?), после которых каждый выберет себе фамилию. Сейчас я говорю от имени Богов. Но я также скажу и от себя лично, что мне доставит огромную радость, если вы, мой брат Форд, выберете храм Креслей».

Форду нелегко было понять, чего от него хочет собеседник.

— Я очень рад слышать о твоем желании, чтобы я носил твою фамилию. Но у моих братьев уже есть собственные фамилии.

Сарлоо сморщил и без того безобразные губы.

— Их нынешние имена — не более чем простые слова. Теперь же им необходимо получить настоящие фамилии, войти в свой храм и избрать себе божество, которому они будут поклоняться. Дети растут и вырастают, когда-нибудь они перестают быть детьми.

Форд понял, что ему необходимо с кем-то посоветоваться.

— Это нужно сделать прямо сейчас?

— Не сегодня, но в ближайшем будущем. Боги терпеливы.

Слейтон пригласил к себе Заккура Барстоу, Оливера Джонсона, Лазаруса Лонга и Ральфа Шульца и рассказал им о своем разговоре. Джонсон несколько раз прокрутил запись разговора, стараясь вникнуть в смысл сказанного. Он подготовил несколько вариантов перевода, однако не смог прибавить ничего нового по существу дела.

— Похоже, речь идет о том, чтобы обратиться в их веру или же убраться,— заключил Лазарус.

— Да, — согласился Барстоу, — речь наверняка идет об этом. Ну что ж, я думаю, мы можем себе позволить пойти на эксперимент. Лишь немногие из нас имеют столь сильные религиозные предрассудки, чтобы отказаться раз или два поцеловать изваяние их Богов для нашего всеобщего блага.

— Пожалуй, вы правы, — отозвался Форд. — Что касается меня, то мне ничего не стоит добавить "Кресль" к моей фамилии и принять участие в их ритуале, если это поможет сохранить наши мирные отношения. — Он нахмурился. — Правда, я не хотел бы, чтоб наша культура стала зависимой от них.

— Можете не беспокоиться, — вмешался Ральф Шульц. — Что бы мы ни сделали для их удовольствия, для культурной ассимиляции нет никаких оснований; ведь у землян умственная организация гораздо выше, чем у них — да что там даже сравнивать!

— А хорошо бы сравнить, — заметил Лазарус, — и посмотреть, что из этого получится.

— Что вы хотите сказать? — забеспокоился Форд.

— Да ничего особенного. Только я никогда не разделял вашего оптимизма по поводу этой планеты.

Они сошлись на том, чтобы сначала попробовал один человек, а потом подготовились остальные. Лазарус хотел это взять на себя по праву старшинства, Шульц — исходя из профессионального интереса, однако Форд волевым решением назначил себя самого, заявив, что это входит в его обязанности.

Лазарус провел его до ворот храма, где должно было состояться посвящение. Форд снял всю одежду, совсем как джокайра, а Лазарусу было позволено остаться в кильте, поскольку ему не нужно было заходить внутрь. Кстати,

многие из колонистов, когда позволяли обстоятельства, ходили нагишом, но Лазарус ни за что бы не решился. Во-первых, это противоречило его привычкам, а во-вторых, бластер на голом бедре выглядел бы, мягко говоря, очень несимпатично.

Креель Сарлоо поприветствовал их и проводил Форда в храм.

— Выше нос, парень! — успел им вслед крикнуть Лазарус.

Закурив сигарету, Лонг остался ждать товарища. Он все время прохаживался взад и вперед, не в состоянии даже присесть на минуту, да и часов у него с собой не было, чтобы определить, как долго длится процедура.

Наконец дверь храма открылась, и из нее повалила толпа аборигенов. Они были крайне возбуждены, и никто из них даже не подошел к Лазарусу. Когда джокайра расступились, сквозь образовавшийся проход стремительно пробежал какой-то человек и помчался вперед сломя голову.

В бегущей фигуре Лазарус узнал Форда. Тот даже не остановился в том месте, где ждал его Лонг, а пулей пролетел мимо. Споткнувшись о камень, Форд упал, и Лазарус поспешил ему на помощь.

Он даже не пытался подняться, а лежал, распластавшись, уткнувшись лицом вниз, и только его плечи судорожно подергивались от рыданий. Лонг наклонился и стал поднимать друга.

— Слейтон, — произнес он, — что случилось? Что они сделали с тобой?

Форд повернулся к нему, и Лазарус увидел искаженное страхом лицо товарища. Слейтон, по-видимому, узнал Лазаруса и постарался взять себя в руки, но по-прежнему был не в состоянии произнести ни единого слова. Он бросился к Лонгу, обхватил его за шею и зарыдал еще сильнее, чем прежде.

Лазарус вырвался из объятий и с силой встряхнул Форда, ударив его несколько раз по щекам.

— Ну, давай, дружище! Скажи, что они сделали с тобой?

Форд перестал рыдать, хотя по-прежнему дрожал. Он так и не смог ничего произнести, только смотрел невидящим взглядом куда-то вдаль. Весь побледнев, чего с ним не случалось, Лазарус судорожно потянулся к бластеру и с силой нажал на курок. В нескольких шагах от него

Сарлоо остановился, но не из страха перед оружием, которое он никогда не видел, а потому, что испытал чувство, которое земляне называли бы презрением.

— Это все ты! — В сердцах крикнул Лазарус. — Что ты с ним сделал? — Он остановился и перевел дух, сообразив, что Сарлоо не знает земного языка. — Что случилось с моим братом Фордом?

— Забирайте его, — сказал Сарлоо, презрительно поджав свои безобразные губы. — Плохо. Очень плохо.

— Вот только не тебе об этом судить! — бросил Лазарус, даже не подумав переводить это на их дурацкий язык.

3

Оперативная группа собралась в том же составе, за исключением председательствующего. Лазарус рассказал о происшедшем, а Шульц доложил о состоянии здоровья Форда.

— Врачи не нашли у него никаких отклонений. Единственное, что можно утверждать наверняка — Администратор находится сейчас в крайне тяжелом психическом состоянии. Мы не можем пока наладить с ним контакт.

— А он вообще сможет заговорить? — забеспокоился Барстоу.

— Пока он может произносить одно-два слова, попросить воды или еще чего-нибудь. Любые попытки выяснить причину его беспокойства моментально доводят его до крайней истерии.

— Вы уже поставили диагноз?

— Если отбросить в сторону профессиональные термины, я бы просто сказал, что Слейтону пришлось испытать смертельный испуг. Правда, я и раньше видел проявления синдрома страха, но ни с чем подобным все-таки не сталкивался.

— А мне как-то пришлось столкнуться, — неожиданно сказал Лазарус.

— Правда? А как это было?

— Однажды, — продолжал Лазарус, — лет двести назад, когда я был еще совсем мальчишкой, я поймал взрослого койота и засунул его в клетку; мне казалось, что я могу его выдрессировать и сделать из него охотничьего пса. Конечно, у меня ничего не получилось.

На несколько секунд воцарилась напряженная тишина. Наконец отозвался Шульц:

— Я что-то не совсем понял, о чем вы говорите. При чем тут ваш койот?

— Пока что это всего лишь моя догадка, — медленно ответил Лазарус. — Слейтон единственный, кто знает всю правду, но он не может говорить. Вот что я думаю: мы с самого начала должны были понять, что с этими джокайра не все в порядке. Мы жестоко ошиблись, когда решили, что это — *люди* на том лишь основании, что они чем-то похожи на нас, что их образ жизни напоминает наш. На самом деле это всего лишь *домашние животные*! — Он остановил их возражения решительным жестом. — Не спешите спорить! На этой планете есть-таки люди. Настоящие люди. Они живут в храмах, и джокайра называют их Богами. Ничего себе Боги!

Лазарус так и не дал никому вставить слова.

— Я знаю, что вам тоже в это трудно поверить. Я всего лишь делюсь с вами своими догадками. Уверен, что кто-то живет в этих храмах — и кто бы это ни был, они обладают такой силой и знаниями, что могут выдавать себя за Богов — если хотите, можете их так и называть. Кем бы они ни были — это действительно господствующая раса на этой планете, ее население! Все остальные для них — будь то "джоки" или мы — всего лишь животные, дикие или ручные. Мы ошиблись, думая, что местная религия — это не более чем предрассудки. Все гораздо сложнее.

— И ты считаешь, этим можно объяснить то, что произошло с Фордом? — сказал Барстоу.

— Я действительно так думаю. Он встретился с типом по имени Креель, и тот чуть не свел его с ума.

— Если я правильно понял, — заключил Шульц, — по вашей теории, любой человек, подвергшийся этой... этому воздействию..., может сойти с ума?

— Не совсем, — угрюмо ответил Лазарус. — Меня гораздо больше пугает то, что после такого воздействия я могу остаться чуть ли не единственным, кто останется при своем уме!

С этого дня джокайра прекратили всякие контакты с землянами. И правильно сделали, иначе парвались бы на неприятности. Над городом витал страх, и он был сильнее

смерти, ведь его источником было нечто неведомое, само знание о котором могло превратить человека в бессловесную скотину. Джокайра больше никому не казались безобидными друзьями, весьма грубоватыми, несмотря на все свои технические достижения. Их воспринимали как марионеток, которыми пользовались невидимые могущественные существа, скрывавшиеся в "храмах".

Не было смысла проводить голосование; с единодушием толпы, бегущей из горящего дома, земляне хотели поскорее покинуть это опасное место. Заккур Барстоу принял командование на себя.

— Свяжитесь с Кингом и скажите ему, чтобы немедленно были высланы все шлюпки. Мы просто обязаны в кратчайшие сроки выбраться отсюда. — Барстоу бессильно опустился в кресло. — Как ты думаешь, Лазарус, сколько вещей мы сможем погрузить на шлюпку за один раз? Сколько времени понадобится на возвращение?

Лазарус что-то буркнул в ответ.

— Что ты говоришь?

— Я сказал, что дело здесь не во времени; весь вопрос в том, позволят ли нам это сделать. Эти ребята из храмов вполне могут захотеть пополнить нами свое стадо!

Конечно, Лазарус был нужен землянам как первоклассный пилот, но в этой ситуации он прежде всего был необходим как руководитель, который может управлять толпой. Заккур поручил ему сформировать группу из дюжих молодцов для поддержания порядка, но не успел сказать об этом, как Лонг вдруг заметил приближавшегося к ним издалика Крееля Сарлоо.

Не дожидаясь, пока тот подойдет ближе, Заккур пошел ему навстречу, но метрах в пяти от туземца вдруг почувствовал, как какая-то сила остановила его. Барстоу не успел даже сообразить, что произошло, как Сарлоо заговорил первым.

— Я приветствую вас, несчастный брат.

— Приветствую тебя, Креель Сарлоо.

— Боги говорили с нами. Ваш род никогда не сможет стать человеческим /?/. Вы и ваши братья должны покинуть эту планету.

Лазарус глубоко вздохнул от облегчения.

— Мы покидаем вас, Сарлоо, — ответил Барстоу.

— Боги требуют, чтобы вы улетели отсюда. Пришлите ко мне брата Либби.

Заккур послал гонца за Либби и снова вернулся к Сарлоо, но джокайра, похоже, больше не о чем было говорить с землянами; он, казалось, даже не замечал их присутствия.

Наконец пришел Либби. Сарлоо отвел его в сторону и долго о чем-то говорил. Барстоу и Лазарус стояли не так уж и далеко, но услышать ничего не могли, потому что собеседники говорили очень тихо. Лонга это сильно беспокоило. "Ведь это же надо, — мысленно ругал он самого себя. — Я должен был давно попытаться понять, как они это делают, но ведь нигде не видно никаких механизмов или оборудования!"

Поговорив с Либби и даже не попрощавшись, Сарлоо заковылял прочь. Подойдя поближе, Либби пересказал суть разговора.

— Сарлоо сказал мне, — его брови даже поползли вверх от удивления, — что мы должны полететь на планету, которая находится на расстоянии — вы не поверите — тридцати двух световых лет отсюда! Так решили Боги. — Он замолчал, все еще, вероятно, пытаюсь осмыслить услышанное.

— Не стоит беспокоиться, — подбодрил его Лазарус. — Нужно сказать спасибо, что они просят нас улететь. Как я догадываюсь, они легко могли бы превратить нас всех в лепешку. Когда мы будем в космосе, то сможем изменить маршрут по своему усмотрению.

— Я тоже на это надеюсь. Но больше всего меня настораживает то, что они оставляют нам лишь около трех часов, чтобы убраться из этой системы.

— Но ведь это же невозможно! — воскликнул Барстоу. — У нас даже нет здесь достаточного количества шлюпок!

Лазарус ничего не ответил. Да и что, собственно, тут было говорить...

Заккур быстро изменил свое мнение. То же пришлось сделать и Лазарусу, причем не по своей воле. Потоптавшись и подталкивая своих собратьев к стартовой площадке, где продолжалась погрузка людей в первые шлюпки, он вдруг ощутил, что какая-то сила влечет его вверх, отрывая от земли. Он попытался было сопротивляться, но земля уже ушла из-под ног и через каких-то несколько секунд он заметил, что летит ввысь. Тогда Лонг закрыл глаза,

посчитал до ста и снова открыл их. По расстоянию до земли он определил, что пролетел уже добрых две мили.

С поверхности из разных точек поднимались в несметных количествах какие-то существа, подобно летучим мышам, стаями вылетающим на ночную охоту. Некоторые из них были так близко от него, что он мог разглядеть даже их очертания и лица. Это были земляне, долгожители из Кланов, впрочем, в этом можно было не сомневаться.

Уже давно исчезла линия горизонта, планета приобрела свою обычную сферическую форму, небо потеряло свою голубизну. Но, как ни странно, дышать было не трудно и кровяные сосуды не лопались от перегрузок.

Они устремились под воздействием невидимой силы в открытые шлюзы "Нового рубежа", как пчелы, влетающие в дупло за пчеломаткой. Оказавшись внутри космолета, Лазарус впервые за долгое время вздохнул свободно. "Фух!" — подумал он. "Все-таки приятно, черт побери, оказаться в безопасности".

Как только Либби тоже оказался на борту, он сразу же постарался отыскать капитана Кинга. Услышав приказ, переданный Богами через Сарлоу, капитан крепко задумался.

— Не знаю, что и сказать, — сказал он. — Вы знаете этих аборигенов лучше меня, я и был-то у них всего пару раз. Но, если между нами, то способ вашей доставки на корабль наталкивает на определенные размышления. Это одна из самых необычайных картин, которые мне пришлось за последнее время наблюдать.

— А я бы еще добавил, что это ощущение не спутаешь ни с каким другим, — на полном серьезе добавил Лазарус. — Лично я теперь понимаю прыгунов с трамплина. Хорошо, что ты открыл шлюзы корабля.

— Я их не открывал, — сухо ответил Кинг. — Это было сделано без меня.

Они пришли в диспетчерскую, собираясь включить двигатели и сориентировать корабль совсем не туда, куда им приказали лететь планетные Боги, и уже потом, во время полета, выбрать себе подходящий маршрут.

— Та планета, о которой тебе говорил Сарлоу, — поинтересовался Кинг, — к какому типу звезд относится?

— Это — планета типа Земли, которая вращается вокруг своего светила. У меня есть ее координаты, и, кроме того, их можно проверить по каталогам. Но лучше нам о ней забыть, ведь это так далеко!

— Тогда поехали! — сказал Кинг и осекся. На экране монитора картина стала резко меняться. Без каких бы то ни было усилий со стороны Кинга, даже без прикосновений к приборам, "Новый рубеж" вновь пришел в движение, словно им руководил неведомый разум.

— Долго говорить тут нечего, — сообщил Либби членам оперативной группы Кингу, Заккуру Барстоу и Лазарусу Лонгу. — Мне удалось определить, что наш курс соответствует заданному Креем Сарлоо и его Богами. Мы все время наращивали скорость, и невозможно было по звездам просчитать, где мы пролетаем. В данный момент я не могу сказать, где мы находимся и куда направляемся.

— Постарайся сосредоточиться, Либби, — настаивал Лазарус. — Или хотя бы попробуй догадаться.

— Что ж... Если мы сейчас идем по линейной траектории — а в этом я пока не уверен — то мы можем когда-нибудь прибыть в район звезды PK3722, то есть туда, куда указывал Кресль Сарлоо.

— Вот, черт! — с негодованием произнес Лазарус. — Кинг, ты пробовал замедлить полет?

— Да, — отрезал капитан. — Приборы не работают.

— Вселенское дельце! Энди, когда мы приблизительно сможем туда добраться?

Либби беспомощно пожал плечами.

— У меня нет никаких ориентиров. А как тут вычислить время, если пространственные координаты неизвестны?

Время и пространство — понятия неразделимые и представляющие единое целое... Либби еще долго думал над этим, когда все ушло. Конечно, в ограниченном пространстве корабля вычислить бортовое время не составляет труда. Часы на корабле тикали, звенели или просто шли; люди спали и просыпались, ели и пили, отдыхали и занимались полезными делами. Но за пределами этого крохотного мирка вычислить что-то было невозможно, там происходило нечто совсем иное, и теперь даже связь с прошлым была утрачена. Сколько ни смотри на монитор и на показания приборов, больше ничто не связывает корабль с другими частями Вселенной.

Да и какой Вселенной? Ее просто не стало.

Продолжают ли они двигаться? И вообще, существует ли движение, когда его невозможно определить, взяв что-либо за точку отсчета?

И все же пассажиры явственно ощущали воздействие искусственной гравитации, вызываемой вращением корабля. Вращением относительно чего? Могло ли случиться так, что у космоса имеется истинное, абсолютное и нереляционное строение, собственная структура, подобная постулированной в давным-давно отброшенной теории "эфира", которую классические эксперименты Микельсо-на-Морли не смогли доказать на практике? Нет, не просто доказать — ведь при этом была отброшена сама возможность его существования? По этой же причине отрицалось и превышение скорости света. Действительно ли их корабль смог превысить ее? Не напоминает ли этот космолет огромный гроб, в котором вместо пассажиров летят в никуда и в неизвестно какое время некие призраки?

Но нет, ведь лопатка действительно зачесалась, да и желудок давал о себе знать, от долгого сидения затекла нога... Если это смерть, решил Либби, то в материальном отношении она ничем не отличается от жизни.

Восстановив душевное равновесие, Энди вышел из диспетчерской и направился в давно облюбованный им ресторанчик, одновременно обдумывая пути решения математической задачи в свете новых известных природных явлений. Он сразу же отказался от осмысления того, каким образом гипотетические боги джокайра телепортировали должителей с планеты на космический корабль. Получить хоть какие-нибудь, а тем более измеримые данные не было никакой возможности. Лучшее, что мог бы сделать в такой ситуации непредвзятый ученый — это зафиксировать факт и указать, что научного объяснения ему пока нет. А факты ведь вещь упрямая — вот сейчас он сидит в корабле, а всего несколько часов назад беседовал на планете с представителем джокайра; о реальности происшедшего говорило и то, что врачи под руководством Шульца накачивали успокоительным тех землян, для кого неожиданный отлет оказался тяжким испытанием.

Либби пока не мог дать объяснение всему происходящему и, не располагая необходимыми данными, даже не пытался этого сделать. А вот проблемой проявления всеобщих закономерностей в незнакомой среде — одной из основных задач физики — он занялся бы с удовольствием.

Если отбросить необычайные способности к математике, Либби был обычным человеком. Ему нравилась непринужденная атмосфера "Клуба" — столовой 9Д, однако, несколько по иным причинам, чем Лазарусу. Компания людей, которые были младше по возрасту, успокаивала душу, а Лазарус был единственным из старших, с кем он чувствовал себя свободно.

Зайдя в клуб, он узнал, что в течение ближайшего времени пообедать ему не удастся; хозяйственная служба оказалась явно неподготовленной к такому наплыву людей. Но зато там уже сидел Лазарус и его друзья; Нэнси Уизерол подвинулась и уступила место Либби.

— Я как раз собиралась поговорить с вами, — сказала она. — Лазарус любезно согласился помочь мне. Куда же мы летим на этот раз и когда мы будем на месте?

Либби изложил свое мнение как можно доступнее. Нэнси поморщилась.

— Ничего себе, прогнозик! Как я понимаю, малышке Нэнси снова придется надолго заснуть.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вот вы когда-нибудь пробовали ухаживать за нашими сомнамбулами? Ну, конечно, нет, ведь это утомляет! Переворачивать их, правильно складывать руки, оберегать от пролежней, переставлять с головы на ноги, закрывать капсулу и переходить к следующему — и так до бесконечности! Меня уже и так тошнит от человеческих тел, что я готова навеки дать обет безбрачия!

— Ну, зачем уж так сразу, — возразил Лазарус.

В их разговор вмешалась Элинор Джонсон:

— А я рада, что мы снова на корабле. Эти противные джокайра — фу!

Нэнси пожала плечами.

— Ты необъективна, Элинор. Джоки — по-своему неплохие ребята. Конечно, они не такие, как мы, но ведь то же самое можно сказать и о собаках. Ты ведь ничего не имеешь против собак?

— Вот именно, — отозвался Лазарус. — Они и есть собаки.

— Что-то я не понимаю...

— Я не хочу сказать, что они полностью похожи на собак — внешне у них и близко нет ничего общего, они сродни нам и даже в чем-то превзошли нас, но все равно это домашние ручные собачки. Эти существа, которых они

зовут "Богами", на самом деле — их хозяйева, просто владельцы. Нас нельзя приручить, поэтому хозяйева и выгнали нас.

Либби тем временем силился понять, каким образом владельцы джокайра применили массовый телекинез.

— Интересно мне знать, — задумчиво промолвил он, — на что бы все это было похоже, если бы они смогли приручить нас. Они научили бы нас многим превосходным вещам.

— Забудь об этом, — резко оборвал его Лазарус. — Людям не подобает быть чьей-либо собственностью.

— А что же подобает человеку?

— Человек должен сам решать, что ему делать и зачем! — Лазарус встал. — Я, пожалуй, пойду.

~~Либби тоже было интересно, но Нэнси остановила его.~~

— Не уходите, мне нужно вас кое о чем спросить. Какой год сейчас идет там, на Земле?

Либби уже начал было что-то считать, но осекся.

— На этот вопрос я ответить не могу. Это все равно, что спросить: "А много — это сколько?"

— Наверно, я не совсем точно сформулировала вопрос, — призналась Нэнси. — Я не очень-то хорошо разбираюсь в физике, но все же знаю, что время — относительно, а одновременность — это понятие, применимое только к двум точкам, которые находятся недалеко друг от друга в одной и той же системе координат. Но все равно, я хотела бы кое-что узнать. Мы двигались намного быстрее и прошли гораздо большие расстояния, чем кто-либо до нас. Так вот, не отстают ли наши часы от времени в других измерениях или что-то в этом роде?

У Либби на лице появилось такое выражение, с каким обычно опытные физики слушают дилетантские рассуждения о точных науках, да еще и высказанные примитивным языком.

— Вы упомянули о явлении, известном как контракция Лоренца-Фитцджеральда. Но, простите меня, говорить о нем обычными словами — это просто бессмыслица.

— Но почему же?

— Потому что... Гм, потому что языковые средства не в состоянии это явление описать. Формулы, используемые для описания эффекта, обычно называемого контракцией, предполагают, что наблюдатель является одной из составляющих этого феномена. Но при словесном описании

получается, что мы стоим где-нибудь в стороне и наблюдаем, что же происходит. Математические формулировки отрицают даже самую возможность такого постоянного наблюдения. Всякий наблюдатель принадлежит своей собственной мировой системе и не может выйти за ее рамки, чтобы вести постороннее наблюдение.

— А если предположить, что сможет? Скажем, если бы у нас сейчас была возможность наблюдать за Землей?

— Ну вот, так я и знал, — сокрушенно заметил Либби. — Я постарался объяснить словами, но все, чего добился, так это внес новую неразбериху. Не существует способа измерения абсолютного времени, когда два события происходят в разных континуумах. Можно измерить лишь промежуток.

— А что же такое тогда промежуток? Столько-то пространства и столько-то времени?

— Да нет же! Промежуток — это... промежуток. Я могу записать это в виде формул и показать, как мы ими пользуемся, но словами этого не передашь. Вот, например, Нэнси: вы смогли бы описать словами партитуру оркестровки симфонии?

— Нет. Впрочем, если постараться, то это сделать можно, однако потребуется в тысячу раз больше времени.

— И музыканты все равно не смогут играть до тех пор, пока вы не переложите ее на нотное письмо. Вот это я и имел в виду, — продолжал Либби, — когда говорил, что простой язык тут не подходит. Однажды я уже попал впросак в подобной ситуации, когда пытался рассказать о действии привода, основанного на световом давлении. Меня спросили, почему — ведь действие привода зависит от потери инерции, а мы здесь, на корабле, этого не почувствовали. Ответа, который бы можно было сформулировать словами, нет. Инерция — это не просто какое-то слово; это математическое понятие, употребляемое в математически определенных средах. Я не смог ничего сказать.

Нэнси, хотя и выглядела озадаченной, продолжала настаивать на своем.

— И все равно в моем вопросе есть смысл, пусть он даже не так сформулирован. Вы ведь не можете послать меня, будто трехлетнюю девочку, поиграть в песочнице и не лезть во взрослые дела. Предположим, если мы развернемся и полетим обратно тем же маршрутом, каким

мы прибыли сюда, прямо к Земле — точно так же, только в обратном направлении и удвоив время нахождения корабля в пути — какой год будет на Земле, когда мы вернемся?

— Это будет... Дайте подумать... — В мозгу Либби почти автоматически заработал механизм вычислений с учетом ускорений, интервалов, дифформного движения. Он пытался найти ответ во мраке математических дебрей, как вдруг вся проблема как бы распалась на куски и перестала существовать. Внезапно Энди понял, что у задачи может быть бесчисленное множество решений.

Но ведь это невозможно! В реальной жизни, а не в фантастическом мире математики, такая ситуация была бы абсурдной. На вопрос Нэнси должен существовать один ответ — единственно верный.

Может быть, логические построения теории относительности — всего лишь нелепость? Или же это означает, что физически будет невозможно пройти на обратном пути такие же межзвездные расстояния?

— Мне еще нужно над этим подумать, — сказал Либби и быстро ретировался, не дав Нэнси даже возразить.

Но и уединившись, он все же не смог найти ответ на поставленный вопрос, что, однако, не свидетельствовало об утрате им математических способностей. Либби знал, что может математически описать любую данность, чего бы она ни касалась. Трудность состояла в том, что данных у него было слишком мало. До тех пор, пока какой-нибудь наблюдатель не пройдет межзвездные дистанции на скорости, приближающейся к скорости света, и не вернется обратно на планету, с которой он стартовал, ответа не может быть. Математика сама по себе не несет смысловой нагрузки и не дает готовых ответов.

Либби обнаружил, что думает не о задаче, а о том, цветут ли сады в его родном Озарксе, слышен ли запах дыма в осеннем лесу, и затем вспомнил, что такой вопрос не имел смысла изначально и его невозможно было решить по тем правилам, которыми он пользовался. Он дал увлечь себя порыву ностальгии, почти такому же, который он испытывал в юности, когда был членом Корпуса космического строительства и впервые улетел в длительную космическую командировку.

Чувство неуверенности и сомнений, затерянности и ностальгии охватило весь космолет. В начале своего пути

Клапы имели перед собой цель, которая помогала им держаться вместе и стойко переносить трудности. Однако сейчас они летели в никуда, лишь отмечая, как уныло проходят дни. Долгие годы их жизни превратились теперь в бессмысленное бремя.

Айра Говард, на чьи средства был основан Фонд Говарда, родился в 1825-м и умер в 1873-м году от старости. Он торговал бакалейными товарами среди золотоискателей Сан-Франциско; в период Гражданской войны стал оптовым маркитантом, удвоив свое богатство в трагический период Реконструкции.

Больше всего на свете Говард боялся смерти. Он нанял лучших врачей своего времени для того, чтобы они продлили ему жизнь, и все же старость постигла его тогда, когда большинство людей еще были полны сил и энергии. В своем завещании он распорядился направить накопленные им средства для "продления человеческой жизни". Администраторы треста не нашли иного способа, кроме одного — подыскать людей, продолжительность жизни которых в силу врожденной предрасположенности была велика, и предложить им объединиться для продления рода. Их метод предвосхитил работы Бербанка; возможно, они знали о выдающихся исследованиях Грегора Менделя.

Мэри Сперлинг отложила книгу на самом интересном месте, когда увидела, что в комнату вошел Лазарус. Он взял книгу и повернул, чтобы посмотреть заглавие.

— Что ты читаешь, сестрица? "Екклесиаст"? Гм, я не думал, что ты веришь в Бога. — Он прочел вслух: "А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?"*. — Как-то очень все грустно, Мэри. Не можешь ли ты найти чего-нибудь повеселее даже здесь, у Пророковедника? — Он пробежал глазами дальше по тексту. — Вот, например, это: "Кто находится между живыми, тому еще есть надежда..."**. М-да, не очень весело... Вот, кажется, нашел: "И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета"***. Это я принимаю; ни за какие богатства я бы не хотел снова быть молодым.

* Екклесиаст. 6:6

** Там же. 9:4

*** Там же. 11:10

— А я бы хотела...

— Мэри, что тебя гложет? Ты сидишь здесь и читаешь самую печальную книгу из всей Библии, ведь в ней нет ничего, кроме смерти и похорон. Что с тобой?

Мэри устало провела рукой по глазам.

— Я старею, Лазарус. О чем же мне еще думать?

— Да брось, ты в полном расцвете сил!

Мэри с упрямком посмотрела на него. Она ведь знала, что он говорит неправду — зеркало говорило ей об этом: седеющие волосы, морщины на лице, эта постоянная усталость... Но ведь Лазарус старше ее — хотя она узнала из результатов исследований, которые она столько лет помогала проводить, что Лазарус не должен был дожить до своих лет. Когда он родился, программа в своей реализации дошла лишь до третьего поколения, а этого слишком мало, чтобы устранить негативное воздействие факторов недолговечности. Скорее, тут все дело в довольно удачном сочетании генов. И вот он стоял теперь перед ней, живой и здоровый.

— Лазарус, — произнесла она, — сколько ты еще считаешься прожить?

— Я? Что за вопрос... Я не задумывался об этом с тех пор, когда задал этот же вопрос одному парню — конечно же, не о его возрасте, а о своем. Ты когда-нибудь слышала о докторе Хуго Пинеро?

— Пинеро... Что-то припоминаю... Ах, да: "Пинеро-шарлатан".

— Мэри, он не был шарлатаном. Он действительно мог это делать. Хуго умел предсказывать точное время смерти человека.

— Но ведь... Впрочем, рассказывай дальше. Что же он тебе поведал?

— Минуточку. Я хочу, чтобы ты поняла: он не был обманщиком. Его предсказания были верными, и если бы он не умер, компании по страхованию жизни в конце концов обанкротились бы. Это было еще до твоего рождения, но я тогда жил и знаю. Во всяком случае, Пинеро взял мои данные и результат обескуражил его. Тогда он повторно провел анализы, после чего вернул мне деньги.

— Что он сказал?

— Я не смог из него выдавить ни слова. Он смотрел то на меня, то на свой прибор, и только хмурился и чесал затылок. Поэтому я не могу ответить на твой вопрос.

— Но что ты сам об этом думаешь, Лазарус? Ведь ты же понимаешь, что это не может продолжаться вечно...

— Мэри, — ответил Лонг как можно мягче, — меня не тревожит смерть. Я просто не думаю о ней, вот и все.

Они некоторое время помолчали. Наконец Мэри сказала:

— Лазарус, я не хочу умирать. Но какова же цель нашей долгой жизни? Ведь с годами мы не очень-то мудреем. А может быть, мы просто бесцельно слопаемся по жизни и цепляемся за нее, хотя наше время уже ушло? Возможно, мы должны умереть и снова родиться?

— Не знаю, — ответил Лазарус, — и не имею возможности узнать. Черт побери, я не вижу причин для волнений. Да и тебе вряд ли стоит это делать. Я могу предложить все дальше и дальше цепляться за жизнь и узнавать что-нибудь новое для себя. Возможно, в конце жизни мы поймем смысл бытия, а может, для нас это и не предусмотрено. Во всяком случае, я доволен, что могу жить и наслаждаться жизнью. Мэри, дорогая, да выбрось ты все это из головы!

Корабль вновь погрузился в ту же монотонность существования, которая угнетала всех во время первого перелета. Большинство долгожителей погрузились в "охлажденный сон", остальные ухаживали за ними, обслуживали космолет, вели свое гидропонное хозяйство. Среди усыпленных оказался и Слейтон Форд; "охлажденный сон" был испытанным средством лечения острого психоза.

Полет к звезде РК3722 по корабельному времени длился семь месяцев и три дня. Как оказалось, экстаж корабля мог воздействовать на окончание полета точно так же, как и на его начало, подчиняясь лишь неведомым силам. За несколько часов до прибытия на экране вновь появились четкие изображения звезд, и скорость космолета снизилась до показателей обычных межпланетных полетов. При этом снижения скорости никто даже не почувствовал: неведомые силы, казалось, распределили всю нагрузку равномерно. "Новый рубеж" вышел на орбиту покрытой обильной зеленью планеты, обращавшейся на расстоянии нескольких сотен миллионов миль от своего светила. Вскоре Либби доложил капитану Кингу о том, что корабль вышел на стабильную парковочную орбиту.

Капитан осторожно попробовал включить приборы, которые бездействовали с момента их непредвиденного вылета. Космолет вздрогнул; его прежний невидимый пилот отпустил свою хватку.

Либби подумал о том, что полет был спланирован для них, но это не должно означать, что долгожители обязаны теперь здесь оставаться. Он и раньше подозревал, что "Боги" несчастных джокайра рассматривали среду как нечто статичное; насильная депортация землян была свершившимся фактом, но подсознательно Энди чувствовал, что они уже вышли из заранее заданной космической траектории и теперь корабль вновь принадлежит им.

Либби постарался втолковать свои мысли Лазарусу и Кингу, но не сильно в этом преуспел. Ему не хватало ни данных, ни времени для того, чтобы математически описать это явление, и в результате никто ничего не понял.

Ни у Кинга, ни у Лазаруса не было времени для проведения подобных дискуссий. И тем более после того, как они увидели на одном из внутренних мониторов корабля встревоженное лицо Барстоу.

— Капитан! — обратился он. — Вы не могли бы подойти в кормовую часть к люку номер семь? У нас посетители!

Барстоу преувеличивал: визитер был только один. Это существо напомнило Лазарусу ребенка, одетого в костюм крольчонка для участия в карнавале. Мальчик был больше похож на земного мальчишку, чем джокайра, хотя наверняка не принадлежал к классу млекопитающих. Он был полуголый: его детское тельце прикрывали красивые, отливающие золотом полоски меха. Его глаза излучали радость и ум.

Однако Кинг был слишком сконфужен, чтобы заметить такую деталь. В его голове зазвучал мелодичный голос: *"...я знаю, что вы руководитель этой группы... добро пожаловать в наш мир... мы уже ждем вас... наш /незнакомое слово/ рассказал о вашем прибытии..."*

Контролируемая телепатия!

Эти создания были так добры, так цивилизованны, так свободны от зла, подозрительности, что могли позволить себе делиться с другими своими мыслями — и даже больше того: эти существа были столь приветливы и щедрь, что предложили людям обосноваться на своей планете. Именно для этого и прибыл сюда посыльный.

Кинг подумал, что все весьма похоже на пикатулку с

сюрпризом, предложенную джокайра; он пытался догадаться, какая еще ловушка их ждет впереди.

Посыльный, кажется, прочел его мысль. "... *Загляните в наши сердца... мы не таим в них злобы против вас... мы так же, как и вы, любим жизнь, и мы ценим ваше внутреннее "я"...*"

— Мы благодарим вас, — официальным тоном вслух ответил Кинг. — Нам нужно посоветоваться. — Он повернулся к Барстоу, а, оглянувшись, через секунду уже никого не увидел. Посетитель исчез.

— Куда он делся? — изумился Кинг, глядя на Лазаруса.

— Это ты меня спрашиваешь?

— Но ведь ты смотрел прямо в иллюминатор!

— Я проверял контрольную аппаратуру. Приборы показали, что к кораблю не причалила даже космонавтка, и я решил проверить, исправны ли они. Все работает нормально! Но как он мог проникнуть в корабль? Где его судно?

— А как он смог испариться?

— Уж во всяком случае, мимо меня он не пролетал!

— Заккур, ведь он прибыл через этот шлюз, правда?

— Не знаю.

— Но, несомненно, он вылетел через него.

— Ничего подобного, — возразил Лазарус. — Шлюз даже не открывался. Все затворы для дальних космических перелетов на месте. Можете убедиться сами.

Кинг решил-таки проверить все сам.

— Не хотите ли вы сказать, — медленно проговорил он, — что он может проходить сквозь... ..

— И нечего на меня так смотреть! — бросил Лазарус.

— Меня это не сильно волнует. Куда, скажи, девается образ, когда ты выключаешь свой монитор?

И Лазарус вышел, чуть слышно напевая старую песенку, которую никто другой в силу своей молодости не знал:

*"Куда же исчез человек,
Который стоял за окном?"*

4

Как оказалось впоследствии, в предложении посланца не было никакого подвоха. Люди с планеты — у них не было названия, поскольку они не имели разговорного

языка и земляне просто называли их "малышами" — эти маленькие создания действительно хорошо их встретили и во многом помогли. Они без труда смогли убедить землян опуститься на планету, ибо у них не было тех сложностей с общением, которые возникали у джокайра. Малыши могли передавать свои даже самые мимолетные мысли землянам, а те в свою очередь могли воспринимать мысли, обращенные к ним. Казалось, что мысли, не предназначенные малышам, они игнорировали или не могли распознать: однако теленатическое общение находилось так же, как и устная речь, под контролем. При этом земляне не ощутили за собой каких-то новых теленатических способностей.

Планета малышей была еще больше похожа на Землю, чем планета джокайра. По размерам она была чуть больше Земли, но гравитация на ней была чуть меньше, что, видимо, объяснялось меньшей плотностью планеты.

Планета вращалась по орбите, угол наклона оси планеты отличался от угла наклона земной оси. Ее орбита имела почти круговую форму, афелий отстоял от перигелия не более чем на один градус. Здесь не наблюдалось ни смен времен года, ни большой луны, подобной той, что на Земле будоражит океаны и меняет изостатический баланс планетной коры. Горы были невысоки, ветры довольно слабы, а моря — спокойны. К разочарованию Лазаруса, здешний климат походил на тот, который патриоты Калифорнии желали бы всем землянам. И на планете малышей климат был достоянием всех ее обитателей.

Малыши показали землянам место, куда им пужно приземлиться: широкую прибрежную песчаную полосу. Вдали от побережья зеленели равнины, на которых кое-где росли одинокие кусты и деревья. Пейзаж отличался аккуратностью, как будто это был кем-то спланированный парк, хотя нигде не было видно следов возделывания земли.

Именно здесь, как сообщил посыльный малышей, они и должны были поселиться.

Когда землянам потребовалась помощь, на месте всегда оказывался кто-нибудь из малышей — не в пример суетливым джокайра, то и дело предлагавшим свою помощь где надо и не надо. Малыши всегда были под рукой в пужный момент, когда для выполнения какой-нибудь работы требовался соответствующий инструмент.

Малыш, сопровождавший первую партию землян, озадачил Лазаруса и Барстоу, как бы невзначай сообщив им, что видел их раньше, когда прилетал на корабль. Поскольку шерсть малыша была ярко-красного цвета, Барстоу решил, что эти существа могут, подобно хамелсонам, менять свой цвет в зависимости от обстоятельств. Лазарус же предпочел оставить свое мнение при себе.

Заккур поинтересовался, где планетяне разрешат пришельцам возводить свои сооружения. Этот вопрос очень волновал его, потому как предварительное обследование с борта корабля показало, что на планете нет городов. Похоже, аборигены жили где-то под землей, а Барстоу хотел избежать недоразумений и не сердить местные власти несогласованными с ними действиями.

Он заговорил вслух, обращаясь к проводнику /они уже поняли, что именно таким образом планетяне могут лучше всего понимать их мысли/.

Ответ маленького гика, мысленно полученный им через несколько секунд, несколько озадачивал своим неприкрытым удивлением. *"Неужели нужно портить такой прекрасный пейзаж? С какой целью вы хотите строить свои дома?..."*

— Нам нужны дома по многим причинам, — разъяснил Барстоу. — Днем — для отдыха, ночью — для сна. Кроме того, там мы будем выращивать пинцу и готовить ее к употреблению. — Он задумался, стоит ли объяснять принципы гидропонного выращивания культур и переработки сырья, приготовления пинцы, и решил этого не делать, доверяя утонченным телепатическим ощущениям своего "собеседника". — Нам нужны помещения для других видов хозяйственной деятельности — для мастерских и лабораторий, машин, для всего, что мы делаем в повседневной жизни.

"... будьте снисходительны ко мне, — вернулась назад мысль, — ведь я знаю так немного о вашем образе жизни... но скажите... неужели вы действительно предпочитаете спать в этом?..." — Он жестом показал на космопипки, в которых прибыли земляне. Похоже, мысль, родившуюся в его мозгу, почти невозможно было выразить словами. У Лазаруса возникли ассоциации с замкнутым пространством, с тюремным заточением, где ему однажды довелось побывать, с изгаженной телефонной будкой.

— Но таков наш обычай.

Мальши наклонились и потрогал рукой мягкую землю: —... *неужели здесь плохо спать?*..."

Лазарус отметил про себя, что вовсе даже не плохо. Земля была покрыта мягкой весенней зеленью, похожей на траву, но более тонкой, чем трава, более мягкой, ровной и густой. Лазарус снял свои сандалии и попробовал зелень ногой, наслаждаясь прикосновением. Все это больше смахивало на мягкий коврик, чем на траву, подумал он.

"... что касается пищи, — продолжал их провожатый, — зачем же отдавать столько сил на добывание того, что земля отдает даром сама? . пойдемте со мной..."

Он провел их через широкий луг к небольшому извилистому ручейку, над которым свисали густые кроны деревьев. "Листья" с ладонь человека, неправильной формы и двухсантиметровой толщины. Мальши сорвали один из них и жадно обглодали его.

Лазарус потянулся за листком и внимательно осмотрел его. Листок легко разламывался, как хорошо поджаренный пирог. Внутри была клейкая жидкость кремового цвета, пористая, но довольно твердая, и от нее исходил приятный аромат, напоминавший запах манго.

— Лазарус, не ешь! — предупредил Барстоу. — Ведь мы еще не сделали анализа.

"... это вполне приемлемо для вашего телесного строения..."

Лазарус вновь понюхал листок.

— Пусть я буду подопытным кроликом, Зак.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Барстоу. — Я предупреждал тебя. Ты ведь все равно от своего не отступишься.

Лазарус откусил кусочек. Еда была на удивление приятной, достаточно твердой для зубов, с пикантным ароматом и вкусом. Благополучно добравшись до желудка, листик чувствовал себя там, как дома.

Барстоу запретил кому бы то ни было пробовать плоды до тех пор, пока их воздействие на Лазаруса не будет установлено. Лазарус же воспользовался своим привилегированным положением и плотно кушал, отметив про себя, что ничего вкуснее он не ел уже много лет.

"... не расскажете ли вы мне, чем вы привыкли питаться..." — попросил их маленький друг. Барстоу начал было объяснять, но мальши мысленно остановили его: *"... пока что достаточно... я думаю, мои жены смогут об этом позаботиться..."*

Барстоу не был уверен, действительно ли речь шла о женах, но хорошо понял, что малыши имели в виду каких-то близких родственников. Ведь они даже не выяснили, были ли их хозяева двуполыми — или как там у них это называется.

После ночи, которую Лазарус провел под открытым небом при мягком свете звезд, у него полностью исчезло желание спать в замкнутом пространстве. Конечно, знакомые по Земле созвездия здесь можно было отыскать с трудом, хотя ему показалось, что он различил холодную голубизну Веги и оранжевый отблеск Рыб. Пожалуй, легче всего было узнать Млечный Путь, который рассыпал свои блески почти так же, как и дома. Он знал, что Солнце невооруженным глазом отсюда не увидеть, даже если смотреть в нужном направлении: его небольшие абсолютные размеры не позволяли свету пробиться на расстояние многих и многих световых лет.

Поскольку для ночного сна не требовалось никаких укрытий, земляне прибывали на планету постоянно, как только позволяли возможности челноков. Толпы вновь прибывших беспорядочно выгружались на дружественную землю, здесь им позволялось все — отдыхать, забавляться, купить в свое удовольствие. Поначалу земляне питались запасами, прихваченными с корабля, однако вскоре, имея в качестве наглядного примера перед собой сытого и пышущего здоровьем Лазаруса, они стали переходить к здешней пище. Спустя какое-то время принцессы опробовали массу новых, ранее неизвестных продуктов, употребляя земную пищу только тогда, когда им хотелось разнообразить свое меню.

Как-то раз Лазарус прогуливался неподалеку от их стоянки. По дороге ему встретился один из маленьких человечков; абориген приветствовал его как ближайшего друга и пригласил Лазаруса в рощу. Там он остановился под одним из деревьев и дал Лонгу понять, что хочет его угостить.

Лазарусу не особенно хотелось есть, но он чувствовал себя обязанным откупать в знак признательности за подобное гостеприимство; он сорвал листок и попробовал его. От удивления чуть не поперхнулся: картофельное пюре с мясом! "... что-нибудь не так?..." — взволнованно вопрошали глаза малыша?

— Ребятки! — довольным тоном ответил Лазарус. — Я

не знаю, что вы ожидали от меня услышать, но это просто замечательно!

Тут же он получил от собеседника флюиды удовольствия и предложение:

"...попробуйте со следующего дерева..."

Лазарус последовал совету с удовольствием, хотя и не без некоторой осторожности. На этот раз вкус листа напомнил свежий черный хлеб с маслом, и даже с привкусом сливочного мороженого. После плодов с третьего дерева, имеющих вкус грибов, смешанных со свежим бифитексом, Лазарус больше не удивлялся. *"...мы использовали почти все ваши зрительные образы..."* — пояснил его собеседник. — *"...они были гораздо живее, чем объяснения любой из ваших эсен..."*

Лазарус даже не попытался объяснить, что он не женат. Маленький человечек продолжал:

"...пока что у нас не было достаточно времени, чтобы воспроизвести форму и цвет всех продуктов, о которых вы постоянно думаете ... так ли уж это важно для вас?..."

Лазарус заверил его, что большого значения это не имеет.

Вернувшись на базу, он рассказал о случившемся другим землянам, но те пока что верили ему с трудом.

Одним из тех, кто сполна воспользовался легкостью и изобилием питания нынешних колонистов, был Слейтон Форд. Он пробудился от "охлажденного сна" явно поздоровевшим, но никак не мог вспомнить, что же произошло с ним во время посещения храма Кресля. Ральф Шульц считал это здоровой реакцией на тяжелый шок и перестал вести за ним медицинские наблюдения.

Казалось, Форд помолодел и посвежел. Он уже не занимал официальных постов в колонии землян — надо сказать, у них почти не осталось каких-либо четких управленческих структур. Клань жила на этой благодатной планете легко и свободно, почти в состоянии анархии, однако к Форду по-прежнему обращались как к старшему, чья его советы, считаясь с мнением — словом, как к одному из авторитетов. Членов Семейств не особенно заботила и разница в календарном возрасте — ну и что, если кому-то из них на сотню лет больше? В течение многих лет они полагались на управленческий талант Форда и сейчас продолжали считать его старшим по рангу государственным деятелем, хотя две трети из них были, конечно же, старше его.

Бесконечное праздное времяпрепровождение растянулось на недели и месяцы. После длительного заточения в корабле и посменной работы попеременно со сном соблазн ничегонеделания был слишком велик, а главное, все способствовало этому! Еды — вдоволь, готовой к употреблению и легко получаемой; вода имелась во всех водоемах в больших количествах, к тому же, очень чистая и вкусная. Одежды было предостаточно, и ее наличие имело скорее эстетическую, чем чисто утилитарную функцию. Носить одежду при этой райской погоде было так же бессмысленно, как и надевать выходной костюм в бассейн. Кто хотел одеваться, тот делал это; браслеты, бусы и немного цветов было вполне достаточно... К тому же, они не так обременительны, если вдруг захочется искупаться в лазурных морских волнах. Правда, Лазарус все же предпочел оставаться в старой испытанной нидерландской юбке.

Уровень культуры и просвещенности малышей поначалу было трудно определить, поскольку они вели довольно отшельнический образ жизни, у них не было, по земным понятиям, признаков выдающихся достижений научно-технической мысли — никаких высотных зданий, сложных транспортных средств, ни следа чего-либо наподобие электростанций: легче всего их было принять за детей Матери Природы, живущих в Саду Эдема.

Но, как известно, над водой видна лишь одна восьмая часть айсберга. Знания по физике у малышей не уступали познаниям колонистов, более того, намного превосходили их. Они осматривали космополонки землян с вежливым интересом, но немалую озадачили припеленцев своими расспросами о том, почему та или иная вещь базируется на этом принципе, а не на другом, и предлагали свой путь решения проблемы. Причем они показывали, что их варианты неизменно более просты и эффективны, чем те, на которых основывалась земная техника /если, конечно, изумленные инженеры-земляне вообще хоть что-нибудь понимали, о чем говорили малыши/.

Малютки разбирались в технике, но практически ею не пользовались. Прежде всего, им не нужны были никакие приспособления для систем связи, а также не было нужды в транспортных средствах /хотя причины этого стали ясны позже/, да и в других областях машины применялись редко. Но когда возникала потребность в каком-нибудь механическом устройстве, они сами способны были его

спросектировать, сконструировать, единожды использовать и затем уничтожить, выполняя все эти процедуры в духе полного взаимопонимания и сотрудничества, зачастую чуждого в таких делах землянам.

Но наиболее заметными были их достижения в области биологии. Малыши мастерски умели манипулировать формами жизни. В течение считанных дней они могли разработать любое растение, вдвое превосходящее те, к которым привыкли земляне, не только по запаху и вкусу, но и по питательным свойствам. Такая задача была для них обычной, с ней мог справиться любой биотехнолог. У них это получалось гораздо лучше, чем у земного садовода, который старается вывести новую разновидность цветка по его цветочному оттенку или форме.

Однако их методы разительно отличались от тех, которыми пользуются земные селекционеры. К их чести следует сказать, что они пытались — таки разъяснить сущность своих методов, но припелельцы оказались просто не готовы их воспринять. Малыши утверждали, что "придумывают" растение желаемой формы с заданными свойствами. Как бы это ни делалось, факт остается фактом: они могли взять пераснутившийся саженец, и, не трогая его и не обрабатывая каким-либо иным видимым способом, заставляли его расцвести и образовать плоды в течение нескольких часов, причем плоды, которые уже имели желаемые свойства и сохраняли их в последующих поколениях.

Впрочем, малыши по степени технического совершенства отличались от землян меньше, чем в некоторых других отношениях. И главная их особенность заключалась в том, что они не были индивидуумами.

Ни в одном отдельно взятом малыше нельзя было выявить его индивидуальности. Их особи имели множество вариаций тел; у них была групповая "душа". Основной ячейкой их общества была гармоничная теленатическая группа, состоящая из многих элементов. Число тел и мозговых центров, обслуживающих одну особь, подчас доходило до девяности и никогда не бывало ниже тридцати.

Колонистам стали понятны многие стороны жизни малышей лишь после того, как они узнали об этой их особенности. Кстати, имеются все основания полагать, что малыши не в меньшей степени удивлялись "устройству" землян и предполагали, что способ существования при-

пелыцев естественным образом должен повторяться в других. Обнаружившиеся наконец различия привели к крупным недоразумениям и, похоже, породили страх в умах малышей. Они даже предпочли удалиться подальше от места расположения землян и не контактировали с ними на протяжении нескольких дней.

Наконец в лагерь поселенцев прибыл посыльный и мысленно связался с Барстоу.

"... мы просим прощения за то, что избегали вас... в спешке мы приняли вашу беду за вашу вину... нам хотелось бы вам помочь... мы предлагаем научить вас быть такими же, как мы..."

Барстоу пришлось крепко подумать над тем, как бы поделикатнее ответить на подобное заявление.

— Мы благодарны вам за желание помочь, — после длительной паузы ответил он, — однако то, что вы называете нашим несчастьем, представляется нам необходимым элементом бытия. У вас свои обычаи, у нас свои. Не думаю, чтобы мы смогли воспринять ваши традиции.

Мысль, вернувшись к нему, была преисполнена горечи.

"...мы помогли небесным и земным созданиям покончить с разногласиями..." "Если же вы отказываетесь от помощи, мы не будем навязывать ее вам..."

Посыльный удалился, оставив Барстоу в сильном смятении. Возможно, он слишком поспешил с ответом, не посоветовавшись со старейшинами. Ведь теленатия — не из тех даров, от которых следует отказаться; возможно, малыши смогли бы научить людей теленатии, не посягая на индивидуальность каждого из них. Однако то, что он знал о теленатах из числа кланов, не прибавляло энтузиазма: из них не было ни одного, кто был бы эмоционально здоровым, и даже наоборот — большинство из них были умственно отсталыми. Такой путь небезопасен для людей, решил он. Кроме того, к этому вопросу можно вернуться и позже, ведь время терпит.

Мысль о том, что все может подождать, была широко распространена среди колонистов: ведь им не надо бороться за выживание. Солнце грело так ласково и приятно, один день был похож на другой, и казалось, так будет продолжаться вечно. Долгожители, которые привыкли все делать не спеша, стали даже подумывать о вечности. Время теперь не играло никакой роли, так что даже исследования в

области геронтологии потихоньку сходили на пет. Гордон Харди бросил свои прежние эксперименты и занялся изучением куда более запятой темы, а именно взглядами малышей на проблемы долголетия. Он занимался этим весьма неторопливо и размеренно, часами обдумывая вновь полученную информацию. Время казалось, существовало по своим законам, и Харди даже не заметил, что периоды его раздумья становились все дольше, а активные поиски секретов земного долголетия свелись к нулю.

Правда, он узнал потрясающую вещь, которая могла перевернуть основы их мировоззрения: в некотором смысле малышам даже удалось победить смерть!

Поскольку каждое "это" растворялось во многих телах, кончина одного из тел не вызывала смерти особи. Весь мысленный опыт этого тела сохранялся и связанная с ним личность также, а физические потери могли быть возмещены переходом в молодую особь малышей. При этом групповое "это", /представленное одной особью, обращавшейся к землянами, не могло умереть, разве что погибли бы все тела, в которых оно существовало. Они попросту продолжали жить, и по всей видимости, вечно.

Их юные особи до возраста "бракосочетания" имели некоторые признаки личности, в том числе рудиментарные, а возможно, лишь инстинктивные уместные способности. Старшие собратья не требовали от них большого благоразумия, как земляне от еще не родившегося младенца. В каждой группе были десятки таких молодых особей; о них заботились так, как о горячо любимых домашних животных или беспомощных грудных детях, хотя они зачастую были весьма крупными созданиями.

Лазарусу весь этот рай наскучил гораздо быстрее, чем болшинству его собратьев.

— Не может же вечно продолжаться эта легкая прогулка, — с досадой заметил он как-то Либби, мирно растянувшегося рядом с ним на шелковой траве.

— Что тебя гложет, Лазарус?

— Да ничего особенного. — Лонг вытащил свой пожик и стал бросать его в землю, наблюдая, как он плавно входит в нее. — Просто это место напоминает мне хорошо спланированный и управляемый зоопарк. Да и перспек-

тивы у нас примерно такие же. — Он вздохнул. — Это потерянный мир.

— Но что же тебя конкретно беспокоит?

— Ничего. Именно это меня и волнует. Скажи мне, как на духу, Энди, ты не замечаешь ничего подозрительного в том, что мы оказались на этом пастбище?

Либби едва заметно улыбнулся.

— Пожалуй, нет. Вероятно, это из-за моего деревенского происхождения. Мне кажется, что здесь живем мы вполне сносно. А ты что думаешь?

— Я скажу тебе. — Лазарус посмотрел куда-то вдаль и перестал играть со своим ножиком. — Когда-то в молодости, очень давно, мне приходилось бывать в южных морях...

— Где-нибудь на Гавайях?

— Нет, гораздо южнее. Я даже не представляю себе, как теперь называются те места. Я растратил все деньги, и мне даже пришлось продать секстант. Очень скоро меня нельзя было отличить от туземца. Я уже совсем свыкся с этим, но однажды мне посчастливилось взглянуть на себя в зеркало. — Лазарус аж поморщился от омерзения. — Я удираю от этой экзотики, спрятавшись в трюме одного из кораблей — можешь представить себе, насколько я был перепуган и как противен себе!

Либби никак не отреагировал.

— Ну, а ты, Энди, как проводишь время?

— Как всегда: думаю о математике, пытаюсь придумать новое устройство вроде космического двигателя...

— Ну и получается что-нибудь? — Вдруг Лазарус сильно заперевничал.

— Пока что нет. Для этого нужно время. Обычно я просто наблюдаю, как плывут облака. В любом деле можно найти математические аналогии, даже там, где этого совсем не ждешь. Например, в кругах, расходящихся по воде, в скульптурах, функциях пятого порядка...

— Ты хотел сказать четвертого порядка?

— Пятого. Ты не учел временного фактора. Мне нравятся уравнения пятого порядка, — задумчиво протянул Либби.

— Фух! — Лазарус нетерпеливо поднялся. — Тебе, может быть, это и подходит, но мне — нет.

— Ты куда-то идешь?

— Да, надо прогуляться.

И Лазарус отправился в путь. Он шел в северном направлении, по почам укладываясь прямо на траве. На рассвете он двигался дальше. Так прошло несколько дней... Идти было легко, как будто прогуливаешься по парку — даже слишком легко, подумалось Лазарусу. За то, чтобы по дороге ему встретился хоть какой-нибудь вулкан или водопад, он готов был дорого заплатить.

Пищевые растения подчас отличались странноватым вкусом, но зато их было чрезвычайно много. Раз или два он видел небольшие группы мальшей, торопливо бегущих по своим делам. Они не спрашивали, куда он идет и зачем, а просто приветствовали его как своего старого друга. Лазарусу даже захотелось специально встретить какого-нибудь знакомого — иначе можно было подумать, что за ним просто следят.

Со временем ночи стали холоднее, погода все больше портилась, а мальши попадались реже. Тот день, когда он не встретил ни одного мальчика, он решил посвятить изучению своей дупы, да прихватил еще ночь и весь следующий день.

Что ж, обвинить мальшей в чем-либо у него не было никаких оснований. Но столь же решительно ему что-то здесь не нравилось. Ни одно из философских учений, о которых он слышал или с которыми был знаком, не давало определения смыслу человеческой жизни и четких критериев его поведения. Греться на солнышке — ничем не хуже, чем заниматься другими делами. Единственное, что он знал наверняка — такое занятие не для него, хотя и не понимал, откуда эта убежденность.

Бегство Кланов было ошибкой. Было бы гораздо естественнее и благороднее, остаться на Земле и побороться за свои права. Вместо этого они пропали чуть ли не пол-Вселенной. Казалось, они нашли себе убежище и даже очень неплохое, правда, уже заселенное существами, намного превосходящими их, причем до такой степени, что люди просто не могли этого вынести. Существа, однако, были так безразличны к землянам, что даже не уничтожили их, а просто отправили в этот затерянный мирок показного благополучия.

Но ведь это само по себе и было унижением. "Новый рубеж" представлял собой венец более чем пятисотлетних творений человеческой мысли, лучшее, на что было способно человечество. Но его швырнули в глубины

космоса так же небрежно и легко, как человек мог бы вернуть в гнездо выпавшего из него птенца.

Скорее всего, у малышей не было намерения выгонять пришельцев, но они оказывали на землян не менее деморализующее воздействие, чем Боги на джокайра. Каждая особь в отдельности ничем особым не отличалась, но все вместе, группы малышей представляли собой гениев, которые могли заткнуть за пояс самых выдающихся землян. Человеческие существа не могли на равных соперничать с группами малышей, с таким видом организации жизни. И даже если бы земляне захотели организовать такие же группы, то при этом они утратили бы нечто очень ценное из того, что делает их *людьми*.

Про себя он отметил, что к своим братьям он никогда не будет беспристрастным, ведь он один из них.

Дни летели, как прежде, а Лонг все еще размышлял, не в силах побороть смятения чувств. Это были вечные проблемы, появившиеся тогда, когда первый обезьяночеловек осознал себя личностью, и эти проблемы нельзя было решить простым пресыщением желудка или изобретенными техническими приспособлениями. Бесконечные тихие дни, проведенные в раздумьях, ни на шаг не продвинули Лазаруса в постижении истины, впрочем, как все столетия раздумий его предшественников. Почему все есть так, как есть? Какая людям от этого польза? Ответа он не находил, кроме, пожалуй, одного: человек не предназначен и внутренне не готов к вечному безделью в таком, пусть даже райском, уголке.

Ход его тревожных мыслей был прерван появлением одного из малышей.

"... приветствую вас, друг ... ваш супруг Кинг просит вас вернуться обратно... ему нужно с вами посоветоваться..."

— Что случилось? — не на шутку взволновался Лазарус, однако малыш не захотел или не смог ему ничего рассказать. Решительно поднявшись, Лонг быстро запагал на юг.

"... так медленно идти не имеет смысла..." — догнала его мысль.

Лазарус позволил вывести себя на полянку посреди рощи. Там он обнаружил предмет яйцевидной формы длиной около двух метров, ничем не примечательный, за исключением дверного отверстия с одной стороны. Пла-

нестянин без труда прошел в дверь, а Лазарус едва протиснулся в эту довольно узкую для него щель.

Дверь закрылась, и Лазарус уже приготовился к длительному полету, однако дверь тут же открылась и Лонг обнаружил, что они находятся на побережье как раз напротив поселения землян. "Это у них здорово получается", — отметил он про себя и тут же поспешил к мирно покачивающейся на волнах лодочке, в каюте которой Барстоу и Кинг оборудовали нечто вроде импровизированной штаб-квартиры поселенцев.

— Вы посылали за мной, капитан. Что случилось?

— Речь идет о Мэри Сперлинг, — лицо капитана выражало глубокую озабоченность. Лазарус почувствовал, как у него сжало сердце.

— Умерла?

— Нет. Не совсем. Она пошла к малышам. Присоединилась к одной из их семейных групп.

— Но ведь это невозможно!

Лазарус ошибался. Конечно, не могло быть и речи о кровосмешении землян и малышей, но при этом не было и препятствий при желании присоединиться к одной из их организаций посредством растворения своего "я" в коллективной личности планетян.

Мэри Сперлинг, движимая сознанием неизбежно надвигающейся смерти, предпочла обрести бессмертие в групповом эго. Столкнувшись с извечной проблемой борьбы между жизнью и смертью, она умудрилась избежать трагического конца, отказавшись от собственного "я". Мэри нашла группу, которая захотела ее принять, и присоединилась к ней.

— В связи с этим возникает множество новых проблем, — продолжал Кинг. — Поэтому мы с Заккуром и Слейтоном считаем ваше присутствие здесь необходимым.

— Да, да, конечно, но где сейчас Мэри?

Не дожидаясь ответа, Лазарус побежал в сторону лагеря, не обращая внимания на приветствия и попытки остановить его. Неподдалеку от поселения он натолкнулся на одного из аборигенов.

— Где Мэри Сперлинг?

"... Мэри Сперлинг — это я..."

— Но ведь ты же не можешь... Ведь это не ты!

"...Я — Мэри Сперлинг: а Мэри Сперлинг — это я... Неужели вы меня не узнаете?... Я знаю вас, Лазарус..."

— Нет! — замахал руками Лазарус. — Я хочу видеть Мэри Сперлинг, которая выглядит, как земная жительница, как я!

Абориген с минуту колебался, но затем сообщил:

"...следуйте за мной..."

Лазарус обнаружил ее довольно далеко от лагеря; было очевидно, что она избегает других колонистов.

— Мэри!

"...мне прискорбно видеть тебя таким опечаленным... — мысленно ответила она ему. — ...Мэри Сперлинг больше нет, теперь она всего лишь одна из нас..."

— О, Мэри, вернись назад! Та ведь не можешь так со мной поступить? Ты узнаешь меня?

"... конечно же, я знаю тебя, Лазарус... это ты теперь не узнаешь меня... не печаль свою душу и не тревожь свое сердце созерцанием моей прежней телесной оболочки... теперь я уже не принадлежу вам, я одна из жительниц этой планеты..."

— Мэри! — настаивал он. — Это нужно как-то отменить! Давай уйдем отсюда!

Она покачала головой — какой странный человеческий жест! — но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Это была маска далекой отчужденности...

"... это невозможно... Мэри Сперлинг больше нет... пусть тебе это не покажется странным, но именно я говорю с тобой, однако в то же время я больше не принадлежу вам..."

— Мэри!!!

На него вдруг нахлынули воспоминания о той странной ночи, когда погибла его мать. Лазарус закрыл лицо руками и впервые с той ночи заплакал горько и безутешно, как ребенок.

5

Кинг и Барстоу на том же месте ждали его возвращения. Увидев покрасневшие глаза Лонга, Кинг тихо сказал:

— Я хотел вам все рассказать, но вы наверняка не стали бы меня слушать...

— Забудь об этом, — резко оборвал его Лазарус. — Что-нибудь еще?

— Прежде, чем мы вернемся к нашему разговору, я хочу показать тебе нечто,— ответил Барстоу.

— И что же это такое?

— Пойдем, увидишь сам.

Они провели Лонга в каюту для руководящего состава. Вопреки обычаям Кланов, она была закрыта; Кинг открыл дверь своим ключом. Внутри сидела женщина, которая, едва увидев их, сразу же вышла.

— Взгляни на это,— Барстоу кивнул в угол комнаты.

В инкубаторе находилось живое существо, маленький ребенок, однако не из тех, что ему приходилось видеть раньше. Лазарус в течение нескольких минут рассматривал его, а затем сердито бросил:

— Это еще что за чертовщина?

— Посмотри внимательнее, можешь даже взять на руки. Ты не причинишь ему вреда.

Лазарус последовал совету, очень осторожно взял существо на руки и с любопытством стал разглядывать его. Он пока что не мог сообразить, что это такое. Нельзя было сказать, что то был человек, однако не походил он и на отпрысков малышей. Может быть, на этой планете существует, как и на предыдущей, какая-то неведомая раса? Ребенок был похож на землянина, но, несомненно, не был человеческим существом. У него не было ни носовых дырочек, ни выступающих ушей. Все человеческие органы находились вроде бы на своих местах, но каждый из них заканчивался защитными костными наростами, похожими на маленькие черенки. На руках ребенка было слишком много пальцев, а возле запястья поменялся еще один, самый крупный, который заканчивался пучком розовых ответвлений.

Довольно странным показался Лазарусу и торс ребенка, хотя сразу он и не сообразил, почему. Ноги заканчивались не обычными человеческими ступнями с пальцами, а роговидными основаниями, похожими на копытца; кроме того, ребенок был гермафродитом, — эдакое милое маленькое двуполое создание.

— Это еще что такое? — спросил Лазарус, хотя в его мозгу уже мелькнула странная догадка.

— Это Марион Шмидт, — ответил Барстоу, — родившаяся три недели назад.

— Что здесь произошло, ты можешь объяснить?

— Это значит, что малыши не менее искусны в создании людей, чем в селекции растений.

— Но ведь они обещали оставить нас в покое!

— Не осуждай их слишком. Мы позволили им это сделать. Первоначальная идея состояла лишь в некоторых усовершенствованиях.

— Ничего себе усовершенствования! Ведь это же просто мерзость!

— И да, и нет. Когда я смотрю на нее, у меня все внутри переворачивается — но на самом деле это нечто вроде супермена. Строение ее тела реконструировано для придания большей эффективности, лишние наиболее явные изъяны устранены, а ее органы стали куда более чувствительными. Ты не можешь сказать, что это не человек, ибо перед тобой его усовершенствованная модель. Взять хотя бы вот эту лишнюю миниатюрную руку на запястье. Ею управляет дополнительный микроскопический глаз. Когда привыкнешь к самой этой мысли, то начинаешь понимать всю ее пользу. И все же с точки зрения землян она выглядит весьма отвратительно.

— Тут каждый может испугаться, — согласился Лазарус.

— Пусть это даже и усовершенствование, но в основе своей оно бесчеловечно!

— Во всяком случае, возникают определенные проблемы.

— Да еще какие! — Лазарус вновь посмотрел на существо. — Так ты говоришь, что на этих маленьких ручках имеются дополнительные глаза? Я бы сказал, что верится с трудом.

Барстоу пожал плечами.

— Я ведь не биолог. Но ты знаешь, что в каждой клетке тела содержится полный набор хромосом. Похоже, что можно паранцивать глаза, кости или еще что-нибудь в любом нужном месте, если знать, как манипулировать генами в хромосомах. Малыши знают это.

— Я не желаю, чтобы мной манипулировали!

— Я тоже.

Стоя на берегу залива, Лазарус окинул взглядом должителей, которые пришли на общее собрание.

— Мне исполнилось... — начал он официальным тоном, затем вдруг осекся и, позвав к себе Либби, что-то прошептал ему на ухо. Видно было, как Либби сильно смутился и что-то прошептал в ответ. Они неслышно

перебросились еще несколькими фразами, и наконец Лазарус продолжил собрание.

— Мне двести сорок один год, по меньшей мере, — заявил он. — Есть ли здесь кто-нибудь старше меня? — Это была не более чем формальность; все знали, что он самый старший, а самому Лазарусу казалось, что он вдвое старше своего возраста.

— Собрание объявляется открытым, — заговорил он в микрофон через усилители, расставленные по всему побережью. — Предлагайте кандидатуры на председательствующего.

— Продолжайте, Лазарус! — крикнул кто-то из толпы.

— Хорошо, — отозвался Лонг. — Прошу вас, Заккур Барстоу.

Оператор передвинул микрофон в нужном направлении.

— Заккур Барстоу, — разнеслось на несколько миль вокруг. — Выступаю от своего имени. Некоторые из нас пришли к мнению, что эта планета, хоть жизнь на ней очень приятна, не подходит для нас. Все вы уже слышали о Мэри Сперлинг, а также видели стереофото малышки Марион Шмидт; есть у нас и другие примеры, на которых я подробно останавливаться не буду. Проблема новой эмиграции вызывает множество других вопросов, и главный из них — куда? Лазарус Лонг предлагает нам вернуться на Землю. В таком случае... — его слова заглушил гул толпы.

Лазарус призвал собравшихся к порядку.

— Никто не может насильно заставить вас возвратиться. Но если нас наберется довольно много для того, чтобы воспользоваться космолетом, то не вижу причин, почему бы этого не сделать? Я предлагаю вернуться на Землю, а кое-кто — перелететь на другую планету. Куда лететь — еще предстоит решить. Но прежде всего, я хотел бы знать, кто из вас думает, как и я, что настало время убраться отсюда?

—Я! Я! — слышалось то слева, то справа. Лазарус попросил оператора передать микрофон одному мужчине из первого ряда, который сразу же отозвался на слова Лазаруса. — Прошу вас.

— Меня зовут Оливер Шмидт. Я уже несколько месяцев жду, пока кто-нибудь предложит нам улететь. Временами мне казалось, что я единственный в нашем мире, у кого болит душа. Особых причин покинуть эту планету у меня

нет — меня не пугает происшедшее с Мэри Сперлинг и Марион Шмидт. Всем, кому правится эта планета — на здоровье, кто же может запретить? Но меня давно уже преследует мысль, что я больше не увижу Цинциннати, мне до чертиков здесь надоело, и я не согласен до конца дней поедать здешние лотосы! Я хочу зарабатывать себе на жизнь, черт побери!

По данным генетиков Клапов, меня хватит еще на добрую сотню лет, и я не вижу смысла в том, чтобы все это время пролежать на солнышке в грезах о завтрашнем дне.

Когда он закончил, раздалось множество голосов, наперебой требовавших предоставить им слово.

— Потинне! Потинне! — увещевал Лазарус. — Давайте не будем говорить одновременно, лучше выделите своих представителей. А пока прошу вас, — он велел поднести микрофон мужчине из левого ряда.

— Я не отберу у вас много времени, — начал мужчина, — потому что поддерживаю Оливера Шмидта. Я только хотел вам сказать о своих соображениях. Мне не хватает Луны. Да, да, Луны! У себя дома я любил сидеть по вечерам у открытого окна и, покуривая трубку, часами глядеть на Луну. Я не знал, что это может быть так важно для меня. Мне пужна планета с луной!

Следующий выступающий был еще менее многословен.

— Случай с Мэри Сперлинг хорошенько пощекотал мне нервы. По ночам меня преследуют кошмары, будто это я сам стал одним из малышей...

Долгожители наперебой приводили все новые аргументы. Кто-то напомнил, что их изгнали с Земли; на чем же была основана убежденность, что им разрешат вернуться? Лазарус решил ответить на этот вопрос сам.

— Мы многое узнали от джокайра, а теперь намного больше — от малышей. Это выводит нас на новые рубежи в научно-техническом прогрессе. На Земле с этим не могут не считаться. Мы вернемся на родную планету закаленными в испытаниях и сможем во весь голос заявить о своих правах. Мы достаточно сильны, чтобы их отстаивать.

— Лазарус Лонг... — прозвучал голос слева.

— Да, я слушаю вас, — он пододвинул микрофон к говорящему.

— Я слишком стар, чтобы пускаться в новые межзвездные перелеты, и слишком устал, чтобы в конце путеше-

ствия еще за что-то бороться. Что бы вы здесь ни решили, я остаюсь.

— В таком случае, — ответил Лазарус, — и обсуждать больше нечего, так ведь?

— Я имею право на собственное мнение!

— Вы его уже высказали. Теперь дайте слово другим.

Солнце опустилось за горизонт, и на небе появились первые звезды, а обсуждение все еще продолжалось. Лазарус понял, что это может длиться до бесконечности, и решил прервать дискуссию.

— Все, хватит! — заявил он. — Мы, скорее всего, еще вернемся к обсуждению этой темы на семейных советах, а пока что давайте подведем предварительные итоги, чтобы посмотреть, чего мы хотим. Все, кто хочет возвратиться на Землю — становитесь справа от меня; кто хочет остаться — слева. Те же из вас, кто хочет отправиться на поиски новой планеты, оставайтесь здесь, по центру, прямо передо мной. — Он повернулся к помощнику. — Включите пока музыку, чтобы поторошить их.

Через минуту по всему побережью разнеслись волшебные звуки вальса "Голубой Дунай", перемешанные потом в ритмичный негритянский блюз начала XX века.

— Наверное, это ты подобрал записи? — спросил Барстоу, обращаясь к Лазарусу.

— Я? Нет, ты ведь знаешь, что у меня неважный слух.

Даже под музыку земляне разбивались по группам довольно долго. Последние аккорды знаменитой Пятой симфонии давно стихли, когда землянам удалось наконец разделиться на три части.

Слева от Лонга осталось около десяти процентов долгожителей, изъявивших желание остаться: большинство из них — это немолодые и усталые люди, чьи дни были практически сочтены. К ним присоединились юноши и девушки, никогда не видевшие Земли, и еще парочка бездельников среднего возраста.

В центре собралась совсем небольшая группа, не более трехсот человек, состоящая преимущественно из мужчин и нескольких молодых женщин, которые искали новых приключений и готовы были преодолевать все новые препятствия.

Основная масса долгожителей собралась справа от Лазаруса. Он смотрел на них и читал в их глазах счастливое возбуждение. Его сердце забилося от радости — ведь сперва

он сильно побаивался, что его стремление вернуться поддержат немногие.

— Похоже, вы остались в меньшинстве, — обратился он к группе, оставшейся в центре. — Не стоит расстраиваться — времена ведь меняются.

На его глазах эта группа растаяла: разбившись по двое и по трое, люди делали свой окончательный выбор. Лишь очень немногие решили остаться на планете; основная же масса пополнила группу, стоявшую справа.

Когда выбор был сделан, Лазарус обратился к тем, кто решил навечно поселиться у малышей.

— Ну что ж, мои старички, вы можете вернуться на свои любимые луга и вздремнуть. Остальным же придется серьезно поработать над свершением наших дальнейших планов.

Затем Лазарус предоставил слово Либби, который объяснил, что возвращение домой не будет столь долгим и утомительным, каким было бегство с Земли или второй перелет. Энди отдал должное — и вполне заслуженно — научным достижениям малышей, которые во многом помогли ему справиться с задачей развития скоростей, превышающих скорость света. Если малыши действительно говорят правду, а не верить им нет оснований, то пределов тому, что Либби назвал "параускорением", не существует ("пара-" — отклонение, потому что подобно световому приводу Либби оно воздействует на всю массу равномерно и ощущается человеком так, как гравитация, да и корабль не будет лететь сквозь пространство, а скорее двигаться в другом измерении).

— Проблема здесь не столько в том, чтобы привести корабль в движение, сколько в выборе оптимального потенциального уровня n -мерной гиперсреды с $(n+1)$ степенью свободы...

Лазарус понял, что пора решительно вмешаться.

— Это твоя стихия, парень, и все мы доверяем тебе. У нас маловато знаний, чтобы обсуждать такие тонкости.

— Я только хотел добавить...

— Знаю. Но тебя уже занесло, поэтому приходится останавливать.

Кто-то из толпы успел выкрикнуть:

— Так когда же мы сможем быть дома?

— Не знаю, — ответил Либби, вспоминая о вопросе, который когда-то давно задала ему Нэнси Уизерол. — Я

не знаю, какой там сейчас год. Но чтобы добраться туда, нам должно хватить не более трех недель.

Приготовление заняли несколько дней, ведь для погрузки землян на корабль потребовалось несколько сот ходок космических челноков. Расставание с долгожителями, которые предпочли остаться, проходило очень скромно, да они большей частью старались и не попадаться на глаза отбывающим домой землянам. Между двумя группами долгожителей будто кошка черная пробежала; разделение на берегу подчас разбивало давние дружеские и даже брачные узы, задевало чувства очень многих землян и оставляло неизбывную горечь. Единственным положительным моментом стало решение родителей мутанта Марион Шмидт остаться на приютившей их планете.

Лазарус отдавал приказания, готовясь отчалить на последнем челноке. Незадолго до того, как он собрался зайти внутрь, он почувствовал легкое прикосновение.

— Простите меня, — сказал юноша. — Меня зовут Хьюберт Джонсон. Я бы хотел полететь с вами, но мне нужно остаться здесь, чтобы уберечь мою мать от бурных расставаний. Если я прибегу в последний момент, то могу ли рассчитывать на то, что вы меня примете?

Лазарус осмотрел его с головы до ног.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы принимать самостоятельные решения.

— Вы меня не поняли. Я был любимым ребенком в семье, и моя мать буквально следует за мной по пятам. Мне с трудом удалось сейчас ускользнуть... Сколько вы еще пробудете здесь?

— Я не буду задерживать отход лодки. А ты тоже рискуешь навсегда остаться маменькиным сыночком. Залезай внутрь!

— Но я ведь...

— Залезай, тебе говорят!

Парень подчинился, бросив последний тревожный взгляд на побережье. "Что ж, вот еще один мальчик превратился в мужчину", — отметил про себя Лазарус.

Оказавшись на борту "Нового рубежа", Лазарус доложил обо всем капитану.

— Все ли на борту? — спросил Кинг.

— Да. Включая тех, кто принял решение в последний момент, да еще женщина по имени Элинор Джонсон, успевшая проскочить за какие-то доли секунды. Посхали!

Кинг повернулся к Либби:

— Вперед, старина.

В непроглядной бездне ночи можно было заметить лишь слабый свет мерцающих звезд.

Корабль летел наугад, и только незаурядный талант Либби помогал ему двигаться в нужном направлении. Даже когда у него возникали сомнения в правильности курса, он оставлял их при себе. На двадцать третий день корабельного времени и на одиннадцатый день подключения параускорения на экране вновь засветились мириады звезд, некоторые приобрели знакомые очертания — Большая Медведица, гигантский Орион, неровный Южный Крест, загадочные Плеяды, и прямо по курсу, мерцая на фоне холодного отсвета Млечного Пути, лежал источник золотого солнечного света.

Во второй раз за этот месяц на глазах Лазаруса выступили слезы, но то были слезы радости.

Земляне не могли просто вступить в радиокontakt со своей планетой, выйти на парковочную орбиту и разгрузить корабль; прежде всего, нужно было разведать обстановку и выяснить, какой же сейчас год на Земле.

По данным спектрального анализа близлежащих звезд, Либби смог определить, что к настоящему времени на их родной планете прошло не более 3700 лет от Рождества Христова; не имея точных астрономических инструментов, он не смог назвать более конкретную дату. Однако, оказавшись довольно близко от планет Солнечной системы, он прочел показания других "часов", ведь, как известно, эти планеты сами образуют циферблат с девятью стрелками.

Любой дате соответствует определенная конфигурация этих "стрелок", поскольку период каждой планетой не измерим с периодом другой. Плутон отсчитывает "час" за четверть тысячелетия; Юпитер возвращает о прошествии космической минуты каждые двенадцать лет; для Меркурия угловая секунда пробегается за девяносто дней. С помощью других "стрелок" время можно уточнить — период вращения Нептуна столь разительно отличается от периода Плутона, что оба они попадают в примерно повторяющуюся конфигурацию приблизительно один раз

за семьсот пятьдесят восемь лет. Эти огромные часы можно использовать с различной степенью приближения в течение любого периода, однако прочесть по ним время очень нелегко.

Либби начал считать время сразу же, как только стало возможно определить одну из планет Солнечной системы. Конечно, над задачей пришлось попотеть.

— Я сомневаюсь, что нам удастся засечь Плутон, — пожаловался он Лазарусу, — а определить нахождение Нептуна тоже будет нелегко. Ближние к Солнцу планеты могут дать бесконечное число аппроксимаций, а ведь бесконечное и есть бесконечное — как к нему подступиться?

— Не слишком ли ты все усложняешь, парень? Ведь практически мы можем получить ответ. Или дай я сам это сделаю.

— Конечно, я и сам все смогу, — недовольно заявил Либби, — если вам так уж хочется. Но ведь...

— Никаких "но"! Какой год на дворе, парень?

— Хорошо, давайте прикинем. Скорость течения времени на корабле и скорость времени на Земле трижды выходили из единой системы координат. Но сейчас они, наконец снова синхронизировались, поэтому я могу предположить, что с момента нашего отлета прошло более семидесяти четырех лет.

Лазарус тяжело вздохнул.

— Энди, что ж ты мне сразу не сказал? — Лонг вдруг представил себе, что за это время на Земле изменилось так много — может, теперь Нью-Йорк снова стал одноэтажным или что-нибудь в этом роде... — Ну, ты и выдал, Энди! Нельзя же меня так пугать!

— Кхм! — только и смог каплянуть Либби в ответ. Проблема для него уже перестала существовать. Нерешенной оставалась лишь задача создания математического аппарата для описания двух, на первый взгляд противоречащих друг другу, фактов: экспериментов Микельсона-Морли и данных бортового журнала "Нового рубежа". С чувством предстоящего удовольствия он приступил к ее решению.

Тем временем космолет вышел на временную орбиту примерно в пятистах миллионах миль от Солнца с вектором радиуса, обычным для плоскости эклиптики. Таким образом, припарковавшись под прямым углом к плоскому широгу Солнечной системы, они могли надеяться

на то, что их еще долго не обнаружат. Одна из космолупок была снабжена новой моделью привода Либби, и на ней была послана на Землю группа парламентаров.

Лазарус сразу же захотел присоединиться к ним; но Кинг отказался отпустить его, чем вызвал сильное негодование Лонга.

— Ведь это не поисковая партия, Лазарус, это — дипломатическая миссия, — заявил капитан.

— Послушай, парень, а кто сказал, что из меня получится дерьмовый дипломат? — взревел Лазарус.

— В этом я не сомневаюсь. Мы пойдем тех, кто не станет без толку бряцать оружием.

Миссию поручили возглавить Ральфу Шульцу, поскольку наиболее важными факторами прежней жизни на Земле считались психодинамические, однако в его команду вошли и специалисты по правовым, военным и техническим вопросам. Если Кланам предстоит бороться за жизненное пространство, то необходимо знать, какими видами техники, каким оружием владеют нынешние земляне и удастся ли им вполне мирно приземлиться. Старейшины наделили Шульца полномочиями по разработке плана, согласно которому Кланы смогут колонизировать редкозаселенный и пришедший в упадок европейский континент. Правда, не исключено, что это уже могло быть сделано в их отсутствие, поскольку сроки полураспада многих элементов уже давно миновали. В зависимости от обстоятельств Шулец должен был решать, на какие компромиссы ему идти. Теперь беглецам оставалось только набраться терпения и ждать.

Практически все время, пока миссия летела на Землю, Лазарус провел без сна. Он страстно пытался убедить тех, кто остался на корабле, что Кланы сейчас обладают таким техническим превосходством, что решат все земные проблемы. В душе, конечно, он понимал, что все это — досужие домыслы. Одними знаниями невозможно выиграть сражение. Невежественные фанатики средневековой Европы уничтожили куда более высокую исламскую культуру; Архимед убил обычный солдат; варвары разрушили Рим. Либби или кто-нибудь из них мог бы изобрести непобедимое оружие, основанное на внеземных принципах, которыми они овладели; впрочем, это может и не получиться. А кто знает, как далеко шагнула военная наука землян за эти три четверти столетия?

Кинг, в прошлом кадровый военный, был весьма обеспокоен возможностью создания нового оружия на Земле, но еще больше волновало его то, кого он в случае надобности сможет поставить под ружье. Клань совсем не была похожа на вооруженные легионы; даже поддержание элементарной дисциплины среди этих законченных индивидуалистов казалось ему просто невозможным.

Своими сомнениями и опасениями Кинг и Лазарус не репанились поделить друг с другом; каждый боялся, что стоит только кому-нибудь открыться, как это моментально станет достоянием всего корабля. Безусловно, в своем смятении они не были одиноки: почти половина пассажиров непрерывно думала об опасностях, исходивших от нынешних жителей Земли, и лишь огромное желание вернуться домой давало им силы надеяться и ждать.

— Капитан, — обратился к Кингу Лазарус примерно через две недели после того, как группа Шульца отправилась на Землю. — Как ты думаешь, что они нам скажут по поводу "Нового рубежа"?

— О чем это вы?

— Ведь в свое время мы попросту взяли его на абордаж.

— А ведь и правда! — Кинг совсем забыл об этом. — Вы знаете, столько много воды утекло с тех пор, и я давно привык к мысли, что это мой корабль. — Он задумался. — Интересно, на что похоже теперь Ковентри?

— Как я себе представляю, кормят не очень-то, — отозвался Лазарус. — Рано думать об этом. Мы еще сможем объединиться и выкарабкаться из этой ситуации. Пока что можно спать спокойно — они ведь нас еще не поймали.

— Интересно, чем все это может кончиться для Слейтона Форда, если обнаружится его связь с нами? Думаю, они не станут особенно церемониться.

— А может, ничего и не произойдет, — предположил Лазарус. — Даже если мы завладели кораблем не совсем законным путем, то использовали его действительно по назначению — для исследования космоса. Кроме того, мы возвращаем его целым и невредимым и, к тому же, у нас есть новый испытанный космический привод. Я полагаю, это даже большее, на что они могли надеяться. Думаю, можно убедить их забыть об этом и не вспоминать былое.

— Да, можно попробовать, — ответил Кинг, но голос его прозвучал очень неуверенно.

Миссия возвратилась с опозданием на пару дней. Пассажиры корабля не получали от нее никаких сообщений до тех пор, пока она не оказалась в единой с кораблем системе координат, как раз перед стыковкой, поскольку еще не изобрели устройства, позволяющего выходить на связь между паракосмосом и ортокосмосом. Через несколько минут после начала маневров по сближению на экране перед Кингом появилось радостное лицо Шульца.

— Приветствую вас, капитан! Мы скоро будем на борту и сможем представить отчет.

— Я жду от вас краткого доклада немедленно!

— Не знаю, с чего и начать. Все в порядке — мы можем вернуться домой!

— Я не ослышался? Повторите!

— Все в полном порядке. На Земле вновь вернулись к Соглашению. Видите ли, мы теперь практически от них ничем не отличаемся. Сегодня все стали членами Кланов.

— Как это понимать?

— Они напили его.

— Напили что?

— Они напили секрет долголетия.

— Что за ерунда! Ведь никакого секрета не было!

— У нас его действительно не было, но они думали иначе. Так вот, теперь они его получили.

— Объясните подробнее, — попросил Кинг.

— Капитан, с этим можно подождать до нашего возвращения, — мягко, но решительно оборвал его Шульц. — Я ведь не биолог. Кстати, мы захватили с собой представителя правительства — лучше вы зададите все ваши вопросы ему.

6

Кинг принял представителя Земли у себя в каюте. На встречу он пригласил Заккура Барстоу и Джастина Фута как представителей Кланов, а также Гордона Харди, поскольку только биолог смог бы разобраться во всех нюансах поразительных новостей, привезенных с Земли. Либби присутствовал при разговоре как один из высших чинов на корабле; был приглашен и Слейтон Форд как

единственный представитель недолговечных, хотя после посещения храма Кресла он не занимал никаких официальных постов. Лазарус присутствовал исключительно по собственному желанию. Его никто не приглашал, но даже капитан Кинг ничего не смог возразить против особых привилегий старейшего члена Кланов.

Ральф Шульц познакомил присутствующих с посланником Земли.

— Это — капитан Кинг, наш командир, а это — Майлс Родни, представитель Совета Федерации, Полномочный Министр и Посол по чрезвычайным поручениям, наверное, так его можно назвать.

— Не совсем так, — поправил его Родни, — хотя я и согласен, что моя нынешняя миссия носит чрезвычайный характер. Ведь сегодняшняя ситуация не имеет аналогов. Приятно с вами познакомиться, капитан.

— Рад видеть вас у себя на борту, сэр.

— А это Заккур Барстоу, представляющий здесь Опекунов Кланов Говарда, и Джастин Фут, секретарь Опекунского совета ...

— Приветствуем вас.

— Рад нашей встрече, господи.

— ...Эндрю Джексон Либби, помощник капитана по астронавигации, доктор Гордон Харди, биолог, главный консультант по исследованиям в области старения и смерти.

— Так это вы главный биолог, — с интересом осмотрел его собеседник. — Когда-то вы могли сослужить службу всему человечеству. Подумать только, как все меняется. Но, к счастью, людям удалось раскрыть секрет долголетия без помощи Кланов Говарда.

Харди удивленно посмотрел на него.

— Что вы имеете в виду, сэр? Не хотите ли вы сказать, что все еще продолжаете работать над раскрытием некоего призрачного секрета для продления жизни, которым мы якобы обладаем?

Родни небрежно устроился в кресле и заложил руки за голову.

— Ей-Богу, не стоит сейчас выставлять взаимных обвинений. Мы смогли на Земле достичь вашего долголетия.

Капитан Кинг вмешался в беседу.

— Минуточку. Ральф, скажите мне, придерживается ли до сих пор Федерация мнения, будто существует некий

"секрет" нашего долголетия? Вы разве им ничего не рассказали?

Для Шульца вопрос оказался неожиданным.

— Странно, но этот вопрос даже не поднимался. Они сами научились контролировать продолжительность жизни; в этом отношении мы их больше не интересуем. Правда, там еще имелись некоторые заблуждения по поводу того, что мы достигли долголетия благодаря каким-то манипуляциям, а не за счет генов, но я развеял все сомнения.

— Наверное, это прозвучало не слишком убедительно, судя по тому, что говорит мистер Родни.

— Может быть. Я не придавал этому большого значения; нам незачем ворошить былое. Клань Говарда и их долголетие не представляют уже интереса для землян. Тут дело в другом — как политиков, так и широкую общественность заинтересовал тот факт, что нам удалось успешно осуществить межзвездный перелет.

— Это действительно так, — подтвердил Майлс Родни. — Каждый чиновник, каждое агентство новостей, каждый ученый и каждый гражданин с огромным нетерпением ожидают прибытия "Нового рубежа". Это грандиозное, самое выдающееся событие после высадки первого человека на Луну. Вы знамениты, господа, каждый из вас.

Лазарус взял Барстоу за локоть и шепнул ему что-то на ухо. Барстоу кивнул и обратился к Кингу:

— Капитан!

— Что такое, Зак?

— Я предлагаю нашему гостю где-нибудь поблизости прогуляться, пока мы выслушаем доклад Ральфа Шульца.

— Почему?

Барстоу бросил взгляд на Родни.

— Потому что после этого мы лучше будем подготовлены к обсуждению всех деталей.

— Вы не смогли бы ненадолго нас покинуть, сэр? — обратился капитан к Родни.

— Капитан, давайте без обиняков, — вмешался Лазарус. — Зак излишне вежлив. Пусть мистер Родни тоже поучаствует в обсуждении. Скажите мне, Майлс: какие у вас имеются доказательства того, что вы нашли способ продления жизни?

— Доказательства? — Родни был ошеломлен. — А почему вы спрашиваете об этом? Вообще, с кем имею честь?..

— Извините. У меня не было возможности представить вас друг другу, — вмешался Ральф Шульц. — Это Лазарус Лонг, наш Старший.

— Приветствую вас. Старший чего?

— Он имеет в виду мое старшинство по возрасту. Я самый старый из долгожителей Кланов, а в прочих отношениях я обычный гражданин.

— Старейший из Кланов! Подумать только, ведь вы — старейший из всех ныне здравствующих!

— Я перестал думать об этом уже пару сот лет назад, — отрезал Лазарус. — Ну, так как насчет ответа на мой вопрос?

— Подождите, дайте мне опомниться. По сравнению с вами я себя чувствую просто младенцем, хотя я сам уже немолод: в июне мне исполнится сто пять лет.

— Если вы сможете доказать, что это действительно ваш возраст, то таким образом и ответите на мой вопрос.

— Вообще-то я и не думал, что здесь мне учинят такой допрос. Может быть, я покажу вам удостоверение личности?

— Вы что, шутите? Да у меня было с полсотни всяких удостоверений, и в каждом из них стояли разные даты рождения. Что еще вы можете предложить?

— Минуточку, Лазарус, — вступил в разговор капитан Кинг. — Какова цель вашего вопроса?

— Мы уносили ноги из Солнечной системы потому, что хотели спасти свою шкуру — ведь эти тугодумы не могли уразуметь, что у нас нет никаких секретов долголетия, и все же решили выжать их из нас. Сейчас все в ажуре — так они говорят. Неужели вас не настораживает, что этот парень, которого они послали выкурить с нами трубку мира, все еще уверен, что мы обладаем каким-то секретом?

— Да, меня это тоже удивляет.

— А что, если они не изобрели способа избавления от старости и думают, что теперь смогут его узнать с нашей помощью? Что можно придумать лучше, чем успокоить нас и усыпить бдительность до тех пор, пока мы не вернемся, а затем все начнется сначала.

Родни фыркнул.

— Что за абсурд! Капитан, уж я не знаю, что смогу для вас сделать.

— В тот раз все тоже казалось нелепостью, — холодно ответил Лазарус, — но оказалось правдой, приятель. Прежний опыт нас тоже кое-чему научил.

— Да постоит вы! — не выдержал Кинг. — Ральф, а ты что скажешь? Может быть, тебя тоже обвели вокруг пальца?

— Надюсь, что нет. — Шульц помрачнел. — Хотя мне трудно сказать что-нибудь определенное. На поверхности это выглядит именно так, и, похоже, никто из членов передовой группы не заметил подвоха.

— Но ведь ты психолог. Ты бы наверняка заметил обман, если дело обстояло именно так.

— Да, я психолог, но ведь не чудотворец и не телепат. Я не думал, что, может быть, придется столкнуться с обманом. — Он неловко улыбнулся. — И, кроме того, понав домой, я был так рад, что мое эмоциональное состояние не позволило мне заметить ничего подозрительного.

— То есть, ты в этом не уверен до конца?

— До конца нет, но я чувствую, что Майлс Родни говорит правду. Кроме того, прояснить ситуацию нам помогут несколько вопросов. Как он утверждает, ему уже сто пять лет. Это можно легко проверить.

— Пожалуй, — согласился Кинг. — Ты сам побеседуешь с ним, Ральф?

— Вы позволите, Майлс? — осведомился Шульц.

— Вам право, — холодно ответил тот.

— Вам было около тридцати лет, когда мы покинули Землю, ведь это случилось примерно семьдесят пять лет назад. Вы помните это событие?

— Весьма отлично. В то время я служил в Башне Новака, в подчинении Администратора.

Во время этой беседы Слейтон Форд оставался чуть поодаль и ничем не привлекал к себе внимания. Услышав ответ Родни, он встал во весь рост.

— Послушайте, капитан... Возможно, я смогу внести ясность в это дело. Вы позволите, Ральф? — Он повернулся к землянину. — Кто я?

Родни всмотрелся в его лицо и даже отпрянул от изумления. Не веря своим глазам, он пробормотал:

— Вы... Вы — Администратор Форд!

7

— Не все сразу! Да успокойтесь вы! — увещевал Кинг присутствующих. — Продолжайте, Слейтон. Вы знаете этого человека?

Форд осмотрел его с головы до ног.

— Нет, не думаю.

— Тогда это подтасовка,— предположил Лазарус и, обращаясь к Родни, спросил:

— Я полагаю, вы узнали Форда по старым стереофотографиями.

Казалось, Родни вот-вот лопнет от негодования:

— Да нет же! Я узнал его. Теперь он изменился, но я знал его. Господин Администратор, посмотрите на меня получше — ведь я работал в вашем отделе!

— Скорее всего, ему нечего вспоминать, — сухо заметил Кинг.

— Это еще ни о чем не говорит,— покачал головой Форд. — В моем управлении работалю более двух тысяч служащих. Родни вполне мог быть одним из них. Его лицо мне немного напоминает кого-то, но ведь мало ли на свете похожих людей.

— Капитан, — подключился к разговору Гордон Харди. — Если мне позволят задать пару вопросов, то я смогу высказать и свое мнение по поводу того, действительно ли они знают, как бороться со смертью.

Родни тяжело вздохнул.

— Я ведь не биолог. Если хотите, можете отправлять меня обратно. Капитан Кинг, прошу вас при первой же возможности вернуть меня на Землю. Не желаю больше выслушивать всего этого!

И если хотите знать, меня совершенно не волнует, вернетесь ли вы и ваша... ваша замечательная команда к цивилизации или нет. Я прибыл сюда, чтобы помочь вам, но теперь испытываю только отвращение. — Он поднялся с кресла.

— Эй, полегче! — пошел ему навстречу Слейтон Форд. — Успокойтесь, Майлс! Поставьте себя на их место. Вы бы точно так же пытались перестраховаться, если бы пережили то же, что они.

Родни заколебался.

— Господин Администратор, а вы сами что здесь делаете?

— Это долго рассказывать. Когда-нибудь я поведаю эту историю.

— Вы — член Кланов Говарда. Да, наверняка это так, иначе многие вещи объяснить очень трудно.

— Нет, Майлс Родни, — покачал головой Форд. — Позже я вам все объясню. Итак, вы работали у меня — уточните, когда?

— С 2109 года до... до того времени, когда вы... исчезли.

— В чем заключались ваши обязанности?

— Во время кризиса 2113 года я был младшим служащим отдела корреляции в Управлении экономической статистики, секция контроля.

— Кто руководил вашей секцией?

— Лесли Уолдрон.

— Старина Уолдрон, говорите? Какого цвета были у него волосы?

— Волосы? Лесли был лысый, как колено.

Лазарус зашептал Барстоу на ухо:

— Похоже, я погорячился.

— Не спеши, — ответил Заккур. — Возможно, они его просто очень тщательно готовили — ведь могли же они догадаться, что на борту находится Форд.

— Что такое "Священная корова"? — продолжал тем временем Слейтон.

— Кхм... Но шеф, вы ведь даже не должны были знать о существовании этой газеты!

— Уж не думаете ли вы совсем плохо о моей разведслужбе, — сухо ответил Форд. — Будьте уверены, что я получал свежий номер каждую неделю.

— Так что же это все-таки такое? — вмешался Лазарус.

— Рукописная газетенка с комиксами и сплетнями, которую передавали служащие из рук в руки.

— Почти целиком посвященная высмеиванию боссов, и в первую очередь меня, — добавил Форд и положил руку Родни на плечо. — Друзья мои, теперь у меня нет никаких сомнений, что мы с Майлсом в прошлом были коллегами.

— И все же я хочу подробнее услышать о том, как удалось решить проблему продления жизни, — попросил доктор Харди.

— Думаю, что не вы один, — заметил Кинг. Он поставил

перед гостем стакан и наполнил его вином почти до краев. — Вы ведь нам расскажете об этом?

— Постараюсь, — ответил Родни, — хотя я бы попросил доктора Харди помочь мне в этом. Конечно, все одним махом сделать нельзя — это многоступенчатый процесс, сперва одна базовая стадия, затем несколько последующих. Некоторые из этапов чисто косметические, в особенности для женщин. Я бы не сказал, что это процесс омоложения в прямом смысле слова. Можно приостановить наступление старости, но превратить старца снова в мальчика возможности нет.

— Да, это так, — согласился Харди. — Это понятно, но в чем же состоит основной процесс?

— Он состоит, в основном, в замене всех кровяных клеток в старческом теле новой, молодой кровью. Как мне объяснили специалисты, старение организма вызывается в первую очередь постепенным накоплением ядовитых отходов метаболизма. Предполагается, что кровь должна их выводить из организма, но в конце концов она настолько перенасыщается этой отравой, что процесс очищения организма сильно замедляется и даже прекращается. Это так, доктор Харди?

— Это несколько необычная трактовка, но в целом...

— Я же предупреждал вас, что не являюсь биотехнологом.

— Неважно, в целом направление верное. Здесь все дело в так называемом дефиците "давления диффузии" — если хотите, ДД, — которое в стенке кровяного сосуда должно быть таким, чтобы поддерживать довольно высокий показатель сопротивляемости, иначе неизбежно наступает прогрессирующая самоинтоксикация отдельных клеток. Но должен заметить, Родни, что я несколько разочарован. Идея сдерживания процессов старения путем обеспечения надлежащей очистки организма от шлаков не нова — я могу вам показать кусочек сердца цыпленка, который около двух с половиной столетий поддерживается в живом состоянии благодаря аналогичной технике. Что касается вливания молодой крови — да, это может дать результаты. Я проводил эксперименты с подопытными животными, и таким образом мне удавалось продлить срок их жизни почти вдвое... — доктор задумался, так и не закончив фразы.

— И что же дальше?

— Я перестал работать в этом направлении, — смущенно признался Харди. — Ведь возникала необходимость всегда иметь под рукой несколько молодых доноров для того, чтобы поддерживать жизнь в каком-нибудь привилегированном старце. Кроме того, это оказывало пусть и не очень значительное, но все же отрицательное воздействие на доноров. Да и вообще это мне представлялось бессмысленным: никогда не наберется столько доноров, чтобы хватило на всех. Как я понимаю, этот метод позволяет продлевать жизнь небольшой группе избранных?

— О, нет! Я, наверно, не совсем точно выразился. У нас нет доноров, господин Харди.

— Как это понимать?

— Новую кровь, в количествах, которых вполне хватает для каждого, и к тому же любой группы, поставляет и производит Служба общественного здравоохранения и долголетия.

Харди закрыл лицо руками.

— Подумать только, ведь мы были так близки к решению! Мы даже пытались создать костную ткань в пробирке. Нам следовало быть понастойчивее.

— Не стоит так уж расстраиваться. Нам тоже пришлось задействовать тысячи биологов и затратить миллиарды долларов, чтобы добиться желаемых результатов. Насколько мне известно, над этим пришлось потрудиться даже больше, чем над созданием управляемых термоядерных систем. — Родни улыбнулся. — Видите ли, они были просто обязаны получить подобные результаты; ведь так решили политики. — Родни повернулся лицом к Форду. — Когда на Земле узнали о бегстве Кланов Говарда, вашего бесценного преемника чуть не растерзала разъяренная толпа.

Харди продолжал засыпать собеседника вопросами о дополнительной методике — вживлении зубов, предотвращении старения клеток, гормональной терапии и тому подобном, пока на помощь Родни не пришел Кинг, который напомнил, что первостепенной целью визита было обсуждение деталей возвращения Кланов на Землю.

— Да, лучше займемся приготовлениями, — согласился Родни. — Насколько я понимаю, большинство ваших пассажиров сейчас пребывают в "охлажденном сне"? В таком случае им лучше еще некоторое время в этом состоянии и оставаться.

— Почему вы так считаете?

— Видите ли, — Родни снова заложил руки за голову, — Администрация сейчас находится в несколько затруднительном положении. По правде говоря, мы испытываем нехватку жилья. Сами понимаете, что невозможно в один день разместить свыше ста десяти тысяч человек.

Последнее замечание тоже вызвало немало споров, но в конце концов Барстоу прекратил дискуссию, вновь обратившись к Майлсу Родни:

— Мне представляется, что больших проблем не должно быть. Каково сейчас население на североамериканском континенте?

— Около семисот миллионов.

— И вы не сможете найти места для одной семидесятой части, чтобы разместить нас? В это верится с трудом.

— Вы не понимаете, сэр, — запротестовал Родни. — Перенаселение для нас стало одной из самых острых проблем. Кроме того, уважение права на частную жизнь, на собственный дом или квартиру неизменно остается законом нашей жизни. Для того чтобы расселить нас, нам придется освоить близлежащие пустыни или осушить часть прибрежных морских районов, или еще что-нибудь в этом роде...

— Все ясно, — заключил Лазарус. — Снова политические игры! Вы не хотите никого беспокоить, опасаясь, что кое-кто начнет возмущаться.

— Я бы не сказал, что вы правильно поняли наше положение...

— Значит, неправильно? Похоже, что у вас со дня на день должны состояться какие-нибудь выборы, а?

— По правде сказать, да, но ничего общего с вашей проблемой это не имеет.

Лазарус в ответ только хмыкнул.

— Мне кажется, Администрация подошла к этой проблеме поверхностно, — предположил Джастин Фут. — Ведь мы же не какие-нибудь бездомные иммигранты. У большинства наших людей имеются собственные дома. Без сомнения, вам известно, что Клань были материально обеспечены, даже богаты, и по понятным причинам нам пришлось построить собственные дома, чтобы выжить. Я более чем уверен, что эти постройки в основном должны были сохраниться и до наших дней.

— Несомненно, — подтвердил Родни, — но ведь сейчас в них живут другие люди.

Джастин Фут только пожал плечами: «А нам какое дело до этого? Это Администрация должна решить проблемы с ними, ведь именно при ее попустительстве там смогли поселиться чужие люди. Что касается меня, то я собираюсь приземлиться при первой же возможности, получить в ближайшем суде ордер на возвращение моего владения и снова стать хозяином в собственном доме».

— Это не так просто. Вы можете приготовить омлет из яиц, но из омлета яйца вы не получите. С правовой точки зрения вы уже давно считаетесь умершими, и нынешний обитатель вашего дома имеет все основания на владение им.

Джастин Фут вскочил, нервно зашагал по комнате и лишь затем, чуть успокоившись, рывкнул.

— Это мы-то мертвы по закону! Да кто же мог принять такой закон! Я сам был уважаемым юристом, исполнял свои обязанности честно и добросовестно, никому не причиняя вреда, и в результате был беспричинно арестован и вынужден был спасаться бегством. Теперь мне без зазрения совести говорят, что мое имущество конфисковано и даже в юридическом существовании мне отказывают из-за того, что случилось помимо моей воли. И это вы называете юстицией? Кстати, продолжает ли действовать Соглашение?

— Вы снова меня не поняли. Я только...

— Нет уж, я как раз все понял правильно. Если справедливость торжествует только тогда, когда это выгодно, тогда Соглашение не стоит и той бумажки, на которой оно написано. Я готов выступить в роли подопытного для наших Кланов. Если мое имущество не будет возвращено полностью и немедленно, я буду подавать в суд на каждого чиновника, который этому препятствует. Я предам это дело самой широкой огласке! В течение стольких лет я испытывал неудобства, унижение и подвергался опасностям и теперь не позволю, чтобы это сошло кому-нибудь с рук. Я стану кричать об этом на каждом углу! — Наконец он перевел дух.

— Он прав, Майлс, — тихо сказал Слейтон Форд. — Правительству следует подойти к этому вопросу со всей серьезностью и немедленно.

Лазарус поймал взгляд Либби и жестом указал ему на дверь. Когда они вышли, Лонг сказал своему собеседнику:

— Джастин, похоже, будет доказывать свою правоту еще битый час. Давай лучше прошмыгнем в Клуб и подкрепимся.

— А ничего, что мы уйдем?

— Расслабься. Если мы капитану понадобится, он нас и так найдет.

Лазарус умял три сэндвича, двойную порцию мороженого и несколько пирожных, тогда как Либби довольствовался гораздо меньшим количеством съеденного. Лазарус съел бы и больше, если бы ему не приходилось постоянно отвечать на расспросы завсегдатаев Клуба.

— На нашу интендантскую службу пора уже наслать ревизию, — пожаловался он, наливая третью чашку кофе. — Жизнь среди малышей сослужила им плохую службу. Ребята совсем распустились! Либби, а не съесть ли нам жаркого с перцем?

— С удовольствием.

— Когда-то в Тихуане был ресторанчик, где подавали лучшее жаркое с перцем, которое мне когда-либо пришлось пробовать, — вытирая рот платком, задумчиво сказал Лазарус. — Интересно, а есть ли он сейчас?

— А где это — Тихуана? — спросила Маргарет Уизерол.

— Ты ведь совсем не помнишь Землю, детка? Это, дорогуша, в Нижней Калифорнии. Ты знаешь, где это?

— Неужели вы думаете, что у меня была двойка по географии. Это в Лос-Анджелесе.

— Да, совсем рядом. А может быть, теперь уже и в самом городе.

В этот момент на всю мощность включилась система оповещения:

— Главного астронавигатора прошу срочно сообщить о своем местонахождении или прибыть в диспетчерскую.

— Это меня! — засуетился Либби и поспешил к выходу.

Через несколько минут прозвучал сигнал готовности, и всех членов экипажа позвали наверх, а пассажиров предупредили о минутной готовности к старту.

— Ну вот, ребятки, мы и возвращаемся, — Лазарус встал, расправил кильт и пошел в капитанскую каюту, тихонько напевая:

*"О, Калифорния! Я снова возвращаюсь
Туда, где я когда-то начинал..."*

Корабль набрал скорость, и звезды исчезли с небосклона. Капитан Кинг вышел из диспетчерской, прихватив с собой посланника землян. Майлсу Родни это польстило; он не прочь был пропустить бокальчик-другой пива.

В диспетчерской остались Лазарус и Либби. Делать было особенно нечего; часа четыре корабль все еще будет находиться в паракосмосе, прежде чем войдет в обычное околоземное космическое пространство.

Лазарус закурил сигарету.

— Чем ты думаешь заняться после возвращения, Энди?

— Я пока что над этим не задумывался.

— Времени на раскачку особенно нет. Ты ведь знаешь, какие произошли изменения.

— Пожалуй, для начала вернусь на некоторое время домой. Хочу взглянуть на Озаркс. Даже не представляю, как он теперь выглядит.

— Горы остались на месте, будь уверен. Вот люди изменились.

— И в какую сторону?

— Помнишь, я говорил тебе, что мне надоели наши Кланы и я уже собирался было распрощаться с ними лет на сто? В общем и целом они стали столь самодовольны и глупы, что многих из наших с тобой собратьев я просто терпеть не мог. Боюсь, что сейчас мы обнаружим на Земле почти то же самое, ведь теперь они тоже надеются жить вечно. Всякие там долгосрочные инвестиции, обязательный шарфик зимой от простуды — вообще, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Но ведь сам ты не стал таким...

— Просто я жил по-другому. У меня никогда не было реальных шансов считать, что я буду жить вечно — ведь даже доктор Харди говорил о том, что я член Клана лишь в третьем поколении. Я просто зарабатывал себе на жизнь и не сушил мозги над глобальными проблемами. Но, видишь, далеко не все так думают. Взять хотя бы того же Майлса Родни — ведь с его до смерти напугала новая ситуация, он боится хоть немного изменить установившийся порядок.

— Я обрадовался, когда Джастин отстаивал свои права, — сказал Либби. — Правда, не думаю, что он сделал это намеренно — просто он разозлился.

— Ты видел когда-нибудь, как маленькая собачонка прогоняет большого приبلудного пса, который забрел не в ту подворотню?

— Вы думаете, Джастин сможет добиться своего?
— Конечно, и причем с твоей помощью!
— С моей?
— Разбирается ли хоть кто-нибудь в твоём суперприводе, если не считать меня?

— Я надиктовал все подробности на пленку.

— Но ведь ты не давал эти записи Майлсу Родни. Земля остро нуждается в твоём приводе, Энди. Ты ведь слышал, что Родни говорил о перенаселении. Ральф говорил мне, что для рождения ребенка сейчас необходимо запрашивать разрешение у правительства!

— Да неужели?

— Точно. Можешь быть уверен, что нашлась бы масса желающих эмигрировать, если бы появилась возможность пожить на какой-нибудь приличной планете. И вот тут-то твоё изобретение и сыграет свою роль. С его помощью межзвездные перелеты станут реальностью. Им придется пойти на сделку.

— Конечно, не я разработал этот привод. В этом заслуга малышей.

— Не надо скромничать, ведь это ты его получил. И ты ведь не прочь подсобить Джастину, правда?

— Ну, конечно.

— Тогда мы поторгнемся. Скорее всего, я сам возьму на себя эту миссию. Но сейчас речь о другом. Кому-то все равно нужно будет изрядно исколесить космос, прежде чем откроется массовая эмиграция. Пока что я предлагаю нам с тобой заняться недвижимостью. Мы застолбим себе этот участок Галактики и посмотрим, что из этого получится.

Либби почесал затылок: «Звучит неплохо. Может быть, сначала я съезжу домой, а?»

— А никто и не торопит. Я куплю хорошую уютную яхту, тонн эдак тысяч на десять, и мы оснастим ее твоим приводом.

— А где мы возьмем деньги?

— Деньги у нас будут. Я организую головную фирму и заложу в ее устав любую деятельность, какую мы захотим. Для разных целей у нас будут дочерние фирмы, где мы обеспечим себе приличный процент. Потом...

— Похоже, вы это всерьез говорите, Лазарус. Сначала я подумал, что вы шутите.

— Мы сами этим заниматься не будем. Я найму

хороших специалистов, толкового бухгалтера и юриста — кого-нибудь вроде Джастина. А может быть, даже именно Джастина.

— Тогда другое дело.

— Ну, а мы с тобой послунаемся по свету и посмотрим, как люди живут. Не бойся, мы уже и так навкалывались на всю оставшуюся жизнь, и теперь можем отдохнуть.

Несколько минут они помолчали, думая каждый о своем. Наконец Лазарус снова заговорил:

— Энди...

— Что?

— Ты собираешься попробовать эту штуковину с переливанием крови?

— Думаю, что в конце концов придется.

— А я и не знаю, что думать. Между нами, у меня силенок уже значительно поубавилось по сравнению с тем, что было сотню лет назад. Наверное, естественный отпущенный мне срок истекает. Но я скажу тебе и то, что стал планировать новую авантюру с созданием предприятия лишь тогда, когда услышал об этой их новой методике. У меня появилась перспектива! Ты знаешь, я теперь начинаю подумывать о тысячелетиях, тогда как до недавнего времени мои планы не простирались дальше, чем на неделю.

— Похоже, вы взрослеете, — улыбнулся Либби.

— Какой-нибудь остряк не преминул бы заметить, что это как раз вовремя. А если серьезно, Энди, то я примерно так и оцениваю то, что происходило со мной в последнее время. Последние две с половиной сотни лет можно считать порой моей юности, скажем так. Хотя я и шатался везде, но ни на йоту не приблизился к ответам на самые главные вопросы. У нас, землян, никогда не хватало времени, чтобы всерьез заняться действительно важными проблемами. Причем возможности для этого есть, но мы ими не пользуемся! Вообще, в решении серьезных задач мы не так уж далеко ушли от наших предков-обезьян.

— Хорошо, и что вы предлагаете делать с этими проблемами?

— А я почему знаю? Лет через пятьсот можешь спросить меня об этом снова.

— Вы думаете, что-то изменится?

— Хочу надеяться. В любом случае, у меня будет достаточно времени еще побродить по свету и посоветоваться

любопытные факты. Взять, например, этих Богов джоай-ра...

— Это ведь не Боги, Лазарус. Не стоит их так называть.

— Конечно, конечно, я тоже так думаю. Мне кажется, что у этих существ было много возможностей вдоволь поразмышлять. Когда-нибудь, лет через тыщу, я хочу зайти прямо в храм Кресля, посмотреть ему в глаза и сказать: "Привет, приятель! Так что ты еще знаешь такое, чего бы я не знал?"

— Это может быть чревато...

— Ничего, разберемся. По крайней мере, хоть покажем, кто мы такие. Меня всегда удручало то, как мы с ними расстались. Как по мне, так во всей Вселенной, не должно быть такого места, куда бы человек ни смел сунуть свой нос. Так уж мы устроены, и я думаю, что для этого есть свои причины.

— А может быть, и нет.

— Да, вполне возможно, что все это — лишь колоссальная бессмысленная шутка. — Лазарус встал во весь рост и посмотрел в черную бездну космоса. — Но вот что я тебе скажу, Энди: каковы бы потом ни были ответы, перед тобой стоит одна из обезьян, которая будет безудержно карабкаться вверх, смотреть вокруг и стараться познать что-то новое — до тех пор, пока хватит сил...

УОЛДО

© 1950 by Robert A. Heinlein
Перевод Н.В.Войко, 1992

Джону и Донье

Представление значилось в программе как балетная чечетка, однако это не соответствовало происходящему на сцене даже в малой степени.

Редкими, четкими ударами его ноги выбивали замысловатую дробь. Когда же он оторвался от пола, в зале повисла мертвая тишина: он взлетел выше, чем позволяют человеческие возможности, проделав при этом в воздухе серию фантастических антраша.

Приземлившись на носки, после секундной остановки, он закончил выступление громоподобно нарастающим фортиссимо чечетки.

Огни ramпы погасли, однако в зале было тихо. Только через несколько мгновений публика, как бы пробудившись, взорвалась аплодисментами.

Он стоял лицом к залу, ощущая, как восторг зрителей постепенно наполняет и согревает его. Он физически чувствовал этот невероятно сильный взрыв эмоций и мог едва ли не прикоснуться к нему.

Как прекрасно танцевать, как здорово, когда тебе аплодируют, тебя любят и ждут!

Занавес опустился в последний раз, и он дал костюмеру увести себя со сцены. В конце представления он всегда бывал немного захмелевшим, всдь танец весело пьянит даже во время репетиций. Но особенно — когда вдохновляет аудитория, когда поддерживает тебя одного, аплодирует... Нет, этим не пресытишься никогда! Ведь всякий раз это ощущаешь по-новому, и всякий раз твое сердце готово разорваться от счастья.

— Сюда, шеф. Улыбнитесь. — Блеск фотовспышки. — Спасибо.

— Спасибо всем. Угощайтесь. — Он направился в другой конец своей уборной.

"Какие они все хорошие ребята! Просто шикарные парни: репортеры, фотографы, журналисты — все", — подумал он.

— Может, вы попозируете?

Он повиновался было, но костюмер, возившийся с одной из его балетных туфель, предупредил:

— Вы оперируете через час.

— Опирирует? — переспросил газетный фотограф. — Что на этот раз?

— Церебротомия левого полушария.

— Да? А можно об этом написать и дать несколько фотографий?

— Пожалуйста, если в больнице не будут возражать.

— Мы договоримся.

"Шикарные парни", — опять подумал он.

— ...Попытаемся дать этот сенсационный материал под несколько иным углом, — прозвучал женский голос прямо над его ухом.

Слегка смущенный, он быстро оглянулся.

— Что, например, заставило вас выбрать танцы в качестве карьеры?

— Извините, — начал он, — я вас не расслышал. Боюсь, здесь ужасно шумно.

— Я спросила, почему вы решили заняться танцами?

— Ну-у, не уверен, смогу ли я ответить. Для этого пришлось бы начинать издавека...

Джеймс Стивенс хмуро смотрел на своего заместителя.

— С чего это ты выглядишь таким счастливым, а? — требовательно спросил он.

— Просто у меня лицо такое, — извиняющимся тоном ответил тот. — Может, и вы посместесь над тем, что я сейчас скажу: произошла еще одна авария.

— Вот те на! А ну-ка помолчи. Я сам догадаюсь... Пассажиры или груз?

— Большегогруз фирмы "Слаймекс" на перегоне Чикаго — Солт-Лейк, к востоку от Норс-Платт. Кстати, шеф...

— Ну?

— Биг Бой хочет вас видеть.

— Это уже интересно. Очень, очень интересно. Мак...

— Да, шеф?

— Как тебе понравится работа главного инженера по

перевозкам в Североамериканской энергосистеме? Насколько мне известно, там скоро появится вакансия.

— Странно, что вы об этом заговорили, шеф; — Мак потер нос. — Я ведь только что собирался спросить, какую рекомендацию вы мне дадите, если я захочу вернуться в гражданское проектирование. Должно быть, вам хочется избавиться от меня.

— А я и избавляюсь — прямо сейчас. Ты немедленно мчишься в Небраску, находишь эту кучу металлолома, пока охотники за сувенирами не растащили ее до конца, и привозишь оттуда декальбы и контрольную панель.

— Что, сложности с полицией?

— Угадал. Вернуться нужно в любом случае.

— Со щитом или на щите.

Контора Стивенса непосредственно примыкала к зональной энергостанции. Все остальные деловые конторы Североамериканской энергосистемы располагались на холме не менее чем в трех четвертях мили. Однако между ними был проложен стандартный транспортный туннель. Стивенс вошел в него, выбрав самую медленную из движущихся дорожек, чтобы иметь больше времени все обдумать перед встречей с боссом.

По дороге в главный офис он все взвесил, однако единственно возможное решение пришлось ему не по душе.

Биг Бой — Стенли Ф.Глисон, председатель правления, — неспешно поздоровался с ним.

— Заходи, Джим. Садись. Угощайся сигарой.

Стивенс сел. Отказавшись от сигары, он огляделся по сторонам. Кроме него и шефа, здесь были Харкнес, глава юридического отдела, доктор Рамбо, возглавлявший отдел альтернативных исследований, и Стрейбел, главный инженер городской энергосистемы.

"Только пятеро, — мрачно подумал Стивенс. — Только шишки из высшего эшелона и никого из среднего звена. Полетят головы, а моя будет первой".

— Ну, — произнес он почти угрожающе. — Все здесь. У кого колода? Кто слает?

Казалось, Харкнес слегка оторопел от такой наглости. Рамбо был слишком погружен в себя, чтобы обращать внимание на выходы, отдающие дурным вкусом и плохим воспитанием. Глисон же просто проигнорировал его слова:

— Мы пытаемся выйти из затруднительного положения, Джеймс. Я просил найти тебя и пригласить сюда, пока ты еще не ушел.

— Я задержался, чтобы просмотреть личную корреспонденцию, — кисло ответил Стивенс. — Иначе я был бы уже на пляже в Майами, преобразуя солнечный свет в витамин Д.

— Догадываюсь, — вздохнул Глисон. — Жаль, что так вышло. Ты заслужил отпуск, Джимми. Однако ситуация меняется к худшему, а не к лучшему. Есть какие-нибудь идеи?

— Что говорит мистер Рамбо?

Рамбо мгновенно поднял глаза.

— Рецепторы де Кальба подвести не могут, — произнес он.

— Однако подвели.

— Не могли. Просто вы ими не так управляли.

И он опять погрузился в свой внутренний мир — свою тюрьму.

С привлекающим внимание жестом Стивенс повернулся к Глисону:

— Насколько я понимаю, доктор Рамбо прав. Но если ошибка допущена на стадии проектирования, я не смогу ее проследить. Можете принять мою отставку.

— Мне не нужна твоя отставка, — мягко ответил Глисон. — Мне нужны результаты. К тому же я несу ответственность перед общественностью.

— И перед акционерами, — вставил Харкнес.

— Если мы справимся со всем остальным, с акционерами проблем не будет, — заметил Глисон. — Ну что, Джимми? Есть предложения?

Стивенс закусил губу.

— Только одно, — наконец объявил он, — и такое, которое мне бы делать не хотелось. Но я скажу, даже если потом мне придется заняться распространением дамских журналов.

— Ну? Говори.

— *Нам нужно проконсультроваться с Уолдо.*

Только теперь Рамбо вышел из состояния апатии.

— Что? С этим шарлатаном? Это ведь наука!

— Действительно, доктор Стивенс... — начал Харкнес.

Глисон поднял руку.

— Предложение доктора Стивенса логично, но боюсь, оно немного запоздало. Я говорил с Уолдо на прошлой неделе.

Харкнес очень удивился. Да и сам Стивенс был явно раздосадован:

— И не сказали мне?

— Извини, Джимми. Я просто его прощупывал. Ничего хорошего. Его условия для нас — все равно, что конфискация имущества.

— Ему до сих пор жаль патентов Хатауэя?

— Все еще точит на нас зуб?

— Надо было позволить мне урегулировать этот вопрос, — опять вставил Харкнес. — Он не может с нами так поступать: здесь замешан общественный интерес. Если возникнет необходимость, заплатите ему. А вопрос о патентах можно рассмотреть в судебном порядке. Я все устрою.

— Да, уж ты устроишь, — сухо заметил Глисон. — Ты, наверное, думаешь, что решением суда можно заставить курицу нести яйца?

Харкнес явно возмутился, но промолчал.

— Я бы никогда не предложил обратиться к Уолдо, если бы не знал, как к нему подступиться. Я знаком с его другом.

— Друг Уолдо? Вот не знал, что у этого типа есть друзья.

— Для Уолдо он вроде дядюшки — врач, который помог ему появиться на свет. С его-то помощью я и попытаюсь пробудить в душе Уолдо все лучшее, что еще дремлет в ней.

Доктор Рамбо встал.

— Это невыносимо, — заявил он. — Должен попросить вас извинить меня.

Не ожидая ответа, он как пробка вылетел из помещения.

Глисон проводил его обеспокоенным взглядом.

— Почему он так тяжело это воспринял, Джимми? — спросил Глисон. — Можно подумать, он лично ненавидит Уолдо.

— В каком-то смысле — вполне возможно. Но тут еще и другое. Вся его вселенная рушится. За последние двадцать лет, с тех пор как Прайер переформулировал общую теорию поля и было покончено с принципом неопределенности Гейзенберга, физика стала считаться точной наукой. Любые сбои и неполадки в системе передачи энергии, которые мы сейчас испытываем, для вас и для меня — просто большая неприятность, а для доктора Рамбо — посягательство на его веру. За ним бы неплохо присматривать.

— Зачем?

— Как бы он совсем не тронулся. Потеря веры для человека может обернуться трагедией.

— М-м... А как же ты? Разве тебя это серьезно не задевает?

— Да нет. Я — инженер. С точки зрения Рамбо — просто высокооплачиваемый ремесленник. У нас к тому же разная психическая ориентация: не могу сказать, что я так уж сильно расстроен.

На письменном столе Глисона ожил передатчик системы аудиосвязи:

— Вызываем главного инженера Стивенса. Вызываем главного инженера Стивенса.

Глисон нажал кнопку.

— Он здесь. Говорите.

— Передано кодом компании и расшифровано. Сообщение гласит: "Потерпел аварию в шести километрах к северу от Цинциннати. Следует ли мне ехать в Небраску или снять то, о чем договаривались, с моего собственного драндулета?" Конец сообщения. Подпись: "Мак",

— Пусть возвращается хоть пешком, — зло сказал Стивенс.

— Хорошо, сэр. — Передатчик отключился.

— Твой помощник? — спросил Глисон.

— Да. Наверное, это последняя капля, шеф. Что же дальше? Ждать и пытаться анализировать причины аварии или попробовать встретиться с Уолдо?

— Попытайся встретиться.

— О'кей. Если от меня не будет никаких новостей, выпишите выходное пособие в Палмдейл Инн, Майами. Я буду четвертым уборщиком на пляже справа.

Глисон выдавил из себя кривую улыбку.

— Если ты и в самом деле не добьешься никаких результатов, я стану пятым. Счастливо.

— Пока.

Стрейбл, главный инженер городской энергосистемы, заговорил только тогда, когда Стивенс ушел.

— Если в город перестанет поступать энергия, — негромко сказал он, — вы знаете, где я буду, не правда ли?

— Где? Шестым уборщиком?

— Вряд ли. Я буду номером первым. Первым, кого линчуют.

— Энергосистема просто не может подвести. У нас ведь громадное количество дублирующих устройств и систем предохранения.

— Но ведь и декальбы не должны были отказать. Все одно к одному. Вспомните, что было на седьмом подуровне в Питсбурге, где отключилось освещение. Впрочем, лучше об этом не думать.

Движущаяся вверх лента эскалатора доставила доктора Гримса к его дому. Взглянув на автоматический регистратор, он с приятным удивлением обнаружил, что внутри его ждет кто-то из близких людей, знающих его домашний код. Медленно, щадя покалеченную ногу, Гримс стал спускаться по лестнице и наконец появился в гостиной.

— Привет, док! — Джеймс Стивенс встал, как только открылась дверь, и двинулся навстречу, чтобы поздороваться.

— Хэлло, Джеймс. Налей себе что-нибудь выпить. Вижу, тебе это не повредит. Да и мне тоже.

— Ладно.

Пока его друг занимался приготовлением выпивки, Гримс вытряхнул себя из странного, невероятно громоздкого и неуклюжего древнего пальто и швырнул его в направлении гардеробной ниши. Не долетев, оно тяжело шлепнулось на пол — куда тяжелее, чем можно было ожидать.

Наклонившись, Гримс стащил массивные штаны, такие же громоздкие, как и пальто. Под всем этим он был одет в обычное деловое трико — облегающие голубые с черным лосины. Такой стиль ему не подходил совершенно. Не искушенному в вопросах одежды существу — ну, скажем, какому-нибудь пришельцу с Антареса — он мог бы показаться нескладным, даже уродливым. Очень уж он смахивал на толстого старого жука.

Неодобрительный взгляд Джеймса Стивенса задержался однако не на лосинах, а на только что скинутой доктором куче одежды.

— Все еще носите эти дурацкие бронированные одежки?

— Конечно.

— Черт возьми, док. Вы выглядите просто глупо во всем этом барахле. К тому же это просто вредно.

— Гораздо вреднее их не носить. Скорее заболеешь.

— Чуть! Я же не заболеваю, хоть и не ношу броню за пределами лаборатории.

— А стоило бы носить, — Гримс подошел к Стивенсу. — Положи-ка ногу на ногу.

Стивенс подчинился, и Гримс сильно стукнул его ребром ладони ниже колена. Ответная реакция была едва заметна.

— Вот видишь. Плохи дела, — заметил Гримс. Затем приподнял правое веко друга. — Ты в плохой форме, — добавил он, помолчав.

Стивенс нетерпеливо дернулся.

— Со мной все в порядке. Мы говорили о вас.

— А что со мной?

— Черт возьми, док, вы теряете репутацию. О вас уже поговаривают.

— Знаю, — кивнул Гримс. — "Бедный старый Гус Гримс — у него слегка крыша поехала". Не беспокойся о моей репутации. Я всегда не вписывался в общую картину. Какой у тебя индекс усталости?

— Не знаю. Нормальный.

— Нормальный? Да возьмись я с тобой сейчас бороться, два раза из трех положу на лопатки.

Стивенс потер глаза.

— Не цепляйтесь ко мне, док. Знаю без вас, я совершенно обессилел. Но это от переутомления.

— Хм, Джеймс! В области радиационной физики ты, конечно, достаточно квалифицированный ученый...

— Инженер.

— Пусть инженер. Но ведь не медик. Не думаешь же ты, что можно безнаказанно пропускать через человеческий организм любые виды лучистой энергии. Год за годом — и все безнаказанно? Наш организм к этому не приспособлен.

— Но я ношу бронезащиту в лаборатории. Вы же знаете?

— Конечно. А как насчет того, чтобы носить и за пределами лаборатории?

— Но... Послушайте, док, мне бы очень не хотелось говорить об этом, но все ваши утверждения просто смешны. Безусловно, атмосфера насыщена сейчас лучистой энергией, но она безвредна. Все коллоидные химики согласны...

— Коллоидные? Чувь!

— Но вы же не станете отрицать, что биоэкономика относится к области коллоидной химии!

— Я ничего не собираюсь ни отрицать, ни признавать. Не стану утверждать, что коллоиды не являются основой

живой ткани. Так оно и есть. Но вот уже сорок лет я твержу, что очень опасно подвергать живую ткань воздействию разнообразных видов радиации, не представляя себе ее последствий. С эволюционистской точки зрения, человеческое существо адаптировалось и привыкло только к естественной радиации Солнца. А сейчас человек плохо переносит и ее, несмотря на плотный озоновый слой. Без этого же слоя... Ты когда-нибудь видел рак, вызванный жестким солнечным облучением?

— Конечно, нет.

— Ты слишком молод. Но я-то видел. Учась в интернатуре, был ассистентом, когда оперировали пациента с таким диагнозом. Тот парень принимал участие во Второй Венерианской экспедиции. Мы насчитали у него четыреста тридцать восемь опухолей, а потом и считать перестали.

— Мы ведь, тем не менее, победили солнечную радиацию, — заметил Стивенс.

— Конечно. Но это должно было стать предупреждением. Вы, молодые наши таланты, такое можете заварить в своих лабораториях, что нам, старым глупым лекарям, вовек не расклебать. Мы всегда отстаем от вас. Так получается. Поэтому обычно и не знаем, что произошло, до того момента, когда непоправимый вред уже нанесен. Настало время прекратить эту порочную практику.

Он тяжело опустился в кресло, и вдруг стало видно, что Гримс такой же усталый и изможденный, как и его молодой друг.

Стивенс вдруг почувствовал такого рода неловкость, когда не находишь нужных слов. Пожалуй, именно так чувствует себя человек, когда его лучший, горячо любимый друг влюбляется в недостойную женщину. Вот тогда очень хочется найти слова, которые не прозвучали бы грубо...

— Док, — начал Стивенс, меняя тему разговора. — Я пришел потому, что у меня есть кое-что на уме...

— Что именно?

— Для начала — отпуск. Я вымотался, перетрудился. Кажется, с отпуском все в порядке. Теперь, по крайней мере. И потом, меня интересует ваш приятель Уолдо.

— Да ну!

— Именно так: Уолдо Фартингуэйт-Джонс — высокомерный, с дурным характером, дай Бог ему здоровья.

— Почему Уолдо? Неужели тебе любопытна тяжелая форма миастении?* Тебя же не интересует миастения, насколько я знаю.

— Конечно, нет. Мне все равно, какие у Уолдо физические отклонения. У него может быть чесотка, перхоть или непрскрацающийся кровавый понос — мне это все равно. Мне нужно добраться до его мозгов, воспользоваться его идеями.

— Ну и?..

— Я не могу сделать это сам. Уолдо не помогает людям. Он их просто использует. Нормально он контактирует только с вами.

— Это не совсем так...

— С кем же еще?

— Ты неправильно меня понял. У него вообще *нет* нормальных контактов. Просто я единственный человек, который не боится говорить ему правду в глаза.

— А я думал... Впрочем, неважно. Ситуация очень неприятная. Уолдо именно тот человек, который нам пужен. Почему же получается, что такой гений, как он, поставил себя над обществом и не хочет считаться с его нуждами? Да, я знаю, виной тому его болезнь. Почему только именно этот человек болеет именно *этой* болезнью? Невероятное совпадение.

— Пожалуй, ты неправильно сформулировал. Дело не столько в его физическом недостатке, сколько в том, что эта его слабость и заставила его, некоторым образом, стать гением.

— Как это?

— Да так вот, — задумчиво произнес Гримс.

Он погрузился в воспоминания, полностью уйдя в себя, мысленно раскручивая целый ряд сложных, длинной в целую жизнь, ассоциаций, связанных с Уолдо, его странным пациентом. Он вспомнил свои подсознательные опасения, когда принимал роды. Ребенок казался достаточно здоровым, за исключением легкой синюшности. Но тогда в родильном зале многие новорожденные были синюшными. И все же он почувствовал какое-то нежелание шлепнуть его по попе. Такой шлепок служил начальным стиму-

* Миастения — нарушение нервно-мышечной проводимости

лом, заставляющим младенца набрать полные легкие воздуха.

Однако он сдержал свои чувства, выполнил необходимую процедуру "рукоприкладства", и только что родившееся человеческое создание заявило о своем существовании вполне здоровым криком. Больше он ничего сделать не мог. Тогда он был всего лишь молодым начинающим врачом, который жил и работал в соответствии с данной им клятвой Гиппократа. Он и до сих пор относится к ней серьезно, так, по крайней мере, ему кажется, хотя иногда и называет ее гипокритичной* клятвой. А тогда предчувствие все же не подвело его: в ребенке было что-то испорченное. Что-то странное, а не просто миастения гравис.

Сначала ему было жалко мальчика, может быть, потому, что он испытывал какую-то иррациональную ответственность за его состояние. Патологическая слабость, недоразвитость всей мышечной системы — вот что у него было. Не существовало практически ни одного не пораженного участка тела, ни одного сочленения, которое можно было бы заменить. В подобных случаях жертва этой болезни вынуждена лежать почти неподвижно, несмотря даже на то, что у нее есть все органы и организм функционирует. Однако процессы проходят настолько вяло и слабо, что это может вызвать лишь жалость. Человек проводит жизнь в состоянии полной прострации. Нормальный индивидум способен испытать нечто подобное, если добегит до финиша после изнурительной пробежки через всю страну. Вряд ли существует способ облегчить такое состояние.

Пока Уолдо был маленьким, док все время ожидал, что он умрет. Ведь тот был обречен на абсолютно бесполезное существование. И в то же время как врач Гримс и множество других специалистов в самых разных областях медицины делали все возможное, чтобы ребенок выжил.

Конечно, Уолдо не мог посещать школу — и Гримс нашел сердобольных учителей. Ребенок не мог принимать участие в нормальных играх — Гримс изобрел игры, в которые можно было играть, будучи прикованным к постели. Они не только подстегивали воображение Уолдо, но и стимулировали его максимально использовать недоразвитые мышцы, выжимая из них все, на что они только были способны.

* Гипокритичный — в данном случае "некритичный"

Гримс опасался, что увечный ребенок, не имея возможности пройти естественный процесс роста со всеми его особенностями, останется инфантильным. И в то же время он сознавал, всегда чувствовал — бояться этого не стоит. Юный Уолдо хватал от жизни те крохи, которые она ему предлагала: жадно учился, постоянно напрягал волю, все свои силы и желания, чтобы заставить непослушные мышцы подчиняться. Он был невероятно изворотлив и придумывал самые различные хитрости, чтобы обмануть свои мускулы, их слабость. В семь лет он нашел способ удерживать ложку двумя руками. Это давало ему, хоть и сопряженную с болью, возможность есть самому, без посторонней помощи. Свое первое изобретение в области механики он сделал в десять лет.

То было приспособление, которое держало книгу под нужным углом, контролировало освещенность, переворачивало страницы. Оно управлялось простым прикосновением кончика пальца к контрольной панели. Естественно, что Уолдо не мог построить его сам, однако он его придумал и объяснил устройство, а Фартингуэйты-Джонсы вполне могли позволить себе оплатить услуги инженера-дизайнера, чтобы воплотить в жизнь изобретение сына.

Гримс склонен был считать этот первый случай, в котором Уолдо-ребенок действовал как интеллектуальный руководитель, психологической вехой в процессе его развития, после которой Уолдо стал рассматривать весь человеческий род как своих слуг, как свои *руки* — настоящие или потенциальные.

— Что вас гложет, док?

— М-м... Прости, я задумался. Послушай, сынок, ты не должен грубо обращаться с Уолдо. Мне самому он не нравится, но его нужно принимать таким, какой он есть.

— Вы его таким и принимаете!

— Постой! Ты только что сказал: тебе нужны его мозги, его гениальность. Однако он не был бы гением, если бы не был калекой. Ты не знал его родителей. Они были хорошими, крепкими, умными людьми, но — ничего из ряда вон. Думаю, природные качества Уолдо были немногим выше. Но ему пришлось все время их развивать, чтобы чего-то достичь. Ему все давалось с огромным трудом. Ему пришлось быть умным.

— Конечно, конечно... Но почему он стал таким невероятно мизантропичным? Ведь большинство великих людей не такие.

— Подумай сам. В его состоянии, чтобы чего-нибудь достичь в любой области, нужно было развить твердую волю, разум, работающий только в одном направлении и абсолютно не считающийся ни с чем. Чего же еще от него можно было ожидать? Конечно, он жестокий эгоист!

— Я... Ладно, неважно. Он нам очень нужен — вот и все.

— Зачем?

Стивенс все объяснил.

Вполне определенно можно утверждать, что все, относящееся к сфере культуры — все ее достижения, ценности, организация семьи, режим питания, условия жизни, педагогические методы и приемы, социальная организация и государственные учреждения, формы правления и так далее, — обусловлено экономической необходимостью технологического развития общества. Несмотря на расплывчатость этого утверждения и его упрощенность, абсолютно ясно: многое, что было характерно для длительного периода мира, последовавшего за конституционным образованием Организации Объединенных Наций, возникло из технологий, взращенных и вызванных к жизни нуждами стран-участниц войны сороковых годов. До того времени технология лучевой передачи использовалась, за редкими исключениями, только для радиотрансляций. Даже телефонная связь осуществлялась посредством металлических проводов, протянутых от одного аппарата к другому.

Если некто в Монтерее* хотел поговорить с женой или партнером в Бостоне, то соединение происходило при помощи медного провода, протянутого через весь континент.

Лучистая энергия была тогда недостижимой мечтой, о ней можно было прочесть только в воскресных приложениях или комиксах. Потребовалась целая цепь или, скорее, вереница новых событий, прежде чем стало возможным отказаться от медной паутины, опутывающей весь континент. Энергию невозможно было передавать без потерь,

* Монтерей — город в Калифорнии

экономно, пока не появился коаксиальный луч — результат исследований в поисках новых военных технологий.

Радиотелефонная связь не могла заменить проводочный телефон до тех пор, пока микроультраволновая технология не пробила себе дорогу в эфир. Уже тогда возникла необходимость в изобретении специальных настроенных приборов, которыми могли бы так же свободно, как телефоном, пользоваться не только специалисты, но и, скажем, десятилетний ребенок.

Лаборатории Белла решили эту проблему. А решение это привело непосредственно к созданию приемника лучистой энергии — удобного в обращении, надежно сконструированного, хорошо контролируемого. Путь к коммерческой передаче радиоэнергии был открыт. Если, конечно, не принимать во внимание того, что она все еще не была эффективной. Индустриальной революции способствовало изобретение парового двигателя. Разработка четырехтактного двигателя внутреннего сгорания сопровождала развитие авиации. Ну а для масштабного использования лучистой энергии необходимо было найти действительно дешевый и мощный источник такой энергии. Поскольку передача ее была сама по себе неэкономичной, нужно было научиться получать энергию недорогую и в очень больших количествах.

Во время второй мировой войны появилась атомная энергия. Физики, работавшие для армии США /а Соединенные Штаты Америки имели тогда свою собственную армию/, создали сверхвзрывчатое вещество. Если тщательно и под нужным углом рассмотреть рабочие записи и описания испытаний, можно обнаружить, что тогда были открыты все виды ядерных реакций, даже так называемый Солнечный Феникс, водородно-гелиевый цикл, который является источником солнечной энергии.

Лучистая энергия стала экономически выгодной, доступной и незаменимой.

Реакция, в процессе которой медь разлагается на фосфор, кремний и гелий, в сочетании с цепной реакцией разложения стала одним из наиболее дешевых и удобных средств, разработанных для получения неограниченного количества практически свободной энергии.

Конечно, Стивенс не стал объяснять это Гримсу. Ведь Гримс сам был пассивным свидетелем упомянутого процесса. Он видел, как лучистая энергия постепенно набирала

силу, точно так же, как его дед наблюдал за эволюцией авиации. Гримс мог видеть, как громадные по протяженности линии энергопередач исчезали с лица земли, чтобы можно было лучше использовать освободившуюся медь. Он видел, как тяжелые кабели выкапывали из земли на развороченных улицах Манхэттена. Он, наверно, даже мог вспомнить свой первый радиотелефон с несколько смешным и странным двойным диском. В первый раз вместо того, чтобы дозвониться в соседнее кафе, он связался со своим юристом в Буэнос-Айресе. В течение двух недель он звонил через Южную Америку, пока не выяснил, что все зависит от того, на каком диске будет сделан первый набор.

В то время Гримс с большим трудом приспосабливался к новому архитектурному стилю. Ему совершенно не нравился Лондонский план, по которому все жилища убирались под землю. Он любил города на поверхности, где ими можно было любоваться. Но когда возникла необходимость увеличить площадь конторы, он сдался и был вынужден переместиться под землю. Не столько даже из соображений дешевизны, больших удобств и практичности жизни в сверхкомфортабельной пещере, сколько из-за всевозрастающего беспокойства по поводу возможных последствий радиации, ее воздействия на организм человека. Подземные стены нового жилища были покрыты слоем свинца, а крыша пещеры — двойным слоем. Вход, расположенный на поверхности земли, был, насколько это возможно, защищен от радиации.

— Все дело в том, — рассказывал тем временем Стивенс, — что транспортные узлы стали чертовски неравномерно получать энергию. Не то чтобы транспорт полностью остановился, но ощущаются очень существенные сбои, причиняющие всевозможные неприятности. Последнее время произошло несколько крайне досадных инцидентов, которые не удалось замолчать. Срочно нужно что-то предпринимать.

— Зачем?

— "Зачем?" Не будьте дураком! Во-первых, как инженер по транспортным системам САЭК я отвечаю за их бесперебойную работу, и мой хлеб с маслом зависит именно от такой работы. А во-вторых, сама по себе проблема очень неприятна. Хорошо спланированный, разработанный и

отлаженный механизм должен работать — все время, всегда. А этот — не работает. И мы не можем выяснить почему. Наши штатные теоретики, по-моему, попросту несут око-лесицу — и все.

Гримс пожал плечами, и этот жест вызвал у Стивенса раздражение.

— Мне кажется, вы недооцениваете проблему, док. Вы хоть представляете, сколько лошадиных сил задействовано в транспортной системе? Если учитывать личные и коммерческие средства передвижения и общественный транспорт, то Североамериканская энергетическая компания поставляет более половины всей энергии, потребляемой на континенте. У нас все должно быть в порядке. Существует ведь еще и наш городской филиал, хотя там пока, слава Богу, нет никаких неприятностей. Даже страшно представить, к чему может привести сбой в городской энергосистеме.

— У меня есть решение проблемы.

— Да ну? Выкладывайте.

— Откажитесь от всего этого. Вернитесь к машинам, работающим на бензине и паре. Нужно отделаться от этих чертовых, смертельно опасных ловушек лучистой энергии.

— Это совершенно невозможно. Да понимаете ли вы, что говорите. Потребовалось пятнадцать лет, чтобы совершить полный переход на новую систему, теперь мы привязаны к ней. Гус, если мы закроем лавочку, половина населения северо-западного побережья будет голодать, не говоря уже об Озерных штатах и оси Филадельфия- Бостон.

— Хм... Ну что я могу сказать по этому поводу?.. Наверное, это все-таки лучше, чем медленно травиться из-за того, что происходит сейчас.

Стивенс нетерпеливо отмахнулся.

— Послушайте, док, можете сколько угодно носиться со своими вздорными идеями, только не думайте, что я буду принимать их в расчет. Никто, кроме вас, не видит опасности в лучистой энергии.

— Дело в том, сынок, — заметил Гримс, — что не туда мы смотрим. Знаешь, каким был прошлогодний рекорд по прыжкам в высоту?

— Я никогда не слушаю спортивные новости.

— А ты послушай как-нибудь. Примерно двадцать лет назад этот рекорд достигал 2 метров 18 сантиметров. С тех пор он все время снижается. Можно построить график

зависимости атлетических рекордов от уровня радиации в атмосфере — искусственной радиации. И тогда, возможно, обнаружатся некоторые результаты, которые тебя очень удивят.

— Чушь! Всем известно, что мы ушли от тяжелых видов спорта, от этих глупостей по части накачивания мускулатуры до изнеможения, борьбы до седьмого пота и тому подобного, вот и все. Мы пришли к более интеллектуальным видам.

— Интеллектуальным? Вранье! Люди перестали играть в теннис и в другие такие распространенные раньше игры просто потому, что они постоянно ощущают усталость. Посмотри на себя: ты просто развалина!

— Не доставайте меня, док!

— Прости. Однако человек выполняет свои природные функции заметно хуже именно теперь. Если бы у нас были достаточно достоверные сведения, я бы мог это доказать. Но любой врач, который не даром ест свой хлеб, способен увидеть это. Конечно, если у него есть глаза и мозги, и он не привязан слепо к громадному количеству всевозможных мудреных инструментов и аппаратов. Я не могу доказать, чем это вызвано. Пока не могу. Однако я глубоко убежден: причина именно в том, чем ты сейчас так настойчиво занимаешься.

— Не может этого быть. В атмосфере нет ни единого излучения, которое бы тщательно не исследовали в биологических лабораториях. Мы не дураки и не мошенники.

— Может, вы исследовали все это недостаточно долго. Я ведь говорю не о нескольких часах или неделях. Я говорю об эффекте накопления в течение многих лет, о радиоактивных частицах, которые проникают в ткани. Что они делают с ними?

— Ничего странного, я полагаю.

— Ты полагаешь, но не знаешь. И никто никогда не пытался это выяснить. Вот например: какое влияние оказывает солнечный свет на силикатное стекло? Обычный ответ будет таким: "никакого". А ты видел стекла из пустыни?

— Серовато-голубые? Конечно.

— В Мойавской пустыне бутылка становится цветной через несколько месяцев. А видел ли ты когда-нибудь оконные стекла в старых домах на Бикон-Хилл?

— Никогда не был на Бикон-Хилл.

— Что ж, я расскажу тебе. Там то же явление только для того, чтобы увидеть его в Бостоне, понадобилось около ста лет или больше того. А теперь ответь мне, ты, башковитый физик, можете ли вы измерить, исследовать те изменения, которые произошли со стеклами в Бикон-Хилл?

— М-мм, наверно нет.

— Здесь то же самое. Кто-нибудь пробовал изучить изменения в тканях человека, вызванные тридцатилетним воздействием микроультракоротковолновой радиации?

— Нет, по...

— Никаких "но"! Никто и не пытался! А я видел результаты этого воздействия. И мне пришла в голову неплохая идея, хотя, возможно, я и ошибаюсь. Однако чувствую себя гораздо бодрее с тех пор, как стал постоянно, куда бы ни выходил, носить пальто на свинцовой подкладке.

— Может, вы и правы, док, — сдался Стивенс. — Не стану спорить. А как насчет Уолдо? Повезете меня к нему? Поможете поговорить?

— Когда ты хочешь встретиться с ним?

— Чем раньше, тем лучше.

— Связывайся, в таком случае, со своей конторой.

— А вы готовы прямо сейчас? Меня это устраивает. Контора же здесь ни при чем — я в отпуске. Тем не менее наши проблемы не дают мне покоя даже сейчас, и я хочу, в конце концов, дойти до самой сути.

— Значит, кончай трепаться и пошли.

Они вышли на поверхность прямо к тому месту, где были припаркованы их машины. Гримс направился к своей: громоздкому, старомодному семейному ландо фирмы "Бонинг".

— Вы ведь не собираетесь ехать в этой колыхаге? — спросил Стивенс. — Это займет весь остаток дня.

— Почему бы нет? Она очень компактная, со встроенным вспомогательным космическим приводом. На ней запросто можно слетать на Луну и обратно.

— Оно-то можно. Но чертовски медленно. Поедем на моем помеле.

Гримс скользнул глазами по маленькому веретенообразному спидстеру Стивенса с практически невидимым корпусом. Невидимым настолько, насколько этого смогла добиться пластмассовая промышленность. Поверхностный слой толщиной в две молекулы давал коэффициент преломления почти такой, какой дает воздух. Когда машина

была абсолютно чистой, ее практически невозможно было увидеть. Однако сейчас на ней было достаточно пыли и капелек воды, и ее можно было рассмотреть: призрачный большой мыльный пузырь, по форме напоминающий космический корабль.

Единственное, что было ясно различимо через стенки, — проходящая как раз посередине единственная металлическая деталь — стержень, или, если точнее, осевой сердечник, и распределительный пучок рецепторов де Кальба с гнездами. Сама машина действительно напоминала гигантское помело ведьмы, чему и соответствовало название. Сиденья из прозрачной пластмассы были закреплены друг за другом на стержне таким образом, что металлическая рейка проходила между ногами пилота и пассажиров, и это усиливало сходство с помелом.

— Сынок, — вяло заметил Гримс, — я знаю о себе все. Я не красавчик и совсем не грациозен. Однако во мне есть некоторый остаток самоуважения и налет достоинства. Лично я не собираюсь засовывать эту штуковину между ног и нестись на ней по воздуху.

— Черт возьми! Вы слишком старомодны!

— Возможно. Однако некоторые странности, которые мне удалось сохранить в себе до настоящего времени, я не собираюсь терять и в дальнейшем. Ни за что!

— Слушайте, я поляризую оболочку перед тем, как взлететь. Идет?

— Станет непрозрачной?

— Да.

Гримс с сожалением посмотрел на свою древнюю колымагу, вздохнул и согласился. Они двинулись к едва различимому входу в спидстер. Гримс все время ворчал и чертыхался. Стивенс помог ему забраться внутрь и оседлать металлическое помело.

— Молодец, док! — похвалил Стивенс. — Я доставлю вас на место через несколько минут — в два счета. Ваша развалина, наверно, и тысячи километров в час не делает, а "Инвалидное кресло" находится в 40 тысячах километров над поверхностью Земли.

— Я никогда не спешу, — ответил Гримс. — Пожалуйста, не называй дом Уолдо "Инвалидным креслом". По крайней мере, не говори этого ему в лицо.

— Хорошо, запомню, — пообещал Стивенс.

Он нащупал что-то в пустоте и внезапно оболочка стала совершенно черной, скрыв их. Так же внезапно поверхность превратилась в сверкающее зеркало. Машина вздрогнула и исчезла из виду.

Уолдо Ф. Джонс, казалось, парил в разреженном воздухе в самом центре сферической комнаты. И это было не просто образное выражение — он действительно парил. Его дом находился на орбите с периодом обращения вокруг Земли, составлявшим около двадцати четырех часов. Но вокруг своей оси это жилище не вращалось. Чего меньше всего хотел Уолдо, так это псевдогравитации, вызванной центробежной силой. Он покинул Землю, чтобы избавиться от силы притяжения, от действия гравитационного поля и ни разу не спускался на поверхность за те семнадцать лет, пока дом строился и привязывался к определенной орбите. В природе не существовало таких целей, ради которых Уолдо хотел бы вернуться на Землю.

Свободно паря в пространстве собственной раковины, он почти не чувствовал невыносимой пожизненной зависимости от собственных бездействующих мышц. Тот крошечный запас сил, которым он обладал, здесь можно было использовать экономно, в движении, а не в постоянной борьбе с угнетающим и утомительным притяжением Земли.

С самого раннего детства Уолдо очень интересовался космическими полетами и вовсе не потому, что стремился исследовать глубины космоса. Уже тогда его еще детский, но сверхтренированный ум видел в невесомости огромные преимущества для себя. Когда ему еще не исполнилось девятнадцати, он принял участие в подготовке первых космических полетов, разработав систему контроля, дававшую возможность пилоту с большой точностью управлять приборами, даже если гравитация достигала двух-трех норм.

Такие изобретения были для него легким делом. Ему просто пришлось слегка модифицировать управляющие механизмы, используемые им в борьбе с угнетающей его силой тяжести. Первый удачный и безопасный космический корабль имел на борту устройство, которое когда-то помогало Уолдо перебираться с кровати на инвалидное кресло.

Специальные колебательные контуры для торможения, или так называемые редуктивные цистерны, являющиеся сейчас стандартным оборудованием лунных почтовых ракет, вступают свою родословную от парящей капсулы, в которой Уолдо обычно ел и спал до тех пор, пока не покинул родительский дом и не перебрался в свой теперешний — уникальный Фрихолд. Большинство из самых крупных изобретений были сделаны им для собственного удобства и только потом трансформированы с целью коммерческого использования. Даже встречающиеся повсеместно и гротескно напоминающие человека приспособления, известные всем как "уолдо" — синхронный сдвигивающий пантограф Уолдо Ф.Джонса, Пат. №296 001 437, новая серия и так далее — подверглись целому ряду изменений и доработок в личной механической мастерской Уолдо прежде, чем он передал их в массовое производство. Первое из этой серии приспособление, примитивное по сравнению с теми уолдо, которые теперь встречаются повсюду — в мастерских, цехах, на складах, словом, по всей стране, — было создано, чтобы дать возможность Уолдо работать на токарном станке.

Уолдо терпеть не мог кличку, которая закрепилась за его приспособлениями, она раздражала его своей фамильярностью. Однако, трезво рассудив, он признал, что из словесной идентификации публикой его самого и его изобретений проистекают немалые деловые преимущества.

Когда репортеры окрестили его космический дом "Инвалидным креслом", можно было ожидать, что Уолдо отнесется к такому названию как еще к одному положительному аспекту в деле поддержания его популярности. Но он воспринял это иначе, был несказанно возмущен и пытался положить этому конец, но безуспешно. Такая реакция Уолдо была вызвана одной из специфических его черт. Дело в том, что Уолдо не считал себя калекой.

Он рассматривал себя не как искалеченный человеческий индивидуум, а как существо, стоящее на ступень выше человека на восходящей лестнице развития. Существо, стоящее настолько выше, что ему не нужна грубая мышечная сила безволосых обезьян. Волосатые обезьяны, безволосые обезьяны, а потом — Уолдо. Вот как выстраивалась в его уме лестница эволюции. Шимпанзе, мускулы которого почти не заметны, может одной рукой потащить за собой груз в шестьсот семьдесят пять килограммов. Уолдо доказал это, когда случайно заполучил одного шимпанзе и мето-

дически доводил его до бешенства. Человек с хорошо развитой мускулатурой одной рукой может выжать на динамометре только семьдесят килограммов. А Уолдо, даже при максимальном напряжении — пока с него не польется пот, — только семь. И никогда — больше.

Справедлива такая закономерность или нет, сказать трудно. Однако Уолдо верил в нее и исходил из этого в своих выводах. Люди — настоящее отребье с сильно развитой мускулатурой. Безволосые обезьяны — и больше ничего. Он чувствовал, что по крайней мере раз в десять превосходит их во всем. Но многое еще нужно сделать.

Хотя Уолдо и парил в воздухе, он был очень занят. Несмотря на то, что он никогда не спускался на поверхность Земли, весь его бизнес, вся его деятельность были сосредоточены именно там. Помимо управления многочисленными объектами собственности, он постоянно работал в качестве инженера-консультанта, специализирующегося на анализе движения. Рядом с ним в комнате парили приспособления, необходимые для его профессиональных занятий. Напротив него располагался цветной стереоскопический телевизионный приемник с экраном полтора метра на метр двадцать и с двумя сетками координат — прямоугольной и полярной. Еще один приемник поменьше, висел справа от него. Оба приемника могли осуществлять запись при помощи параллельных устройств, удобно размещенных в других помещениях.

На маленьком экране два человека наблюдали за действиями Уолдо. На большем — отражалось внутреннее помещение цеха, по своим пропорциям напоминающего громадный ангар. На переднем плане почти целиком был виден шлифовальный станок, на котором обрабатывалась какая-то очень большая отливка. Рядом со станком стоял рабочий. По лицу его было видно, что он с трудом сдерживает раздражение.

— Это лучший из всех, кто у вас есть? — обратился Уолдо к двоим на маленьком экране. — Конечно, он неуклюжий и совершенно не приспособлен для выполнения точной работы, но он просто гений по сравнению с теми дебилами, которых вы называете механиками.

Рабочий огляделся по сторонам, пытаясь выяснить, откуда исходит голос. Он слышал его, однако визуальный канал отсутствовал.

— Это на мой счет вы так остроумно пошутили? — резко спросил он, обращаясь в пространство.

— Вы меня неправильно поняли, милейший, — вкрадчиво ответил Уолдо. — Я сделал вам комплимент. Я на самом деле рассчитываю обучить вас основам точной работы. А после этого мы ожидаем, что вы сможете научить безмозглых недотеп, окружающих вас. Перчатки, пожалуйста.

Возле рабочего, на стандартной подставке, находилась пара первичных, размером с локоть, уолдо, имитирующих человеческие пальцы. Они действовали синхронно и в точности повторяли движения другой пары, находящейся перед Уолдо. Вторичные уолдо /действия которых контролировал сам Уолдо при помощи своих первичных/ располагались перед источником энергии, на месте оператора.

Замечание Уолдо насчет перчаток относилось к первичным уолдо, находящимся рядом с рабочим. Механик взглянул на них, однако не сделал ни малейшей попытки надеть их.

— Я не выполняю никаких приказов, если не вижу, от кого они исходят, — тускло, без выражения произнес он, глядя куда-то в сторону.

— Эй, Дженкинс! — прикрикнул на него один из людей на маленьком экране.

— У меня нет ни времени, ни желания решать ваши проблемы относительно рабочей дисциплины, — вздохнул Уолдо. — Джентльмены, включите-ка экран, чтобы наш раздражительный друг мог меня видеть.

Теперь картинка изменилась. Лицо рабочего появилось еще и в глубине маленького экрана Уолдо, но осталось также и на большом.

— Ну, теперь лучше? — мягко спросил Уолдо.

Рабочий утвердительно кивнул.

— Так... Как вас зовут?

— Александр Дженкинс.

— Хорошо, друг Алек. Перчатки.

Дженкинс всунул руки в уолдо и стал ждать. Уолдо сделал то же самое. Все три пары, включая вторичные, расположенные перед машиной, ожили. Дженкинс сильно прикусил губу, как будто ему было неприятно ощущать, как его пальцами манипулируют надетые на них приспособления.

Уолдо чуть расставил и вытянул пальцы, очень осторожно подвигал ими. Обе пары уолдо на экране одновременно повторили движение.

— Почувствуйте это, Алек, дорогой, — посоветовал Уолдо. — Мягче, мягче. Очень легкое прикосновение. Пусть мышцы работают на вас.

Уолдо приступил к манипуляциям. Перчатки уолдо, находящиеся перед источником энергии, дотянулись до него, включили подачу энергии и начали медленно, осторожно и очень грациозно шлифовать отливку. Одна механическая рука опустилась вниз, отрегулировала верньер, а в это время другая увеличила подачу струи смазки, охлаждающей режущий край.

— Ритмичней, Алек, ритмичней. Никаких рывков. Никаких неуклюжих движений. Попробуйте действовать одновременно со мной.

Отливка приобретала форму с невероятной скоростью. Теперь становилось понятно, что это такое: часть кожуха обыкновенного трехмоторного вездехода. Зажимы разжались и деталь упала на транспортер. Ее место заняла новая болванка. Уолдо продолжал работать неспешно, с большой точностью. Его пальцы оказывали давление, которое можно было бы измерить в граммах, однако в десятках тысяч миль от него на Земле две пары уолдо, синхронных с его собственными, абсолютно точно, но с силой, необходимой для выполнения тяжелой работы, повторяли все движения.

На транспортер упала еще одна деталь, потом еще. Дженкинс, хотя от него и не требовалось особых физических усилий, устал от напряжения, поскольку очень старался подхватывать каждое движение Уолдо. По его лбу струился пот, стекая по носу и собираясь на подбородке. После того, как была готова еще одна деталь, он внезапно вынул руки из первичных уолдо.

— Все. Хватит, — заявил он.

— Еще одну, Алек. Ты начинаешь совершенствоваться.

— Нет, — резко сказал тот и отвернулся, словно собираясь уйти.

Внезапно Уолдо сделал резкое движение, настолько резкое, что оно отозвалось в его теле болью. Одна из стальных вторичных уолдо рванулась вперед и схватила Дженкинса за запястье.

— Не так быстро, Алек.

— Уберись!

— Помягче, Алек, помягче! Ты будешь делать, что тебе велят, не правда ли? — стальная рука сжалась сильнее, чуть-чуть повернувшись. Дженкинс сморщился. Сейчас

Уолдо давил так сильно, как только могли его пальцы. Дженкинс застонал. Единственный оставшийся наблюдатель /второй ушел вскоре после начала урока/ сказал:

— О, послушайте, мистер Джонс!

— Заставьте его слушаться или выгоните! Вы ведь знаете условия нашего контракта.

Внезапно изображение и звук отключились на канале Земли. Через несколько секунд связь восстановилась. Дженкинс выглядел угрюмым, но больше не проявлял непокорности.

— Еще одну, мой дорогой Алек, — продолжал Уолдо, как будто ничего не произошло.

Когда репетиция закончилась, Уолдо скомандовал:

— Повторить двадцать раз с индикаторами на запястье и локте, параллельно с синхроанализатором. Мы должны добиться синхронности.

Не говоря больше ни слова, он отключил большой экран и повернулся к маленькому.

— Завтра в это же время, мистер Макнай. Успех — вполне удовлетворительный. Через некоторое время мы превратим этот ваш сумасшедший дом в современный завод. — Он отключил экран, даже не попрощавшись.

Уолдо закончил деловой разговор с такой поспешностью, потому что краешком глаза уловил сообщение, поступившее по его частному каналу информации. Из него следовало, что к дому подлетает чей-то корабль. В этом не было ничего странного. Сюда всегда летали туристы, но сторожевая система не пропускала их. Однако у этого аппарата был разрешающий сигнал, и он только что состыковался со шлюзом. Это было "помело", но поначалу Уолдо не мог разобрать регистрационный номер. Ага, Флорида! Кого с флоридскими номерами он знает? Уолдо не имел ни малейшего представления. Список знакомых был и так весьма коротким, а с регистрационными номерами Флориды он определенно не знал никого. Его подозрительность — эта защитная реакция, которой он отгораживался от всего остального мира, — вспыхнула в нем с новой силой. Аппарат был непрозрачным, и это еще больше усилило подозрения. Он подключился к сети, через которую при помощи первичных уолдо мог контролировать совершенно запрещенные, но очень эффективные, смертельно опасные средства внутренней защиты жилища, и стал ждать.

Наружу выбрался молодой человек. Уолдо взглянул на него — нет, он его не знает. Хотя что-то в лице показалось ему знакомым. Стоит сделать минимальное движение пальцами в первичных уолдо, и лицо незнакомца перестанет быть лицом. Однако Уолдо холодно и рассудочно контролировал свои действия. Он еще успеет нанести удар. Человек повернулся, словно хотел помочь другому пассажиру. Да, там был еще один — дядюшка Гус! Этот старый трясущийся дурак притащил с собой какого-то незнакомца! Ведь он же знает, как Уолдо относится к незнакомцам!

Тем не менее он открыл внешний замок и впустил их в прихожую.

Гус Гримс начал продвигаться по проходу, подтягиваясь попеременно на поручнях, закрепленных с обеих сторон. У Гримса была легкая одышка. Он всегда так дышал, когда ему приходилось двигаться в невесомости.

"Плохой контроль за диафрагмой, — подумал Уолдо. — Излишнее напряжение здесь ни при чем".

Стивенс шел вслед за Гримсом. Его фигура источала уверенность и некоторую горделивость. Он, похоже, был доволен сам собой, тем, что так здорово может управлять своим телом в условиях невесомости.

Добравшись до приемной, Гримс наконец остановился, прокашлялся и обратился к ждущему там манекену.

— Хэлло, Уолдо!

Манекен чуть скосил глаза и повернул голову.

— Привет, дядюшка Гус. Мне бы очень хотелось, чтобы ты не забывал позвонить перед приездом. Я бы тогда мог приготовить обед специально для тебя.

— Это неважно. Мы, может, и не задержимся настолько. Уолдо, это мой друг — Джимми Стивенс.

Манекен повернулся к Стивенсу.

— Как поживаете, мистер Стивенс? — официальным тоном произнес он. — Рад приветствовать вас во Фрихолде.

— Здравствуй, мистер Джонс, — ответил Стивенс, с изумлением рассматривая манекен, поразительно похожий на живого человека. Сначала он и принял его за настоящего Уолдо.

"Подобие человека, наделенное разумом", — вспомнил он, что говорили об этом манекене. Самого Уолдо видело очень небольшое количество людей, перед остальными он предстал только на экране. Даже те, кто приезжал по делам в "Инвалидное кресло"... о, ист, во Фрихолд — он

должен помнить об этом — даже они слышали только голос и видели этот манекен и ничего больше.

— Но ты должен остаться пообедать, дядюшка Гус, — продолжал Уолдо. — Ты не можешь так поступить, ты ведь появляешься очень нечасто. Я приготовлю что-нибудь...

— Может, и останемся, — согласился Гримс. — Однако насчет меню не волнуйся. Ты меня знаешь, я могу съесть черепаху вместе с панцирем.

Мысль о поездке во Фрихолд вместе с Гримсом оказалась просто великолепной. Они здесь меньше пяти минут, а Уолдо уже настаивает, чтобы они остались обедать. Хорошее предзнаменование!

Стивенс не заметил, что Уолдо адресовал приглашение только Гримсу и что Гримс, а не Уолдо воспринял его как адресованное им обоим.

— Где ты, Уолдо? — спросил Гримс. — В лаборатории? — И он сделал движение, будто собирался выйти из приемной.

— Не утруждай себя, — поспешно сказал Уолдо. — Думаю, вам будет удобнее там, где вы находитесь. Несколько минут — и в комнате исчезнет невесомость. Тогда можно будет сесть.

— Что с тобой, Уолдо? — брюзгливо спросил Гримс. — Ты же знаешь, мне все равно, есть невесомость или нет. Но меня совершенно не устраивает компания говорящей куклы. Я хочу видеть тебя.

Стивенс был несколько удивлен настойчивостью старика. Он считал, что со стороны Уолдо очень разумно предложить избавиться от невесомости: то, что он не ощущал веса, несколько нервировало его.

Уолдо выдержал невыносимо длительную паузу.

— Послушай, дядюшка Гус, то, о чем ты просишь, невозможно. И ты прекрасно это понимаешь, — наконец произнес он ледяным тоном.

Гримс ничего не ответил. Вместо этого он взял Стивенса за руку.

— Идем, Джимми! Мы уходим.

— Почему, док? В чем дело?

— Уолдо захотелось поиграть. А я в такие игры не играю.

— Но...

— Ничего! Идем! Уолдо, открой дверь.

— Дядюшка Гус!

— Что, Уолдо?

- Твой гость... ты за него ручаешься?
- Естественно, дурак ты набитый! Разве иначе я бы его привел?
- Я в мастерской. Дорогу ты знаешь.
- Идем, сынок, — сказал Гримс, повернувшись к Стивенсу.

Стивенс следовал в кильватере Гримса, как большая рыба следует за другой, умудряясь, однако, насколько возможно, рассматривать сказочный дом Уолдо. Место действительно было нобыкновенным, уникальным. Ничего подобного он никогда не видел. Здесь совершенно отсутствовали понятия верха и низа. Космические корабли и космические станции, которые всегда находились в состоянии свободного падения, имели системы, создающие искусственную гравитацию, и строились с четким соотношением верх-низ. Горизонтальные и вертикальные оси корабля определялись относительно направления его движения, а оси космической станции — относительно центростремительной скорости вращения.

Некоторые полицейские и военные космические корабли в своих конструкциях имели несколько осей ускорения, поэтому во время бесконечных изменений направления движения и всевозможных маневров экипажу приходилось пристегиваться ремнями безопасности. На некоторых станциях искусственная гравитация применялась только в жилых отсеках. Однако правило было общим для всех: человеческие существа привыкли к силе тяжести, поэтому все созданное их руками предполагало ее наличие в любых конструкциях. Во всех, за исключением дома Уолдо.

Любому живому существу очень трудно отказаться от необходимости чувствовать силу тяжести. С чувством тяжести мы рождаемся. И если мы представляем себе некий космический корабль на свободной околоземной орбите, то обязательно определяем его местоположение относительно Земли: Земля — внизу. Словно мы стоим или сидим на обшивке корабля, и она служит нам полом. Но такое представление совершенно неправильно и даже полностью ошибочно. Для человека, находящегося внутри свободно парящего тела, не существует ощущения силы тяжести как такового, ему все равно, где верх, а где — низ. Он живет в гравитационном поле самого корабля. Но ни дом Уолдо, ни один из космических кораблей, никакое другое космическое сооружение, построенное до сего времени, не были

настолько велики, чтобы создать достаточно сильное гравитационное поле, которое человек мог бы почувствовать. Требуется масса величиной со средних размеров планетоид, чтобы тело человека заметило силу тяжести.

Казалось бы, можно возразить, что тело на свободной околоземной орбите не является телом, находящимся в состоянии свободного падения. Эта ошибочная мысль принадлежит исключительно землянам. Свободный полет, свободное падение, свободная орбита — это все одно и то же, полные эквиваленты. Луна постоянно падает на Землю, Земля — на Солнце, однако вектор их разнонаправленных движений не дает им возможности сделать это. Вот это и есть свободное падение. Можете проконсультироваться с любыми специалистами в области баллистики или астрофизики.

При свободном падении ощущение силы тяжести отсутствует, а тело человека только подвергается действию сильного гравитационного поля.

Эти и другие мысли промелькнули в мозгу Стивенса, пока он подтягивался на поручнях, медленно приближаясь к мастерской Уолдо. Дом Уолдо как раз и был построен без учета понятий верха и низа. Мебель и приборы располагались на любой из стен. Пола просто не было. Панели и платформы для оборудования крепились под любым удобным углом. Они были самых разнообразных размеров и форм, поскольку отсутствовала необходимость считаться с тем, как и в каком положении ими будут пользоваться. В действительности они служили скорее подпорками и рабочими поверхностями, чем панелями для установки оборудования. Более того, оборудование совсем не нужно было располагать близко к самим поверхностям. Иногда удобнее было распределять его в окружающем пространстве и крепить при помощи легких тросов или тонких подпорок.

Мебель и оборудование были очень странного вида и иногда непонятного назначения. На Земле мебель ужасно тяжеловесна и груба и, по крайней мере, 90 процентов ее служит единственной цели — тем или иным образом противостоять силе гравитации. Большинство предметов мебели в домах на поверхности Земли и под землей — это стационарные машины, созданные для снижения силы тяжести. Все столы, стулья, кровати, диваны, шкафы, полки, комоды и тому подобное предназначены в первую очередь именно для этого. У всех остальных предметов мебели и

оборудования — это вторичная функция, однако она сильно повлияла на их внешний вид.

А так как в доме Уолдо массивность и мощность были не нужны, то все предметы обстановки выглядели сказочно легкими и изящными. Любое оборудование, хранившееся в доме Уолдо — каких бы размеров и объемов оно ни было, — упаковывалось и могло удобно храниться в тончайшей прозрачной пленке. Удивительно сложные приспособления, которые на Земле необходимо было бы держать в тяжелых и неподвижных контейнерах, здесь либо были полностью открыты, либо покрыты тонкими чехлами и удерживались на постоянных местах непрочными с виду эластичными стяжками.

Повсюду располагались парные уолдо: большие, маленькие, в натуральную величину и с различными датчиками. Было ясно, что хозяин дома мог использовать все те помещения, через которые они проходили, не покидая мягкого кресла, если бы он действительно нуждался в мягком кресле. Разбросанные повсюду уолдо, необычная форма мебели, повсеместное использование стен в качестве рабочих поверхностей и мест для складирования придавали всему дому слегка безумный и фантастический вид. Стивенс чувствовал себя так, словно случайно забрел в Диснейленд.

Помещения эти были нежилыми. Стивенсу стало интересно, на что похожи личные апартаменты Уолдо, и он постарался представить, как они выглядят. Никаких стульев, ковров, кроватей. Может быть, картины. Какие-нибудь сложные и мудреные светильники для рассеянного освещения комнат. Прямых источников света быть не должно, поскольку глаза Уолдо могут смотреть в любом направлении. Интересно, как здесь может выглядеть душ? Каков с виду кран для воды? Со специальным резервуаром или бачком? А может, здесь ничего этого и не нужно? Он не мог дать ответ на эти вопросы, прекрасно понимая, что даже квалифицированные инженеры окажутся в полном замешательстве при решении столь сложных задач в незнакомых и чуждых им условиях.

Что здесь может служить хорошей, удобной пепельницей, если в отсутствие силы тяжести на ней не могут удержаться окурки? Интересно, курит ли Уолдо? Предположим, он решил разложить пасьянс... Как он обращается с картами? Правда, у него может быть намагниченная доска и намагниченные карты...

— Сюда, Джим, — Гримс держался одной рукой за поручень, другой показывая, куда входить. Стивенс влетел в люк, на который указывал Гримс. Не успев как следует оглядеться, он застыл в ужасе, услышав угрожающее низкое рычание. Он поднял глаза: прямо на него по воздуху летел громадный мастифф с открытой пастью, из которой капала слюна. Его передние лапы были вытянуты для нападения, а задние — подтянуты под худое брюхо. Всем своим видом — и поведением, и рычанием — он выражал явное намерение разорвать незнакомца на части, а затем проглотить его.

— Бальдур! — прозвучал голос из-за спины Стивенса.

Собака замедлила скорость, однако изменить направление прыжка уже не могла. В воздух на добрых тридцать футов взвилось уолдо и схватило собаку за ошейник.

— Простите, сэр, — сказал голос, — мой друг вас не ждал.

— Привет, Бальдур! Ты что, забыл, как себя вести? — спросил появившийся Гримс.

Собака посмотрела на него, моргнула и замахала хвостом. Стивенс поискал глазами источник, из которого исходил голос и нашел его.

Посреди громадной сферической комнаты парил толстый человек — Уолдо.

Одет он был очень просто: в шорты и майку, но обувь отсутствовала. Руки и предплечья прятались в металлических первичных Уолдо. Он был весьма упитан: двойным подбородком, ямочками на щеках и гладкой натянутой кожей он походил на большого розового парящего херувима из свиты какого-нибудь святого. Однако глаза его были отнюдь не ангельскими, а лоб и череп выдавали мыслителя. Он внимательно смотрел на Стивенса.

— Разрешите представить вас моей собаке, — произнес он высоким, усталым голосом. — Дай лапу, Бальдур.

Собака протянула переднюю лапу, и Стивенс мрачно пожал ее.

— Пусть он вас обнюхает.

Собака смогла это сделать настолько, насколько ей позволило уолдо, державшее ее за ошейник. Вполне удовлетворенный, пес запечатлел на запястье Стивенса мокрый, слюнявый поцелуй. Стивенс отметил, что глаза пса окружены большими коричневыми кругами, хотя основной окрас был белым, и круги сильно контрастировали. Мыс-

ленно он окрестил ее "Собака с глазами, как блюдца", вспомнив сказку о солдате и огниве.

И пока он произносил всякие глупости типа "хороший мальчик! умница! молодец!", Уолдо наблюдал за всем этим с легким неодобрением.

— К ноге! — скомандовал Уолдо, когда церемония знакомства закончилась. Собака сделала полуоборот и, чуть задев Стивенса, прыгнула вперед по направлению к хозяину. Рывок был так силен, что Стивенсу пришлось схватиться за поручень, чтобы удержаться. Гримс наконец оторвался от входного люка и двинулся к Уолдо. Он остановился и схватился за опору, находящуюся рядом. Стивенс последовал за ним.

Уолдо медленно оглядел его. Не то чтобы его манеры были вызывающими или грубыми. Однако в них было нечто, раздражавшее Стивенса. Он почувствовал, как его медленно заливает краска. Чтобы как-то скрыть это, он стал изучать помещение. Оно было просторным, но несколько захламленным. Вокруг располагалось около десятка видеоприемников, самых разных размеров, пребывающих в самых невероятных положениях. Рядом с ними находились уолдо. Здесь же были контрольные панели. Одна из них — явно для освещения: достаточно сложная, с маленькими красными индикаторами для каждой ячейки. Другая — коммутационная панель — сложное телевизионное контролирующее устройство. Похоже, оно использовалось для дополнительного контроля за энергосистемой, однако вид его был несколько необычным. В помещении находилось еще немало подобных приспособлений и приборов, которые у Стивенса вызвали замешательство.

Несколько пар уолдо как будто вырастали прямо из стального кольца, расположенного вокруг рабочего пространства. Две пары по размеру напоминали кулачки обезьяны и были снабжены удлинителями. Именно одним из них Уолдо буквально выстрелил, чтобы схватить Бальдура за ошейник. Были еще и другие уолдо, прикрепленные к сферической стене, и среди них такая огромная пара, что Стивенс совершенно не мог представить, как и для чего ее можно использовать. Пальцы этой пары были широко расставлены, и расстояние от кончика мизинца до большого пальца составляло около двух метров. По стенам были расставлены книги, однако без книжных полок. Казалось, книги росли в стене, как капуста на грядках. В первое

мгновение это озадачило Стивенса, однако он сообразил и, как оказалось, совершенно правильно, что они крепились к стенам при помощи маленьких магнитов в корешках — в этом заключался весь трюк.

Проблема освещения решалась здесь совершенно по-новому, оно было полностью автоматизированным и очень удобным для Уолдо, но не для тех, кто находился здесь помимо него. Непосредственного источника света не было. Освещение регулировалось тщательно и таким образом, чтобы свет постоянно исходил из направления, противоположного повороту головы Уолдо. Самому Уолдо таким образом ослепительный свет не мешал. Но за его спиной он горел с невероятной силой, чтобы освещать все, на что пожелал бы упасть его взгляд. Поэтому для остальных присутствующих в комнате людей свет был очень резким и труднопереносимым. Очевидно, система контролировала освещение, повинаясь направлению движения глаз Уолд. Стивенс изумился: как проста и продумана система! Но так ли просто было ее создать?

Гримсу это явно не нравилось.

— Черт бы ее побрал, Уолдо! — пожаловался он. — А ну-ка, возьми освещение под контроль. У нас начнется головная боль.

— Извини, дядюшка Гус, — произнес Уолдо.

Вынув руку из перчатки, он осторожно опустил пальцы на одну из приборных досок, и ослепительное свечение исчезло. Теперь свет стал рассеянным. Однако освещенность помещения меньше не стала. Светильники были расположены по стенам, создавая особый орнамент. Стивенс попытался проследить за его переплетениями, но это оказалось сложно — светильники были встроены в стены так, что их нельзя было хорошо рассмотреть. Через какое-то мгновение он догадался, что это можно сделать только в том случае, если двигать глазами, а голову держать неподвижно. Именно движение головы контролировало работу светильников. Движение глазного яблока было слишком незаметным даже для них.

— Ну, мистер Стивенс, как вам понравился мой дом? Интересно? — спросил Уолдо, чуть надменно усмехаясь.

— О да, очень! Очень интересно! Думаю, это самое замечательное место, которое я когда-нибудь видел.

— И что же здесь для вас самое замечательное?

— Ну-у, наверное отсутствие определенной ориентации. Думаю, именно это. И еще ваши удивительные технические новинки. Ведь я — человек, привыкший ползать по земле, поэтому я все-таки ожидал увидеть здесь пол и потолок.

— Ну, это лишь функциональный дизайн, мистер Стивенс, не более того. Условия, в которых я живу, сами по себе уникальны. Поэтому и дом уникален. Те новшества, о которых вы говорите, касаются, в основном, устранения несущественных деталей и введения новых, нигде не используемых.

— По правде говоря, ваше жилище и его оборудование не самое интересное из того, что я здесь увидел...

— Правда? Интересно, что же поразило вас больше всего?

— Ваша собака. Бальдур.

При звуке своего имени собака оживленно замахала хвостом.

— Я никогда раньше не встречал пса, который мог бы жить в невесомости.

Уолдо улыбнулся. Это была первая теплая и искренняя улыбка.

— Да, Бальдур — истинный акробат едва ли не с самого рождения.

Он дотянулся до ушей пса и слегка потер их, тем самым вдруг продемонстрировав крайнюю слабость своих мышц. Силы, с которой он это проделал, было явно недостаточно, чтобы животное ощутило ласку. Давление пальцев Уолдо оказалось слишком слабым даже для того, чтобы просто примять толстую шерсть на громадных ушах. Но Уолдо либо не осознавал, либо был безразличен к тому, что продемонстрировал свою слабость.

Повернувшись к Стивенсу, он добавил:

— Ну, если Бальдур доставил вам удовольствие и так понравился, вы должны увидеть Аризля.

— Аризля?

Вместо ответа Уолдо прикоснулся к коммутационной панели, отозвавшейся музыкальной фразой из трех нот. Возле стены, как раз "над" ними раздался шорох. Крошечная желтая канарейка понеслась к ним. Она стремительно двигалась в воздухе со сложенными крыльями, чем-то напоминая снаряд. В полуметре от Уолдо она расправила крылья, захватывая воздух, несколько раз сильно ими взмахнула и, очутившись в вертикальном положении хвостом вниз, медленно расправила их, а потом сложила. После

этого птица замерла без движения, повиснув в воздухе. Остановка, правда, была неполной. Канарейка очень медленно двигалась по направлению к Уолдо. В паре сантиметров от плеча хозяина, она вытянула лапки и вцепилась когтями в его майку.

Уолдо протянул руку и притронулся к ней кончиком пальца. Птица тотчас же принялась прихорашиваться и чистить клювом перья.

— Ни одна птица, пойманная на Земле, не может научиться летать таким образом, — начал Уолдо. — Я знаю это наверняка. Я потерял около полудюжины птиц, прежде чем убедился, что они не способны перестроиться: слишком развит таламус.

— А что с ними происходило?

— У человека это называется фрустрацией — то есть состоянием повышенной тревожности. Эти птицы пытались летать в невесомости, однако все их попытки заканчивались катастрофой. Все что они делали, и то, как они это делали, в этой обстановке было неправильным. Они же этого не понимали. Через некоторое время они вообще бросали все попытки приспособиться, переставали двигаться и умирали. Говоря возвышенным стилем, от разрыва сердца, — Уолдо слегка улыбнулся. — Но Ариэль — гений среди птиц. Он появился здесь еще в яйце. И сам, без чьей-либо помощи, изобрел новую школу полетов.

Уолдо еще раз вытянул палец и нежно дотронулся до птицы. Та явно испытывала удовольствие от прикосновения и перебралась к нему на палец.

— Ну все, хватит, Ариэль. Лети назад, домой.

Птица вдруг начала петь "Песню колокольчиков" из "Лакме".

— Нет, Ариэль, иди спать, — нежно сказал Уолдо, помахав пальцем.

Канарейка оторвалась от пальца. Несколько мгновений она висела в воздухе, потом начала стремительно бить крыльями, чтобы взять правильный курс и набрать нужную скорость. Затем, сложив крылья и поджав лапки, пулей ринулась туда, откуда появилась.

— Джимми хотел кое о чем поговорить с тобой, — заметил после паузы Гримс.

— Очень рад, — лениво отозвался Уолдо. — Но, может, мы сначала пообедаем? Вы проголодались, сэр?

"Может быть, с сытым Уолдо иметь дело легче, чем с голодным?" — подумал Стивенс. Кроме того, и желудок давал знать, что не мешало бы его чем-нибудь заполнить.

— Да, проголодался, — ответил Стивенс вслух.

— Прекрасно.

Им подали обед.

Стивенс так никогда и не смог догадаться, приготовили ли Уолдо еду сам, при помощи бесчисленных уолдо, или где-то в доме были слуги, сделавшие все необходимое. Современные методы приготовления пищи были таковы, что Уолдо вполне мог все делать самостоятельно. Стивенс, например, готовил себе сам, не говоря уже о Гримсе. Однако про себя он отметил, что при первой же возможности нужно будет спросить дока, есть ли в доме прислуга. Впрочем, он тут же забыл о своем намерении.

Обед появился в специальном контейнере на конце длинной телескопической трубы с пневматическим приводом. Прямо перед ними контейнер остановился и, издав легкий вздох, раскрылся. На саму еду Стивенс не обратил внимания: она была достаточно вкусной и ничем особенным не отличалась. Все его внимание было приковано к тому, как она подавалась. Бифштекс Уолдо парил прямо перед ним. Он отрезал куски при помощи кривых хирургических ножниц и отправлял в рот изящными щипцами.

— Теперь почти невозможно получить хороший бифштекс, — заметил он. — Этот — жесткий. Бог свидетель, я плачу достаточно. Но и поводов для жалоб достаточно тоже.

Стивенс промолчал, считая, что его бифштекс слишком мягок — он просто распадался на части. Джеймс пользовался ножом и вилкой, хотя нож был совершенно излишним. Казалось, Уолдо и не ждал, что гости воспользуются его невероятными методами еды и утварью. Стивенс ел из тарелки, стоявшей у него на колене. Следуя примеру Гримса, он время от времени наклонялся над ней и слизывал пищу прямо с поверхности. Сама тарелка была предусмотрительно снабжена небольшими острыми зубцами на поверхности. Жидкость подавалась в небольших мягких сосудах, снабженных сосками. Все вместе это напоминало бутылочки для грудных детей.

После окончания трапезы утварь и недоеденная пища исчезли в контейнере.

— Хотите закурить, сэр?

— Спасибо.

И Стивенс увидел, какой должна быть пепельница в невесомости: длинная труба с приемным отверстием в форме колокольчика на конце. В трубе создавался режим слабого всасывания, как в пылесосе. Поэтому когда пепел стряхивался, его сразу затягивало вовнутрь.

— Так вот, насчет этого вопроса, — начал Гримс. — Джимми — главный инженер Североамериканской энергетической компании.

— Что?! — невероятно напрягшись, вскричал Уолдо. Грудь его вздымалась и опускалась. Он полностью игнорировал Стивенса и обращался только к Гримсу.

— Дядюшка Гус, ты хочешь сказать, что ввел в мой... мой дом представителя *этой* компании?

— Не распаляйся. Расслабься, черт побери! Я тебя не раз предупреждал, чтобы ты не делал ничего, что повышает кровяное давление, — Гримс подплыл к нему и несколько старомодным жестом взял за запястье: добрый старый доктор, измеряющий пульс. — Дыши медленнее. Что это ты пытаешься сделать, а? Устроить себе приступ?

Уолдо пытался высвободиться, сбросив его руку, однако это был довольно жалкий жест: старик раз в десять превосходил его силой.

— Дядюшка Гус, ты...

— Заткнись!

Все трое несколько минут молчали. По крайней мере двое из них испытывали неловкость. Гримсу, очевидно, было наплевать.

— Так, — наконец сказал он. — Уже лучше. А теперь успокойся и послушай меня. Джимми — хороший мальчик. Он никогда ничего плохого тебе не сделал. И он себя хорошо вел все время, пока мы здесь. Ты не имеешь никакого права быть с ним грубым. И совершенно неважно, на кого он работает. Если честно, ты должен перед ним извиниться.

— О, нет, не надо, док! — запротестовал Стивенс. — Боюсь, что меня здесь приняли за кого-то другого. Извините, мистер Джонс. Я не хотел, чтобы все так получилось. Я пытался все объяснить, когда мы только прибыли.

По лицу Уолдо было невозможно что-нибудь определить, кроме одного: он пытается изо всех сил контролировать себя.

— Все в порядке, мистер Стивенс. Мне жаль, что я вспылел. Совершенно справедливо: мне не следовало пере-

носить на вас ту вражду, которую я испытываю в отношении ваших работодателей. Да простит меня Бог, но я совершенно не испытываю к ним любви.

— Я знаю. Однако мне очень печально услышать это от вас.

— Меня обманули! Можете вы это понять? Обвели вокруг пальца и как! При помощи самых жалких псевдо-юридических уловок, которые когда-либо...

— Тихо, Уолдо!

— Прости, дядюшка Гус, — он продолжал, однако голос его звучал уже не так резко. — Вы ведь знаете о так называемых патентах Хатауэя?

— Да, конечно.

— "Так называемых" — слишком слабо сказано. Этот человек — обыкновенный механик. А патенты — мои.

Версия Уолдо в том виде, как он ее изложил, содержала достаточно разумные доводы, подтвержденные большим количеством фактов. Стивенс это чувствовал, однако версия эта была достаточно субъективной и пристрастной. Может быть, Хатауэй и работал, как бездоказательно утверждал Уолдо, только в качестве обслуживающего персонала, наемного ремесленника — не более. Но сейчас это трудно было доказать. Не осталось ни контракта, ни каких-либо бумаг на сей счет. Человек этот запатентовал несколько изобретений, и они очень напоминали изобретения Уолдо. Вскоре после этого Хатауэй умер, и его наследники через своих агентов продали изобретения фирме, каким-то образом связанной с Хатауэем. Уолдо заявил, что именно фирма и заставляла Хатауэя воровать изобретения Уолдо, вынудив его наняться к нему на работу. Но фирма перестала существовать, а ее имущество было продано Североамериканской энергетической компании. САЭК предложила полюбовное решение вопроса. Уолдо предпочел подать иск и проиграл.

Даже если Уолдо и был прав, Стивенс не видел никаких возможностей для руководителей САЭК на законных основаниях возместить Уолдо убытки. Служащие высшего эшелона корпорации были поначителями вкладов своих пайщиков. Если бы дирекция САЭК вдруг попыталась отдать собственность, которая рассматривается как имущество корпорации, любой вкладчик мог бы наложить запрет на эти действия или потребовать возмещения своей доли.

Так, по крайней мере, считал Стивенс. Однако он не был юристом. И это нужно учитывать. Самым важным было то, что ему нужна помощь Уолдо, а тот затаил сильную злобу против фирмы, на которую работал Стивенс.

Ему пришлось признать: не похоже, чтобы присутствие дока Гримса было достаточным. Вряд ли удастся повернуть ситуацию в нужном направлении.

— Все это произошло до того, как я пришел сюда работать, — начал он. — И вполне естественно, я мало знаю об этом. Мне очень жаль, что все случилось именно так. Я в крайне неловком положении, потому что именно сейчас я вынужден просить вашей помощи. Я действительно в ней очень нуждаюсь.

— Да? Что случилось? — казалось, Уолдо не так уж и раздражен.

Стивенс объяснил и описал, не особенно вдаваясь в подробности, те неприятности, с которыми они столкнулись: сбой в рецепторах де Кальба. Уолдо внимательно слушал. Когда Стивенс закончил, он сказал:

— Конечно, очень похоже на ту историю, которую рассказал мистер Глисон. Как человек с техническим образованием вы нарисовали более адекватную картину, чем этот профессиональный манипулятор деньгами. Но почему вы пришли ко мне? Я не специализируюсь в радиационной инженерии, у меня нет никаких степеней, которые присуждаются вашими заумными институтами.

— Я пришел по той же самой причине, по которой все приходит к вам, — серьезно ответил Стивенс. — Когда кто-нибудь действительно заходит в тупик при решении инженерной задачи, ему прямая дорога к вам. Насколько я знаю, ваш рекорд в решении любой интересующей вас проблемы еще никем не был побит. Вы прочно удерживаете первое место. И это напоминает мне другого человека...

— Кого? — резко поинтересовался Уолдо.

— Эдисона. Его тоже не интересовали степени и звания. Однако и он решал самые трудные задачи своего времени.

— А-а, Эдисона... Я думал, вы говорите о ком-то из ныне живущих. Безусловно, для своего времени Эдисон был хорош, — великодушно заметил Уолдо.

— Я вас совсем не сравниваю. Я просто вспомнил, что за ним закрепилась репутация человека, предпочитавшего сложные задачи легким. То же самое я слышал и о вас. У

меня есть надежда, что эта проблема покажется вам достаточно сложной, чтобы заинтересоваться ею.

— Для меня она не очень интересна, — сказал Уолдо. — Несколько в стороне от сферы моих занятий. Но в ней что-то есть. Однако должен сказать: я удивлен, услышав от вас, высокого чина САЭК, столь лестную оценку моих талантов. Если ваше мнение действительно таково, можно предположить, что не так уж сложно будет убедить вашу фирму в моем безусловном праве на так называемые патенты Хатауэя.

"И правда, — подумал Стивенс, — он совершенно невозможный человек. Скользкий, как угорь".

Вслух же он произнес:

— Думаю, этот вопрос рассматривался юристами фирмы и отделом менеджмента. Вряд ли они достаточно профессиональны, чтобы разобраться, где работала стандартная инженерная мысль, а где — вдохновенно-творческая.

Казалось, ответ несколько смягчил Уолдо.

— А что говорит о проблеме ваша исследовательская группа?

— Ничего утешительного, — сухо ответил Стивенс. — Доктор Рамбо, очевидно, просто не хочет верить данным, которые у меня есть. Он говорит, что все это невозможно, однако вид у него при этом очень несчастный. Думаю, уже много недель подряд он живет на аспирине и нембутале.

— Рамбо, — медленно произнес Уолдо. — Я вспоминаю этого человека. Посредственность. Только память и никакой интуиции. Не думаю, чтобы я был обескуражен только потому, что Рамбо чувствует себя озадаченным.

— Вам и вправду кажется, что надежда есть?

— Это не должно быть слишком сложным. Я уже немного обдумывал эту проблему. После звонка мистера Глисона. Вы дали мне дополнительные сведения. Сейчас я вижу по крайней мере два новых направления, которые могут оказаться весьма плодотворными. В любом случае, всегда существует хотя бы один правильный подход.

— Значит ли это, что вы принимаете предложение? — настойчиво спросил Стивенс, явно нервничая.

— Принимаю? — Брови Уолдо взлетели вверх. — Мой дорогой сэр, о чем вы? Мы просто ведем светскую беседу. Я не буду помогать вашей компании ни при каких обсто-

ятельствах. Надеюсь, увижу, как ваша компания полностью разорится, обанкротится и развалится. Пусть это послужит для всех хорошим уроком.

Стивенс с трудом сдержался. Обманул! Жирный слизняк просто играл с ним, водил за нос. В нем не было ни капли благородства. Тщательно взвешивая слова, он сказал:

— Я не прошу, чтобы вы щадили САЭК или испытывали к ней жалость, мистер Джонс. Я обращаюсь к вашему чувству долга. Дело касается интересов общества. Жизни миллионов людей зависят от нас. Неужели вы не видите, что наша служба должна существовать независимо от моего или вашего желания?

Уолдо выпятил губы:

— Нет, — сказал он. — Боюсь, меня это совсем не касается. Благополучие всех этих безымянных червей Земли, ползающих по ней, совершенно не моя забота. Я уже сделал для них гораздо больше, чем было нужно. Едва ли они этого заслуживают. Если их предоставить самим себе, то очень скоро они вернутся назад к каменным топорам и пещерам. Вы когда-нибудь видели обезьяну в цирке — одетую, как человек, и выполняющую всякие трюки на роликовых коньках? Так вот, хочу чтобы вы хорошенько запомнили: я не буду изобретать коньки для обезьян.

"Если я задержусь здесь еще хоть ненадолго, мне придется заплатить уйму денег в качестве штрафа за оскорбление действием", — подумал Стивенс.

Вслух он произнес:

— Я так понимаю, это ваше окончательное решение?

— Именно. Правильно понимаете. До свидания, сэр. Я получил удовольствие от вашего визита. Спасибо.

— До свидания. Спасибо за обед.

— Не за что.

Когда Стивенс повернулся и направился к выходу, Гримс сказал ему вдогонку:

— Джимми, подожди меня в приемной.

Как только Стивенс вышел и перестал их слышать, Гримс повернулся к Уолдо и смерил его взглядом.

— Уолдо, — медленно произнес он, — я всегда знал, что ты один из самых низких и самых вспыльчивых из ныне живущих людей, но...

— Твои комплименты совершенно меня не трогают, дядюшка Гус.

— Заткнись и выслушай меня. Как я уже говорил, ты слишком испорчен и эгоистичен, чтобы с тобой можно было жить, но сегодня впервые я понял, что ты еще и обманщик, с которым нельзя иметь дело.

— Что это значит?

— А вот что! У тебя нет и не было идей, чтобы решить проблему, над которой бьется этот парень. Зато у меня есть догадка: ты просто спекулируешь на своей репутации, как фокусник. Только для того, чтобы заставить его помучиться. Зачем? Ты — хвастливый дешевый шулер, и если ты...

— Прекрати!

— Ну, давай! — медленно сказал Гримс. — Пусть у тебя подпрыгнет давление. Я не буду вмешиваться. Чем скорее тебя разорвет, тем лучше.

— Дядюшка Гус, — успокоившись, начал Уолдо, — почему ты думаешь, что я блефую?

— Потому что я тебя знаю. Если бы ты чувствовал в себе силы решить эту проблему, ты бы, проанализировав ситуацию, разработал план, как припереть САЭК к стенке, помогая им выйти из затруднительного положения. Только так ты мог бы добиться реванша.

— Ты недооцениваешь силу моих чувств...

— Да, черт возьми! Только я еще не закончил! Теперь относительно того коротенького светски-изысканного разговора о твоём отношении к человечеству. Голова на плечах пока у тебя есть: точно так же, как и я, ты прекрасно понимаешь, что из живущих на Земле людей ты, наверное, больше всех заинтересован в нормальной работе энергосистемы. Следовательно, ты не видишь никаких путей исправить ситуацию.

— Ты что? Просто меня совершенно не интересует ни эта, ни подобные проблемы вообще. Я с ними никак не связан. Ты должен был бы об этом знать.

— Не связан? Да? А кто выплавил сталь для этих стен? А? Кто вырастил того бычка, из которого был сегодняшний бифштекс? Ты также зависишь от всего этого, как пчелиная матка от своего роя. И так же беспомощен.

Уолдо выглядел изумленным. Через некоторое время он пришел в себя.

— О нет, дядюшка Гус. Я на самом деле независим. Запасов здесь хватит на годы.

— На сколько лет?

— Ну... м-м... около пяти.

— А что потом? Ты вполне можешь прожить еще пятьдесят — *если* будешь получать все необходимое. От чего ты предпочитаешь умереть? От голода? Жажды?

— Вода — не проблема, — задумчиво произнес Уолдо. — А относительно пинци... Думаю, что можно использовать гидропонику, выращивать животных на мясо...

Гримс прервал его весьма злорадным смехом:

— Вот доказательство моей правоты. Ты не знаешь, как решить эту проблему, поэтому ищешь пути спасения собственной шкуры. Я тебя прекрасно знаю. Ты не нес бы все эту гидропонную чушь, если б знал ответ.

Уолдо задумчиво посмотрел на Гримса.

— Это не совсем так. Правда, решения я не знаю, но у меня, действительно, есть несколько идей на этот счет. Готов спорить на что угодно, я смогу найти ответ. Теперь, когда ты обратил мое внимание... Что ж, должен признать: я достаточно тесно связан с экономической системой Земли, — Уолдо слегка улыбнулся. — К тому же, я никогда не принадлежал к людям, пренебрегающим собственными интересами. Минуточку, я приглашу твоего друга.

— Не так быстро. Я приехал сюда еще и по другой причине, а не только затем, чтобы представить тебе Джими. Послушай: *это* не должно быть просто любым из возможных решений. *Это* должно быть единственно правильным решением.

— Что это значит?

— Нужно решение, которое бы покончило с необходимостью наводнять атмосферу лучистой энергией.

— А, *это*... Послушай, дядюшка Гус. Я знаю, ты увлечен своей теорией. Я никогда не обсуждал с тобой вопрос: прав ты или нет. Оставим это. Но неужели ты думаешь, я могу решать две очень сложные проблемы одновременно.

— Посмотрим на дело с другой стороны. Ты занимаешься решением задачи для себя самого, в своих собственных интересах. Предположим, все находятся точно в таком же состоянии, как и ты...

— Ты имеешь в виду мое физическое состояние?

— Именно. Знаю, ты не любишь говорить на эту тему. Но, черт побери, придется! Если все будут такими же слабыми, как и ты — все, конец! Ни кофе, ни пирожных Уолдо не получит. А это именно то, чего я ожидаю. Ты единственный из всех, кто может оценить, что это значит.

— Звучит фантастически.

— Да. Но признаки может увидеть любой, если захочет. Эпидемия миастении, не обязательно в острой форме. Этого вполне достаточно, чтобы началось твориться черт знает что — при нашей-то машинной цивилизации. И вполне достаточно, чтобы твоя система поставок перестала нормально функционировать. С тех пор, как мы виделись в последний раз, я еще раз просмотрел данные и начертил несколько графиков. Тебе стоит взглянуть на них.

— Ты их привез?

— Нет. Я пришлю. Сейчас можешь поверить мне на слово.

Помолчав, он продолжил:

— Ну так что?

— Принимаю как возможную рабочую гипотезу, — медленно произнес Уолдо, — но только до тех пор, пока не увижу графики и данные. Может быть, тебе придется провести кое-какие дополнительные исследования на Земле. Если данные подтвердят то, о чем ты говоришь...

— Ну что ж — это честно. До свидания.

Гримс несколько раз неуклюже дернулся, потому что, забыв о невесомости, попытался идти.

Состояние духа, в каком пребывал Стивенс, ожидая Гримса, лучше не описывать. Самая веселая, из посетивших его мыслей, была такой: от скольких же вещей человеку нужно отказаться, чтобы заниматься тем, что на первый взгляд кажется обыкновенной инженерной работой! Ну что ж, наверное, на этой работе он долго не задержится. Но Стивенс решил не сдаваться. Стоит все-таки подождать, пока его не выкинут. Предвосхищать события он не станет.

Просто отпуск нужно будет провести наилучшим образом, прежде чем искать новую работу.

Еще несколько минут он провел в размышлениях о том, как было бы хорошо, если бы Уолдо был сильным. Тогда его можно было бы хорошенько стукнуть. Или лягнуть в толстый живот — это было бы гораздо лучше!

Стивенс вздрогнул от неожиданности, когда внезапно оживший манекен окликнул его по имени:

— Эй, мистер Стивенс!

— Да?

— Я решил принять предложение. Мои поверенные обсудят все детали с вашей администрацией.

Стивенс был до того удивлен, что на некоторое время лишился дара речи. Когда же, наконец, он пришел в себя и смог выдать хоть одно слово, манекен выключился. Стивенс с еще большим нетерпением стал ждать появления Гримса.

— Док! — воскликнул он, когда Гримс появился в его поле зрения. — Что его пробрало, а? Что вы с ним сделали?

— Просто Уолдо еще раз все обдумал и изменил решение, — кисло ответил Гримс. — Давай отправляться.

Стивенс отвез доктора Августа Гримса домой, а потом отправился к себе в контору. Он только успел припарковать машину и войти в туннель, ведущий к заводской зоне, как наткнулся на своего помощника. Маклеод тяжело дышал.

— Эй, шеф! — начал он. — Это ведь вы, правда? Я вас повсюду ищу. Вы мне совершенно необходимы.

— Что горит на этот раз? — предчувствуя недоброе, требовательно спросил Стивенс. — Один из городов?

— Еще нет. С чего вы взяли?

— Ну, выкладывай, что случилось.

— Насколько я знаю, взрывная энергосистема работает отлично. С городами тоже все в порядке. Я вот что хотел сказать... Я *исправил* обломки.

— А-а? Ты хочешь сказать — ракету, которая потерпела аварию?

— Ну, это была не совсем авария. Там еще оставался достаточно большой запас энергии в резервных накопителях, когда поглощение энергии прекратилось. Я перешел на аварийный режим работы и посадил корабль.

— Ты все починил? Это были декальбы? Или что-то другое?

— Конечно, декальбы. Но они в порядке. Не могу сказать, что я сделал это сам... Меня заставили. Понимаете?

— А что с ними случилось?

— Точно не знаю. Видите ли, я решил, что не стоит брать еще один корабль и, возможно, делать еще одну вынужденную посадку на обратном пути. Кроме того, это был мой личный драндулет, и мне совсем не хотелось курочить его, чтобы вытаскивать декальбы, — пришлось бы тогда собирать его по всей округе. Поэтому я нанял гусеничный тихоход, чтобы дотащить сюда корабль целиком. Я договорился с парнем, владельцем двенадцатитонной полугусеницы-полутрактора...

— О боже! Ради всех святых! Что произошло?

— Я же пытаюсь рассказать. Мы вползли в Пенсильванию и чудно провели время, когда гусеница поломалась. Как раз правое ведущее колесо, представляете? Честное слово, Джим, там дороги — хуже некуда.

— Оставь в покое дороги! Зачем на них тратить деньги, если девяносто процентов всех сообщений проходит по воздуху? Так у вас полетело колесо... Что дальше?

— Потом еще одно, ведь дороги ни к черту, — упрямо продолжал Маклеод. — Я вырос в той части страны, но когда я был мальчишкой, там были шоссе с шестирядным движением, и дороги были гладкие, как детская попка. Их все-таки надо было поддерживать в хорошем состоянии. Они когда-нибудь да пригодятся.

Увидев выражение глаз начальника, Маклеод заторопился:

— Водитель связался с конторой, и они обещали прислать помощь из близлежащего города, сказав, что это будет часа через три-четыре, а, может, и больше. В общем, мы болтались там, где я вырос. И я сказал себе: "Маклеод, это шикарный шанс вернуться к картинам детства, в комнату, куда каждое утро заглядывало солнце". Выражаясь фигурально, конечно. На самом деле в нашем доме окон не было...

— Мне совершенно неважно, где ты вырос! Хоть в бочке!

— Ну и характер. Нервы... — невозмутимо заметил Маклеод. — Я рассказываю все по порядку, чтобы вы поняли, как все произошло. Но это вам не понравится.

— Мне уже не нравится.

— А потом понравится еще меньше. Ну вот, значит вылез я из кабины и огляделся. Мы находились приблизительно в восьми километрах от города, где я когда-то жил. Но идти туда мне не хотелось — слишком далеко тащиться пешком. Мне показалось, что я узнаю группу деревьев, которая росла на небольшом пригорке в полукилометре от дороги. Я пошел посмотреть и оказался прав. Как раз там располагалась хижина, где жил Грэмс Шнайдер.

— Грэмс Снайдер?

— Нет, не Снайдер, а Шнайдер. Старик, с которым мы, ребята, дружили. На девяносто лет старше нас. Я думал, он давно умер. Но все равно пошел посмотреть. Шнайдер был на месте.

— Привет, Грэмс, — сказал я.

— Заходи, Хью Дональд, — ответил он. — Вытри ноги о коврик.

Я зашел и сел. Грэмпис возился со стоявшей на плите кастрюлей, в которой что-то шипело и булькало. Я спросил, что там у него. «От болей по утрам», — ответил он. Нельзя сказать, что Грэмпис профессиональный знахарь...

— Что-о?

— Я имею в виду, он не зарабатывает этим себе на жизнь. Он разводит цыплят, выращивает всякие овоци-фрукты. И к тому же некоторые люди, до сих пор живущие в нормальных домах на равнине, приносят ему хлеб, пироги и всякую всячину... Но он очень много знает о всяких там травах и тому подобном...

Потом Грэмпис перестал колдовать над кастрюлей и отрезал мне кусок воздушного пирога. А я поблагодарил его. "Ты вырос, Хью Дональд", — сказал мне Грэмпис и спросил, как у меня дела в школе. Я ответил, что все нормально, даже более чем. Он снова взглянул на меня и заметил: "Но у тебя какая-то неприятность, которая тебя гложет". Это был не вопрос, а утверждение. И пока я уплетал пирог, как-то так получилось, что я все ему выложил. Ну, про свои неприятности. Это было совсем нелегко. Мне кажется, Грэмпис никогда в жизни не поднимался над Землей. А современная теория радиации не тот предмет, о котором можно рассказать в нескольких словах. Я все больше и больше запутывался, когда он встал, надел шляпу и сказал, что мы пойдем и посмотрим на машину, о которой я веду речь.

Ну, мы пошли к дороге. Там уже орудовала банда механиков, однако машина была неисправна. Я помог Грэмпису взобраться на платформу, потом мы спустились внутрь. Я показал ему декальбы и попытался объяснить, что они делают и для чего предназначены. Надеюсь, вы понимаете — я просто убивал время. А он показал на пучок антенн и спросил: "Это пальцы для улавливания энергии?" Такое объяснение было ничем не хуже других, поэтому я не стал возражать. Потом он сказал: "Понимаю", вытащил из кармана брюк кусок мела и начал рисовать какие-то линии на каждой антенне. Я поднялся на платформу, чтобы посмотреть, как идет ремонт. Через некоторое время Грэмпис присоединился ко мне.

"Хью Дональд", — сказал он, — "эти... твои пальцы... с ними теперь все в порядке".

Мне не хотелось его обижать, поэтому я вежливо поблагодарил и все.

Скоро вездеход починили, и мы смогли ехать. Попрощавшись, Шнайдер направился к своей хижине, а я вернулся в машину и заглянул внутрь. Просто так. Не то чтобы я боялся, что он там мог чего-то повредить. Просто хотел убедиться и машинально включил рецепторы. Они работали.

— Что?! — воскликнул Стивенс. — Ты что, хочешь, чтобы я поверил, будто старый колдун исправил декальбы?

— Не колдун, а врачеватель. Но мысль верная.

— Это просто совпадение, — успокоившись, покачал головой Стивенс. — Иногда они так же внезапно начинают работать, как выходят из строя.

— Это вы так думаете. Но это совсем не так. Я просто вас готовлю к тому шоку, который вы сейчас получите. Идемте, посмотрите.

— Что ты имеешь в виду? Куда идемте?

— Во внутренний ангар.

По дороге к тому месту, где Маклеод оставил свое помело, он продолжал говорить:

— Я выписал счет водителю вездехода и вернулся обратно. И ни с кем не говорил об этом случае. Поэтому сгрыз ногти по самые локти, дожидаясь вас.

Корабль казался совершенно обычным. Стивенс внимательно исследовал декальбы и заметил едва различимые отметки мелом на металлических частях. Больше — ничего особенного.

— Смотрите, сейчас включаю, — сказал Маклеод.

Стивенс ждал. Сначала он услышал слабый гул, исходящий от активизирующейся цепи, потом увидел.

Антенны декальбов — каждая походила на жесткий металлический карандаш — наклонялись, изгибались и вли себя, как скопище червей. Они явно пытались дотянуться до чего-то невидимого.

Стивенс был поражен поведением декальбов, наблюдая за их необычными движениями. Маклеод слез с сиденья управления и присоединился к нему.

— Ну, шеф, — требовательно спросил он, — объясните мне, что это такое. Вы понимаете?

— Сигарета есть?

— А что торчит из вашего кармана?

— Ах, да! Точно. — Стивенс вытащил сигарету, зажег ее и, дважды затянувшись, выкурил наполовину.

— Ну и что? — настаивал Маклеод. — Объясните-ка, почему они ведут себя подобным образом.

— Ладно, — медленно проговорил Стивенс, — могу сказать вот что... Я думаю о трех вещах, которые нужно сделать...

— Да?

— Первая — уволить доктора Рамбо и на его место взять Грэмпа Шнайдера.

— Да, мысль неплохая.

— Вторая — тихонечко дожидаться здесь ребят из психушки со смиренными рубашками, чтобы они отвезли нас куда следует.

— А третья?

— А третья, — кровожадно проговорил Стивенс, — взять эту треклятую грудку металлолома и утопить ее в самой глубокой части Атлантического океана. Потом сделать вид, что она вообще не существовала. И ничего не произошло.

В дверном проеме показалась голова механика.

— Эй, доктор Стивенс... — позвал он.

— Убирайся отсюда, быстро!

Голова поспешно скрылась, и уже издали прозвучал обиженный голос:

— Вам послание из главной конторы.

Стивенс поднялся, подошел к сиденью оператора и отключил панель управления. Потом убедил себя, что антенны прекратили свои безумные движения. Антенны действительно были неподвижны: они казались такими неподдельно прямыми и твердыми, что он с трудом поборол искушение усомниться в адекватности своего восприятия. Он выбрался из машины. Маклеод следовал за ним по пятам.

— Извини, что я накричал на тебя, Уитни, — обратился он к рабочему извиняющимся голосом. — Что в послании?

— Мистер Глисон хочет, чтобы вы пришли в контору как можно скорее.

— Бегу. Послушай, Уитни, у меня есть для тебя работа.

— Да?

— Опечатай вход в эту колымагу и отгоняй всех. Чтобы здесь никто не крутился. А потом оттащи ее, именно оттащи, понял? Заводить даже не пытайся, — просто оттащи в главную лабораторию.

— О'кей.

Стивенс собрался было идти, но Маклеод его остановил.

— А на чем я, интересно, доберусь домой?

— Да, правда. Это ж твоя личная собственность. Послушай, что я скажу, Мак. Твоя штуковина очень нужна компании. Составь заказ на покупку. Я подпишу.

— Ну-у, я еще пока не знаю, собираюсь ее продавать или нет. Может, это единственное помело, которое нормально работает во всей стране.

— Не будь дураком. Если остальные выйдут из строя, то ничего хорошего не будет в том, что у тебя есть единственная в стране исправная машина. Энергию перекроют.

— Наверное, это так, — нехотя согласился Маклеод. — Однако, — оживившись, продолжал он, — машина со столькими талантами должна стоить очень дорого. Гораздо дороже остальных. Так просто ведь не пойдешь и не купишь, правда?

— Мак, — сказал Стивенс, — в сердце у тебя поселилась жадность, а в кончиках пальцев — воровство. Сколько ты за нее хочешь?

— Думаю, в два раза больше, чем за новую. Для вас это не так уж и дорого.

— Я случайно знаю, что ты купил ее с большой скидкой. Но ты давай, не стесняйся! Либо компания сможет оплатить, либо же, в случае банкротства, это вообще не будет иметь никакого значения.

Глисон поднял глаза на Стивенса.

— А вот и ты, Джим. Кажется, тебе удалось сотворить чудо с нашим другом Уолдо Великим. Хорошая работа!

— На сколько он нас выставил?

— Обычный контракт. Правда, его обычный контракт всегда смахивает на грабеж с применением насилия. Однако игра стоит свеч, если ему удастся решить задачу. А тут он еще выторговал для себя массу льготных условий, так что должен чувствовать себя очень уверенным. Говорят, не было случая, чтобы он не получил обусловленный гонорар. Ни разу. Скажи мне, на кого он похож? Ты действительно попал к нему в дом?

— Да уж, попал. Я как-нибудь расскажу вам об этом. Сейчас же меня полностью занимает другая проблема. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прямо сейчас.

— Ну? Выкладывай.

Стивенс открыл было рот, но тут же закрыл, так и не произнеся ни слова. Он понял: для того чтобы поверить, нужно увидеть.

— Можете ли вы пойти со мной в главную лабораторию? Я должен вам что-то показать.

— Конечно.

Глисон не был так уж встревожен шевелящимися металлическими усами. Он был удивлен, но не выбит из колеи. Ему явно не доставало необходимой технической подготовки, чтобы скрытый смысл этого явления оказал на него такое же сильное эмоциональное воздействие, как на Стивенса.

— Довольно-таки необычно, правда? — медленно сказал Глисон.

— Необычно? Послушайте, шеф, если бы солнце взорвалось на западе — что бы вы тогда подумали?

— Ничего. Позвонил бы в обсерваторию и спросил, в чем дело.

— Что ж, могу сказать честно: я бы скорее предпочел, чтобы солнце взорвалось на западе, чем такое.

— Должен признать, все и вправду довольно странно, — согласился Глисон. — Не помню, видел ли я что-нибудь похожее. А что по этому поводу думает доктор Рамбо?

— Он еще не видел.

— Тогда, может, лучше послать за ним? Может, он еще не уехал домой.

— А почему сначала не показать Уолдо?

— Покажем. Но доктор Рамбо по должности имеет право увидеть это первым. В конце концов, это относится к его компетенции. Боюсь, у этого парня очень хороший нюх на всякие такие вещи. Я не хочу делать что-нибудь через его голову.

Внезапно Стивенса осенило.

— Минуточку, шеф. Вы правы. Но вам, думаю, все равно, кто покажет ему эту штуку: вы или я. Правда? Я бы предпочел, чтобы это сделали вы.

— Почему, Джимми? Ты сможешь лучше все объяснить.

— Черта с два я смогу объяснить хоть что-нибудь, кроме того, что уже рассказал вам. В течение последующих нескольких часов я буду очень-очень занят. Правда.

Глисон внимательно посмотрел на него, пожал плечами и мягко сказал:

— Хорошо, Джимми. Если ты настаиваешь.

Уолдо был очень занят и поэтому счастлив. Он никогда бы не признался — даже себе, — что в его полном и сознательном уходе от мира весьма ощутимо присутствовали отрицательные стороны, главной из которых была скука. Возможности получать удовольствие от пожирающих громадное количество времени социальных контактов для него не существовало. Он искренне верил, что безволосые обезьяны ничего не могут ему дать в сфере приятельских или дружеских отношений. Однако и удовольствие от одинокой интеллектуальной жизни может тоже приесться.

Он часто настаивал, чтобы дядюшка Гус постоянно жил во Фрихолде, уговаривая самого себя, что это желание вызвано только необходимостью присматривать за стариком. На самом деле он получал удовольствие от общения, от споров с Гримсом, однако не отдавал себе отчета, как много они для него значат. Правда заключалась в том, что Гримс был единственным человеком во всем мире, который относился к нему совершенно так же, как и ко всем остальным. Как к равному. И Уолдо просто наслаждался этим, не осознавая, что то удовольствие, которое он испытывал в компании старика, было самым естественным и самым ценным из всех удовольствий, доступных человеку.

Но в данный момент он был счастлив — он работал.

Перед ним стояло две проблемы — Стивенса и Гримса. Требовалось единое решение. В каждой Уолдо выделял три этапа: первый — он должен был убедиться, что эти проблемы существуют на самом деле и что ситуация действительно соответствует описанию. Второй — провести исследования по имеющимся предварительным данным, третий — получив исчерпывающие данные, изобрести решение.

"Изобрести", а не "найти". Доктор Рамбо, скорее всего, сказал бы "найти" или "искать". Для Рамбо вселенная была космосом, построенным на жестких, неизменных принципах, которые подчинялись вечным законам. Для Уолдо же вселенная была пустотой, которую он пытался подчинить своей воле. Они могли говорить об одном и том же, но подходы при этом были совершенно разными.

Уолдо нужно было сделать очень многое. Стивенс снабдил его огромным количеством данных и о теоретической природе лучистой энергии, и о рецепторах де Кальба, которые были красугольными камнями системы энерго-снабжения и служили причиной последних сбоев энерго-

системы. Уолдо до этого времени никогда не уделял серьезного внимания лучистой энергии просто потому, что она была ему не нужна. Он находил ее интересной, но относительно простой. Ему на ум пришло сразу несколько способов усовершенствования системы. Например, стоячая волна — основной фактор в луче с совмещенными осями. Эффективность рецепции энергии можно было бы увеличить очень существенно, если бы импульс можно было посылатъ туда и обратно и при этом автоматически корректировать его направление. Тогда движущиеся объекты получали бы энергию так же эффективно, как и стационарные установки.

Эта идея была не такой уж существенной в настоящее время. Однако позже, когда он решит основную проблему, он заставит САЭК заплатить — и много — за нее. А, может, большее удовольствие ему доставит соревнование с ними... Интересно, когда исчерпаются их патенты на основные изобретения? Нужно будет проверить.

Несмотря на несовершенство, рецепторы де Кальба должны работать без сбоев. И он почувствовал себя совершенно счастливым, разбираясь в причинах поломок.

Уолдо предполагал существование некоторых очевидных — очевидных только для него — дефектов производства декальбов. Но вышедшие из строя декальбы, которые ему привез Стивенс, отказывались выдавать свои секреты. Он просветил их рентгеновскими лучами, измерил микрометром и интерферометром. Словом, подверг их всем обычным исследованиям и некоторым совершенно нестандартным по собственной методике. Однако никаких результатов это не дало.

Он построил декальб в своем цехе, используя несколько неработающих в качестве модели и применив как исходный материал отработанный металл других похожих приспособлений. Он пользовался самыми точными сканнерами для контроля и самыми маленькими Уолдо — крошечными, словно ручки фей, всего в дюйм величиной — на завершающей стадии изготовления. Он создал декальб, который был настолько идентичен образцу, насколько позволяла самая точная технология и невероятное искусство Уолдо.

Этот декальб работал прекрасно.

Но его старший брат отказывался работать. Однако Уолдо не был обескуражен. Наоборот, это его вдохновляло. Он доказал и доказал вполне обоснованно, что недостатки

декальбов не в их некачественном изготовлении, а в теоретическом обосновании. Вот в чем состояла проблема.

Стивенс сообщил ему о невероятном аномальном функционировании декальбов на "драндулсте" Маклеода, однако он пока еще не занимался этим вопросом. Правда, теперь, после того, как его проинформировали, он в соответствии со своим графиком приступит и к этой проблеме. Через некоторое время Уолдо разложил для себя все по полочкам. Безволосые обезьяны слишком истеричны, и скорее всего за этой историей нет ничего существенного. Все переплелось, как волосы Медузы Горгоны, честное слово!

Большую часть времени он уделял проблеме Гримса.

Ему пришлось признать, что биологические науки — если их вообще можно назвать науками — более захватывающи и интересны, чем он себе представлял. Он всегда старался держаться от них подальше. Неспособность высокооплачиваемых "экспертов" хоть как-то улучшить его состояние, когда он был ребенком, вызвало у него предубеждение и недоверие к такого рода исследователям и исследованиям. Типичные дамские патентованные средства с заумным описанием! Гримс — это другое дело. Гримса он любил и даже уважал — но это особый случай!

Данные старого доктора убедили Уолдо, что за всем этим действительно стоит серьезная проблема — невероятно серьезная. Расчеты были не полными, но несмотря на это — убедительными. Кривая стадии затухания болезни была экстраполирована не слишком корректно, но по ней можно было сделать вывод, что через двадцать лет не останется ни одного человека, у которого хватит сил работать в тяжелой промышленности или выполнять другую физическую работу. Человек будет способен только нажимать кнопки — не более.

Ему не пришло в голову связать свое собственное состояние с проблемами безволосых обезьян. Он рассматривал их слабости точно так же, как фермер рассматривает слабость животного при отборе скота для племенного разведения. Ведь фермер не собирается — да от него это и не требуется — тянуть плуг. Это работа лошади.

Медики — коллеги Гримса — должны быть полными идиотами.

Тем не менее, он пригласил, дав им задания, лучших психосоциологов, невропатологов, нейрохирургов и анатомов, которых он только мог найти, — так бы он отбирал

товары по каталогу. Ему необходимо было полностью вникнуть в проблему.

Но, выяснив, что ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах нельзя договориться о вивисекции человека, он заметно расстроился. К этому времени он убедился, что прежде всего от ультракоротковолновой радиации страдает нервная система и что к самой проблеме и к лечению ее последствий нужно подходить с точки зрения электромагнитной теории. Он хотел провести некоторые исследования, при которых человека прикрепляли бы непосредственно к аппарату его собственной конструкции, и выяснить, чем нервные импульсы отличаются от электрического тока. Он чувствовал, что, если нервную систему человека разделить на участки, заменить некоторые ее части электрической цепью и изучить полученную систему *in situ*^{*}, можно совершить выдающееся открытие — и не одно. Правда, вряд ли такой человек был бы полезен даже самому себе после этих манипуляций. Поэтому власти остались непреклонны. Его вынудили удовлетвориться трупами и животными.

Тем не менее он продвинулся вперед. Сильная ультракоротковолновая радиация определенным образом воздействовала на нервную систему и давала двойной эффект. Во-первых, вызывала "фантомную" пульсацию в нейронах, недостаточную для совершения мышечного моторного ответа. Но, как он и предполагал, достаточно сильную, чтобы поддерживать тело в постоянном состоянии заторможенного нервного возбуждения. А во-вторых, живой организм, подвергающийся этому воздействию любой длительности, показывал определенное, хоть и незначительное, но все-таки измеряемое снижение эффективности нейронных импульсов. Если бы это была электрическая цепь, он бы описал второй эффект как снижение изоляционной эффективности.

Воздействие таких факторов на конкретного человека вызывало состояние усталости, до некоторой степени похожее на раннюю стадию туберкулеза легких. Жертва не чувствует себя больной, ей просто не хватает бодрости. Повышенная физическая активность просто невозможна, она вызывает отвращение, так как требует слишком больших затрат, слишком большого напряжения воли.

* *in situ* — на месте

Но ортодоксальный паталогоанатом вполне мог бы написать в медицинском заключении, что больной находился в прекрасном состоянии. Некоторая усталость — ничего более — из-за сидячего, малоподвижного образа жизни. Все, что нужно, — побольше свежего воздуха, солнца и физических упражнений — но увы!

Единственный, кто угадал, что сидячий образ жизни — не причина, а результат, был док Гримс. Изменения происходили медленно, как и увеличение уровня радиации в воздухе. Люди просто не замечали этого или считали следствием того, что они становятся старше, не такими активными, не такими молодыми, как раньше. И их вполне устраивало снижение жизненного тонуса. Это было гораздо удобнее, чем напрягаться.

Гримса впервые это заинтересовало, когда он стал замечать, что все его молодые пациенты — книгочеи. Очень хорошо, если ребенок читает книги, размышлял он. Однако мальчишка должен еще и всюду носиться, создавать массу шума и беспорядка вокруг. Куда подевались игры в футбол на пыльных площадках, игры мальчишеских дворовых команд? Та невероятно активная деятельность, из-за которой одежда висела ключьями. А ведь это было так характерно для его юных лет?

Черт побери, ребенок не должен все время зарываться в коллекции марок!

Уолдо медленно приближался к ответу.

Нервная система не очень-то отличается от антенны. Как и антенна, она может улавливать электромагнитные волны. Но восприятие этих волн проявляется не в возникновении электрического тока, а в виде пульсации нервов — импульсы, невероятно похожие, но все же несколько отличающиеся от электрического тока. Электромоторная сила может использоваться вместо нервных импульсов для активизации мышечной ткани, но электромоторная сила не является нервным импульсом. Скорость их прохождения различна. Электрический ток проходит со скоростью, приближающейся к скорости света. Скорость же нейронного импульса выражается в нескольких десятках сантиметров за секунду.

Уолдо чувствовал, что где-то здесь лежит ключ к решению проблемы.

Нельзя было больше игнорировать и совершенно фантастическое происшествие с кораблем Маклеода.

Когда доктор Рамбо позвонил Уолдо, тот ответил, поскольку звонили из лаборатории САЭК.

— Кто вы и что вам надо? — требовательно спросил Уолдо у человека, появившегося на экране.

Рамбо осторожно огляделся.

— Тс-с, не так громко, — прошептал он. — Они могут подслушивать.

— Кто может подслушивать? И кто вы такой?

— Те, кто это делает... Запирайте двери по ночам. Я — доктор Рамбо.

— Доктор Рамбо? Ух ты!.. Хорошо, доктор, что означает ваше вторжение ко мне?

Доктор наклонился так низко, что едва не исчез из поля зрения.

— Я узнал, как это сделать, — нервно сказал он.

— Сделать что?

— Заставить декальбы работать. Дорогие, драгоценные наши декальбы. — Он внезапно выбросил вперед руки с резко шевелящимися пальцами. — Они делают вот так: шевелятся, шевелятся, шевелятся!

У Уолдо возникло естественное желание отключить связь, однако любопытство пересилило.

— Вы знаете, почему? — продолжал Рамбо. — Знаете? А ну-ка спросите меня?

— Почему?

Рамбо прижал палец к носу и жуликовато улыбнулся.

— Вы хотите знать? Вы бы дорого дали, чтобы узнать! Но я и так скажу.

— Тогда говорите.

Внезапно Рамбо испугался.

— Наверное, я не должен.. . Возможно, они подслушивают нас. Нет, но я все равно скажу, скажу! Слушайте внимательно: нет ничего *определенного*.

— И это все? — спросил Уолдо, невероятно изумленный гримасами своего собеседника.

— Все ли это? Вы еще спрашиваете! Разве этого недостаточно? Куры закаркают, а петухи начнут нести яйца! Вы здесь, а я там. А, может, и нет. Ничего не ясно, все — неопределенно. Понимаете? Маленький шарик бежит и бежит по кругу, и где он остановится — никто не знает. Только я узнал, как это сделать.

— Как сделать — что?

— Как заставить остановиться маленький шарик там, где я хочу. Смотрите.

Он вытащил перочинный ножик.

— Если вы порежетесь, у вас идет кровь, правда? Так ведь? — Рамбо изо всей силы полоснул по указательному пальцу левой руки. — Видите?

Он совсем близко поднес палец к экрану. Порез, хоть и очень глубокий, был едва различим и абсолютно не кровоточил. "Потрясающе!" — подумал Уолдо. — "Васкулярный контроль в результате истерии — классический клинический случай".

— Это может сделать любой, — вслух произнес он. — Покажите что-нибудь получше.

— Любой? Да, конечно, сможет, если будет знать, как. А ну-ка, попробуйте вот так.

Воткнув кончик ножа прямо в середину левой ладони так, что он вышел с другой стороны, он повернул лезвие в руке, затем вытащил его и продемонстрировал ладонь. Крови не было. Рана затягивалась на глазах.

— Знаете, почему это так? Нож здесь только вероятен. А я нашел невероятность!

Несмотря на то, что это было достаточно забавно, Уолдо начинал утомляться.

— Все? — спросил он.

— Здесь нет и не может быть конца, — произнес Рамбо, — поскольку больше нет ничего определенного. Смотрите внимательно. — положил нож на ладонь, а потом повернул руку.

Нож не упал, а как будто прилип к ладони.

Внезапно Уолдо напрягся. Хоть увиденное им сейчас вполне могло быть и трюком, и, вероятнее всего, так оно и было, но это произвело на него гораздо большее впечатление, чем отсутствие крови в ране. Неизмеримо большее. То, что Рамбо показывал вначале, можно соотнести с определенным типом психики. Последнее же — нет. Такое не должно происходить. Уолдо включил другой канал видеосвязи.

— Соедините меня с главным инженером Стивенсом из САЭК, — резко сказал он. — Немедленно!

Рамбо не обратил на это никакого внимания — он все еще говорил о перочинном ноже.

— Нож не знает, что такое низ, а что верх, — тихо и проникновенно говорил он, — потому что теперь нет ничего

определенного. Может, он упадет, а, может, и нет. Думаю — упадет. Вот, пожалуйста. Упал. Хотите, я пройду по потолку?

— Вы звонили мне, мистер Джонс? — на экране появился Стивенс.

Уолдо переключил его канал на канал Рамбо.

— Да. Ваш попрыгунчик Рамбо. Возьмите его и быстро доставьте ко мне. Мне нужно его увидеть.

— Но, мистер Джонс...

— Пошевеливайтесь! — Он отключил канал Стивенса и вернулся к Рамбо.

— ...неопределенность. Хаос — Царь всего, а Магия вырвалась на свободу в нашем мире! — Рамбо мутным взглядом посмотрел на Уолдо, потом просветлел и добавил:

— Добрый день, мистер Джонс. Спасибо, что вы мне позвонили. — Экран потух.

Уолдо ждал с большим нетерпением. Все это — сплошная мистификация, убеждал он себя. Рамбо сыграл с ним невероятную шутку, а Уолдо шутки очень не любил. Он еще раз позвонил Стивенсу с просьбой связаться с ним.

Когда Стивенс перезвонил, Уолдо увидел, что волосы у него вклокочены, лицо потное и красное.

— У нас были сложности, — заметил Стивенс.

— Вы нашли его?

— Рамбо? В конце концов — да.

— Тогда давайте его сюда.

— Во Фрихолд? Это невозможно. Вы просто не понимаете. Он спятил. Совершенно свихнулся. Его забрали в больницу.

— Не берите на себя слишком много, — ледяным тоном ответил Уолдо. — Я знаю, что он сошел с ума. Я имел в виду именно то, что сказал. Устройте все, как надо. Пусть с ним пришлют сиделку, сестру. Подпишите все необходимые бумаги. Дайте взятку. Делайте, что хотите. Но немедленно доставьте его сюда.

— Вы действительно этого хотите?

— У меня нет привычки шутить.

— Это как-то связано с вашими исследованиями? Я могу вам совершенно точно сказать, что он никак не сможет вам помочь...

— А вот это, — отдельно произнес Уолдо, — решать только мне.

— Ладно, — с сомнением произнес Стивенс, — я попытаюсь.

— Надеюсь, у вас получится.

Стивенс перезвонил через полчаса.

— Я не смогу привезти Рамбо.

— Вы просто ни на что не годны!

Стивенс покраснел, но сдержал гнев.

— Не будем переходить на личности. Он исчез. До больницы его не довезли.

— Что?

— Это самая невероятная часть истории. Его увезли на специальных носилках. Он был прикручен к ним так, словно на него надели корсет. Я сам видел, как его привязывали. Но когда они приехали, оказалось, что его нет. Санитары говорят, что все жгуты, которыми его привязали, остались на месте.

— Бред! Этого не может быть, — начал было говорить Уолдо, но Стивенс прервал его.

— Я не рассказал ещё и половину того, что произошло. Я сам очень хотел поговорить с ним. И внимательно осмотрел всю его лабораторию. Вы знаете о том комплекте декальбров, которые свихнулись ... ну, те, которые были заколдованы?

— Знаю.

— У Рамбо есть второй комплект, который ведет себя точно так же!

В течение некоторого времени Уолдо молчал, затем медленно произнес:

— Доктор Стивенс...

— Да?

— Я хочу поблагодарить вас за предпринятые усилия. Пожалуйста, пришлите мне оба комплекта декальбров немедленно. Сюда.

Сомнений больше не оставалось никаких. Как только он увидел их собственными глазами, понаблюдая за необъяснимыми движениями антенн, подверг их всевозможным тестам, Уолдо был вынужден прийти к выводу: он столкнулся с новым явлением. Явлением, о котором не имел ни малейшего представления и закономерности которого были ему неизвестны. Если только они вообще существовали...

Уолдо был честен сам с собой, когда видел то, что видел. А он видел, что новое явление нарушило все закономерности.

сти. Те закономерности, которые он считал существенными и неизблемыми. Те, которые раньше не имели исключений. Он признался себе, что первоначальные сбои в работе декальбров нужно рассматривать как чудовищное попрание законов физики. Как и необычное поведение "заколдованных" декальбров. Разница заключалась в том, что один из феноменов можно было наблюдать, а другой — нет.

Вполне очевидно, доктор Рамбо обнаружил то же самое. Уолдо рассказали, что доктор пришел в невероятное возбуждение, только взглянув на странное поведение рецептов де Кальба.

Уолдо было жаль, что доктор Рамбо исчез. Рамбо — сумасшедший произвел на него гораздо более глубокое впечатление, чем Рамбо в трезвом уме. Очевидно, он обладал все-таки некоторыми способностями, раз обнаружил *что-то*. Уолдо вынужден был признать, что Рамбо за это время выяснил гораздо больше, чем он сам, но это довело его до сумасшествия.

Уолдо не боялся, что опыт Рамбо, каким бы он ни был, может отразиться на его собственном рассудке. И эта самоуверенность была полностью оправдана: параноидальных склонностей Уолдо было как раз достаточно, чтобы защититься от влияния недружелюбного мира. Они давали ему возможность приспосабливаться к таким ситуациям, которые невозможно было перенести. Однако эти склонности были не более патологическими, чем мозоль или приобретенный иммунитет.

По крайней мере, оказавшись в какой-нибудь нестандартной ситуации, он был гораздо хладнокровнее, чем большинство его современников. Уолдо как будто был рожден для несчастий. Дом, в котором он жил, — яркое свидетельство терпения и бесстрашия, с которыми Уолдо побеждал мир, так и не сумев к нему приспособиться.

Иногда ему казалось, что он исчерпал все возможности в исследовании странных изгибов металлических антенн. Рамбо был недостижим и ответить на вопросы не мог. Очень хорошо, значит, остается только один человек, который знает об этом больше, чем сам Уолдо. Его надо найти. Уолдо снова позвонил Стивенсу.

— Что-нибудь слышно о Рамбо?

— Ни слова, ни звука. Я начинаю думать, что бедняга мертв.

— Возможно. Этот знахарь, друг вашего заместителя... Его фамилия Шнайдер?

— Грэмпис Шнайдер.

— Да, правильно. Не могли бы вы организовать нам разговор?

— По телефону или вы хотите его увидеть лично?

— Мне бы, конечно, хотелось, чтобы он приехал сюда, но я понимаю, что он стар и немощен. Может оказаться, что он не в силах оторваться от Земли. А если у него боязнь открытого космического пространства или невесомости, какой от него здесь будет толк?

— Я узнаю, что можно предпринять.

— Очень хорошо. Изучите проблему. И еще, доктор Стивенс...

— Да?

— Если окажется, что разговор может проводиться только по телефону, организуйте доставку аппаратуры со стереоизображением. Я хочу видеть все максимально полно и при наиболее благоприятных условиях.

— О'кей.

— Только представь себе, — сказал Стивенс Маклеоду, когда канал связи отключился, — "Я — Великий" заботится о чем-то удобстве.

— Толстяк, видно, заболел, — решил Маклеод.

— Очень похоже. Однако это больше касается тебя, чем меня, Мак. Пошли со мной. Поседем в Пенсильванию.

— А как насчет работы?

— Скажи Карузерсу, пусть выкручивается сам. Если что-нибудь тут взорвется, мы все-равно ничем не сможем помочь.

Стивенс появился на экране в конце дня.

— Мистер Джонс, — начал он...

— Да, доктор?

— То, о чем вы просили, невозможно выполнить.

— Вы имеете в виду, что Шнайдер не может приехать во Фрихолд?

— Именно это, но еще и другое: вы не можете с ним поговорить по видеофону.

— Он, что — мертв?

— Нет. Я хотел сказать, что он не будет разговаривать по видеофону ни при каких обстоятельствах. Ни с вами, ни с кем-либо еще. Он сказал, что ему очень жаль, но он органически не переносит ничего подобного: ни камер, ни

видеокамер, ни телевизоров. Список можно продолжить. Он считает их опасными. Боюсь, он от своих предрассудков не откажется.

— Как посол, доктор Стивенс, вы оставляете желать лучшего.

Стивенс посчитал до десяти, затем ответил:

— Уверю вас, я сделал все, что было в моих силах, попытаюсь выполнить вашу просьбу. Если вы не удовлетворены качеством моего сотрудничества, могу вам предложить поговорить с мистером Глисоном, — и он выключил связь.

— Думаю, вам хочется свернуть ему челюсть, — мечтательно заметил Маклеод.

— Мак, иногда ты читаешь мысли.

Уолдо попытался добиться своего еще раз, через своих агентов, но получил точно такой же отказ. Ситуация для него была почти невыносима. Прошли многие годы с тех пор, как он впервые не смог купить человека, запугать, обмануть или, по крайней мере, убедить. Купить — не удалось. Инстинктивно он понимал, что Шнайдером не может двигать жадность. А как можно запугать или обмануть человека, которого нельзя увидеть и с которым нельзя поговорить?

Дело зашло в тупик — выхода не было. Значит, нужно забыть. Ситуация такова, когда говорят: "судьба хуже смерти".

Нет. Нет, только не это. Не нужно вообще думать об этом. Лучше забросить все, признать, что он выдохся, и сказать об этом Глисону.

Прошло семнадцать лет с тех пор, как он последний раз был на поверхности Земли, и ничто не заставит его подвергнуть свое тело невыносимым пыткам гравитационного поля. Ничто!

Оно может даже убить его. Он может задохнуться! Нет!

И он, как пухленький Купидон, грациозно перелетел через пространство мастерской. Лишиться этой свободы, даже на время, и оказаться мучительно связанным? Смешно! Ничто этого не стоит.

Это все равно, что просить человека, боящегося высоты, взбираться на скалы или требовать от страдающего клаустрофобией брать интервью в самой глубокой шахте мира.

— Дядюшка Гус?

— Привет, Уолдо. Рад, что ты позвонил.

— Безопасно ли для меня спуститься на Землю?

— М-м? Как это? А ну-ка повтори. Я не понял.

— Я спросил, не повредит ли мне поездка на Землю.

— Сегодня ужасная связь, — сказал Гримс. — Мне показалось, ты сказал, будто собираешься спуститься на Землю, так что ли?

— Именно.

— В чем дело, Уолдо? Ты здоров?

— Я чувствую себя прекрасно, но я должен увидеть человека, который живет на поверхности Земли. Другого способа поговорить с ним нет. Поездка будет мне вредна?

— Думаю, что нет. В конце концов, ты ведь здесь родился. Однако нужно соблюдать осторожность. Ведь у тебя сердце заплывало жиром.

— О боже! Это *опасно* или нет?

— Да нет. Хватит об этом! Просто не нужно перенапрягаться. И следи за своими эмоциями. Будь сдержаннее.

— Буду. Безусловно, буду... Дядюшка Гус...

— Да?

— Может, ты поедешь со мной и поможешь мне пройти через все это?

— О, думаю, в этом нет никакой необходимости.

— Пожалуйста, дядюшка Гус. Я никому не доверяю.

— Пора тебе повзрослеть, Уолдо. Ладно, на этот раз поеду.

— Запомните, — сказал Уолдо пилоту, — абсолютное ускорение не должно превышать 1,1g даже при посадке. Я буду все время наблюдать за показаниями приборов.

— Я был водителем на скорой помощи, — ответил пилот, — в течение двенадцати лет, ни разу не причинив пациенту никаких неприятностей или неудобств.

— Это не ответ. Понимаете? Один и одна десятая. Ускорение даже не должно приближаться к этой цифре, пока мы над стратосферой. Тихо, Бальдур! Перестань обнюхивать!

— Понял.

— Надеюсь. Ваша плата зависит именно от этого.

— Может, вы хотите управлять сами?

— Мне не нравится ваш подход, мой дорогой. Если я умру в этой консервной банке, вы никогда не найдете себе работы.

Пилот что-то пробормотал.

— Что вы сказали? — требовательно спросил Уолдо.

— Ладно, я сказал, может, и стоит, чтоб так произошло.

Уолдо стал медленно краснеть и открыл было рот, но Гримс оборвал его.

— А ну-ка полегче, Уолдо! Побереги сердце.

— Хорошо, дядюшка Гус.

Гримс пробрался вперед, пригласив жестом пилота идти за ним.

— Не обращайтесь внимания на то, что он говорит, — тихо посоветовал Гримс пилоту, — кроме того, запомните, что он сказал по поводу ускорения. Уолдо действительно может умереть от большего.

— Не думаю, чтобы что-то произошло. Но я буду очень осторожен.

— Хорошо.

— Я готов войти в корабль, — позвал Уолдо. — Дядюшка Гус, ты можешь мне?

Это была не стандартная цистерна для снижения ускорения, а устройство совершенно иной модификации, построенное для этой единственной поездки. По форме оно напоминало гроб невероятных размеров и началось на шарнирах, чтобы все время находиться в нормальном положении относительно оси абсолютного ускорения. Уолдо плавал в воде, и таким образом уменьшалась гравитация и вес его жирного тела. На нем был водонепроницаемый чехол. Голову и шею поддерживала специальная подставка, полностью повторявшая очертания этих частей тела. Пластины для спины находились под водой, а подвижная пластина для грудной клетки — над ее поверхностью.

Гримс находился рядом, держа в руках шприц, наполненный неоадренином. Для дока было сделано сидение в левой части цистерны. Бальдур был привязан к специальной полке справа. Он служил противовесом Гримсу.

Убедившись, что все в порядке, Гримс обратился к пилоту:

— Можете стартовать.

— О'кей. — Пилот закрыл входной шлюз. Переходной шлюз-рукав сложился и втянулся в стену Фрихолда, закрыв вход. Они стартовали довольно мягко.

Уолдо закрыл глаза. Выражение неимоверного страдания появилось у него на лице.

— Дядюшка Гус, а если декальбы откажут?

— Неважно. У корабля скорой помощи страховочный запас прочности в шесть раз выше, чем у всех остальных.

— Ты уверен? Уверен?

Когда Бальдур ощутил тяжесть, он заскулил. Гримс начал с ним разговаривать, успокаивая. По мере того как корабль погружался в гравитационное поле Земли, абсолютное ускорение возрастало, хотя скорость корабля не изменилась. Но собака ощущала, как тяжесть медленно наполняет все ее тело. И так как она не понимала, что происходит, ей это очень не нравилось. Тяжесть ее пугала, и она начала лаять.

Уолдо открыл глаза:

— Милосердные небеса! — простонал он. — Можешь ты что-нибудь сделать? Бальдур, наверное, умирает.

— Посмотрим. — Гримс расстегнул ремень безопасности и двинулся в другой конец цистерны. Равновесие в цистерне нарушилось, и Уолдо стукнуло о борт.

— О! — закричал он. — Осторожней!

— Ну, тихо, тихо. — Гримс гладил голову собаки, разговаривая с ней. Когда та успокоилась, Гримс захватил кожу между лопатками и ввел лекарство, потом помассировал место укола.

— Ну, ну, старина. Сейчас тебе станет легче.

Его обратное движение привело к тому, что Уолдо качнуло в другую сторону, но тот перенес это со стоическим видом мученика.

Скорая помощь сделала всего один рывкообразный маневр во время вхождения в атмосферу. И Уолдо, и пес взвизгнули.

— Частный корабль, — крикнул в ответ пилот. — Не обратил внимания на мои габаритные огни. — И он пробормотал что-то про женщин за рулем.

— Это не его вина, — сказал Гримс Уолдо. — Я видел.

Пилот посадил корабль с изысканной легкостью на специально подготовленную площадку между шоссе и домом Шнайдера. Их там ждала группа людей. Под руководством Гримса они высвободили Уолдо из цистерны и вынесли на открытый воздух. Это было выполнено очень медленно и осторожно, но все-таки им не удалось полностью избежать легких ударов и толчков. Уолдо выдержал все стоически и молча, но из-под закрытых век у него покатились слезы.

Оказавшись снаружи он спросил:

— Где Бальдур?

— Я его отвязал, — ответил Гримс, — но он за нами не пошел.

— Сюда, Бальдур! Ко мне, мой мальчик! — хрипло крикнул Уолдо.

Внутри корабля собака услышала голос хозяина, подняла голову и гавкнула. Бальдур все еще ощущал невероятную слабость и боль, однако начал ползти вперед на брюхе, послушный зову хозяина. Гримс вовремя подоспел и увидел, что происходит.

Собака доползла до края полки и сделала попытку прыгнуть в ту сторону, откуда слышался голос хозяина. Зная только один способ двигаться вперед, она им и воспользовалась. Бальдур безусловно ожидал, что пролетит через дверной проем и приземлится перед кораблем. Вместо этого он упал на несколько футов вниз, возвестив о своем неожиданном падении истошным воем; приземлился он очень болезненно и неуклюже, ударившись о пол вытянутыми для прыжка передними лапами.

Он лежал там, где приземлился, не издавая при этом ни звука и даже не пытаясь двигаться. Пса била сильная дрожь.

Гримс подошел к нему и внимательно осмотрел. Животное не получило никаких серьезных повреждений. Убедившись в этом, он вернулся.

— С Бальдуrom произошел маленький несчастный случай, — сказал он Уолдо. — Теперь все в порядке, но чертова скотина не умеет ходить. Лучше бы ты оставил его дома.

Уолдо медленно покачал головой.

— Я хочу, чтобы он был со мной. Скажи, чтобы его перенесли сюда.

Гримс взял несколько человек себе в помощь и попросил у пилота носилки.

— Не уверен, что мне хочется делать это, — сказал один. — Собака выглядит очень злобной. Посмотрите на ее глаза.

— Нет, он не злой, — уверил его Гримс. — Просто он до смерти боится. Смотрите, я буду держать его голову.

— Что с ним? То же самое, что с толстяком?

— Нет, он абсолютно здоров и очень силен. Просто он никогда не умел ходить. Это первая поездка на Землю.

— Что-то не пойму ничего.

— Я знаю о подобном случае, — вступил в разговор второй. — Пес, выросший в Лунополисе, первую неделю на Земле вообще не мог двигаться. Сидел, выл и все делал под себя.

— То же самое и с этим, — мрачно заметил первый.

Они принесли Бальдура и положили рядом с Уолдо. С невероятным усилием Уолдо приподнялся на локте, вытянул руку и положил ее на голову бедного животного.

— Ну-ну! — прошептал он. — Тебе очень плохо, да? Ничего, старина, ничего.

Бальдур слабо повилял хвостом.

Уолдо несли четыре, а Бальдура два человека. Грэмпис Шнайдер ждал их возле входа в дом. Он ничего не сказал, когда они приблизились, а просто показал, чтобы Уолдо занесли внутрь. Двое, которые несли собаку, заколебались.

— Его тоже, — сказал Шнайдер.

Когда все и даже Гримс вернулись к кораблю, Шнайдер заговорил.

— Добро пожаловать, мистер Уолдо Джонс.

— Спасибо, что вы меня приняли, дедушка Шнайдер.

Старик грациозно, с достоинством кивнул, но промолчал. Он подошел к подстилке, на которой лежал Бальдур. Уолдо почувствовал необходимость предупредить старика, что для незнакомого человека животное может быть опасным, но какая-то странная скованность (может, ослабляющее воздействие гравитационного поля) не дала ему вымолвить ни слова. Потом он увидел, что волноваться незачем.

Бальдур перестал скулить, поднял голову и стал облизывать подбородок Грэмписа Шнайдера, радостно виляя хвостом. Внезапно Уолдо ощутил приступ ревности. Никогда раньше Бальдур не принимал и не подпускал к себе никого без специальной команды Уолдо. Это было настоящее предательство! Однако он подавил резкую обиду и постарался холодно расценить это происшествие, как свое тактическое преимущество.

Шнайдер наконец оттолкнул собачью морду, чтобы пес не мешал, и начал тщательно осматривать, опупывать, надавливать на определенные точки, сгибать и разгибать суставы. Он схватил его за морду, растянул губы и осмотрел десны. Отвернул веко. Потом, оставив собаку, подошел к Уолдо.

— Собака здорова, — сказал он. — Просто её мозг в растерянности. Чем это вызвано?

Уолдо рассказал о Бальдуре, о его необычной судьбе. Шнайдер понимающе кивнул — Уолдо не мог определить: все тот понял или нет — и посмотрел на Уолдо.

— Нехорошо такому большому парню лежать в койке. Слабость — сколько лет она тебя мучает?

— Всю жизнь, дедушка.

— Это плохо. — Шнайдер стал изучать его точно так же, как только что осматривал Бальдура.

Уолдо, чье чувство собственной неприкосновенности было гораздо более сильным, чем у обычного, даже очень эмоционального человека, вынес это стоически. Он чувствовал: это необходимо, чтобы умаслить странное создание. Совсем не нужно настраивать его против себя.

Чтобы отвлечься от унижения, которому его подвергали и которому он подчинился, Уолдо решил лучше узнать старого знахаря и стал рассматривать его жилище. Комната, в которой они находились, соединяла в себе кухню и гостиную. Захламленная, довольно узкая, но очень длинная. Над всей кухонной частью доминировал камин, заложенный кирпичом, а дымоход печной топки был выведен в трубу. Камин был какой-то кривобокий. Печь была пристроена к правой его стороне. С левой стороны находилось что-то, напоминающее короткий прилавок, поддерживающий крошечную раковину. Над раковиной был рукомойник, крепившийся к прилавку.

"Либо Шнайдер старше, чем выглядит, а это кажется невероятным, либо он получил этот дом в наследство от кого-то, давно умершего", — решил Уолдо.

Часть комнаты, отведенная под гостиную, была завалена разбросанными вещами. Просто невозможно было себе представить, чтобы такой беспорядок царил в новых домах. На полу громоздились ящики, забытые книгами; книги стопками лежали на полу и на стульях. Старинный деревянный письменный стол, на котором стояла старомодная механическая пишущая машинка, был завален бумагами и полностью занимал один из углов. Над ним на стене висели резные часы, чем-то напоминающие домик. Над циферблатом были расположены две маленькие дверцы. Пока Уолдо их рассматривал, крохотная деревянная птичка, выкрашенная в ярко-красный цвет, выглянула из левой дверцы, пропела "свуусвоо!" четыре раза и резко спряталась за дверкой. Сразу же из правой дверцы показалась серая птичка, лениво сказала три раза "Ку-ку" и спряталась. Уолдо решил, что ему обязательно нужны такие же часы. Конечно, маятник не будет работать во Фрихолде, однако он свободно может сделать для них специальную

раму, с ускорением в 1 g, внутри которой будет создано псевдоземное притяжение.

Ему даже не пришло в голову имитировать движения маятника при помощи скрытого источника энергии. Он любил, чтобы вещи работали так, как должны работать.

Узкая арка служила входом в другую комнату. Но Уолдо не мог хорошо ее рассмотреть. Дверной проем закрывала занавеска из длинных разукрашенных бус.

Комнату наполняли разные запахи, в основном, несвежести и плесени.

Шнайдер выпрямился и посмотрел на Уолдо.

— С твоим телом все в порядке.

— Мне очень жаль, дедушка, — слабо покачал головой Уолдо, — я не могу.

— Ты должен найти в себе силы и заставить их служить тебе. Попробайся.

— Простите. Но я не знаю, как.

— Вот в этом и заключается единственная проблема. Если человек не знает, тогда все сомнительно. Ты послал свою силу в Другой Мир. Теперь ты должен отправиться туда и потребовать ее обратно.

— А где Другой Мир, дедушка?

Шнайдер несколько заколебался, прежде чем ответить, словно подбирая нужные слова.

— Другой Мир, — в конце концов сказал он, — это мир, который ты не видишь. Он и здесь и там, он повсюду. Но особенно — здесь, — он прикоснулся ко лбу. — Наш разум сидит в нем и посылает свои приказы телу. Жди.

Он отошел к небольшому буфету и вынул из него горшочек. В нем была мазь или суспензия, которой он намазал руки. Потом он опять подошел к Уолдо и опустился перед ним на колени. Взяв руку Уолдо в свои, он начал ее очень осторожно массировать.

— Пусть твой ум успокоится, — говорил он. — В тебя входит сила. Другой Мир рядом и полон силы. Почувствуй ее.

Ощущение было очень приятным для усталых мышц Уолдо. Мазь или прикосновение рук старика вызывали теплую расслабляющую дрожь. "Если бы он был моложе, — подумал Уолдо, — я бы нанял его массажистом. У него магнетическое прикосновение".

Шнайдер поднялся и сказал:

— Ну, теперь тебе должно полегчать. Отдохни, пока я приготовлю кофе.

Уолдо откинулся назад с чувством удовлетворения. Он очень устал. Помимо того, что сама поездка вызвала нервное напряжение, он вдобавок все еще находился под влиянием этого проклятого тяготения, словно муха, попавшая в банку меда. Однако манипуляции Грэмпа Шнайдера погрузили его в сонное, расслабленное состояние.

Наверное, он задремал, потому что последнее, что он помнил, это как Шнайдер бросил в кофейник яичную скорлупу. Потом старик оказался рядом с ним, в одной руке он держал кофейник, а в другой — чашку, из которой шел пар. Он поставил их, потом взял три подушки, подложил их под спину Уолдо и предложил ему чашку кофе. Уолдо с трудом вытянул обе руки, чтобы взять чашку, но Шнайдер отвел одну в сторону.

— Нет, — сказал Шнайдер, — одной руки — и то много. Делай, как я показываю. Дотянись до Другого Мира за силой.

Он взял одну руку Уолдо и положил ее на ручку чашки, поддерживая руку Уолдо своей. Другой рукой он мягко гладил правую руку Уолдо, начиная от плеча к кончикам пальцев. Тот снова почувствовал разливающееся тепло.

Уолдо был очень удивлен, что держит чашку сам. Это был приятный триумф. Семнадцать лет тому назад, когда он покидал Землю, у него была устоявшаяся привычка ничего не брать, даже не тянуться за чем-либо одной рукой. Во Фрихолде, конечно, он довольно часто управлялся с небольшими предметами одной рукой, без помощи уолдо. Годы практики, должно быть, усилили контроль. Превосходно!

Поэтому, очень гордясь самим собой, он выпил полную чашку, держа ее одной рукой и изо всех сил стараясь не опрокинуть на себя. Кофе был очень вкусным. Ему пришлось признать, что он ничуть не хуже, чем тот, который он готовит из самых дорогих концентрированных экстрактов. Даже ароматнее.

Когда Шнайдер предложил ему печенье, обсыпанное коричневым сахаром и корицей и только что разогретое, он важно взял его левой рукой, не попросив, чтобы у него забрали чашку. Уолдо продолжал пить и есть, а между глотками опирался локтями о края носилок.

Окончание церемонии кофепития показалось ему хорошим моментом для начала разговора о декальбах. Шнайдер подтвердил, что он знает Маклеода и вспомнил, однако, не очень отчетливо, что привел в порядок помело Маклеода.

— Хью Дональд — хороший парень, — сказал он. — Машин я не люблю, но мне доставляет удовольствие чинить мальчишкам все, что у них ломается.

— Дедушка, — начал Уолдо, — может, вы мне скажете, как починить корабль Хью Дональда?

— А у тебя есть корабль, который нужно починить?

— У меня очень много кораблей, которые я взялся починить. Но должен признаться, что я не могу это сделать. Я приехал к вам, чтобы узнать, как это делается.

Некоторое время Шнайдер обдумывал слова Уолдо.

— Это трудно. Я могу показать, но это не значит, что ты сможешь это сделать. Тем более это совсем не то, о чем ты думаешь. Умения можно добиться, только часто практикуясь.

Должно быть, Уолдо выглядел озадаченным, потому что старик внимательно взглянул на него и добавил:

— Считается, что есть два способа восприятия окружающего нас мира да и всего вообще. Однако это и правильно, и неправильно, поскольку на самом деле существует очень много способов. Некоторые из них — хорошие, а некоторые — плохие. Любая вещь может в одно и то же время или существовать, или нет.

Попрактиковавшись хорошенько, можно смотреть на мир с двух точек зрения. Иногда какая-нибудь вещь, которая существует для этого мира, не существует для Другого Мира. А это очень важно, потому что мы живем в Другом Море.

— Живем в Другом Море?

— А как еще мы можем жить? Разум — это ведь не мозг. Разум в Другом Море, а в этот мир он попадает только через наше тело. Это один из истинных способов подходить ко всему, но не единственно правильный.

— А относительно реценкторов де Кальба существует тоже несколько подходов?

— Конечно.

— Если бы у меня был комплект неработающих декальбов прямо здесь, вы бы показали как смотреть на них?

— Зачем их сюда тащить? — сказал Шнайдер. — Я не хочу, чтобы у меня в доме были машины. Я нарисую тебе картинку.

Уолдо хотел было настоять на своем, однако подавил это желание.

"Ты пришел сюда как проситель", — сказал он себе.

Шнайдер вытащил карандаш и лист бумаги, на котором он тщательно изобразил пучок антенн и основные оси корабля. Да, набросок был достаточно точным, если не считать, что в нем отсутствовали некоторые важные детали.

— Вот эти пальцы, — показал Шнайдер на рисунке, — глубоко погружаются в Другой Мир, чтобы вытянуть силу. А она, в свою очередь, проходит через этот столб, — ткнул он пальцем в ось, — где и используется для движения корабля.

"Совершенно точное аллегорическое объяснение", — подумал Уолдо.

Рассматривая Другой Мир просто как термин, описывающий гипотетический эфир, объяснение Шнайдера можно считать не только правильным, но и исчерпывающим. Однако оно Уолдо ничего не говорило.

— Хью Дональд, — продолжал Шнайдер, — был усталым и раздраженным. И нашел только плохую истину.

— Вы хотите сказать, — медленно начал Уолдо, — что корабль Маклеода вышел из строя, потому что он об этом думал и волновался?

— А с чего же еще?

Уолдо был не готов ответить на такой вопрос. Ему стало ясно, что у старика есть какие-то странные суеверия, предрассудки. Тем не менее, он все-таки может показать Уолдо, что нужно делать, даже, если он не знает *почему* так происходит.

— А что вы сделали, чтобы изменить это?

— Я ничего не менял. Я нашел другую истину.

— Но как? Мы обнаружили несколько отметок мелом...

— А, те? Я их делал просто для того, чтобы лучше сконцентрировать внимание в нужном направлении. Я проводил их вот так, и он провел карандашом линии на рисунке. — Я просто обдумывал, как пальцы тянутся, чтобы добраться до силы. Они именно так себя и вели.

— И это все? Больше ничего?

— По-моему, этого достаточно.

— "Либо старик не знает, как он починил декальбы, — подумал Уолдо, — либо он здесь совершенно ни при чем. Просто чистое, почти невероятное совпадение".

Он поставил пустую чашку на край носилок. Металлический край удерживал ее вес, а его пальцы просто поддер-

живали равновесие. Но в какой-то момент Уолдо, поглощенный разговором и своими размышлениями, перестал контролировать себя. Чашка выскользнула из его усталых пальцев, упала на пол и разбилась.

— О, простите меня, — раздосадованно сказал он. — Дедушка, я пришлю вам другу.

— Не надо. Я почию ее. — Шнайдер тщательно собрал все осколки и положил на письменный стол. — Ты устал. И это плохо. Это заставляет тебя терять то, что ты приобрел. Теперь отправляйся к себе домой, а когда отдохнешь, то сможешь сам практиковаться в получении силы.

Уолдо это показалось неплохой мыслью. Он ощущал все большую усталость, к тому же ему стало абсолютно ясно, что ничего нового и интересного от этого старого симпатичного мошенника больше не добьешься. Он достаточно энергично, но неискренне пообещал упражняться, пытаться добраться до силы, а затем попросил Шнайдера оказать ему услугу и позвать санитаров.

На обратном пути ничего не произошло — полет прошел очень гладко. К тому же у Уолдо не было настроения придирается к пилоту.

Тупик. Полный тупик. Машины, которые не работают, хоть и должны. И машины, которые работают, но совершенно невероятным образом. И не к кому обратиться, кроме старика с туманом в голове. Уолдо очень вяло и равнодушно работал в течение нескольких дней, продублировав, в основном, предыдущие исследования. Не признавая себе, что он топчется на месте, не зная, что делать. Что это он, в самом деле, как выжатый лимон? Ему не остается ничего другого, как позвонить Глисону и признать свое поражение.

Два "заколдованных" набора декальбров, когда их немного активизировали, продолжали функционировать, сопровождая свою работу странными и невероятными движениями изгибающихся антенн. Декальбы, которые вышли из строя и были ему присланы для исследований, до сих пор отказывались действовать. А те, которые еще работали, прекрасно это делали без всяких сомнительных и отвратительных вихляний.

В который раз он взял небольшой набросок Шнайдера и стал изучать.

"Существует еще одна возможность, — размышлял он. — Вернуться на Землю и настоять на том, чтобы Шнайдер

сделал *это* в его присутствии. Пусть повторит действия, которые заставили декальбы заработать".

Теперь он знал: нужно было настоять на этом в первый раз, но он был настолько раздавлен и поглощен борьбой с дьявольски мощным полем, что ему не хватило тогда сил и воли.

Может, он заставит Стивенса сделать это? Тогда появится возможность отснять весь процесс, а потом можно будет его изучить. Но нет. У старика есть стойкое предубеждение против любых искусственных образов, против съемок.

Он осторожно подлетел к одному из неработающих декальбов. То, что, по словам Шнайдера, он будто бы сделал с декальбами, до нелепости просто. Старик провел отметки мелом на каждой антенне *вот так*. *И это привело их в порядок. Затем он посмотрел на них сверху и подумал, что они "начинают тянуться к энергии" Другого Мира, вытягивая...*

Бальдур стал яростно лаять.

— Заткнись, дурак! — прикрикнул Уолдо, не спуская глаз с антенн.

Каждый отдельный металлический ус начал извиваться, вытягиваясь. Послышался низкий ровный гул идеально работающих рецепторов.

Уолдо все еще размышлял об этом, когда ожил канал телевизионной связи. Он никогда не находился на грани сумасшествия, как это случилось с Рамбо. Тем не менее напряженно размышляя над проблемой, он ощутил вскоре сильную головную боль. Он был еще несколько не в себе, когда, наконец, включил канал связи.

— Да?

— Хэлло, мистер Джонс, — произнес появившийся на экране Стивенс. — М-м, нас интересовало... мы хотели...

— Ну, говорите!

— Ладно, насколько вы приблизились к решению? — выпалил Стивенс. — Боюсь, решение становится неотложной задачей.

— В чем дело?

— В Большом Нью-Йорке вчера ночью произошло частичное прекращение подачи энергии. К счастью, это случилось не на пике нагрузки, и наземные службы смогли установить запасные комплекты, прежде чем накопители

опустошились. Однако можете себе представить, что бы произошло, если бы это случилось в час пик. По моему отделу число аварий за последние несколько недель удвоилось. Наша страховая компания уже заметила это. Поэтому нужны результаты — и очень быстро.

— Вы получите результаты, — щедро пообещал Уолдо. — Я на завершающей стадии исследований.

На самом деле он совсем не был в этом уверен, однако Стивенс раздражал его гораздо больше, чем все безволосые обезьяны.

На лице Стивенса промелькнули сомнение и неуверенность.

— Полагаю, вам совершенно не хочется наметнуть, даже в самых общих чертах, на возможное решение?

Нет, Уолдо не намерен этого делать. И потом — это такое удовольствие водить Стивенса за нос.

— Подвиньтесь ближе к приемнику, доктор Стивенс. Я скажу. — Уолдо и сам наклонился как можно ближе, пока они не оказались почти нос к носу. — Магия вырвалась на свободу, — торжественно произнес он и тут же отключил канал связи.

Внизу, на Земле, в подземном лабиринте одного из североамериканских заводов, Стивенс тупо глядел на пустой экран.

— В чем дело, шеф? — спросил Маклеод.

— Не знаю. Честно, не знаю. Но, я думаю, толстяк спятил, точно так же, как Рамбо.

— Как мило! — расплылся от удовольствия Маклеод. — Я всегда его считал просто придурком.

— Тебе лучше бы помолиться, чтобы он не сбрендил! — очень серьезно заметил Стивенс. — Мы от него зависим. А теперь дай-ка я посмотрю объяснительные записки и отчеты.

"Магия вырвалась на свободу". Это объяснение было ничем не хуже, чем все остальные. Причинно-следственные связи распались, священные законы физики больше не действуют. Магия. Если слушать Грэмпса Шнайдера, то все зависит только от того, как на нее смотреть, как к ней относиться.

Безусловно, Шнайдер знал, о чем говорил, хотя не имел ни малейшего представления о физической теории, на основе которой работали декальбы.

Погоди-ка минуточку! Погоди! Наверное, он подходил к этой проблеме неправильно. Он начал ею заниматься, имея уже определенную точку зрения. Точку зрения, которая вызывала критическое отношение к словам старика, к его утверждениям — Уолдо был уверен, что знает гораздо больше об этой проблеме, чем Шнайдер. Конечно, чтобы удостовериться, он поехал на встречу с ним, при этом, однако, считая его колдуном или знахарем из отдаленной провинции. То есть, человеком, обладающим какой-то небольшой, но полезной для Уолдо информацией, однако изначально невежественным и суеверным.

Теперь, предположим, ему нужно рассмотреть всю ситуацию с другой точки зрения. Попробуем представить себе, что все, сказанное Шнайдером, — голые факты, проливающие свет на проблему, а не аллегории и предрассудки...

И он на несколько часов погрузился в интенсивные размышления.

Во-первых, Шнайдер использовал термин "Другой Мир" и довольно часто. Что скрывается под этими словами? "Мир" — это пространственно-временной энергетический континуум. "Другой Мир" -- таким образом, континуум, но отличающийся от того, в котором мы находимся. Теоретическая физика в этом утверждении не найдет ничего предосудительного. Возможность существования бесконечного числа континуумов — вполне нормальное, можно даже сказать, ортодоксальное утверждение.

Но подразумевал ли Грэмис Шнайдер именно это? Буквальное, физическое значение термина "Другой мир"? После долгих размышлений Уолдо пришел к выводу, что это, по-видимому, так, хотя старик и не использовал общепринятую научную фразологию. "Другой Мир" — звучит поэтически. Но если мы говорим "дополнительный континуум"—это уже предполагает физическое значение. Его подвела терминология.

Шнайдер сказал, что Другой Мир — вокруг нас, здесь, там, повсюду. Ладно, разве это не точное описание окружающего нас пространства в соотношении 1:1? Такое пространство может находиться к нашему миру так близко, что расстояние между ними будет ничтожно малым. Однако оно недостижимо и его нельзя заметить. Точно так же, как две абсолютно оторванные друг от друга, но бесконечно близкие плоскости можно считать существующими одновременно.

Не то чтобы Другой Мир был недосягаем. Шнайдер утверждал, что его можно достичь. Идея фантастична, однако может быть принята за основу в целях исследования. Шнайдер предположил... нет, *утверждал*, что все зависит от подхода, мировоззрения.

Действительно ли это настолько фантастично? Континиум находится на неизмеримо малом расстоянии, но его совершенно невозможно ощутить физически. Будет ли так уж странно предположить, что его очень просто достичь при помощи подсознательной деятельности мозга? Вся проблема очень запутана, и одним небесам известно, как на самом деле работает мозг. Больше этого не знает никто. Каким идиотом нужно быть, чтобы пытаться описать создание симфонии в терминах механики или коллоидов. Просто смешно! Нет, никто не знает, как работает мозг. А это — просто еще одна необъяснимая способность мозга, не такая уж невероятная, чтобы ее нельзя было допустить.

Может быть, наши представления о том, что такое сознание и процесс мышления, совершенно нелепы?

Ладно, Макисод вывел из строя свой корабль, Шнайдер починил его. А дальше?

Он пришел к предварительному выводу почти сразу же. Сбои других декальбов скорее всего были сбоями со стороны операторов. Скорее всего, операторы были измотанными и усталыми, о чем-то беспокоились и некоторым образом заражали декальбы своими проблемами и неприятностями. Для удобства давайте предположим, что декальбы являются непосредственным звеном связи с Другим Миром. Боже, вот это терминология! Однако так он смог нарисовать себе картину.

Гипотеза Гримса! "Измотанные, усталые, беспокоящиеся о чем-то". Еще не доказано, но он был уверен — здесь что-то есть! Эпидемия аварий была просто еще одним аспектом общей миастении, вызванной коротковолновой радиацией.

Если это правда...

Он включил канал видеосвязи с Землей и потребовал немедленного разговора со Стивенсом.

— Доктор Стивенс, — сразу начал он, — существует предварительная мера предосторожности, которую нужно применить прямо сейчас.

— Да?

— Во-первых, я хочу узнать у вас следующее: на многих ли частных кораблях выходят из строя декальбы? Каково соотношение?

— Я не могу сейчас предоставить точные данные, — ответил несколько заинтригованный Стивенс. — Но на частных кораблях аварий практически не происходит. Декальбы выходят из строя только на коммерческих линиях.

— Именно это я и подозревал. Частный пилот не полетит, если плохо себя чувствует. Но человек, находящийся на службе, действует независимо от своего состояния здоровья. Проведите специальные физические и психические исследования всех пилотов на коммерческих линиях, летающих на кораблях с декальбами. Запретите полеты всем, кто не находится в превосходной форме. Позвоните доктору Гримсу. Он объяснит, что нужно искать.

— Хорошенький приказ, мистер Джонс. В конце концов большинство этих пилотов не являются нашими служащими. Мы не можем их активно контролировать.

— Это ваша проблема, — пожал плечами Уолдо. — Я рассказываю, как снизить количество аварий в переходный период, пока я не выдам окончательное решение.

— Но...

Конца фразы Уолдо не услышал, так как выключил связь, когда посчитал нужным. Он сразу же обратился к постоянно включенному каналу, использовавшемуся для связи с наземной конторой, где работали его "дрессированные тюлени". Он дал им несколько очень странных указаний — заказы на книги. Старые редкие книги — книги по магии.

Стивенс проконсультировался с Глисоном, прежде чем попытался что-либо предпринимать по просьбе Уолдо.

— И он никак не обосновал свой совет? — с сомнением спросил Глисон.

— Нет. Велел связаться с доктором Гримсом и спросить, что именно мы должны искать.

— Доктором Гримсом?

— Доктором медицины. Это он представил меня Уолдо — наш общий друг.

— Вспоминаю. М-м-м... Снять с полетов людей, которые не работают у нас, будет довольно трудно. Но я думаю, многие из наших крупных партнеров и заказчиков, если мы их попросим и приведем достаточно веские доводы, пойдут на это. А что тебе кажется таким странным?

Стивенс рассказал ему о последнем, необъяснимом замечании Уолдо.

— Не кажется ли вам, что на него это могло оказать такое же влияние, как и на доктора Рамбо?

— М-м-м, возможно. В этом случае следовать его совету было бы неразумно. Что ты еще можешь предложить?

— Честно говоря, ничего.

— Тогда я не вижу другой альтернативы, как последовать совету. Он — наша последняя надежда. Очень слабая, но единственная.

— Я могу поговорить с доктором Гримсом, — несколько оживившись, сказал Стивенс. — Он знает об Уолдо гораздо больше, чем кто-либо.

— Тебе так или иначе нужно с ним проконсультироваться, не правда ли? Очень хорошо — так и сделай.

Гримс выслушал историю без комментариев. Когда Стивенс закончил говорить, Гримс сказал:

— Должно быть Уолдо имеет в виду симптомы, которые я наблюдаю в связи с влиянием коротковолнового воздействия. Это просто. Доказательства можно найти в монографии, которую я пишу. Я тебе уже рассказывал.

Информация не переубедила Стивенса, а только помогла укрепиться в подозрении, что Уолдо утратил способность соображать. Но он ничего не сказал.

— А что касается остального, — продолжал Гримс, — то судя по рассказу, я не считаю, Джимми, что Уолдо не в своем уме.

— Он никогда не казался мне совершенно нормальным.

— Знаю, что ты имеешь в виду. Но его параноидальные склонности напоминают состояние, в которое впал Рамбо не больше, чем куриная слепота похожа на свинку. На самом деле, один психоз предохраняет от другого. Но я поеду и посмотрю.

— Поедете? Очень хорошо!

— Сегодня не могу. У меня сегодня обход пациентов: сломанная нога и какая-то простуда. А еще случай полиомиелита. Лечение я должен закончить к концу недели.

— Док, а почему вы не бросите практику. Вы от нее, наверное, смертельно устаете.

— Я это и сам говорил, когда был моложе. Но около сорока лет назад я перестал лечить болезни, а стал лечить людей. Вот с тех пор я и полюбил это дело.

Уолдо погрузился в водоворот чтения, с невероятной скоростью проглатывая трактаты по магии и связанным с ней дисциплинами. Раньше его никогда не интересовали такие вопросы, а сейчас необходимость разобраться подерживала в нем неослабевающий интерес.

В книгах встречались частые упоминания о Другом Мире. Иногда он назывался Другой Мир, иногда Малый Мир. Будучи уверенным, что этот термин относится к настоящему, материальному, но другому континиуму, он мог заметить, что многие практики запретного искусства придерживались того же буквального смысла. Они давали указания, как использовать Другой Мир.

Было совершенно ясно, что девяносто процентов, если не больше, всей магии — галиматя или чистая мистификация. Он чувствовал, что это относилось не только к теории, но и к практике — магам не хватало научного подхода. Они пользовались однозначной логикой, такой же ошибочной, как и двузначная логика устаревшего детерминизма Спенсера. Там не было и намек на современную, многозначную логику.

Тем не менее, законы смежности, симпатии и гомеопатии некоторым образом, хотя и очень искаженно, можно было соотнести с тем, о чем он читал. Особенно, если рассматривать эти законы относительно концепции другого, отличного от нашего, но достижимого мира. Человек, который имеет доступ в другое пространство, вполне способен верить в логику, по которой предмет в одно и то же время может *быть, не быть, или быть чем угодно*.

Несмотря на путаницу и большое число глупостей, характерных для магических приемов, достижения этого искусства были очень впечатляющими. Здесь использовался целый арсенал средств: кураре и дигиталис (наперстянка), хинин, гипноз и телепатия. А вспомнить хотя бы гидротехнические инженерные приспособления египетских жрецов. Да ведь и сама по себе химия возникла из алхимии, как и большинство современных наук обязаны своим возникновением древним магам. Просто наука отказалась от всего, прямо не относящегося к ней, пропустила себя через пресс двузначной логики и облекла знание в такую форму, которой мог пользоваться каждый.

К несчастью, та часть логики, которая не согласовывалась с четкими категориями методологов девятнадцатого столетия, была отброшена и оставлена за пределами науки.

Она попала в немилость, была забыта и извлекалась на свет Божий только в виде невероятных предрассудков.

Уолдо начал думать о тайных искусствах, как о недоразвитых науках, от которых отказались прежде, чем узнали о них все.

Однако являющиеся характерными для некоторых аспектов магии проявления невероятности, которые он теперь соотносил с гипотетическим дополнительным континиумом, встречались очень часто. Даже в современном мире. Свидетельств этому было огромное количество. Их не нужно было специально искать тем, кто подходил ко всему этому без предубеждения: полтергейсты, камни, падающие прямо с неба, телепортация, "одержимые" люди (то есть, как он считал теперь, люди, по каким-то необъяснимым причинам становившиеся центрами неизвестного), дома с привидениями, странные огни, которые когда-то давно приписывали саламандрам. Существовали сотни подобных, тщательно описанных и подтвержденных документально случаев, которые, однако, отвергались ортодоксальными учеными и наукой как невозможные. Они действительно были невозможны с точки зрения известных законов, но если их рассматривать с точки зрения существования других континиумов, они становятся вполне вероятными.

Он предостерег сам себя от чрезмерного увлечения этой достаточно уязвимой гипотезой существования Другого Мира. Тем не менее, она была вполне адекватна, даже если в результате ее разработки выяснится, что она применима не во всех случаях.

Другое пространство должно иметь иные физические законы — почему не так? Однако, он решил исходить из допущения, что оно во многом похоже на пространство вокруг нас.

Другой Мир может быть даже обитаем. Мысль — невероятно интригующая! В этом случае, при посредстве магии, могло произойти все что угодно! Все что угодно!

Однако настало время прекратить беспочвенные размышления и опереться на конкретные исследования. Незадолго до этого он, к великому своему сожалению, вынужден был отказаться от попыток применить магические формулы средневековых волшебников: оказалось, они никогда не записывали всю процедуру, а только наиболее существенные ее этапы. Это следовало из их описаний, и в этом он убедился сам. Остальное же передавалось на

словах от учителя к ученику (вспомнить хотя бы его опыт общения со Шнайдером). Были некоторые вещи, некоторые подходы, которым нужно и должно было обучаться только непосредственно.

И он неохотно стал изучать все это без чьей-либо помощи.

— О, черт! Как я рад тебя видеть, дядюшка Гус!

— Да? Что-то не верится. Ты не звонил уже несколько недель, поэтому пришлось приехать самому.

— И в самом деле. Но я так много работал последнее время, дядюшка Гус.

— Может, слишком много, а? Ты не должен переутомляться. А ну-ка, покажи язык.

— Со мной все в порядке, — однако Уолдо высунул язык. Гримс внимательно осмотрел его и потом пощупал пульс.

— Кажется, машина работает нормально. Что-нибудь узнал?

— Достаточно много. Почти решил проблему декальб-ов.

— Хорошо. Сообщение, переданное Стивенсу, вроде бы указывает, что ты нашел кое-какие зацепки, и теперь можно подобраться к моей любимой проблеме.

— В некотором роде — да. Но совсем с другого конца. Мне начинает казаться, что именно твоя проблема породила проблему Стивенса.

— Да?

— Именно. Симптомы, вызванные ультракоротковолновой радиацией, могут иметь много общего с бредовым поведением декальбов.

— Каким образом?

— Сам еще не знаю. Однако я сформулировал рабочую гипотезу и теперь проверяю ее.

— М-м-м... Хочешь обсудить ее?

— Конечно, но только с тобой.

И Уолдо принялся рассказывать о встрече и разговоре со Шнайдером, вдаваясь в те детали, о которых он раньше не говорил Гримсу, несмотря на то-что именно Гримс устроил ему поездку. Но он никогда (и Гримс хорошо это знал) не обсуждал ничего до тех пор, пока не был к этому абсолютно готов.

Рассказ о третьем наборе декальбов, которые были "заколдованы" при помощи произнесения невероятных слов, заставил Гримса поднять брови от удивления:

— Ты хочешь сказать, что нашел способ, как это сделать?

— Именно! Не знаю, правда, почему это происходит.. . Просто я могу это сделать. И проделывал уже не один раз. Я покажу тебе.

Он подлетел к тому месту, где находились несколько наборов декальбов, больших и маленьких, а также временные контрольные панели. Все они были закреплены на временных растяжках.

— Вон тот рецептор в конце ряда. Он только сегодня прибыл. Не работающий. А я сделал пару фокусов-покусов Грэмса Шнайдера и починил его. Подожди минуточку. Я забыл включить систему энергоснабжения.

Он вернулся в центр комнаты, где находилось его обычное место, и включил лучевой поток. Поскольку корабль служил эффективной защитой против любого излучения извне, ему пришлось расположить у себя дома небольшую энерголучевую станцию, аналогичную тем гигантским, которые использовались САЭК. Без нее он никоим образом не смог бы исследовать рецепторы де Кальба.

Он снова присоединился к Гримсу и начал активизировать линию декальбов. Все, за исключением двух, стали странно двигаться. Это движение он теперь называл шнайдеровским.

— Вон тот, в конце, — заметил Уолдо, — работает, но не изгибается. Он никогда не ломался, поэтому его не трогали. Это контрольный. Но вот этот... — и он дотронулся до находящегося прямо перед ним декальба. — Вот этот нужно исправить. Следи за мной.

— Что ты собираешься делать?

— По правде говоря, я и сам не знаю. Но я это сделаю.

Он действительно не знал. Все, что он знал — нужно было пристально смотреть на антенны, думать о том, как они достигают Другого Мира, как добираются до энергии. Антенны стали шевелиться.

— Вот и все. Больше ничего. Но это строго между нами. Я научился этому у Шнайдера.

Они вернулись в центр сферической комнаты, поскольку Гримс, по его словам, хотел закурить. На самом деле, извивы декальбов нервировали его, но он не хотел в этом признаваться.

— Как ты это объясняешь?

— Я считаю это не совсем понятным феноменом Другого Пространства. Я знаю о нем меньше, чем Франклин знал о молнии. Но я узнаю — узнаю! Я мог бы выдать Стивенсу прямо сейчас решение, если бы знал, как решается и твоя проблема.

— Не вижу связи.

— Должен существовать какой-то определенный путь, как протащить все это через Другое Пространство. Начнем с того, что лучистую энергию нужно направлять в Другое Пространство, а затем получать ее уже оттуда. В таком случае радиация не сможет причинять вреда человеку. Она никогда не сможет достичь человека, а будет растекаться вокруг него. Я как раз работаю над кастером* энергии, но пока безуспешно. Однако я его доведу до ума и очень скоро!

— Надеюсь. Ну, если уж мы об этом заговорили... Излучения твоего кастера распространяются и в этой комнате?

— Да.

— Тогда мне лучше надеть бронепальто. Тебе это тоже не повредит.

— Не волнуйся. Я выключу его.

Он повернулся, чтобы отключить аппарат, и в этот момент раздался нежный звук — прерывистый, мелодичный свист. Бальдур залаял. Гримс повернулся, чтобы посмотреть, откуда идет этот странный звук.

— Слушай, — с удивлением начал он, — что это у тебя там?

— Где? Ах, это! Мои часы с кукушкой. Здорово, правда?

Гримс согласился, однако он не видел в них большого смысла. Уолдо закрепил часы на легком тонком металлическом ободе, который вращался со скоростью, при которой создавалась центробежная сила в 1g.

— Я возился с этой конструкцией, пока обдумывал проблему Другого Пространства. Эта штукавина заставила меня попотеть.

— Слушай, насчет этого "Другого Пространства" — я что-то не совсем понимаю, в чем суть.

— Представь себе или начни думать о другом временном континиуме, очень похожем на наш мир, но лежащем немного выше нашего, — ну как если бы положили один

* Аппарат для переброски энергии.

лист бумаги на другой. Понимаешь? Оба пространства (или мира) не идентичны, но они отделяются друг от друга ничтожно малым интервалом, настолько малым, насколько ты можешь представить, и с одинаковой протяженностью во времени и пространстве. Они обычно не пересекаются. Существует абсолютное соответствие, как я это себе представляю, между двумя пространствами, но совпадающие точки или периоды не обязательно имеют один и тот же размер или форму.

— Ну? Послушай, что ты говоришь? Они должны быть одинаковыми!

— Ничего подобного. На какой линии находится больше точек — на линии длиной в сантиметр или в километр?

— Конечно в километр.

— Нет. На них совершенно одинаковое количество точек. Хочешь — докажу.

— Верю тебе на слово. Но я никогда не занимался подобной математикой.

— Ладно. Придется поверить, раз так. Ни размер, ни форма не являются препятствием для построения полной картины соответствия между Пространствами. Я даже не могу найти по-настоящему нужных слов, чтобы описать это. "Размер" соотносится с внутренней структурой каждого из Пространств, его масштабами, определяемыми в своих собственных терминах, в уникальных, свойственных только ему одному, константах. "Форма" — это то, что возникает внутри самой себя — или, по крайней мере, не внутри нашего пространства — и соотносится с тем, как она закруглена, закрыта ли она или открыта, расширяется или стремится к сжатию.

Гримс пожал плечами.

— Для меня все это, как китайская грамота, — заметил он и, отвернувшись, стал наблюдать за часами с кукушкой, которые быстро вращались на стальном обруче.

— Конечно, а как же иначе? — радостно подтвердил Уолдо. — Мы все ограничены нашим опытом. Знаешь, что я сам думаю о Другом Море? — вопрос был явно риторический, поэтому Гримс промолчал. — Я представляю его себе в виде страусинового яйца — по размеру и форме. Но тем не менее, как всю вселенную, существующую бок о бок с нашей, простирающейся отсюда до самой отдаленной звезды. Я знаю, что это совершенно ложная картина, однако она помогает мне думать обо всем этом.

— Ну, не знаю, — заметил Гримс и отвернулся: постоянный ход часов несколько убаюкивал его. — Послушай! Я думал, ты выключил кастер.

— Выключил, — ответил Уолдо. И посмотрел в том направлении, куда глядел Гримс. Декальбы все еще продолжали извиваться.

— Но я ведь выключал, — с сомнением произнес Уолдо и повернулся к контрольной панели кастера. Его глаза расширились.

— Действительно выключил! Прибор выключен!

— Тогда какого черта...

— Заткнись!

Ему нужно было думать и думать напряженно. Может, кастер просто неисправен? Он подлетел к аппарату и осмотрел его. Да, кастер был отключен, мертв, как вымерший динозавр. Просто для того, чтобы лишний раз удостовериться, он вернулся, надел первичные уолдо, включил необходимые ячейки и частично размонтировал кастер. Но декальбы продолжали извиваться.

Единственный комплект декальбов, который не подвергался обработке по методу Шнайдера, был мертв. Они даже не издавали типичного гудения. Остальные работали, как сумасшедшие, хватая энергию... Откуда?

Ему стало интересно, говорил ли Маклеод Шнайдеру что-нибудь о кастерах, откуда декальбы по всем законам физики должны были черпать энергию. Он, конечно, не говорил ничего.

Просто об этом разговор не заходил. Однако что-то говорил сам Шнайдер.

"Другой Мир рядом и полон энергии!"

Несмотря на собственное намерение воспринимать слова старика буквально, он совершенно забыл об этом заявлении. Другой Мир полон энергии.

— Извини, дядюшка Гус, я сорвался.

— Все нормально.

— Что тебе это напоминает?

— Такое впечатление, что ты изобрел перпетуум мобиле, сынок.

— Некоторым образом, возможно. Или, может быть, аннулирован закон сохранения энергии? Эти декальбы откачивают энергию, которой никогда раньше не было в этом мире!

— Хм-м-м.

Чтобы попытаться проверить вспыхнувшую в нем догадку, Уолдо повернулся к контрольной панели управления, надел уолдо, включил сканнер и начал исследовать пространство вокруг декальбов при помощи самых чувствительных приборов, регистрирующих радиоволны. Однако датчики не сработали — в помещении не было волн той длины, на которую реагируют рецепторы де Кальба. Следовательно, энергия исходила из Другого Пространства.

Энергия поступает из Другого Пространства? Не от его кастера, не от громадных станций САЭК, но из Другого Пространства. В этом случае, он ни на йоту не приблизился к решению проблемы неработающих декальбов. Возможно, он никогда ее и не решит. Скорее всего... А ну-ка, минуточку... что записано в его контракте? Какая работа должна быть им выполнена? Он попытался вспомнить точную формулировку, записанную в пунктах договора.

Наверное, существует способ, которым можно будет обойти условия. Возможно. Да и этот один из последних трюков Грэмпса Шнайдера может иметь совсем неожиданные последствия. Ему показалось, что появились, хоть и очень призрачные, но все же какие-то новые возможности. Необходимо хорошенько все обдумать.

— Дядюшка Гус...

— Что, Уолдо?

— Можешь возвращаться назад и сказать Стивенсу, что у меня скоро будет ответ. Я разделаюсь с этой проблемой и с твоей заодно. А сейчас мне нужно все очень хорошенько обдумать, поэтому я хочу остаться один. Не сердись.

— Здравствуйте, мистер Глисон! Бальдур, тише! Сидеть! Заходите. Устраивайтесь. Как поживаете, доктор Стивенс?

— Спасибо, мистер Джонс?

— А это, — сказал Глисон, указывая на человека, шедшего за ним, — мистер Харкнес, глава юридического отдела.

— Ах, да. Действительно, возникнут некоторые вопросы, которые нужно будет уточнить в нашем контракте. Добро пожаловать во Фрихолд, мистер Харкнес.

— Спасибо, — холодно ответил Харкнес. — Будут ли присутствовать ваши поверенные?

— Они уже здесь, — Уолдо указал на стереозран. Там находились два человека. Они поклонились и пробормотали какие-то вежливые формальные фразы.

— Так не делают, — пожаловался Харкнес. — Свидетели должны присутствовать собственными персонами. То, что видишь и слышишь на телеэкране, не может рассматриваться как законное свидетельство.

Уолдо поджал губы:

— Вы хотите, чтобы это стало предметом спора?

— Нет, ну что вы! — поспешно возразил Глисон. — Оставьте, Чарльз.

Харкнес отступился.

— Не буду злоупотреблять вашим временем, джентльмены, — начал Уолдо. — Мы здесь собрались для того, чтобы я мог продемонстрировать вам, как я выполнил условия контракта. Перейдем к демонстрации.

Он всунул руки в первичный уолдо.

— Вдоль дальней стены располагается ряд рецепторов лучистой энергии, которые по-другому называются декальбами. Если угодно, доктор Стивенс может проверить их серийные номера...

— В этом нет необходимости.

— Очень хорошо. Я включу свой кастер энергии, для того, чтобы мы могли проверить эффективность их работы, — он говорил, и одновременно работал уолдо. — Теперь я буду активизировать рецепторы — по одному.

Его руки стали как бы царапать воздух. Маленькая пара вторичных уолдо включила необходимые тумблеры, находящиеся в самом конце ряда на контрольной панели.

— Вот это — обычные рецепторы, которые предоставил мне доктор Стивенс. Они никогда не выходили из строя. Вы можете теперь удостовериться, что они работают в нормальном режиме, доктор Стивенс.

— Да, вижу.

— Мы будем называть такой рецептор "декальб" и его работу "нормальной".

Маленькие уолдо опять принялись за работу.

— А здесь вы видите рецептор, который я решил назвать "шнайдер-декальб", благодаря определенной обработке, которой он подвергся, — антенна декальба стала двигаться, — а его работу — "шнайдеровской". Хотите проверить, доктор?

— О'кей.

— Вы захватили с собой рецептор, который вышел из строя?

— Как видите.

— Вы можете заставить его функционировать?

— Нет, не могу.

— Вы уверены? Вы тщательно его исследовали?

— Достаточно тщательно, — кисло признал Стивенс. Он начал заметно уставать от напыщенной трескотни Уолдо.

— Очень хорошо. А теперь я заставлю его работать. — Уолдо покинул свое место за контрольными панелями, перелетел поближе к неработающим декальбам и расположился над ними таким образом, что его тело полностью скрывало от присутствующих все его действия. Затем он вернулся в центр помещения и, пользуясь уолдо, включил активизационную сеть декальбов.

Они немедленно начали демонстрировать шнайдеровский тип работы.

— Вот и все, джентльмены, — объявил он. — Я нашел способ чинить декальбы, внезапно выходящие из строя. Я могу применить шнайдеровский подход к любому рецептору, который вы мне доставите. Это включается в мой гонорар. Я могу обучить других, как применять метод Шнайдера для восстановления нормальной работы рецепторов. Это тоже должно включаться в мой гонорар. Однако я не могу гарантировать, что кто-нибудь не станет наживаться, получив от меня необходимый инструктаж. Не вдаваясь в технические подробности, я могу сказать, что метод Шнайдера очень сложен, гораздо сложнее, чем это кажется. Думаю, доктор Стивенс подтвердит это, — Уолдо тонко улыбнулся. — Полагаю, я выполнил условия договора.

— Минуточку, мистер Джонс, — произнес Глисон. — После того, как декальб подвергся обработке методом Шнайдера, он надежен?

— Абсолютно. Я это гарантирую.

Уолдо ждал, пока они тихо совещались. Наконец Глисон заговорил от их имени.

— Это не совсем те результаты, на которые мы рассчитывали, мистер Джонс, однако мы согласимся, что вы выполнили свои обязательства. Но при условии, что вы будете подвергать обработке методом Шнайдера любой рецептор, который будет вам доставлен, и проинструктируете наших сотрудников.

— Справедливо.

— Гонорар будет перечислен на ваш счет немедленно.

— Хорошо. Все понятно, все обговорено? Я полностью и успешно выполнил ваше задание?

— Да.

— Ну что ж, хорошо. Но я хочу показать вам еще кое-что. Наберитесь немного терпения...

Часть стены свернулась. В помещении появились гигантские уолдо и втянули громадный аппарат, который общими контурами отдаленно напоминал стандартный набор декальбов, но был значительно более сложным. Большинство деталей, создававших видимость сложной конструкции, были декорацией. Однако даже высококвалифицированному специалисту понадобилось бы немало времени, чтобы доказать это.

Но в машине действительно имелись абсолютно новые приборы: встроенный счетчик, при помощи которого ее можно было запустить в определенное время, радиоконтроль, изменяющий временные границы работы. Более того, счетчик самоуничтожался и уничтожал рецепторы, если с ним начинал работать человек, не знакомый с конструкцией. Это был предварительный ответ Уолдо на проблему продажи свободной и неограниченной энергии.

Однако об этом он ничего не сказал. Маленькие уолдо были очень заняты — они прикрепляли датчики к аппарату. Когда закончили работу, Уолдо заговорил снова:

— Это — аппарат, который я назвал "декальб Джонса-Шнайдера". И он станет причиной, по которой вы больше не сможете продавать энергию.

— Да? — изумился Глисон. — Можно спросить, почему?

— Потому, — начал Уолдо, — что я могу продавать ее дешевле и удобнее, и в данных обстоятельствах у вас нет никаких шансов конкурировать со мной.

— Это серьезное заявление.

— Я продемонстрирую. Доктор Стивенс, вы заметили, что другие рецепторы работают. Я выключу их. — Уолдо отключил их. — А теперь я прекращу излучение энергии и попрошу вас убедиться при помощи ваших собственных приборов, что здесь нет источника лучистой энергии, ничего, кроме обычного, видимого света.

Несколько неохотно Стивенс проделал это.

— Пусто, — сказал он через несколько минут.

— Хорошо. Не убирайте инструменты, чтобы вы могли удостовериться в том, что здесь источник лучистой энергии не появится. А теперь я активизирую мой рецептор.

Маленькие механические руки приблизились к тумблерам.

— Следите, доктор. Следите внимательно.

Стивенс следил очень внимательно. Он не поверил цифрам контрольных приборов, поэтому присоединил параллельно еще и свои,

— Ну как, Джеймс? — прошептал Глисон.

Стивенс взглянул на прибор с отвращением.

— Эта чертова штука всасывает энергию из ниоткуда!

Все смотрели на Уолдо.

— Вам понадобится некоторое время, джентльмены, — великодушно сказал он. — Обсудите это.

Они отошли в самый дальний угол комнаты и начали шептаться. Уолдо видел, что Стивенс и Харкнес спорят и что Стивенс ведет себя очень неуступчиво. Его это устраивало. Он надеялся, что Стивенс не захочет еще раз взглянуть на это невероятное техническое приспособление, которое он окрестил "декальбом Джонса-Шнайдера." Стивенс пока не должен знать об этом слишком много. Пока что. Уолдо внимательно следил, чтобы не выдать себя какой-нибудь мелочью.. Ведь, безусловно, он сказал не всю правду. Он не упомянул о том, что *все* декальбы, подвергшиеся обработке методом Шнайдера, были источниками свободной энергии.

Будет очень некрасиво, если Стивенс это выявит!

Уолдо намеренно усложнил и запутал систему, которая включала в себя счетчик и систему саморазрушения. Однако в ней было рациональное зерно. Позже он подтвердит, что без такой системы САЭК просто не сможет существовать.

У Уолдо было беспокойно на душе: это мероприятие было рискованной игрой. Хотелось бы знать о системе гораздо больше. Но как будто что-то заклинило. Ничего хорошего на ум не приходило, а ситуация с энергией оказалась у критической.

Глисон оторвался от Стивенса и Харкнеса и подошел к Уолдо:

— Мистер Джонс, можем ли мы решить все полюбовно?

— Что вы предлагаете?

... Примерно через час после этого Уолдо с облегчением наблюдал, как корабль гостей отходит от его жилища.

"Ну что ж, — подумал он, — дело сделано."

Он великодушно дал уговорить себя сотрудничать при условии (и здесь он дал волю своему темпераменту и эмоциям), что контракт будет заключен немедленно, без

всяких проволочек, суеты и беготни поверенных и юристов. Сейчас или никогда! Заключить или разорвать всякие отношения. Настоящий контракт (а он виртуозно смог на этом настоять) ничего ему не давал, если его утверждения насчет "декальбов Джонса-Шнайдера" ошибочны.

Глисон рассмотрел этот пункт и решил подписать контракт.

Хотя Харкнес и пытался доказать, что Уолдо является сотрудником САЭК и что именно он сам составлял первый контракт, в котором оговаривались его дополнительные гонорары, однако доводы юриста были недостаточно обоснованными. Глисону пришлось согласиться с этим.

В обмен на все права на "декальбы Джонса-Шнайдера" Уолдо согласился предоставить чертежи (посмотрим, сколько времени потребуется Стивенсу, чтобы во всем разобраться!). Кроме того, Уолдо получал большой пакет акций САЭК. Правда, без права голоса, однако полностью защищенных, с обязательной выплатой. То, что он не будет принимать активного участия в делах компании, было его собственной идеей. В энергетическом бизнесе настали непростые времена: кража чертежей, механизмы, уменьшающие показания счетчиков и множество тому подобных вещей. Наступает время свободной энергии и, кажется, очень скоро попытки прекратить этот поток окажутся бессмысленными — в этом Уолдо был уверен.

Он смеялся так долго и громко, что напугал Бальдура, который стал испуганно лаять.

Теперь он может забыть о Хатаузе.

Однако в его реванше над САЭК был один потенциальный промах. Он уверил Глисона, что декальбы, подвергшиеся обработке методом Шнайдера, будут работать бесперебойно. Тот принимал это просто на веру, так как ничего доказать не мог. Сам же Уолло чувствовал, что ему пока недостает знаний о Другом Мире. И предсказать, как конкретно будут развиваться события, он был не в состоянии. Для этого нужно проводить длительные и сложные исследования.

Другой Мир — дьявольски трудная штука!..

Уолдо предполагал, что очень скоро ему придется снова ехать к Шнайдеру за дальнейшими инструкциями. Но такая поездка рисовалась настолько тяжелой и отвратительной, что он старался не думать о ней. К тому же, со Шнайдером они говорят на разных языках.

Одно он знал наверняка: Другой Мир существует и иногда его можно достичь при соответствующем умонастроении, сознательно, как учил Шнайдер, или подсознательно, как происходило с Маклеодом или остальными...

Сейчас ему казалось, что он начал понимать, что случилось с магией. Магия — это непостоянный, колеблющийся закон анимистического мира, который все время оттесняла развивающаяся философия инвариантной причинности. И магия ушла — до этого последнего нынешнего взрыва — исчезла вместе со своим миром, оставив нам только так называемые "суеверия". Естественно, ученые-экспериментаторы вынуждены были признавать, что им не удастся исследовать дома с привидениями, случаи телекинеза и тому подобное — их убеждения не давали этим явлениям проявляться в полной мере.

Дикие джунгли Африки могут восприниматься совершенно по-иному, если там не будет белых! Точно так же не исключено, что каким-то образом исчезнувшие законы магии когда-нибудь снова можно будет наблюдать.

Вероятно, он впадает в крайности, однако в его рассуждениях есть одно преимущество, которого нет в ортодоксальных концепциях: они учитывают колдовские приемы Грэмпа Шнайдера, при помощи которых тот заставил работать декальбы. Никакая рабочая гипотеза не способна объяснить, почему Шнайдер только силой мысли заставлял декальбы работать, и поэтому не стоит ни гроша (в том числе его собственная). А эта — объясняла и подтверждала слова самого Шнайдера: "Все — относительно" и "Вещь может либо быть, либо не быть и может быть чем угодно. Существует много способов смотреть на одну и ту же вещь. Некоторые способы — хорошие, а некоторые — плохие".

Отлично! Учтем и будем действовать в соответствии с этим. Мир меняется в зависимости от того, как человек на него смотрит. В таком случае, подумал Уолдо, он знает, как смотреть на мир. Он голосует за порядок и предсказуемость!

Он будет законодателем моды. Он навяжет свою собственную концепцию Другого Мира всему Космосу!

Это будет хорошим началом, чтобы уверить Глисона в полной надежности работы декальбов. Пусть так — они надежны и никогда не выйдут из строя.

Уолдо продолжал мысленно формулировать и уточнять свою концепцию Другого Мира. Он будет думать о нем, как о чем-то упорядоченном и, в основном, похожем на

наш мир. Связующим звеном между двумя Мирами выступает нервная система, кора головного мозга, таламус, спинной мозг — все они тесно связаны с обоими Мирами. Такая картина вполне соответствовала той, которую нарисовал ему Шнайдер и, насколько он мог судить, не противоречила никаким явлениям.

Итак, если нервная система лежит в обоих пространствах, тогда это объясняет относительно медленное прохождение нервных импульсов по сравнению с электромагнитными. Да! Если в Другом Мире константа C^* несколько меньше, чем в нашем, так и должно быть.

И он почувствовал спокойную уверенность.

Интересно, сейчас он просто размышляет или создает новую Вселенную?

Возможно, ему придется отказаться от мысленной картины Другого Мира, напоминающего по форме и размерам страусиное яйцо; так как пространство, через которое свет проходит медленней, не меньше, а больше, чем то пространство, к которому он привык. Нет... нет, минуточку... размер пространства зависит не от константы C , а от радиуса его кривизны. Поскольку C является скоростью, размер зависит от понятия времени. В этом случае время — скорость энтропий. Здесь и находится характеристика, общая для обоих Пространств: они обмениваются энергией. Они влияют на энтропию друг друга.

Ему не нужно отказываться от варианта страусиного яйца — старого, доброго яйца! Другой Мир — это закрытое пространство, с меньшей константой C , высокой скоростью энтропии, коротким радиусом — то есть прекрасный резервуар энергии. В той точке, где интервал исчезает (иначе говоря, оба пространства соприкасаются), Другой Мир изливает свою энергию в наш мир. Обитателям Другого Мира (если они там есть) может казаться, что он простирается на сотни миллионов световых лет, а для Уолдо — это страусиное яйцо, набухшее от энергии и готовое взорваться.

И он начал размышлять о путях проверки своей гипотезы. Если, используя метод Шнайдера, он будет получать энергию с максимальной скоростью, окажет ли это воздействие на местный потенциал? Как это повлияет на процесс

* C — скорость света.

энтропии? Можно ли повернуть процесс в обратную сторону, закачивая энергию в Другой Мир? Можно ли установить различные энергетические уровни в различных точках?

Даст ли скорость прохождения нервных импульсов ключ к константе C Другого Пространства? Можно ли согласовать этот ключ с энтропией и исследованиями энергопотенциала, для того чтобы разработать математическую картину Другого Пространства в терминах его констант и возраста?

Уолдо не прекращал поисков. Его беспрестанные, интенсивные размышления дали вполне ощутимый результат: по крайней мере, он выработал одно направление атаки на Другое Пространство. Он разработал рабочий принцип устройства телескопа для слепцов. В чем был ни заключалась истина, это было больше, чем однозначная истина, — это была целая, законченная серия истин, новых и взаимосвязанных. А также система характерных законов, отражающих свойства, присущие Другому Пространству. Плюс новые законы, объясняющие взаимодействие Другого Пространства с Нормальным Пространством.

А ведь Рамбо был прав! При известной комбинации трех Законов (Законов Другого Пространства, законов Нормального Пространства и совмещенных законов обоих пространств) могут возникнуть самые неожиданные ситуации. И вероятность возникновения их очень высока.

Но прежде чем теоретики приступят к изучению этих закономерностей, крайне необходим постоянный приток новой информации.

Уолдо не был теоретиком. Он с легкостью признавал это, поскольку считал теорию непрактичной и ненужной, пустой тратой времени для него, инженера-консультанта. Пусть безволосые обезьяны корпят над теорией. Однако инженер-консультант обязан был выяснить следующее: будут ли шнайдер-декальбы работать без сбоев, как он гарантировал? Если нет, то что следует сделать, чтобы обеспечить их длительную службу?

Самым сложным и самым интересным аспектом этих исследований была связь нервной системы с Другим Пространством. Ни электромагнитные инструменты, ни нейрохирургия не были достаточно совершенными для выполнения точной работы и измерений на тех уровнях, которые он хотел исследовать. Но у него были уолдо.

Самые крошечные уолдо с микросканерами, которые он обычно использовал, были размером с сантиметровое пятнышко на ладони. Однако и они были слишком громоздкими для этих целей. Ему нужно было производить действия на живой нервной ткани и непосредственно исследовать ее как в работе, так и в состоянии покоя.

Он использовал крошечное уолдо, чтобы создать еще более крошечные. В результате получились уолдо, едва ли достигавшие трех миллиметров. Спиральки, служившие им псевдомускулами, практически невозможно было рассмотреть невооруженным глазом — при их создании он использовал сканеры.

Уолдо последовательно прошел все стадии создания уолдо для операций на нервной системе и на мозге — от механических рук в натуральную величину до тончайших приспособлений для работы с невидимым глазу материалом. Уолдо мог контролировать их при помощи своих первичных уолдо: он переключался с одного размера на другой без каких-либо трудностей. Манипулируя переключателями контрольной панели, он автоматически подключал нужный ему размер, а в зависимости от размера подбирались нужная скорость сканирования, увеличивалась или уменьшалась разрешающая способность уолдо. Таким образом, действующие уолдо он всегда мог наблюдать на стереозэкране в удобных для него масштабах.

Каждый уровень уолдо, в зависимости от размера, имел свой набор хирургических инструментов, собственное электрооборудование.

Такой хирургии еще не существовало, однако Уолдо мало об этом задумывался. К тому же, ему никто и не говорил, что он создал нечто неслыханное.

Он установил (для собственного удовольствия) механизм, при помощи которого коротковолновая радиация производила разрушающий эффект на физическое состояние человека. Синапсы между дендритами вели себя так, будто это были места течи. Нервные импульсы порой не проходили через них, а буквально убегали, вытекали... куда? В Другое Пространство — он был в этом уверен! Такие утечки, очевидно, постепенно ухудшали состояние жертвы. Моторная деятельность полностью не исчезала, однако эффективность терялась. Это напоминало ему электрическую цепь с частичным заземлением. Несчастная кошка, которая умерла в результате его экспериментов, дала боль-

шую часть информации. Этот котенок родился и рос, не подвергаясь воздействию радиации. Потом Уолдо облучил его и достаточно сильно. Котенок постепенно приобретал миастению, почти такую же сильную, как уолдовская, а тот тем временем по минутам изучал, что происходит в нервных тканях животного.

Уолдо было очень жаль, когда это несчастное создание умерло.

Однако, если Грэмпис Шнайдер прав, люди вовсе не обречены страдать от радиации. При условии, что им хватило бы сообразительности взглянуть на проблему под нужным углом, радиация не только не вредила бы им, но и помогала бы.

Именно это Шнайдер и велел ему делать.

Именно это Грэмпис Шнайдер велел *ему* делать!

Грэмпис Шнайдер сказал, что он не должен быть слабым!

Что он может быть сильным...

Сильным!

СИЛЬНЫМ!

Он никогда раньше не задумывался об этом. Дружеское расположение к нему Шнайдера, его совет преодолеть слабость... он их просто проигнорировал, отбросил как ненужные! Его собственные слабости, его особенности, сделавшие его таким отличным от безволосых обезьян, он рассматривал как данность, неизменное состояние. Он принял это как неизбежный факт еще в раннем детстве.

Естественно, он не обратил никакого внимания на слова Шнайдера, которые так непосредственно касались его!

Быть сильным!

Стоять самостоятельно, без чьей-либо помощи. Ходить! Бегать!

Но он... он может, он может спуститься на поверхность Земли безбоязненно, не обращая внимания на силу притяжения. Они говорят, им на тяжесть наплевать; они даже *носят* вещи — большие, тяжелые. Это способны делать все. Они их могут даже *бросать*.

Он сделал неожиданное конвульсивное движение в первичных уолдо — движение, совершенно отличающееся от его прекрасных экономных и ритмичных движений. В это время он работал над созданием нового набора инструментов, поэтому вторичные уолдо были большого размера. Стяжка провисла и тяжелая металлическая пластина ударила о стену. Бальдур, находившийся поблизости, наво-

стрил уши, осмотрелся и повернулся к Уолдо, пытливо глядявываясь в лицо хозяина.

Уолдо посмотрел на него, и собака заскулила.

— Замолчи!

Бальдур успокоился и виновато взглянул на Уолдо.

Автоматически Уолдо проверил, что повреждено. Не так уж много, но кое-что придется починить. Сила. Но если он будет сильным, он сможет сделать, что угодно. Что угодно! Так... Уолдо номер шесть, задействуем несколько новых стяжек. Сильный! Слегка рассеяно он переключился на уолдо номер шесть.

Сила!

Он сможет даже встречаться с женщинами и быть сильнее их!

Он сможет плавать. Кататься верхом. Он сможет управлять космическими кораблями, бегать, прыгать. Он даже сможет научиться танцевать!

Сильный!

У него будут мускулы! Он сможет ломать вещи.

Он сможет... Он сможет...

Он переключился на уолдо с руками размером в человеческое тело. Сильные — они сильные! Одной гигантской уолдо он вытянул из кучи стальной лист в полсантиметра толщиной, подержал его, а потом потряс им. Раздалось громоыхание.

Сильный!

Он взял лист двумя уолдо и согнул пополам. Металл треснул, и Уолдо конвульсивно скомкал пластину в громадных ладонях, словно это был клочок бумаги. Резкий скрежет насторожил Бальдура, и шерсть на его загривке встала дыбом. Однако Уолдо не останавливался.

Тяжело дыша, он на минуту расслабился. На лбу у него выступил пот, кровь стучала в висках. Но нет, он не выдохся. Ему хотелось найти еще что-нибудь — потяжелей, прочней. В соседнем складском помещении он выбрал Г-образный прут четырехмстровой длины, переместил его к тому месту, где гигантские уолдо могли дотянуться до него. Однако в двсрной проем прут вошел криво, он дернул его, пробил большую дыру в раме, но не заметил этого.

В могучей руке прут превратился в прекрасную клюшку. Уолдо угрожающе помахал ей. Бальдур попятился и отступал назад до тех пор, пока не очутился за контрольным кольцом, отделявшим его от громадных уолдо.

Сила! Моць! Все сметающая, непобедимая сила!

Резкий рывок — и он сумел остановить прут, прежде чем тот коснулся стены. Нет... Он схватил другой конец прута левой уолдо и попытался согнуть. Большие уолдо предназначались для тяжелой работы, однако и прут был создан, чтобы оказывать сопротивление. Уолдо весь напрягся внутри первичных уолдо, изо всех сил стараясь, чтобы громадные кулаки слушались его. На контрольной приборной доске загорелся предупредительный сигнал. Почти автоматически он переключил систему в режим экстремальной перегрузки и продолжал.

Гул уолдо, хриплое дыхание потонули в резком скрипе и скрежете металла, когда прут стал постепенно сгибаться. В невероятном возбуждении он все больше напрягал руки в уолдо. Прут почти уже согнулся пополам, когда уолдо разнесло на куски. Первыми оторвались захваты на правом уолдо, потом все металлические части сорвались и с левого и, пробив рваную дыру в тонкой перегородке, перебили и многое переломали в соседнем помещении.

Громадные уолдо превратились в бесполезную грудку обломков.

Уолдо вынул свои мягкие розовые руки из уолдо и посмотрел на них. Потом его начали сотрясать рыдания. Уолдо закрыл лицо руками, слезы катились между пальцами. Бальдур заскулил и подобрался ближе к хозяину.

На контрольной панели настойчиво звучал сигнал вызова.

Последствия разрушений были ликвидированы, а в том месте, где прут пробил стену, сделана аккуратная заплатка. Однако гигантские уолдо восстановлены не были — на их месте зияла пустота. Уолдо был занят созданием силомера.

Прошло очень много лет с тех пор, как он последний раз занимался измерением своей силы — он практически ее не использовал. Он сконцентрировался только на сообразительности, изворотливости ума и на полном контроле за своими тezками. И совершенно не умел целенаправленно, эффективно и точно использовать мышцы. Раньше ему не нужна была сила. Однако теперь он должен научиться контролировать ее.

Обладая всеми необходимыми приспособлениями и механизмами, было нетрудно создать прибор, который бы регистрировал силу, возникающую при напряжении мышц,

и измерял ее в килограммах. Все было готово — он выжидательно смотрел на свое изобретение.

Оставалось только снять уолдо, положить голую руку на рукоять и надавить — и он все узнаст. Однако Уолдо колебался.

Сама мысль взяться за такой большой предмет невооруженной рукой была для него странной. Итак, проникни в Другой Мир. Возьми там энергию.

Он зажмурился и надавил. Потом открыл глаза. Шесть килограммов — меньше, чем обычно.

Ну, он еще и не брался по-настоящему. Он попытался вообразить руку Грэмпса Шнайдера на своей и ощутить теплый поток. Сила. Дотянись до нее и получи.

Шесть, семь, восемь, девять, десять килограммов... Он побеждает! Побеждает!

Однако внезапно и сила и мужество покинули его, стрелка прибора вернулась к нулю. Почему? Он не мог сказать. Просто ему нужно отдохнуть.

Показал ли он действительно очень хороший результат или десять килограммов — это нормально для его возраста и веса? Он знал, что нормальный человек может выжать на динамометре около семидесяти килограммов.

Однако для него и десять килограммов — это на три больше, чем он когда-либо выжимал.

Уолдо попытался еще раз. Четыре, четыре с половиной, пять, пять с половиной. Стрелка заколебалась. Что ж, он ведь только начал — нелепо сразу рассчитывать на большее! Шесть!

На этом все застопорилось. И как он ни напрягался, как ни концентрировался, с этой точки сдвинуться не смог. Медленно стрелка вернулась на ноль.

Шесть килограммов — самый высокий результат, которого он смог добиться за следующие несколько дней. Предыдущий рекорд в десять килограммов казался просто обманом, фикцией. Он был страшно огорчен.

Но он никогда бы не достиг своего теперешнего положения и благосостояния, если бы так легко сдавался. Он упорно занимался, тщательно вспоминая то, о чем Шнайдер говорил ему, и пытаясь почувствовать прикосновение стариковских рук. Он уверил себя, что действительно под руками Шнайдера он становился сильнее, но тогда из-за

тяжести поля Земли не понял этого. Уолдо продолжал попытки.

Подсознательно он понимал, что, если в ближайшее время он не добьется успеха, ему придется встретиться с Грэмпом Шнайдером и попросить у него помощи. Но ему очень этого не хотелось. И не из-за ужасов такой поездки — хотя само по себе это было достаточной причиной — но еще и по другому поводу: если он поедет, а Шнайдер не сможет помочь, тогда никакой надежды не останется.

Гораздо лучше эти постоянные неудачи, чем жизнь без всякой надежды. И он все откладывал встречу.

Уолдо обращал слишком мало внимания на земное время. Он ел и спал, когда ему хотелось. Он мог вздремнуть в любой момент, однако длительный сон наступал только в определенное время. Конечно, он спал не на кровати. Человек, который все время парит в воздухе, не нуждается в кровати. Однако он выработал привычку спать в определенном месте. Это было тем более необходимо, что во время крепкого и продолжительного сна слабыми воздушными потоками его могло снести к контрольным панелям управления, он мог задеть какой-нибудь рычаг.

С тех пор, как им овладело неотступное желание стать сильным, ему пришлось время от времени прибегать к снотворному, чтобы уснуть.

Доктор Рамбо вернулся и искал его. Сумасшедший, переполненный ненавистью Рамбо. Рамбо, винивший во всех своих несчастьях Уолдо. Теперь он не был в безопасности даже во Фрихолде, так как ненормальный физик нашел способ переходить из одного Пространства в другое. И вот он появился здесь! Из Другого Мира высовывалась только его голова.

— Я доберусь до тебя, Уолдо!

Сказал и исчез. Нет, вот он, за спиной! Рамбо тянул и тянул руки, которые на самом деле были извивающимися антеннами.

— Ну держись, Уолдо!

Но руки самого Уолдо — это гигантские уолдо, и он хватает Рамбо. Однако уолдо вдруг ослабевают. Рамбо приближается, берет Уолдо за глотку.

В ушах Уолдо начинает звучать спокойный, сильный голос Грэмпса Шайдера:

— Тянись за силой, сынок. Почувствуй ее в кончиках пальцев.

Уолдо напрягается, стараясь разжать сжимающие его горло пальцы.

Пальцы ослабевают, ослабляют хватку. Он победил! Он выпшвыривает Рамбо в Другой Мир и будет держать его там. Там! Одна рука у него свободна... Бальдур яростно лаял. Уолдо попытался сказать ему, чтобы он замолчал, чтобы укусил Рамбо, чтобы помог...

Пес продолжал лаять.

Он проснулся в собственном доме, в собственной громадной комнате. Бальдур издал еще один жалобный вой.

— Тихо! — скомандовал Уолдо и огляделся.

Когда он ложился спать, его удерживали на месте четыре легких растяжки, расположенные как оси у тетраэдра. Две из них все еще были закреплены у него на поясе — он свободно висел над контрольным кольцом. Из двух других одна была отцеплена от пояса, и ее конец парил в нескольких футах от него. Четвертая же была разорвана у пояса и еще в одном месте. Дальний конец обмотался вокруг его шеи.

Он начал размышлять над ситуацией. Насколько он мог судить, растяжки никоим образом не могли порваться сами по себе. Порвать их мог только он сам, когда во сне сражался со своими кошмарами. Собака этого сделать не могла. Значит, он сделал это сам. Растяжки, конечно, были легкими и тонкими. И все же...

Лишь несколько минут потребовалось для того, чтобы переделать прибор, измерявший силу сжатия, так, чтобы он измерял силу растяжения. Он подключил пару уолдо средних размеров, прикрепил конец оборванной растяжки к аппарату и стал тянуть.

Растяжка порвалась при нагрузке в девяносто пять килограммов.

Правда, он потерял немного времени из-за собственной неуклюжести, вызванной повышенной нервозностью. Он снова перемонтировал аппарат на измерение силы сжатия. Немного помедлил и тихо прошептал:

— Настало время, Грэмпис! — и надавил на рукоять.

Девять килограммов, десять, одиннадцать!

Перевалило за тринадцать. А он даже не вспотел! Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, двадцать! Двадцать один килограмм!

Со вздохом облегчения он расслабил руку. Он был силен. Силен.

Придя немного в себя, Уолдо решил, что нужно делать. Первым импульсом было позвонить Гримсу, однако он подавил это желание.

Он позвонит, когда будет совершенно уверен в себе.

Уолдо снова подошел к прибору и начал испытывать левую руку. Не такая сильная, как правая, но все-таки — двадцать килограммов. Забавно, но он не чувствовал в себе никаких перемен. Обычное его состояние. Никаких неприятных ощущений.

Ему захотелось проверить все свои мышцы. Однако потребуется много времени, чтобы подготовить приборы для измерения силы удара, толчка, мышц ног и десятка других показателей. Для этого ему нужно создать поле, да, именно гравитационное поле в 1 g. Ладно, есть приемная, где можно это сделать.

Но силой тяжести в приемной можно управлять только отсюда, с контрольного кольца, да и само помещение находится довольно далеко. Правда, отсек с центробежной силой есть и поближе, там, где висят часы с кукушкой. Как самый простой путь для их работы, он в свое время сконструировал вращающееся колесо с регулируемой скоростью. Уолдо вернулся к контрольному кольцу и остановил движение колеса. Работа часов была нарушена из-за внезапного изменения режима: маленькая красная птичка выглянула, с надеждой произнесла "свуу-своо", но только один раз, и тут же скрылась.

Он взял в руку маленькую контрольную панель, которая соединялась с мотором, крутившим колесо, и расположился в его центре, уперев ноги во внутреннюю поверхность обода и схватившись за одну из спиц так, чтобы находиться в вертикальном положении по отношению к центробежной силе. Медленно запустил двигатель.

Первое движение его так удивило, что он чуть не упал. Но, взяв себя в руки, прибавил обороты. Пока нормально. Он постепенно наращивал скорость, и в душе его нарастал триумф: он чувствовал прилив псевдогравитации, чувствовал, как ноги наливались свинцом, при этом оставаясь сильными.

Он довел ускорение до 1 g. Он мог его переносить. Мог! Однако создаваемая колесом гравитация не затрагивала верхнюю часть туловища в той же степени, как нижнюю —

его голова находилась приблизительно на 30 сантиметров выше точки вращения. Но это можно поправить. Он медленно съехал вниз, крепко держась за спицу. Все нормально.

Вдруг колесо закачалось, а мотор взвыл. Тело Уолдо вызвало разбалансировку системы. Оно, во-первых находилось не в центре вращения, а во-вторых, было слишком тяжелым для колеса, предназначенного для часов и противовеса. Уолдо с большой осторожностью восстановил свое первоначальное положение, чувствуя приятное напряжение мышц и сухожилий. Затем остановил колесо.

Все происходящее очень беспокоило Бальдура. Он чуть не свернул себе шею, следя за движениями Уолдо.

Позвонить Гримсу тот так и не удосужился. Хотелось оснастить приемную рядом дополнительных контрольных устройств, чтобы следить за гравитационным полем в этом помещении. Сначала нужно было найти подходящее место, где можно было научиться стоять. Только после этого он сможет перейти к ходьбе. Все это выглядело не таким уж сложным. Может, и научиться будет не так уж трудно.

Потом он научит ходить Бальдура. Уолдо пытался затащить собаку в колесо от часов, но Бальдур решительно возражал. Он с трудом вырвался и сбежал в самый дальний конец помещення. Неважно. Когда он загонит животное в приемную, тому волей-неволей придется учиться ходить! Надо было давно подумать об этом! Такая здоровая скотина, а не умеет ходить!

Он мысленно представлял себе контуры рамы, в которую нужно будет поместить пса, чтобы тот мог стоять прямо. Она приблизительно походила на детский манеж. Но Уолдо об этом не догадывался — он просто никогда не видел манежа.

- Дядюшка Гус...
- О, привет, Уолдо. Как поживаешь?
- Прекрасно. Послушай, дядюшка Гус, не мог бы ты приехать во Фрихолд прямо сейчас?
- Извини, но мой экипаж в починке, — ответил Гримс.
- Твой экипаж слишком медленный. Возьми такси или попроси, чтобы тебя кто-нибудь подбросил.
- И чтобы ты его оскорблял, когда мы приедем, да? Ну-ну.

— Я буду сладким, как сахар.

— Если так... вчера Джимми Стивенс говорил, будто ему нужно увидеть тебя.

— Возьми его. Мне бы хотелось его увидеть.

— Попытаюсь.

— Перезвони мне. Только не задерживайся.

Уолдо встретил их в приемной, где центробежная сила была отключена. Как только они вошли, он начал представление.

— Боже мой, я рад, что вы приехали. Доктор Стивенс, не могли бы вы отвезти меня на Землю — прямо сейчас. Кое-что случилось.

— Наверное... мог бы.

— Тогда поехали.

— Минуточку, Уолдо. На корабле Джима нет тех условий, которые тебе нужны.

— Ничего, я пройду через это, дядюшка Гус. Дело очень срочное.

— Но...

— Никаких "но". Поехали, сейчас же.

Они загнали Бальдура в корабль и привязали его. Гримс побеспокоился, чтобы кресло Уолдо находилось в зоне наименьшего ускорения. Уолдо уселся и закрыл глаза, чтобы избежать ненужных вопросов. Он бросил осторожный взгляд и увидел, что Гримс мрачен, как туча.

Этот полет был не самым лучшим в биографии Стивенса, но на стоянку возле квартиры Гримса он сел достаточно мягко. Гримс прикоснулся к руке Уолдо.

— Как ты себя чувствуешь? Я сейчас найду кого-нибудь, и мы занесем тебя внутрь. Я хочу уложить тебя в постель.

— Можно этого не делать, дядюшка Гус. Лучше дай мне руку.

— Что?

Но Уолдо сам дотянулся до его руки и поднялся из кресла.

— Думаю, со мной все будет в порядке. — Он отпустил руку доктора и пошел к выходу. — Ты можешь отвязать Бальдура?

— УОЛДО!?!

Уолдо обернулся, счастливо улыбаясь:

— Да, дядюшка Гус! Это правда. Я больше не бессилён. Я могу ходить.

Гримс прислонился к одному из сидений и дрожащим голосом произнес:

— Уолдо, я старый человек. Тебе не следовало бы делать со мной такие вещи! — и он смахнул слезы.

— Да, — согласился Стивенс, — это весьма жестокая шутка.

Некоторое время Уолдо тупо переводил взгляд с одного лица на другое.

— Простите меня, — извиняющимся голосом сказал он. — Я просто хотел удивить вас.

— Все в порядке. Давайте спустимся вниз и выпьем. И ты сможешь рассказать нам обо всем.

— Хорошо. Пошли, Бальдур. — Пес поднялся и пошел за хозяином. Походка была у него очень странная — он двигался не как собака, а как иноходец.

Уолдо довольно долго пробыл у Гримса. Он набирался сил, учился новым для него рефлексам и наращивал мышцы. Его ничто не сдерживало — миастения исчезла. Все, в чем он нуждался, — это чтобы ему показали, как правильно действовать.

Гримс почти сразу же простил ему чрезмерно жестокую и показушную выходку, понимая его желание продемонстрировать невероятное исцеление. Однако твердо настоял на том, чтобы, пока Уолдо полностью не приспособится к новым условиям, он не выходил один. Для Уолдо даже простейшее могло стать настоящим бедствием. Например, лестницы. Он мог ходить по ровному полу, однако спуститься по ступенькам ему пришлось учиться. Подниматься было нетрудно.

Как-то раз пришел Стивенс и застал Уолдо одного в гостиной. Тот слушал какое-то сообщение по стереоканалу.

— Здравствуйте, мистер Джонс.

— О, хэлло, доктор Стивенс! — Уолдо поспешно наклонился, надел туфли и застегнул их. — Дядюшка Гус говорит, что я должен носить их все время, — объяснил он. — Все так делают. Но вы застали меня врасплох.

— О, неважно. Совершенно необязательно носить их в доме. А где док?

— Уехал на целый день... А что, правда, не нужно? Мне кажется, мои сиделки всегда их носили.

— Да, все посят, но закона, который бы заставлял вас это делать, нет.

— Тогда я буду их носить, тем более, мне это не нравится. Я их ощущаю как что-то мертвое, ну, например, как пару отключенных уолдо. Но я хочу научиться.

— Научиться носить их?

— Научиться поступать, как люди. Это действительно сложно, — серьезно сказал Уолдо.

Вдруг на Стивенса снизошло какое-то откровение. Он почувствовал прилив симпатии к этому человеку, которому не на кого было опереться, у которого не было друзей. Все для него должно быть странным и непривычным. Он захотел объясниться с Уолдо.

— Вы сейчас действительно сильны?

— Я становлюсь сильнее с каждым днем, — счастливо улыбнулся Уолдо. — Я выжал сегодня утром на динамометре девяносто килограммов. И смотрите, сколько жира я сбросил.

— Да, вы, похоже, в норме, в полном порядке. И вот ведь странное дело. С самого первого раза, когда я вас увидел, я молил небеса, чтобы вы были таким же сильным, как любой обычный человек.

— Правда? Почему?

— Ну... Думаю, вы согласитесь, что вы вели себя со мной отвратительно и не единожды. Вы все время меня раздражали. Я хотел, чтобы вы были сильным, тогда я смог бы вас хорошенько отлупить.

Уолдо ходил взад-вперед, привыкая к туфлям. Он остановился и взглянул в лицо Стивенсу.

— Вы хотели со мной подраться, да? — Он выглядел очень удивленным.

— Именно. Вы так разговаривали со мной, что ни один мужчина этого не стерпел бы. Если бы вы не были инвалидом, я бы вас отделал как следует, и не однажды.

— Кажется, я вас понимаю, — медленно сказал Уолдо, как будто обдумывая новую идею. — Ну, хорошо...

На последнем слове он развернулся и нанес Стивенсу удар сбоку, вложив в него недюжинную силу. Стивенс абсолютно этого не ожидал, и удар застал его врасплох. Он без сознания свалился на пол.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что сидит в кресле, а Уолдо изо всех сил его трясет.

— Разве что-то не так? — настойчиво спрашивал Уолдо.
— Чем вы меня ударили?
— Рукой. Что-то не так? Вы же этого хотели?
— Я... Я хотел? — у него перед глазами все еще плыли радужные круги, однако ситуация стала его забавлять.
— Послушайте, вы что, считаете, что так начинают драку?

— А что, нельзя?

Стивенс попытался объяснить ему этикет современного американского кулачного боя. Уолдо был совершенно озадачен, но в конце концов согласно кивнул.

— Понял. Вы должны предупредить другого человека. Понятно. Хорошо. Вставайте и начнем.

— Тихо! Тихо! Минуточку. Вы так и не дали мне возможности досказать то, что я хотел. Я испытывал к вам жалость. А теперь — нет. Вот что я пытался вам объяснить. Вы были совершенно отвратительны. Однако другим вы и не могли быть.

— Я совсем не хочу быть злым, — серьезно ответил Уолдо.

— Я знаю, и вы теперь не такой. Вы мне теперь нравитесь. Теперь, когда вы сильный, вы мне нравитесь.

— Правда?

— Да. Но, пожалуйста, не избирайте меня больше мишенью для своих ударов.

— Не буду. Но я не совсем понял. А знаете, доктор Стивенс...

— Зовите меня Джим.

— Джим. Очень трудно бывает понять, чего люди от тебя ждут. Это не укладывается ни в какие рамки. Например, отрывка. Я не знал, что нельзя отрывать, когда в помещении находятся другие люди. А иногда мне это просто необходимо... А дядюшка Гус говорит — нет!

Стивенс попытался разъяснить ему кое-какие основы, но не слишком успешно, поскольку Уолдо не имел ни малейшего понятия, пусть чисто теоретического, о том, что такое поведение в обществе. Даже из художественной литературы он не составил себе никакого представления о том, каковы нормы поведения. Да и чему здесь удивляться, ведь он почти не читал художественной литературы. Он прекратил читать романы еще в детстве, поэтому, став старше, совершенно не воспринимал беллетристику.

Парадокс: он был богатым человеком, гением, всемогущим в области механики, однако ему впору было идти в детский сад.

У Уолдо возникло предложение.

— Джим, вы мне очень помогли. Вы объяснили все это гораздо лучше, чем дядюшка Гус. Я найму вас, чтобы вы меня учили.

Стивенс подавил легкое чувство раздражения.

— Извините. Но у меня есть работа, на которой я очень занят.

— А, это мы устроим. Я буду платить вам гораздо больше, чем они. Вы можете сами назвать сумму. Спорить не буду.

Стивенс глубоко вздохнул и задержал дыхание.

— Вы меня не поняли. Я инженер, а не приходящая прислуга. Вы не можете нанять меня. Если хотите, я буду помогать вам всем, чем смогу. Но деньги за это брать не буду.

— А почему нельзя брать деньги?

"Вопрос сформулирован неправильно, — подумал Стивенс. — В том виде, как он задан, на него невозможно ответить". И он углубился в длинное и запутанное обсуждение профессионального и делового поведения. Но он и в самом деле не очень годился для подобных дискуссий. Уолдо скоро сдался.

— Боюсь, я не совсем понимаю... Но послушайте, может, вы меня научите, как вести себя с девушками? Дядюшка Гус говорит, что он не рискует выводить меня в люди, приглашать в компании.

— Ладно, постараюсь. Но, Уолдо, я пришел, чтобы поговорить о проблеме, с которой мы столкнулись на заводе. О теории двух пространств, о которой вы мне рассказывали...

— Это не теория — это факт.

— Хорошо. Но вот что и хочу, знать: когда вы собираетесь вернуться во Фрихолд?

— Понятия не имею. Я совсем не собираюсь продолжать исследования.

— Нет? Боже мой, но вы не закончили и половины тех исследований, о которых мне говорили.

— Ребята, это вы можете сделать и сами. А я вам буду помогать.

— Ну, может, нам удастся заинтересовать Грэмпа Шнайдера, — с сомнением произнес Стивенс.

— Я бы не советовал, — ответил Уолдо. — Хотите, я покажу вам письмо, которое он мне прислал?

Уолдо вышел, и через несколько минут вернулся с письмом.

— Вот оно.

Стивенс пробежал письмо глазами:

"... ваше великодушное предложение принять участие в разработке нового проекта получения энергии я очень ценю, но, если честно, меня совершенно не интересуют подобные вещи, и я не намерен брать на себя никакой ответственности. А относительно вашего теперешнего состояния, вашей силы — я счастлив, но совершенно не удивлен. Сила и энергия Другого Мира принадлежат тому, кто обращается за ними".

Письмо, написанное в манере Спенсера, выдержанное по стилю и по духу, совершенно не содержало тех словечек, которыми изобиловала речь Шнайдера.

— М-м-м, думаю, мне понятно, что вы имеете в виду.

— Мне кажется, — серьезно заметил Уолдо, — что он считает наши изобретения и аппараты детскими забавами.

— Думаю, так. Скажите, а что собираетесь делать вы?

— Я? Точно еще не знаю. Но могу сказать следующее: я собираюсь развлекаться. Причем развлекаться на всю катушку. Я только сейчас начал понимать, как это прекрасно — быть человеком, мужчиной.

Его костюмер стянул вторую туфлю.

— Рассказ о том, почему я выбрал танцы, занял бы очень много времени, — продолжал Уолдо.

— Мне бы хотелось услышать подробности.

— Звонят из госпиталя, — сказал кто-то в гримерной.

— Скажите, что я скоро буду. Может быть, вы придете завтра утром? — обратился он к женщине-репортеру. — Сможете?

— Конечно...

Сквозь плотное кольцо людей, окружавших Уолдо, протиснулся человек. Уолдо поймал его взгляд.

— Хэлло, Стенли. Рад тебя видеть.

— Хэлло, Уолдо. — Глисон вытянул из-под накидки какие-то бумаги и бросил на колени танцовщика. — Сам принес бумаги, потому что хотел еще раз посмотреть выступление.

- Понравилось?
- Грандиозно!
- Уолдо улыбнулся и взял бумаги:
- Где подписывать?
- Сначала прочитай, — предупредил Глисон.
- О нет, не стоит! Если это устраивает тебя, меня это тоже устроит. Дай мне ручку — подписать.
- К ним пробрался какой-то озабоченный коротышка.
- Уолдо, я насчет записи...
- Мы уже обсуждали этот вопрос, — невыразительно сказал Уолдо. — Я выступаю только перед публикой.
- Но мы включим это в бенефис Уорм Спрингс.
- Ну, тогда другое дело. О'кей.
- Раз вы согласились, тогда взгляните на проспект.
- Это было большое объявление, которое гласило:

**"ВЕЛИКИЙ УОЛДО
и его труппа"**

Ни дата, ни место выступления указаны не были. Только фотография Уолдо в роли Арлекино, высоко парящего в воздухе.

— Прекрасно, Сэм, прекрасно! — счастливо кивнул Уолдо.

— Снова звонят из госпиталя.

— Я готов, — ответил Уолдо и поднялся. Костюмер набросил накидку на его худые плечи. Уолдо громко свистнул.

— Ко мне, Бальдур! Пошли.

На пороге он на секунду задержался и помахал рукой:

— Спокойной ночи всем!

— Спокойной ночи, Уолдо!

"Все они — шикарные парни", — мелькнуло у него в голове.

МАГИЯ, ИНК.

© 1950, by Robert A. Heinlein
© Перевод. А.В.Цират, 1992

"Чьим волшебством ты пользуешься, приятель?" — таковы были первые слова, которые произнес этот тип, когда мы остались одни. Он слонялся по моему магазину уже, наверно, минут двадцать — рассматривал образцы водонепроницаемого пигмента, перелистывал каталоги водопроводных систем, неумело вертел в руках выставочные металлические изделия.

Его манеры не понравились мне: не люблю, когда суют нос не в свое дело.

— Местных волшебников, работающих по лицензии, — ответил я сухо, но довольно вежливо. — А почему вас это интересует?

— Ты не ответил на мой вопрос, — настаивал он. — Выкладывай. Не заставляй меня ждать целый день.

Мне удалось сдержаться. Я требую от своих служащих быть вежливыми с покупателями. И сам не собирался изменять данному правилу, хотя и был уверен, что этот парень никогда не будет моим покупателем.

— Если вы хотите что-нибудь приобрести, я с удовольствием расскажу вам о магии, которая используется при производстве этого товара, и назову имя волшебника, — сказал я.

— Ты нелюбезен, — недовольно заметил он. — Мы предпочитаем тех, кто с нами сотрудничает. Люди должны помогать друг другу. Никогда не знаешь, что будет завтра.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил я, теряя терпение. — Кто это "мы"? И что может случиться завтра?

— Вот это другой разговор, — отозвался парень с угрожающей ухмылкой и уселся на край прилавка так близко от меня, что я чувствовал на своем лице его дыхание.

Он был маленький и смуглый — сицилиец, насколько

я мог судить, — в хорошо шитом костюме. Вся его одежда была как раз в той цветовой гамме, которая меня безумно раздражает.

— Попытаюсь тебе объяснить. Я член организации, которая подстраховывает сообразительных и покладистых людей. Вот почему я спросил, чьими чарами ты пользуешься. Некоторые маги в здешней округе чрезвычайно недоброжелательны, и оттого их заклинания не действуют.

— Продолжайте, — поощрил я. Мне хотелось, чтобы он раскрыл себя как можно больше.

— Я не сомневался, что ты умница, — усмехнулся он. — К примеру, как тебе понравится, если в твой магазин ворвется саламандра, сожжет товары и распугает покупателей? Или вдруг окажется, что в доме, который построен из купленных у тебя материалов, поселился полтергейст: быются тарелки, ломается мебель, скисает молоко? Вот что происходит, если имеешь дело не с теми волшебниками. Самая малость чего-то такого — и твое дело рухнуло. Не хотелось бы, чтобы так случилось, правда? — он одарил меня еще одним мрачным взглядом.

Я промолчал, а он продолжал:

— Персонал нашего предприятия — лучшие демонологи и эксперты-чародеи. Они докладывают нам, как ведет себя волшебник в Полумире и может ли он принести неудачу. Мы советуем нашим клиентам, с кем иметь дело, и оберегаем их от неприятностей. Теперь понятно?

Я все прекрасно понял: не вчера родился. Магов, с которыми работал, я знал много лет. Эти люди имели хорошую репутацию как здесь, так и в Полумире. Они не делали ничего такого, что могло бы вызвать недовольство стихий. Поэтому у них все было в порядке.

Этот гнусный тип намекал на то, что я вынужден буду иметь дело только с теми магами, на которых они укажут, и платить за это столько, сколько они установят. При этом они будут отбирать у меня часть прибыли. Если же я откажусь сотрудничать с ними, на меня обрушатся неземные силы. Моя репутация будет испорчена, и это спугнет покупателей. А если мне все же удастся выстоять, останется ждать самого страшного — черной магии, которая может не только покалечить, но и убить. И все это под предлогом защиты меня от людей, которых я знаю и люблю. Да это чистый рэкет!

Я слышал, подобное бывает где-то на Востоке, но чтобы в таком маленьком городке, как у нас!..

Посетитель, однако, был здесь; он самодовольно ухмылялся в ожидании моего ответа, тугой воротничок заставлял его некрасиво дергать шеей. И это помогло мне кое-что увидеть: из-под воротника его щегольской рубашки выглядывала нитка. Похоже, на ней висел амулет. А это значит, что он суверен, в наш-то век!

— Вы кое-что выпустили из виду, — начал я. — Я седьмой сын и родился в сорочке, что позволило мне получить второе зрение. С моей судьбой все в порядке, над вами же, как кипарис над могилой, нависают неприятности — вот что я вижу! — Я протянул руку и дернул за нитку. Она осталась у меня в руке. На ней и в самом деле был амулет — отвратительный комочек чего-то непонятного и столь же привлекательного, как дно птичьей клетки. Я швырнул эту гадость на пол и затоптал.

Он спрыгнул с прилавка и стоял, глядя мне в лицо и тяжело дыша. В правой руке у него блеснул нож, а большим пальцем и мизинцем левой руки он сделал рога Асмодея, защищаясь от дурного глаза. Я понял, что он у меня в руках, по крайней мере в эту минуту.

— Есть магия, о которой ты не слышал! — Я дотянулся до ящика, стоящего за прилавком, выхватил оттуда пистолет и направил его в лицо моему "гостю".

— Холодное железо! А теперь возвращайся к своему хозяину и передай, что его ждет то же самое!

Он попытался, не сводя с меня глаз. Если б он мог, то убил бы меня взглядом. В дверях парень остановился и плюнул на порог, а затем очень быстро исчез.

Я убрал оружие и вернулся в магазин. Душа у меня была не на месте. Ведь репутация для человека — самый крупный капитал. Несмотря на свою молодость, я сумел создать себе имя, продавая только надежные товары. Без сомнения, этот негодяй и его приятели постараются сделать все возможное, чтобы опорочить меня. А это будет нетрудно, если у них на службе черные маги!

Конечно, при производстве строительных материалов используется меньше магии, чем для создания других, менее надежных и долговечных товаров. Когда люди строят дом, они хотят быть уверены в том, что однажды ночью кровать не провалится в подвал, а крыша не испарится, оставив их под дождем.

Кроме того, для постройки здания требуется довольно много железа, а коммерческих колдунов, которые могут справиться с холодным железом, очень мало. Услуги же тех немногих, которым это под силу, настолько дороги, что приглашать их на строительство неэкономично. Конечно, если какой-то оригинал захочет похвастаться, что у него есть беседка или бассейн, построенные исключительно с помощью заклинаний, я подпишу с ним контракт. Но возьму за это соответствующую плату, и моим помощником будет первоклассный и самый дорогой маг. Хотя, должен сказать, предприятия, подобные моему, пользуются магией только при изготовлении второстепенных вещей — как правило, быстроизнашивающихся товаров и украшений, которые люди предпочитают покупать недорого и время от времени менять.

И тем не менее в последнее время я думал о магии почти беспрестанно, особенно в связи с недавним звонком некоего Дитворта. Это были не угрозы, а простое деловое предложение, на которое я до сих пор не ответил. Оно меня беспокоило.

Я закрыл магазин немного раньше и отправился к Джедсону, моему коллеге, который занимается изготовлением одежды. Джедсон гораздо старше меня и достаточно хорошо разбирается во всех видах колдовства, белой и черной магии, некрологии, демонологии, а также в заклинаниях, чарах и ворожбе. К тому же он проникательный, практичный и предусмотрительный человек. К его советам я прислушивался.

Я надеялся, что в это время Джедсон будет не слишком занят, но ошибся. Секретарь провел меня в комнату, которую обычно использовали для проведения аукционов. Я постучал и приоткрыл дверь.

— Привет, Арчи, — отозвался Джедсон, увидев меня. — Проходи. У меня кое-что есть. — Он отвернулся.

Я вошел и осмотрелся. Кроме Джо Джедсона в комнате находилась привлекательная рослая женщина лет тридцати в униформе медицинской сестры и парень по имени Август Велкер, мастер Джедсона. Он действительно мастер на все руки и имеет лицензию мага третьего класса. Еще я заметил упитанного, маленького Задкиля Фельдштейна -- агента многих магов, в основном посредственных, хотя были среди них и несколько первоклассных. Религия Задкиля запрещала ему самому практиковать магию, но, как я понял,

против того, чтобы он получал честные комиссионные, никто не возражал. Мне приходилось иметь с ним дело — это был неплохой малый.

Фельдштейн сжимал погасшую сигару и внимательно наблюдал за Джедсоном и некоей особой, устало откинувшись в кресле. Это была девушка не старше двадцати пяти лет. Блондинка, худая до такой степени, что вся светилась. У нее были нежные руки с длинными, тонкими пальцами и печальные складки в уголках чувственного рта. Медсестра растирала ей затылок.

— Что случилось? — заинтересовался я. — Малышка потеряла сознание?

— Да нет, — ответил Джо, поворачиваясь. — Это белая ведьма, она работает в состоянии транса. Сейчас немного устала, вот и все.

— А какая у нее специальность?

— Одежда.

Вся одежда, которой торговал Джедсон, изготавливалась с помощью магических заклинаний. Решающим фактором здесь был фасон, а не качество. Эти вещи обычно имели маркировку "На один сезон". Но они были настолько хороши, что нравились очень многим покупателям.

У Джедсона были хорошие связи с гномами. И он получал новые фасоны и необычные оттенки из Полумира. Кроме того, у него работало несколько талантливых художников-модельеров. Некоторые из них опробовали свои новинки в Голливуде. Джо против этого не возражал.

Но вернемся к блондинке...

— Да, — продолжал Джедсон, — любая одежда. И хорошего качества. У нее был контракт с текстильной фабрикой в Джерси. Я бы дал тысячу долларов, чтобы увидеть, как она продлевает этот фокус с одеждой. У нас ничего не получается. Я перепробовал все, кроме раскаленных щипцов.

Услышав это, девушка посмотрела встревоженно, а медсестра — возмущенно. Джедсон успокоил протестовавшего было Фельдштейна:

— Да это просто к слову, ты же знаешь, я не пользуюсь черной магией. Послушай, дорогая, — он повернулся к девушке, — хочешь попробовать еще разок?

Она кивнула.

— Хорошо, усни!

Таинство колдовства сопровождалось слабыми стонами.

Эктоплазма появилась свободно и оформилась в аккуратное, маленькое ободенное платье приблизительно шестнадцатого размера из небесно-голубого муарового шелка. Оно было весьма изысканным, и я уверен, что, увидев его, любой оптовик сделал бы довольно большой заказ.

Джедсон нетерпеливо схватил платье, отрезал кусочек ткани и начал внимательно его изучать. Закончив, он вытащил образчик из-под микроскопа и поджег.

— Черт возьми! — выругался он, — никаких сомнений: это вовсе не новая ткань — она просто вернула к жизни старую тряпку!

— Сойдет, — успокоил я. — Ничего страшного!

— Да?! Арчи, тебе действительно стоит немного подучиться. То, что она сейчас сделала, не называется созидательной магией. Это платье когда-то где-то существовало. У нее был лоскуток от него или, может быть, пуговица, и она, применив законы гомеопатии и ассоциативного мышления, создала подобие этого платья.

Я понимал его, потому что использовал в своем деле те же методы. Когда-то у меня была одна из секций спортивной трибуны. Опытный мастер-механик построил ее из отличного материала и, естественно, без всякого железа. Я разрезал секцию на кусочки. По закону ассоциации каждый кусочек оставался частью бывшей структуры; в соответствии с законом гомеопатии каждый кусочек потенциально мог стать целой конструкцией. Я заключил контракт и должен был воссоздать трибуну перед праздником Четвертого июля и цирковым парадом. Двое магов, которых я задействовал, имели необходимое количество фрагментов. На каждый фрагмент в течение 24 часов действовало заклинание. Потом трибуна автоматически исчезала.

И здесь у нас случился прокол. Один из магов — новичок — должен был собрать после исчезновения трибуны фрагменты основы — для дальнейшего применения. Ну, а этот разиня умудрился подхватить "чужой" кусок дерева. И когда мы использовали его в следующий раз — перед съездом гробовщиков — вместо трибуны на углу Четырнадцатой улицы и улицы Виноградной лозы выросло четырехкомнатное бунгало. Чтобы избежать неприятностей, я был вынужден вывесить на нем табличку "Демонстрируется новая модель дома", а рядом поспешно пристроить секцию.

Как-то меня попытался выжить из этого бизнеса загородный концерн, но одна их конструкция почему-то упала

и покалечила нескольких человек. С тех пор в этой области я был практически вне конкуренции.

Поэтому я не понимал возражений Джо Джексона против воссоздания платья.

— Какая разница? — настаивал я. — Это ведь платье?

— Безусловно, платье, но не новое! Этот фасон уже где-то зарегистрирован, и мне не принадлежит. Но даже если бы она использовала один из моих образцов, все равно это не то, что мне нужно. Я могу сделать товар лучше и дешевле и без этого.

Блондинка пришла в себя, увидела платье и воскликнула:

— О, мистер Джексон, у меня получилось?

Джо объяснил ей. Ее лицо вытянулось, и платье тотчас же испортилось.

— Не расстраивайся, детка, — Джексон похлопал ее по плечу, — ты просто устала. Завтра мы попробуем еще раз. Я уверен, ты сможешь это сделать, если не будешь нервничать и переутомляться.

Она поблагодарила его и ушла вместе с медсестрой. Фельдштейн начал многословно оправдываться, но Джексон попросил его забыть обо всем и предложил собраться в это же время завтра. Когда мы остались одни, я рассказал ему, что со мной произошло.

Он слушал молча, с серьезным лицом, за исключением того момента, когда я живописал, как мне удалось одурачить нахала, сообщив, что обладаю вторым зрением. Это его позабавило.

— Жаль, что на самом деле у тебя нет второго зрения, — сказал он наконец, становясь опять мрачным. — Перспектива не из приятных. Ты уведомил Бюро по улучшению бизнеса?

Я признался, что не сделал этого.

— Ладно, я позвоню им и еще в Торговую палату. Скорее всего, помощи от них ждать не приходится, но они должны знать об этом и быть настороже.

Я поинтересовался, не думает ли он, что следует поставить в известность и полицию. Он покачал головой:

— Еще не время. Ничего противозаконного не сделано, и в любом случае единственное, до чего сможет додуматься шеф, так это допросить с пристрастием всех магов города, работающих по лицензии. Ни к чему хорошему это не приведет, лишь восстановит против тебя легальных профессионалов. Я не поставлю и одного против десяти за то,

что колдуны, связанные с этой компанией, имеют лицензию на занятие магией. Они почти наверняка действуют тайно. Если же полиция знает о них, значит, она им покровительствует, а если не знает, то вряд ли сможет тебе помочь.

— Что же мне делать? Как ты считаешь?

— Пока ничего. Иди домой и ложись спать. Возможно, парень играет в одиночку, занимаясь незначительным вымогательством, обычным запугиванием. Хотя я так не думаю — этот тип скорее похож на гангстера. Нам нужно больше информации, мы ничего не можем предпринять, пока они хотя бы еще немного не раскроют свои карты.

Нам не пришлось долго ждать. На следующее утро, когда я пришел в магазин, то обнаружил там несколько сюрпризов, и все неприятные.

Выглядело так, будто ночные грабители все разгромили и сожгли, а затем сильный водный поток очистил территорию. Я сразу же позвонил Джедсону. Джо пришел через несколько минут. Молча бродил он по руинам, что-то искал, внимательно рассматривал все, что попадалось под руку. Затем остановился на том месте, где была кладовая металлических изделий, нагнулся и зачерпнул мокрую золу, смешанную с грязью.

— Что-нибудь заметил? — поинтересовался Джо, перебирая мусор. На его ладони остались какие-то гвозди, болтики, шурупы.

— Ничего особенного. Здесь находились скобяные товары, а это то немногое, что не сгорело.

— Да, я знаю, — сказал он негерцеливо, — но неужели ты больше ничего не видишь? Разве ты не продавал медные детали?

— Продавал.

— Прекрасно, найди хоть одну!

Я поковырял носком ботинка в том месте, где должны были быть медные шарниры и ручки для мебели. Но не нашел ничего, кроме гвоздей, скрепивших ящики. Я проделал это еще раз на большом участке — вокруг было полно гаск и болтов, оконных крючков и другого хлама, но ни грамма меди.

Джедсон наблюдая за мной, ухмыляясь.

— Ну?! — спросил я. Это поведение начинало меня раздражать.

— Неужели ты не понимаешь? — удивился он. — Это

же чистой воды магия! Нигде не осталось ни единого кусочка металла, за исключением холодного железа.

Да, это было очевидно, и как я сразу не сообразил?!

Он повозился еще немного и вскоре набрел на нечто странное — скользкий, мокрый след, извивающийся по всему магазину и исчезающий в водосточной трубе. Было такое впечатление, что здесь прополз гигантский слизняк.

— Русалка, — объявил Джексон и поморщился от омерзительного запаха. — Однажды я видел фильм под названием "Дочь подводного короля". Там были такие русалки! Эрлу Короллу они очень понравились. Но если они оставляют такие следы, я не пожелал бы ни одной из них.

Он достал платок и расстелил его, чтобы не сесть в пыль, так как везде валялись мешки цемента, высококачественного, быстротвердеющего цемента фирмы "Гидролит". Они были разбросаны, как большие валуны.

Джексон детально прокрутил ситуацию:

— Арчи, ты получил пощечину по крайней мере от трех из четырех стихий — земли, огня и воды. Возможно, здесь был еще и силф воздуха, но не могу утверждать наверняка. Сначала пришли гномы и вынесли все, что происходит от земли, за исключением холодного железа. Потом явилась саламандра и напустила огонь. Все, что может гореть, сгорело до тла, остальное покорибилось или испортилось от дыма. Несгоревшие цемент и известь разрушила русалка, превратив здесь все в чертово болото. Ты застрахован?

— Естественно.

И тут я призадумался. Я был застрахован от обычного пожара, от обычной кражи и наводнения. Но страхование бизнес-риска было слишком дорогим, и я к нему не прибегал. Итак, источника средств для выполнения текущих контрактов не существовало. Я буду разорен, престиж моего дела подорван; убытки будут взысканы с меня по суду.

Ситуация была хуже, чем я думал, и чем больше я об этом думал, тем хуже она выглядела. Естественно, я не мог начинать нового дела. Сначала нужно было привести все в порядок, расчистить поместье, отстроиться и только тогда приобретать новые товары. К счастью, большинство моих бумаг хранилось в нестораемом стальном сейфе и осталось целым. Но еще будут приходить счета, по которым денег мне не получить, — я ничего не смогу предъявить

по ним. Я работал с большой долей риска, ведь весь мой капитал пущен в оборот. Да, похоже на то, что фирма Арчибальда Фрейзера, коммерсанта и подрядчика, идет к неминуемому банкротству.

Я объяснил ситуацию Джедсону.

— Не переживай так уж сильно, — успокаивал он меня. — Магия даст, магия и отбирает. Что нам сейчас необходимо, так это лучший маг города.

— А кто оплатит его услуги? — возразил я. — Эти ребята не работают за копейки, а я разорен.

— Не паникуй, сынок. Твоя страховая компания потеряет больше, чем ты. Если мы подскажем им способ, как спасти деньги, то и сами не будем в убытке. Кто их представляет?

Юридическая контора компании находилась в деловой части города, в здании профессий.

Я вызвал свою секретаршу и попросил, чтобы она обзвонила наших клиентов, которым сегодня должны были доставить товар. Нужно было по возможности отсрочить поставки, заказы же самых нетерпеливых — передать фирме, с которой я сотрудничал. Остальных служащих я отослал по домам. Они все равно с восьми часов валяли дурака, пугаясь под ногами и давая бестолковые советы. К счастью, была суббота, и у нас с Джедсоном было целых сорок восемь часов, чтобы найти выход.

Мы остановили магический ковер и направились к зданию профессий. Я пристроился сзади, решив насладиться поездкой и на какое-то время отключиться от всех проблем. Я люблю такси — они дают мне ощущение роскоши; я полюбил их еще больше с тех пор, как они лишились колес. Мы катились по бульвару в одном из новых кадиллаков каплевидной формы на воздушной подушке, бесшумные, как мысль, на высоте не более пятнадцати сантиметров от земли.

У нас в городе действует постановление муниципалитета, запрещающее воздушное перемещение с помощью оккультных средств. Дело в том, что однажды случилось несчастье. У моего коллеги был заказ на одиннадцать с лишним тонн стеклянного кирпича (для ремонта ресторана), который нужно было доставить в другой конец города. Он нанял мага, имеющего обычную транспортную лицензию. Не знаю, был ли этот малый неосторожен, неопытен или просто глуп, но все эти одиннадцать тонн рухнули на

крышу баптистской церкви на бульваре Перспективы. (А ведь каждому известно, что магия над освященной землей не срабатывает! Он должен был свериться с картой и избрать другой маршрут.) Был убит привратник, а могли пострадать многие прихожане. Это событие потрясло город. И с тех пор передвижение магических предметов разрешено лишь над самой землей.

Мистер Виггин, представитель фирмы "Виггин, Снид, Мак-Клебли и Виггин", был на месте. Он уже слышал о моем "пожаре". Виггин усомнился в том, что в деле замешана магия. Более того, он заявил, что это бред. Джедсон был терпелив.

— Вы разбираетесь в магии, мистер Виггин? — поинтересовался он.

— Нет, я не специалист в магической юриспруденции. Вы это имеее в виду?

— Я тоже не большой спец, но уже на протяжении многих лет магия — это мое хобби, я кое-что соображаю, и любой независимый эксперт подтвердит мою правоту. Давайте все же предположим, что ущерб нанесен магией. Если это действительно так, то есть возможность уменьшить потери. Имеете ли вы полномочия на составление исков?

— Думаю, что да, но не забывайте о правовых запретах и условиях контракта.

Я не удивлюсь, если, не имея за спиной контролера, он усомнится в том, что на его правой руке пять пальцев.

— Это *вы* должны до минимума снизить убытки вашей компании, — продолжал Джо. — Если я найду мага, который сможет полностью или частично нейтрализовать нанесенный магией ущерб, гарантируете ли вы ему гонорар, скажем, двадцать пять процентов от страховой суммы?

Он прокапался и пробормотал, что все это похоже на какую-то чертовщину. Если тут задействованы магические силы, то вряд ли нас станут слушать в суде. К тому же мой иск еще не признан, и я не уведомил компанию о позавчерашнем посетителе, что также не в мою пользу. В любом случае это очень серьезный прецедент, и он должен проконсультироваться в главном офисе.

Джедсон поднялся.

— Я вижу, мы попусту тратим время, мистер Виггин. Ваше заявление о возможной ответственности мистера Фрейзера смехотворно, и вы это знаете. В контракте не оговорена необходимость уведомлять компанию о подо-

бных вещах. Но даже если было бы иначе, у мистера Фрейзера есть его законные двадцать чегыре часа для любого уведомления. Я думаю, будет лучше, если мы сами проконсультируемся в главном офисе. — Он потянулся за своей шляпой.

— Джентльмены, джентльмены, пожалуйста! Давайте не будем спешить! Не согласится ли мистер Фрейзер заплатить половину гонорара?

— Нет. С какой стати? Это ваши потери. *Вы* страховали его, а не наоборот.

Виггин озабоченно прикусил дужку очков и сказал:

— Но стоимость работ мы определяем только по их окончанию.

— Неужели вы слышали о здравомыслящем человеке, который бы работал с колдуном иначе?

Двадцать минут спустя мы уже имели документ, который давал нам право нанять любую ведьму или любого колдуна для спасения моего имущества.

Вознаграждение было чисто символическим — оно не превыняло двадцати пяти процентов стоимости восстановленного.

— Мне показалось, что ты уже был готов бросить это дело, — сказал я Джелсону, облегченно вздохнув.

Он усмехнулся:

— Напрасно, сынок. Он просто пытался заставить тебя заплатить, чтобы сэкономить деньги. Я же дал ему понять, что вижу его насквозь.

Труднее было решить, к кому обратиться за помощью. Джелсон признался, что ближе, чем в Нью-Йорке, он не знает никого, кому можно было бы доверить эту работу. Тем более за такую мизерную плату.

Мы зашли в бар. Я заказал пиво, а Джо пошел звонить. Вскоре он вернулся.

— Кажется, я напел человека. У него прекрасная репутация. Правда, я никогда не имел с ним дела.

— Кто же это?

— Доктор Фортескье Биддл. Он живет в конце улицы, в здании железнодорожной биржи. Вставай, мы идем туда.

Я проглотил остатки пива и поднялся из-за стола.

Офис доктора Биддла впечатлял. У него были угловые комнаты на четырнадцатом этаже, и он не пожалел денег на их убранство. Помещение было обставлено в современ-

ном стиле и со строгой элегантностью. На стене — бордюры со знаками зодиака, вырезанными на отшлифованном и окаймленном алюминии стекле. Это было единственное украшение; остальная обстановка была очень простой, но богатой, много стекла и хрома.

Мы ждали Биддла около получаса. За это время я попытался представить, что бы я сделал с этими комнатами. Пятерника частично передал бы их в субаренду под десять процентов. Спустя некоторое время красивая девушка спокойным голосом предложила нам пройти в кабинет доктора. Мы оказались в маленьком помещении и ожидали еще минут десять. Эта комната походила на приемную. В ней было несколько застекленных книжных шкафов и старинный бюст Аристотеля. Чтобы скоротать время, мы с Джемсоном стали рассматривать шкафы. Они были набиты редкими академическими изданиями по магии. Джемсон как раз указывал мне на "Красную тарабарщину", когда сзади нас раздался голос:

— Занятно, не правда ли? Древние знали удивительно много. Конечно, эти знания не были научными, но в них есть своя логика.

Мы обернулись.

— Доктор Биддл, — прозвучало сдержанно.

Мы увидели красивого, худощавого, преисполненного чувства собственного достоинства мужчину лет сорока, с сединой на висках и маленькими жесткими усиками, как у британского майора. Одет он был так, словно сонел с посвященных моде страниц "Эсквайра"*. Его манеры были довольно приятными. Правда, в выражении лица проскальзывала некоторая надменность. Но в общем он мне понравился.

Биддл провел нас в свой кабинет, усадил и предложил сигареты.

— Вы, конечно, Джемсон, — начал он. — Вас прислал доктор Дитворт?

Я насторожился — это имя было мне знакомо. Джо ответил просто:

— Почему же? Вовсе нет.

Биддл на мгновение задумался, а затем сказал, обращаясь скорее к самому себе:

— Странно. Мне казалось, я слышал, как он упоминал

* Журнал для деловых людей.

ваие имя. Кто-нибудь из вас, — добавил он, — знает доктора Дитворта?

Мы одновременно кивнули, чем удивили друг друга. Биддл, казалось, успокоился и продолжал:

— Значит, сомнений нет... Но я должен кое-что уточнить. Надеюсь, джентльмены, вы извините меня, если я сму позвоню?

И тут он исчез — растаял в воздухе. Это было невероятно. Джедсон объяснил, что сделать такое можно лишь двумя способами: с помощью галлюцинации или выходом через Полумир. В любом случае, я считаю, со стороны Биддла это было просто-таки неприлично.

— Насчет этого парня, Дитворта, — начал я, — как раз хотел спросить тебя...

— Подожди, — прервал он. — Сейчас не время.

В эту минуту появился Биддл.

— Все в порядке, — сообщил он, обращаясь непосредственно ко мне. — Я могу взяться за ваше дело. Догадываюсь, что вы пришли ко мне в связи с тем, что произошло сегодня ночью.

— Да, — подтвердил я. — Однако откуда вы знаете?

— Чутье, — снисходительно усмехнулся он. — Ну, выкладывайте...

Джедсон объяснил, что случилось, и высказал свои предположения.

— Не знаю, специализируетесь ли вы в демонологии, — заключил он, — но мне кажется, что следовало бы вызвать силы, устроившие погром, и заставить их все восстановить. Если вы сможете это сделать, мы готовы заплатить любое вознаграждение.

Биддл снова улыбнулся и самодовольно оглядел дипломы, развешанные по стенам его кабинета, — целую выставку.

— Полагаю, у меня есть все основания, чтобы не разочаровать вас, — промурлыкал он. — Позвольте мне взглянуть на место происшествия. — И он снова исчез.

Это начинало меня раздражать. Прекрасно, когда человек — мастер своего дела, однако не стоит устраивать спектакль. Но не успел я повернуть, как Биддл опять появился.

— Пожалуй, вы правы, мистер Джедсон. Особых затруднений здесь быть не должно, — сказал он. — А теперь насчет...э-э... делового соглашения... — Он вежливо капля-

пул и слегка улыбнулся, как бы сожалея, что приходится обсуждать столь вульгарные вопросы.

Почему некоторые ведут себя так, будто зарабатывать деньги — оскорбительно? Я получаю законную прибыль и не стыжусь этого. То, что люди платят за мои услуги, доказывает, что моя работа нужна.

Сделку мы заключили без особых проблем. Биддл предложил встретиться в моем магазине минут через пятнадцать. Мы с Джелсоном вышли из здания и остановили такси. Уже в машине я спросил моего друга о Дитворте:

— Где ты с ним встречался?

— Он пришел ко мне с предложением.

Это заинтересовало меня. Дитворт мне тоже кое-что предлагал.

— Что за предложение?

Джелсон наморщил лоб.

— Да как тебе сказать... Довольно туманно. Короче, он якобы исполнительный секретарь местной благотворительной ассоциации, цель которой — помогать практикующим магам.

Это я уже слышал.

— А что еще?

— Он рассуждал о неадекватности существующих лицензионных законов и подчеркнул, что сейчас любой может сдать экзамены и через пару недель обучения заняться частной практикой Тарабарщины или черной магии без фундаментального знания тайных законов. Его организация представляет собой как бы бюро для усовершенствования стандартов. Примерно как Американская медицинская ассоциация, или Национальное общество университетов и колледжей, или Адвокатская ассоциация. Если я подпишу договор, обязуясь работать только с магами, входящими в ассоциацию, я смогу ставить на своих товарах их печать качества.

— Джо, — перебил я. — Но я, например, не хочу порывать с людьми, с которыми успешно сотрудничал. И не знаю, одобрит ли это ассоциация.

— Что же ты ему ответил?

— Да приврал слегка: сказал, что не могу подписывать никаких обязательств, не проконсультировавшись со своим адвокатом.

— Молодец! А он что?

— Отнесся к этому довольно сдержанно. Сказал, что я прав, и оставил мне просмотреть кое-какие материалы. Мне даже показалось, что он действительно хочет помочь. А ты о нем что-нибудь знаешь? Он не колдун?

— Нет. Но кое-что я раскопал. Я смутно помнил, что Дитворт работает в Торговой палате. Хотя и не знал, что он входит в советы более дюжины влиятельных корпораций. Он юрист, но не практикует. Похоже, все свое время отдает работе.

— Вообще-то он производит впечатление ответственной персоны.

— Да, пожалуй. Говорят о нем, правда, не слишком много как для особы такого ранга. Может быть, он уже не у дел? Впрочем, у меня кое-что есть на этот счет.

— Что именно?

— Я заглянул в регистрационные бумаги ассоциации Дитворта у секретаря палаты. Там только три фамилии, включая его собственную. Мне удалось узнать, что двое других — служащие его конторы.

— Подставные лица?

— Без сомнения. Но в этом нет ничего особенного. Меня заинтересовало другое: одну из этих фамилий я уже встречал.

— Ну?

— Ты же знаешь, я вхожу в ревизионную комиссию государственного комитета от моей партии. Я поискал эту фамилию там, где, как мне казалось, я ее видел. И нашел: секретарь Дитворта, некий Матнас, сделал огромный денежный вклад в фонд личной избирательной кампании губернатора.

На этом наш разговор прервался — мы прибыли. Доктор Биддл опередил нас и уже начал свои приготовления. Для работы он воздвиг небольшой (три на три метра) прозрачный павильон. Весь его фасад был скрыт от посторонних глаз защитным экраном. Джедсон предупредил, чтобы я к экрану не прикасался.

Должен сказать, что работал Биддл без своих обычных фокусов. Он поприветствовал нас и вошел в павильон, где сел на стул, вытащил из кармана блокнот с отрывными листами и стал читать. Джо сказал, что он использует и личные вещи. Даже если так, то я этого не заметил. Работал он в одежде.

Несколько минут ничего не происходило. Потом стены

павильона стали постепенно затуманиваться, и вскоре внутри уже ничего нельзя было разглядеть. К этому времени я осознал, что кроме Биддла там еще кто-то есть. Я не мог разобраться, кто именно, да, сказать по правде, и не стремился к этому.

Мы не слышали, о чем говорили внутри, но было очевидно, что шел спор. Биддл встал и начал энергично жестикулировать. Существо рядом с ним захохотало, запрокинув голову. Доктор при этом бросил обеспокоенный взгляд в нашу сторону и сделал быстрое движение правой рукой. Стены павильона стали совсем темными — больше мы ничего не увидели.

Через пять минут Биддл вышел из своей мастерской, и она мгновенно исчезла. Вид у мага был ужасный: волосы всклокочены, по лицу течет пот, воротничок измят и расстегнут. Куда девался весь его анлоб!

— Ну как? — нетерпеливо спросил Джелсон.

— Ничего нельзя сделать, мистер Джелсон, совершенно ничего!

— Вы не можете?

Это его покорило.

— Никто не сможет, джентльмены. Вот вам мой совет: бросьте это, забудьте!

Джелсон задумчиво смотрел на него. Я молчал. К Биддлу начало возвращаться самообладание. Он поправил шляпу, галстук и добавил:

— Я должен вернуться к себе в контору. Плата за осмотр составит пятьсот долларов.

Наглость этого человека лишила меня дара речи. Джо, однако, был невозмутим.

— К сожалению, вы се не заработали, — заметил он.

Биддл покраснел, но сохранял вежливость.

— Очевидно, вы меня неправильно поняли, сэр. По договору, который я заключил с мистером Дитворгом, маги, подписавшие контракт с ассоциацией, не имеют права давать бесплатные консультации. Это снижает престиж профессии. Гонорар, который я назвал, является минимальным для мага моего уровня.

— Я понимаю, — спокойно ответил Джелсон, — это, видимо, цена пребывания в вашем кабинете. Но вы не предупредили нас об этом, так что ваши претензии необоснованны. Что же до мистера Дитворга и договора, который вы с ним заключили, то нас это совершенно не касается.

Я советую вам перечитать контракт — и вы убедитесь, что мы вам ничего не должны.

Я думал, что на этот раз Биддл выйдет из себя, но он лишь промолвил: "Я не собираюсь устраивать перебранку. Вы еще услышите обо мне". И исчез по-английски, не попрощавшись.

В эту минуту я услышал легкий смехок. И пришел в бешенство: у меня был отвратительный день, а тут еще кто-то хихикает за моей спиной! Я резко обернулся. Передо мной стоял невысокий парень приблизительно моего возраста.

— Кто ты такой и какого черта смеешься? — рявкнул я.

— Извини, приятель, — произнес он с обезоруживающей улыбкой. — Я смеялся не над тобой, а над этим напыщенным ничтожеством. Твой друг здорово его отбрил.

— А что ты здесь делаешь? — спросил Джедсон.

— Я? Видите ли, я сам занимаюсь этим делом...

— Строительством?

— Нет, магией. — Он вручил Джедсону свою визитную карточку. Джо взглянул на нее и передал мне. Она гласила: "Джек Бади. Дипломированный маг. I класс. Телефон 3840".

— Понимаете, в Полумире я услышал, что одна шишка собирается здесь кое-кому насолить. И заглянул сюда, чтобы позабавиться. Долго ли вы его искали? Биддл совсем не подходит для таких вещей.

Джедсон взглянул на его карточку еще раз.

— Где вы учились, мистер Бади?

— Я получил степень бакалавра в Гарварде и закончил магистрат в Чикаго. Но не это важно — меня всему научил мой старик. Он же настоял, чтобы я поступил в колледж, потому что маг без степени не сможет в наше время получить приличную работу. И он был прав.

— Вы смогли бы справиться с этим? — спросил я.

— Что вы, нет! Я не стал бы делать из себя посмешище, как Биддл. А вы хотите найти кого-то, кто смог бы?

— Естественно! — воскликнул я. — Иначе зачем, по-вашему, мы здесь?

— Но вы пошли по ложному пути. Биддл привлекает только тем, что он учился в Гейдельберге и Вене. А это ничего не значит. Держу пари, вам никогда бы не пришло в голову обратиться к старомодной колдунье.

— Не совсем так, — ответил Джедсон. — Я справлялся

у нескольких знакомых, но никто не захотел взяться за это дело. А кого бы вы посоветовали?

— Вы знаете миссис Аманду Толд Дженнингс? Она живет в старой части города, за кладбищем.

— Дженнингс... Дженнингс... Нет, не припоминаю. Хотя, постойте! Не та ли это старая дама, которую зовут бабушка Дженнингс? Носит шляпки времен королевы Марии и ведет собственное дело?

— Она самая.

— Но она же не колдунья, а гадалка.

— Вы ошибаетесь. Она действительно не имеет регулярной коммерческой практики, потому что стара — она на девяносто лет старше Санта Клауса — и немощна. Но в ее мизинце больше магии, чем в книге Соломона.

Джедсон посмотрел на меня. Я кивнул, и он спросил:

— Как вы считаете, вы смогли бы уговорить ее помочь нам?

— Думаю, если вы ей понравитесь, она не откажется.

— Сколько вы хотите за посредничество? Десять процентов достаточно?

Бади выглядел смущенным.

— Черт, — откликнулся он, — я не мог бы взять и цента, она всегда так добра ко мне.

— Услуга того стоит — настаивал я.

— О, не будем об этом! Возможно, в будущем нам еще придется поработать вместе, и тогда вы мне поможет.

Вскоре мы распрощались. Бади пообещал сообщить миссис Дженнингс о том, что мы придем...

Найти нужный дом оказалось нетрудно. Он стоял в глубине двора на старой улице, вязы причудливо сплетались над ней своими ветвями. Это был одноэтажный коттедж с верандой, покрытой узорчатой резьбой. О дворе не слишком заботились, но вокруг крыльца росли восхитительные розы.

Джедсон дернул за шнурок дверного колокольчика. Несколько минут мы ожидали. Я рассматривал треугольники цветного стекла в боковых панелях двери и размышлял, живут ли еще мастера, способные выполнить такую работу.

Наконец вышла колдунья. Она была такая крошечная, что я видел ее макушку: чистая розовая кожа просвечивала сквозь редкие, аккуратные пряди волос. Весила она в одежде, пожалуй, не более тридцати килограммов, но стояла, гордо выпрямившись. На ней было бледно-лиловое платье с

белым воротничком; живые черные глаза вполне подошли бы Екатерине Великой или Джейн-предсказательнице.

— Доброе утро, — сказала она. — Входите.

Миссис Дженнингс провела нас через маленький холл с вышитыми бисером портьерами и усадила в своей гостиной. "Серафим, брысь!" — бросила она развалившегося на стуле коту. Кот срыгнул, пронесся с нетерпеливой важностью и, обвив хвостом лапы, сел, уставившись на меня и Джо. Он, как и его хозяйка, оценивал нас.

— Джек предупредил меня о вашем визите, — начала миссис Дженнингс. — Вы — мистер Фрейзер, а вы — мистер Джексон. — Это был не вопрос, это было утверждение. — Вы, очевидно, хотите узнать свое будущее. Какой способ предпочитаете: по руке, по звездам, по гуще?

Я собрался уже объяснить, что это недоразумение, но Джексон опередил меня:

— Думаю, будет лучше, если вы сами выберете, миссис Дженнингс.

— Прекрасно. Тогда сделаем это на завтрак. Сейчас я поставлю чайник, это займет не более минуты.

Она быстро вышла. Нам слышны были ее легкие шаги, на кухне в торопливой приятной дисгармонии зазвенела посуда.

Когда миссис Дженнингс вернулась, я спросил:

— Надеюсь, мы не слишком вас побеспокоили?

— Нисколько. Я люблю выпить утром чашечку чая. Это бодрит. Я как раз снимала с огня любовный напиток.

— Формула Зекербони? — заинтересовался Джексон.

— Боже милосердный, нет! — Она даже расстроилась.

— Я не стану убивать безобидные маленькие существа. Зайцы, и ласточки, и голуби — хорошенькое дело! Я не знаю, о чем думал Пьер Мора, когда предлагал такой рецепт. Я бы надрала ему уши! Нет, я использую колокольчик, апельсин и серую амбру. Это очень эффективно.

Джексон спросил, не пробовала ли она с соком вербены. Миссис Дженнингс внимательно на него посмотрела.

— Ты кое-что умешь, сынок, не правда ли?

— Совсем немного, матушка, — отвечал он серьезно, — совсем немного.

— Твои способности возрастут. Позаботься об этом. Ну, а в отношении вербены — это, как ты знаешь, тоже эффективно.

— И ведь прощсе?

— Конечно, прощсе. Но если этот простой метод будет известен всем, каждый станет пользоваться им самостоятельно и беспорядочно, а это скверно. Колдуньи же останутся без клиентов. Впрочем, это, возможно, как раз и хорошо! — Она изогнула белую бровь. — Но если ты ищешь простоты, то можно обойтись и без вербана. Здесь... — Колдунья наклонилась и коснулась моей руки. — *Bestat herlo corrumpit viscera ejus virilis.*

По-моему, она произнесла именно эти загадочные слова. Но я могу и ошибаться, потому что меня стремительно захлестнуло и полностью поглотило поразительное чувство: я влюбился, страстно, восхитительно влюбился в миссис Дженнингс! Нет, она не преобразилась в молодую красивую девушку. Передо мной по-прежнему была маленькая, сморщенная старушка с лицом умной обезьянки, настолько древняя, что могла бы быть моей прабабушкой. Но это не имело значения! Это была она, Елена, которую желают все мужчины, объект романтического обожания. Она улыбнулась мне теплой, полной нежного понимания улыбкой. Все было прекрасно, и я был бесконечно счастлив.

— Я не хочу смеяться над тобой, мальчик, — ласково сказала колдунья и опять коснулась моей руки, прошептав какое-то заклинание.

Все ушло. Миссис Дженнингс вновь стала милой старушкой, которая нечет для выпечки пирожки или сидит с больным соседом. Ничего не изменилось. Романтическое очарование исчезло, и я почувствовал себя опустошенным.

Вскипел чайник. Колдунья поспешила на кухню и вскоре вернулась с подносом, на котором стояли чашки, тарелочки с темным кексом и тоненькими ломтиками домашнего хлеба.

Когда мы выпили чай, миссис Дженнингс взяла чашку Джедсона и внимательно ее осмотрела.

— Не слишком много денег, — объявила она, — но тебе много и не нужно. Прекрасная, полная жизнь. — Она коснулась остатков чайной гущи кончиком ложечки. — Ты обладаешь ясновидением, и тебе нужно понять, что с этим делать. Но, я вижу, ты занят бизнесом, а не искусством. Почему?

Джедсон пожал плечами и, словно оправдываясь, ответил:

— Всегда под рукой работа, которую нужно сделать. И я ее делаю.

Она кивнула.

— Это хорошо. Понимание приходит в любой работе, и ты достигнешь этого. Торопиться не нужно. Ты поймешь, когда придет твое время, и будешь готов. А теперь позволь мне посмотреть твою чашку, — миссис Дженнингс повернулась ко мне.

Я протянул ей чашку. Несколько минут она ее изучала.

— М-да, у тебя нет ясновидения, как у твоего друга, но есть интуиция, которая необходима в твоей работе. И потом — я вижу деньги. У тебя будет много денег, Арчи Фрейзер.

— Не видите ли вы краха моего бизнеса в ближайшее время? — спросил я нетерпеливо.

— Нет, убедись сам, — она указала на чашку. Я заглянул в нее. На долю секунды мне показалось, что сквозь осадок я вижу живую сцену. Все было знакомым. Это был мой магазин: я заметил даже глубокие царапины на воротах, где неловкие водители грузовиков срезали угол. На восточной стороне участка было новое строение — дополнительное крыло, и два отличных новых пятитонных самосвала с моим именем на бортах въезжали во двор.

Я увидел себя выходящим из дверей конторы и идущим по улице. У меня была новая шляпа. А костюм тот же, что и сейчас на мне. И тот же галстук из клетчатой шотландки.

— Видишь, — сказала миссис Дженнингс, — за твой бизнес беспокоиться не стоит. Теперь давай взглянем, что там насчет любви, брака и детей, здоровья и смерти. — Она коснулась гунци кончиком пальца. Чайные листочки плавно закачались. Колдунья, нахмурившись, внимательно наблюдала. И наконец произнесла:

— Я не совсем понимаю. Моя собственная тень падает на твое будущее.

— Может, мне взглянуть? — предложил Дждсон.

— Успокойся! — Я удивился резкости ее тона. Миссис Дженнингс прикрыла рукой чашку и сочувственно посмотрела на меня.

— Нет ясности. Единственное, что могу тебе посоветовать, — позволь уму управлять сердцем и не мучай душу несбыточным. Тогда ты женишься, будешь иметь детей и будешь счастлив.

Затем она обратилась к нам обоим:

— Вы пришли сюда не гадать, вам нужна помощь иного рода. — И снова это был не вопрос, а утверждение.

— Какая, матушка? — спросил Джедсон.

— Вот для этого, — она сунула ему под нос мою чашку. Джо заглянул в нее.

— Правда, — подтвердил он. — А это возможно?

Я тоже заглянул в чашку, но ничего, кроме чайных листьев, не увидел.

— Вам не следовало нанимать Биддла, хотя эту ошибку можно понять. Давайте пройдемся. — Она поднялась, надела пальто, водрузила на макушку старомодную шляпку, взяла сумочку, перчатки. Мы вышли на улицу. Об условиях не было разговора — это казалось ненужным.

Когда мы вернулись на участок, мастерская миссис Дженнингс была уже готова. Она не была такой причудливой, как у Биддла, — просто старая, ярко раскрашенная палатка, похожая на цыганский шатер с остроконечным верхом. Колдунья отодвинула штору у входа и пригласила нас внутрь.

Внутри было темно. Миссис Дженнингс зажгла большую свечу и установила ее в центре комнаты. В колеблющемся свете пламени она начертила пять кругов: сначала большой, потом, перед ним, немного поменьше и два по бокам. В каждый из них мог стать человек. А рядом миссис Дженнингс нарисовала еще один круг, не более полуметра в диаметре.

Я никогда не присматривался к тому, как работают маги. Но миссис Дженнингс — это было другое дело. Жаль, что я не понимал того, что она делает и для чего. Я знаю, что внутри кругов она начертила множество кабалистических знаков. Насколько я мог судить, это был древнееврейский шрифт, хотя Джо и отрицает это. Особенно запомнился мне странный знак, похожий на букву "зет", оплетающую мальтийский крест. Колдунья зажгла еще две свечи и поставила их по бокам этого знака. Затем она вонзила кинжал, которым чертила знаки, в землю в вершине большого круга. Причем с такой силой, что он задрожал и еще долго продолжал вибрировать.

В центре самого большого круга миссис Дженнингс поставила складной стульчик, села на него, достала маленькую книжку и начала читать, беззвучно шевеля губами. Я не смог разобрать ни слова, да и нужно ли это?! Я огляделся вокруг — и вдруг увидел, что в маленьком кругу сидит

Серафим. Как он здесь оказался? Ведь мы оставили его запертым в доме. Кот сидел тихо и наблюдал за происходящим.

Вскоре миссис Дженнингс закрыла книгу и бросила в пламя самой большой свечи щепотку какого-то порошка. Свеча вспыхнула, вверх взметнулся клуб дыма. Я не могу с уверенностью говорить о том, что произошло дальше: дым разъедал глаза. Кроме того, Джо утверждает, что я совсем не понимаю цели окуривания. Но я все же предпочитаю верить собственным глазам. Одно из двух: дым либо ступился и стал телом, либо скрыл от нас момент появления нового лица: в центре круга перед миссис Дженнингс стоял широкоплечий, крепкий, мускулистый человек ростом чуть выше метра. На нем были бриджи, котурны и колпачок. Безволосая кожа, шершавая и грубая. Все на нем было монотонно тусклым, кроме глаз: они яростно блестели.

— Ну! — сурово сказала миссис Дженнингс, — ты слишком долго сюда добирался! Что можешь сказать в свое оправдание?

Он отвечал упрямо, как упрямый мальчишка, уличенный, но не раскаявшийся. Его речь — язык был мне незнаком — представляла собой набор резких гортанных и свистящих звуков. Колдунья некоторое время слушала, а затем прервала его:

— Меня не интересует, кто приказал тебе! Ты будешь держать ответ передо мной! Я требую, чтобы все было восстановлено!

Он опять ответил сердито, и тогда миссис Дженнингс перешла на его язык. Речь явно шла обо мне: он несколько раз бросал на меня мрачные взгляды и под конец плюнул в мою сторону.

Колдунья шлепнула его по губам. Он посмотрел на нее уничтожающим взглядом и что-то сказал. Тогда миссис Дженнингс схватила его за шиворот и, сняв туфлю, стала колотить. Бедняга завизжал, потом затих и только вздрагивал от каждого нового удара.

Наконец колдунья встала и швырнула его на землю. Гном поднялся и торопливо заковылял в свой круг.

— Вы, гномы, просто обнаглели, — голос миссис Дженнингс изменился. — Никогда не слышала ничего подобного! Еще одна такая выходка с твоей стороны — и твой народец увидит, как я тебе всыплю! Убирайся! Собери своих со-

братьев, пусть они тебе помогут. Во имя великого Тетраграмматона убирайся туда, куда тебе приказано!

Он исчез. И почти тотчас же возник следующий посетитель. Сначала в воздухе появилась крошечная искорка. Она превратилась в пламя, в огненный шар сантиметров двадцати в диаметре. Пронеслась над центром второго круга на уровне глаз миссис Дженнингс.

Она танцевала, кружилась, вспыхивала. Я догадался, что это саламандра.

Миссис Дженнингс молча смотрела на нее. Она, как и я, наслаждалась танцем. Это было совершенное, прекрасное существо, без единого изъяна. В ней пылала жизнь, цела радость, царил гармония цвета и формы.

Думаю, я довольно-таки прозаичный субъект. По крайней мере, я всегда придерживался принципа "делай свою работу, а все остальное — приложится". Но саламандра меня потрясла, в ней было нечто самоценное — независимо от того, вред или пользу она приносила. Я даже забыл о том, что она натворила у меня в магазине. Кот, и тот мурлыкал.

Колдунья заговорила с ней чистым, поющим сопрано, без слов. Саламандра отвечала плавными звуками и переливами цвета. Миссис Дженнингс повернулась ко мне.

— Она не стала отрицать, что сожгла твой магазин, — ее заставили это сделать. Мне же не хотелось бы принуждать ее к тому, что противно ее природе. Может быть, у тебя есть какая-то просьба?

Я на мгновение задумался.

— Скажите ей, что я был бы счастлив увидеть, как она танцует.

Миссис Дженнингс вновь зашла. Саламандра закружилась, запрыгала, ее огненные усики завертелись, выписывая восхитительные замысловатые узоры.

— Прекрасно, но этого недостаточно. Может быть, попросишь что-нибудь еще?

Я снова задумался.

— Скажите ей, что я сделаю в своем доме камин для нее, и она сможет там жить, когда захочет.

Миссис Дженнингс одобрительно кивнула и передала мои слова. Я почти понял ответ саламандры.

— Ты ей понравился, — подтвердила колдунья. — Позволишь ли ты приблизиться к себе?

— Она может меня обжечь?

— Здесь — нет.

— Тогда — конечно.

Миссис Дженнингс начертила между двумя нашими кругами букву "Т". Саламандра пронеслась под кинжалом — скользнула, как кошка в приоткрытую дверь. И закружилась вокруг меня, слегка касаясь моих рук и лица. Это прикосновение не жгло — лишь покалывало, как будто я ощущал ее трепет, а не ее жар. Потом она заструилась по моему лицу. Я погрузился в мир света и боялся вздохнуть. (Странное дело, но с тех пор, как саламандра коснулась меня, я ни разу не болел. Хотя обычно у меня каждую зиму насморк.)

— Довольно, довольно, — услышал я голос миссис Дженнингс, и огненное облако вернулось в свой круг. Музыкальный разговор возобновился, и они, видимо, быстро пришли к согласию, так как миссис Дженнингс удовлетворенно кивнула и сказала:

— Тогда прочь, огненное дитя! Возвратись, когда понадобится. Уходи!.. — И она повторила заклинание, которое произносила, вызывая короля гномов.

Русалка явилась не сразу. Колдунья вновь достала свою книжечку и стала читать монотонным шепотом. В палатке было очень душно, и меня начало клонить в сон. Но вдруг зашипел кот. Он выпустил когти, изогнул спину, распушил хвост: в центральном круге обозначилась некая бесформенная сущность. С нее капала вязкая слизь и растекалась до границ магического кольца. Запахло рыбой, водорослями и йодом, появилось некое свечение.

— Ты опоздала, — упрекнула миссис Дженнингс. — Ты получила мое послание, отчего же медлила?

Русалка издала очень неприятный протяжный звук.

— Отлично, — жестко сказала колдунья. — Я не буду с тобой спорить. Ты знаешь, чего я хочу. И ты это сделаешь!

Она встала и резким движением взяла большую центральную свечу. Пламя ярко вспыхнуло и превратилось в факел, высокий и жаркий. Колдунья протянула его над своим кругом к русалке.

Раздалось шипение, словно вода попала на раскаленное железо, а затем пронзительное бормотание. А миссис Дженнингс снова и снова взмахивала факелом над русалкой. Наконец она остановилась и посмотрела на дрожащее, съезжившееся существо.

— С тебя достаточно, — сказала колдунья. — В следующий раз будешь слушаться своей госпожи. Убирайся!

Казалось, русалка провалилась сквозь землю, оставив после себя высохшую пыль.

Миссис Дженнингс подала нам знак войти в ее круг. Чтобы мы могли это сделать, она нарушила наши круги кинжалом. Серафим тоже легко выпрыгнул из своего маленького круга и, громко мурлыча, стал тереться о ноги хозяйки. Миссис Дженнингс произнесла несколько непонятных слов и изящно хлопнула в ладоши. Раздались свист и шум. Стенки палатки вздымались. Снаружи мы слышали плеск воды и треск пламени, чью-то торопливую беготню. Миссис Дженнингс оглядывалась по сторонам, и та стена палатки, куда падал ее взгляд, сразу же становилась прозрачной.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. В ушах зазвенела тишина. Палатка исчезла. Мы стояли в моем хозяйственном дворе рядом с главным складом.

Все вернулось! Вернулось неповрежденным, без единого следа, оставленного огнем или водой. Я выбежал из главных ворот и бросился к тому месту, где когда-то был мой офис. О чудо! Он стоял как ни в чем не бывало, сияли на солнце витрины, эмблема моего клуба и огромная вывеска: "Арчибальд Фрейзер. Строительные материалы. Подряды".

Подошел Джелсон:

— Чего ты кричишь, Арчи? — Он взял меня за руку. Я непонимающе уставился на него...

В понедельник с утра дела пошли как обычно. Я думал, что все мои злоключения позади. Да не тут-то было!

Вначале я не придавал этому значения: мелкие неприятности, случающиеся в любой работе и тормозящие ее. Ни одна из них не стоила того, чтобы упоминать о ней отдельно. Между тем было одно "но": уж слишком часто они возникали.

Любой бизнесмен знает, что потери, обусловленные непредвиденными обстоятельствами, каждый год приблизительно одинаковы. Они должны быть заранее запланированы и учтены. Однако на этот раз случайностей и сложностей было так много, что мой чистый доход равнялся нулю.

Однажды утром не завелись два моих грузовика. При-

чипу мы установить не смогли. Пришлось на день арендовать другой грузовик. Нам удалось выполнить все заказы. Но когда я оплатил счета за аренду и ремонт, то оказался в убытке.

На следующий день я должен был заключать сделку с человеком, которого уламывал почти два года. Она не обещала мне большой прибыли, но была весьма перспективной. Парень владел солидной недвижимостью: несколько кортов, один или два многоквартирных дома, торговые точки по всему городу, в доходных местах. Он постоянно что-то ремонтировал и часто строил. Это сулило мне новые заказы. Если бы я его устраивал, он стал бы моим постоянным клиентом, к тому же с гарантированной оплатой.

Так вот, мы стояли в демонстрационном зале моей конторы, разговаривали и уже были готовы подписать контракт. Примерно в метре от нас располагалась аккуратная пирамида из банок с не выгорающей на солнце краской. Кинулся, ни один из нас не коснулся ее, но пирамида вдруг с грохотом рухнула. Крышка одной из банок отскочила, и мой потенциальный клиент оказался с головы до ног облит красной липкой жидкостью. Он извыв. Казалось, вот-вот — и рухнет в обморок. Я успокаивал его, тщетно пытаюсь отчистить его костюм своим носовым платком. Бедняга был вне себя.

— Фрейзер, — в ярости орал он, — вы должны уволить клерка, который споткнулся об эти банки! Посмотрите на меня! Мой костюм! Я заплатил за него восемьдесят долларов!

— Успокойтесь, — уговаривал я его, с трудом сдерживаясь. Я не собирался увольнять сотрудника, чтобы угодить клиенту, и не люблю, когда от меня такое требуют. — Ведь возле этих банок никого, кроме нас, не было.

— Вы хотите сказать, что я сам обрушил на себя эти чертовы банки?!

— Ну что вы! — Я вытер руки, направился к своему столу и достал чековую книжку.

— В таком случае это должны были сделать вы!

— Я так не думаю, — ответил я терпеливо. — Сколько, вы сказали, стоит ваш костюм?

— А что?

— Я выпишу вам чек на эту сумму. — Я действительно хотел так сделать. Я не был виноват, но ведь дурацкое происшествие случилось в моем магазине.

-- Ну, нет! Вы так легко не отделаетесь! — Он нахлобучил свою шляпу и выскочил из моей конторы. Я понял, что больше его здесь не увижу.

Вот такая штука. Конечно, не исключено, что банки и в самом деле были плохо сложены. Но ведь существует еще и полтергейст!

А через пару дней ко мне завился Дитворт... Я уже говорил о том, что на меняленно и ночью лился поток мелких неприятностей. И мое настроение, естественно, было не из лучших.

Как раз в этот день бригада цветных каменщиков отказалась продолжать работу: какой-то идиот мелом нацарапал на кирпичках подозрительные, видите ли, знаки. "Шаманские", — объявили работяги и не притронулись к кирпичам. А тут еще этот Дитворт!

— Добрый день, мистер Фрейзер, — весьма любезно начал он. — Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Не больше десяти. — Я подчеркнуто посмотрел на часы.

Дитворт поставил портфель рядом со стулом, на котором сидел, и достал из него какие-то бумаги.

— В таком случае я сразу перейду к делу. Речь идет об иске Бидди против вас. Я уверен, что мы сможем договориться и прийти к какому-то справедливому решению. Ведь мы — честные люди.

— У Бидди не может быть ко мне никаких претензий. Он кивнул.

— Я понимаю ваши чувства. Действительно, в контракте формально не указано, что в данном случае вы должны ему заплатить. Но не все можно предусмотреть в контракте. Существуют еще и моральные обязательства.

— Я веду все свои дела в письменном виде.

— Естественно, — согласился он, — вы ведь бизнесмен. Но бывают и иные ситуации. Если вы, например, просите дантиста удалить вам больной зуб и он делает это, вы обязаны заплатить ему, даже если это и не было специально оговорено...

— Верно, — прервал я его, — но это вовсе не аналогичная ситуация. Бидди ведь ничего не сделал.

— Это не совсем так, — настаивал Дитворт. — А осмотр места происшествия? Это тоже платная услуга. Бидди оказал ее вам до подписания контракта.

— Он должен был предупредить меня.

— Он считал это само собой разумеющимся, мистер Фрейзер. Вы подтвердили, что беседовали со мной; и доктор Биддл справедливо предположил, что я разъяснил вам систему оплаты в ассоциации.

— Но я не присоединялся к ассоциации!

— Знаю, знаю. Я объяснял это другим директорам, но они настаивают на том, что этот вопрос должен быть решен в пользу мистера Биддла. Лично я не считаю, что вы в полной мере заслуживаете порицания. Но войдите и вы в наше положение. Иначе мы не сможем принять вас в члены ассоциации.

— А почему вы решили, что я намерен вступить в вашу ассоциацию?

Дитворт выглядел оскорбленным.

— Не ожидал, что вы займете такую позицию, мистер Фрейзер. Ассоциация нуждается в людях вашего калибра. А вам — так просто без нее не обойтись: очень скоро без посредничества ассоциации будет весьма трудно найти квалифицированного мага. Мы хотим помочь вам. Не осложняйте себе жизнь, это неразумно.

Я поднялся.

— Вам лучше обратиться в суд, мистер Дитворт. Пожалуй, это будет единственно верное решение.

— Жаль, — Дитворт покачал головой. — Это может повредить вам в дальнейшем.

— Ну что ж, так тому и быть, — отрезал я и указал ему на дверь.

После его ухода я обругал секретаршу за нерадивость, потом пришлось извиняться. У меня была уйма работы, но я никак не мог успокоиться и метался по кабинету, отводя про себя душу. Чаша моего терпения переполнилась. Посещение Дитворта оказалось последней каплей. Говорят, у китайцев есть изощренная пытка: на голову жертвы монотонно и неотвратно капля за каплей падает вода. Это был именно тот случай.

В конце концов я позвонил Джелсону и попросил его пообедать со мной.

После обеда мне стало значительно лучше. Само присутствие Джелсона действует на меня успокаивающе. Когда же я рассказал ему обо всем, у меня словно гора с плеч свалилась. После второй чашки кофе и сигареты меня вполне уже можно было пускать в приличное общество.

Возвращаясь, мы для разнообразия обсуждали проблемы Джо. Белой ведьме из Джерси удалось наконец проделать работу высшего пилотажа и синтезировать обувь. Однако до совершенства было еще далеко: она умудрилась сотворить восемьсот туфель на левую ногу.

Мы как раз рассуждали о возможных причинах такого непредвиденного осложнения, как вдруг Джедсон сказал:

— Смотри, Арчи, тобой заинтересовались поклонники скрытой камеры.

Я оглянулся. На противоположной стороне улицы стоял какой-то парень и наводил камеру на мой магазин. Я узнал его!

— Джо! Это тот самый тип, о котором я тебе рассказывал. Тот, который приходил ко мне и с которого начались все неприятности!

— Ты уверен? — спросил он, понизив голос.

— Абсолютно. — Сомнений у меня не было: он стоял совсем недалеко от нас, и я отлично мог его рассмотреть. Та же средиземноморская внешность, та же кричащая одежда.

— Сейчас мы ему покажем! — шепнул Джедсон.

Я уже подумал об этом. Я кинулся к этому негодяю, схватил его за шиворот и, прежде чем он понял, что происходит, поволок через улицу. Мы оба чуть не грохнулись — так я был взбешен. Джо шел сзади, прикрывая нас.

Дверь моей конторы была открыта. Я отвесил этому дураку последний тумак, швырнул его через порог и закрыл дверь. Джедсон был уже тут. Он сделал широкий шаг к моему столу, вытащил средний ящик и начал поспешно рыться в хламе, который обычно скапливается в таких местах. Вскоре он нашел то, что искал, — химический карандаш, которым плотники делают разметку, — и подошел к гангстеру. Тот еще не пришел в себя. Быстро, спотыкаясь о свои ноги, Джо нарисовал вокруг него круг.

Наш невольный гость взревел, увидев эти манипуляции, и попытался выскочить из круга. Однако Джедсон оказался проворнее: он успел соединить линии и запечатал круг замысловатым завитком. Парень отскочил, словно натолкнулся на стеклянную стену, и упал на колени. В таком положении он и оставался, извергая при этом ругательства на различных языках: в основном по-итальянски, однако звучали и английские выражения.

Джедсон закурил и мне протянул сигарету.

— Давай присядем, Арчи, и отдохнем, пока наш друг не успокоится настолько, чтобы поговорить о деле.

Мы немного подымили. Поток ругательств не прекратился. Наконец Джо выразительно прищурился:

— Ты повторяешься, приятель!

"Приятель" умолк. Уселся на пол и злобно уставился на нас.

— Итак, — продолжал Джедсон, — что ты можешь сказать в свое оправдание?

Он пробурчал что-то себе под нос и объявил:

— Я хочу позвонить своему адвокату.

— Видимо, ты не понял ситуацию, дружок, — рассмеялся Джо. — Ты не арестован, и нам наплевать на твои законные права. Мы просто сублимируем яму и спустим тебя в нее. А затем она исчезнет — и ты вместе с ней, как будто ничего и не было. — Смуглое лицо гангстера слегка побледнело. — Да-да, — продолжал Джедсон, — мы вполне способны это сделать, а может быть, и кое-что похуже. Видишь ли, ты нам не нравишься. Конечно, — добавил он задумчиво, — можно просто отправить тебя в полицию. Иногда я бываю добрым, это моя слабость.

Парень и вовсе скис.

— И это тебе не нравится? У них что, есть отпечатки твоих пальцев? — Джо вскочил и стремительно шагнул к парню. — Отвечай! Зачем ты фотографировал?

Тот что-то промямлил, отводя глаза в сторону. Джедсон отмахнулся:

— Не вешай нам лапшу на уши, мы не дети! Кто приказал тебе сделать это?

Парень окончательно растерялся и замолчал.

— Ну что ж, — сказал Джедсон и повернулся ко мне. — У тебя не найдется немного воска, моделирующего клея или чего-нибудь в этом роде?

— Шпатлевка подойдет?

— Годится.

Я метнулся к стеллажу, где мы держали запасы для стекольных работ, и вернулся с трехлитровой банкой. Джедсон с трудом открыл ее и зачерпнул полную пригоршню. Затем, усевшись за мой стол, влил туда льняного масла, чтобы шпатлевка стала мягкой и податливой. Наш пленник молча наблюдал за его действиями.

— Ну вот! — Джо шлепнул комок на мой блокнот. Затем он начал мять его пальцами, и постепенно комок приобрел форму маленькой куклы. Надо сказать, никакого сходства не было — Джедсон не художник, но он продолжал время от времени переводить взгляд со статуэтки на мужчину в круге, как скульптор, делающий набросок непосредственно с модели. Было видно, что ужас парня возрастал с каждой минутой.

— Готово! — объявил Джо. — Она так же уродлива, как и ты. Так зачем ты фотографировал?

Тот не ответил, но отодвинулся дальше, в глубину круга. Лицо его стало еще более злобным.

— Говори! — прорычал Джедсон и повернул ногу куклы большим и указательным пальцами. Наш пленник, вскрикнув от боли, тяжело повалился на пол.

— Ты собирался произнести заклинание над этим местом, ведь так?

Впервые мы услышали связный ответ:

— Нет, нет, мистер! Не я!

— Не ты? Понятно, ты просто мальчик на побегушках. Кто должен творить магию?

— Я не знаю... Ой-ой! О, Боже! — Он обхватил рукой икру левой ноги и начал ее растирать, успокаивая боль. Джедсон вонзил в ногу куклы острое ручки. — Я действительно не знаю! Не надо больше!

— Может быть, и не знаешь, — согласился Джедсон, — но ты знаешь других бандитов и того, кто тебя подослал. Рассказывай! Парень качнулся и закрыл лицо руками.

— Не могу, мистер, — простонал он. — Пожалуйста, не заставляйте меня!

Джо снова уколол куклу. Гангстер содрогнулся от боли, но на этот раз промолчал, всем своим видом демонстрируя мрачную решимость.

— О'кей, — сказал Джедсон, — если ты настаиваешь... — Он затыкнул сигаретой и медленно приблизил ее горящий конец к лицу куклы. Мужчина в круге попытался уклониться, поднял руки, защищая лицо, но эти попытки были тщетными. Его кожа покраснела, распухла, расцвела волдырями. Меня начало тошнить, хотя я и не чувствовал никакого сострадания к этой крысе. Я повернулся к Джедсону, взглядом умоляя прекратить. Но ему и самому это все не доставляло удовольствия. Джо отвел сигарету.

— Ну, так как — будешь говорить? — спросил он.

Мужчина слабо кивнул, по его обожженным щекам струились слезы. Казалось, он близок к обмороку.

— Эй, не вздумай терять сознание! — Джо щелкнул куклу. Раздался звук настоящей пощечины, и голова парня дернулась как от удара. Похоже, это привело его в чувство.

— Все нормально, Арчи, записывай, — повернулся ко мне Джексон. — А ты, мой друг, выкладывай все, что знаешь. А если почувствуешь, что память "подводит" тебя, остановись и подумай, понравится ли тебе сигарета у глаз куклы!

И парень заговорил, вернее, забормотал. Дух его был полностью сломлен. Теперь, казалось, он сам страстно желал выговориться. Слова так и сыпались с его губ. Он останавливался только для того, чтобы перевести дух и вытереть глаза.

Он знает лишь пятерых, но уверен, что банда большая. Они намереваются собирать дань со всех лиц, связанных с магией, — магов и их клиентов. Нет, реально они не могут никого защитить. Кто главарь банды? Он назвал. Кто самый главный в рэжете? Этого он не знает. Да, он уверен, что босс работает на более крупную шишку. Но на кого — не знает. Сколько бы мы его ни пытали, он ничего больше не сможет сказать. Это большая организация. Его самого привезли с Востока, чтобы наладить работу местной группы. Маг ли он? Боже упаси, нет! А босс его группы? Нет, без сомнения, нет, вещами такого рода управляют сверху. Это все, что он знает. Может ли он теперь уйти? Джексон требовал, чтобы рэкетир еще что-нибудь вспомнил. Но ничего существенного тот не добавил. Я все тщательно записал. Последнее, что он сообщил: по его мнению, мы оба отмечены особым вниманием, поскольку успешно противостояли первому "уроку".

Джо оставил его в покое.

— Я отпускаю тебя, — сказал он. — Но тебе лучше убраться из города. Однако далеко не уезжай — ты можешь мне понадобиться. Понятно? — Он взял куклу и слегка сжал ее. Бедняга сразу же начал ловить ртом воздух. — Не забывай, я достану тебя в любое время, когда пожелаю. — Джо разжал пальцы: его жертва часто и тяжело задышала. — Я помещу твое "альтер эго" туда, где оно будет в безопасности, — за холодное железо. Когда я захочу тебя увидеть, ты почувствуешь вот такую боль, — он ущипнул куклу за левое плечо — бандит взвыл, — и позвонишь мне.

Джедсон вытащил из кармана жилета перочинный нож и разрезал круг в трех местах.

— А теперь убирайся!

Я думал, он понесется стрелой. Но он вздрогнул, нерешительно переступил черту, несколько минут постоял неподвижно. И лишь потом, спотыкаясь, побрел к дверям. На пороге он обернулся и взглянул на нас широко раскрытыми глазами, в которых застыл страх. Еще в них была мольба: как будто он хотел что-то сказать. Но передумал и вышел.

Я оглянулся на Джо. Он просматривал мои записи.

— Не знаю, — задумчиво промолвил он, — то ли передать их в Бюро по улучшению бизнеса и пусть они возьмется, то ли самим этим заняться. Довольно соблазнительно!

Но меня волновало другое.

— Джо, — сказал я, — зря ты обжег его.

— А? О чем ты? — похоже, он удивился. — Я ничего не делал.

— Не выкручивайся! — раздраженно воскликнул я. — Ты жег его через куклу, магией!

— Да не делал я этого, Арчи, честное слово. Никакой магии здесь нет, он сам себе все внушил. Поверь мне, я ничего не делал.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— Симпатическая магия на самом деле вовсе не магия, Арчи. Это всего лишь применение нейропсихологии и коллоидной химии. Этот негодяй все сделал себе сам, потому что верит в это. Я просто правильно оценил его менталитет.

Дикий вопль, донесшийся с улицы, прервал наш разговор. На самой высокой ноте крик оборвался.

— Что это? — у меня мгновенно пересохло в горле.

— Не знаю, — ответил Джо. Он направился к двери, вышел и посмотрел по сторонам. — Должно быть, где-то далеко, отсюда не видно. — Он вернулся в комнату. — Как я уже сказал, будет смешно, если...

Послышался вой полицейской сирены. Он приближался. Машина вынырнула из-за угла и промчалась по нашей улице. Мы переглянулись.

— Пойдем посмотрим? — сказали мы почти одновременно и нервно засмеялись.

Это был наш знакомый. Мы обнаружили его через полквартала от моей конторы. Тело окружала небольшая

толпа зевак. Толпились тут и полицейские из дежурной машины, стоявшей на обочине.

Гангстер был мертв. Он лежал на спине, в неестественной позе. Верхняя часть туловища разодрана. Сквозь глубокие раны белели кости. Было такое впечатление, что здесь поработал ястреб или орел. Однако птица, оставившая такие раны, должна была быть величиной с пятитонный грузовик.

Выражение лица трупа ни о чем не говорило. Лицо и горло были покрыты, а рот — забит желтоватой массой с багровыми прожилками, похожей на водянистый прессованный творог. Запах был самым тошнотворным из всех, с которыми я когда-либо сталкивался.

Мы поспешили вернуться в контору.

Прежде чем обратиться в Бюро по улучшению бизнеса или в полицию, мы решили провести собственное расследование. И правильно сделали: никого из бандитов, чьи имена были нам известны, найти не удалось. Множество фактов подтверждало, что эти люди существуют и проживали по адресам, которые Джо выжал из нашего гангстера. Но они тотчас разбежались, узнав, что сообщник убит.

В полицию мы не пошли совсем: не хотели быть втянутыми в это грязное дело. Однако Джедсон рассказал обо всем своему приятелю из Бюро по улучшению бизнеса, а тот в свою очередь передал эту информацию начальнику отдела по борьбе с рэкетом или еще куда-то.

Некоторое время все было спокойно. Я усердно работал. Все происшедшее я постарался выбросить из головы, и мне это удалось. Но у меня появилась привычка звонить миссис Дженнингс. Раз или два ее молодой друг Джек Бади выполнял для меня коммерческую магию. Он был классным работником: не устраивал представлений и производил качественный товар.

И опять я посчитал, что все мои неприятности кончились. Как я был наивен! На этот раз угроза нависла не над моим делом — она нависла надо мной. Ну а я, как любой нормальный человек, дорожу своей головой.

У меня дома на кухне установлен водонагреватель. Аккумулирующего типа, с контрольным огоньком и термостатическим регулятором силы пламени.

Однажды я проснулся среди ночи и почувствовал жажду. Когда я вошел в кухню — не спрашивайте, почему я не выпил воды в ванной, я и сам не знаю, — меня обдало густым запахом газа. Едва не задохнувшись, я бросился к

окну и настезь распахнул его, а затем метнулся назад, чтобы открыть окно в гостиной и устроить сквозняк. Как только я сделал это, раздался глухой взрыв. Очнувшись, я обнаружил, что сижу на ковре.

Итак, я легко отделался: сам не пострадал и все осталось цело, за исключением нескольких разбитых тарелок.

Осмотр места происшествия все прояснил. Контрольный огонек нагревателя погас. Когда вода в баке остыла, термостат подал большую струю газа, которая потекла прямо в помещение. Вскоре смесь достигла взрывоопасного состояния. Доступ кислорода спровоцировал взрыв...

Я сообщил об этом владельцу дома, и в конце концов мы договорились, что он установит электрические нагреватели, которые я ему поставлю по себестоимости.

Магия тут ни при чем, верно? Именно так я тогда и подумал. Сейчас я в этом не уверен.

Следующий инцидент, который уже меня насторожил, произошел на той же неделе.

Я храню сухую смесь — песок, щебень, гравий — в обычных больших бункерах. Они стоят на высоких бетонных стойках, под которые подъезжают для загрузки грузовики. Как-то вечером, уже после закрытия магазина, я проходил мимо и заметил брошенную в подъездной яме совковую лопату. А я ведь постоянно напоминаю своим рабочим, чтобы они убрали инструменты на ночь. Я решил положить лопату в свою машину, а утром разобраться с виновным. И уже собирался спрыгнуть в яму, как вдруг меня окликнули: "Арчибальд!" Голос был удивительно похож на голос миссис Дженнингс. Естественно, я оглянулся. Никого не было. И в это мгновение я услышал грохот: лопату накрыли двадцать тонн гравия.

Мне известно, что, будучи заживо погребенным, человек некоторое время еще живет. Но продержаться всю ночь, пока не обнаружат твое исчезновение и не откапают?!

Да и причина смерти, конечно же, оказалась бы весьма естественной...

Все выглядело вполне правдоподобно и в течение двух последующих недель, когда я наступал на банановые корки — как в прямом, так и в переносном смысле. Мне удавалось спасти свою шкуру в самый последний момент. В конце концов я не выдержал и рассказал обо всем миссис Дженнингс.

— Не переживай так, Арчи, — успокаивала она меня, —

с помощью магии не так уж легко убить человека, если сам он магией не занимается и не чувствителен к ней.

— Человека можно убить, напугав до смерти! — возразил я.

Она улыбнулась своей потрясающей улыбкой:

— Не думаю, мой мальчик, что ты и впрямь так напуган. Во всяком случае по тебе этого не видно.

Я уловил намек в этом замечании и спросил напрямик:

— Вы наблюдаете за мной и спасаете в критических ситуациях, да?

Она опять улыбнулась:

— Это моя работа, Арчи. Однако молодые люди не должны постоянно зависеть от старших. Постарайся рассчитывать и на себя. А я хочу хорошенько все обдумать.

Пару дней спустя я получил коротенькое письмо, написанное тонким, изящным почерком, в котором чувствовалось величие прошлого века. Рука была слегка нетвердой — похоже, что писавший был нездоров или очень стар. Я никогда не видел этот почерк, но догадался, чей он:

"Милый Арчибальд!

Мне бы хотелось представить Вас моему глубокоуважаемому другу доктору Ройсу Вортингтону. Вы найдете его в "Бельмонт-отеле". Доктор согласился выслушать Вас. Мистер Вортингтон имеет чрезвычайно высокую квалификацию в области тех проблем, которые беспокоят Вас в последнее время. Вы можете полностью на него положиться. Я думаю, следует прислушаться к его советам, особенно если потребуются необычные меры.

Вы можете пригласить также своего друга, мистера Джедсона, если, конечно, пожелаете.

Искренне ваша

Аманда Тодд Дженнингс"

Я позвонил Джо Джедсону и прочитал ему это письмо. Он сказал, что выезжает, и предложил, чтобы я немедленно позвонил Вортингтону.

— Могу ли я поговорить с доктором Вортингтоном? — спросил я, когда на том конце провода сняли трубку.

— Я слушаю, — голос был по-британски интеллигентным, произношение — оксфордским.

— Это Арчибальд Фрейзер, доктор. Миссис Дженнингс порекомендовала обратиться к вам.

— Ах, да! — голос в трубке потеплел. — Буду рад помочь. Какое время вас устроит?

— Если вы свободны, я мог бы подойти прямо сейчас.

— Одну минутку... — Пауза была недолгой, видимо, он взглянул на часы. — Мне как раз нужно побывать в вашем районе, и минут через тридцать мы можем встретиться в вашей конторе.

— Было бы прекрасно, доктор, если это вас не затруднит.

— Ничуть. Я приеду.

Вскоро явился Джедсон и сразу же спросил о Вортингтоне.

— У него такая манера разговаривать, — проинформировал я, — как у профессора престижного английского университета. Скоро он будет здесь.

Через полчаса моя секретарша принесла визитную карточку доктора Вортингтона. Я поднялся поприветствовать его. Перед нами стоял высокий, крупный человек с умным и интеллигентным лицом, полным достоинства. Одет он был несколько консервативно. Дорогой, от хорошего портного костюм, перчатки, трость и большой кожаный портфель. И... он был черен, как чертежная тушь!

Надеюсь, мне удалось скрыть свое удивление. В конце концов, почему бы мистеру Вортингтону и не быть негром? Просто для меня это было неожиданностью.

Джедсон же, как обычно, был невозмутим. Думаю, он не удивился бы и в том случае, если бы за завтраком ему подмигнула яичница-глазунья. Как бы то ни было, он пришел мне на выручку, живо вступив в разговор. Некоторое время мы вели ничего не значащую светскую беседу, как люди, которые пытаются составить мнение друг о друге.

Наконец Вортингтон перешел к делу:

— Если я правильно понял миссис Дженнингс, существуют некие обстоятельства, которые весьма осложнили вашу жизнь, и, возможно, я смогу быть полезен одному из вас или обоим...

Я рассказал ему обо всем, начиная с первого появления рэкетира в моем магазине. Джедсон кое в чем дополнил меня. Вортингтон задал несколько вопросов. У меня сложилось впечатление, что он и так уже знал почти все и лишь уточняет детали.

— Отлично, — сказал он наконец своим глубоким, гортанным голосом, который эхом отзывался в его большой груди. Я уверен, мы найдем способ справиться с вашими проблемами, но сначала мне нужно провести некоторые исследования, чтобы поставить диагноз.

Он наклонился и открыл свой портфель.

— Э-э... доктор, — предложил я, — может быть, прежде чем вы приступите к работе, мы оговорим условия?

— Условия? — мгновение он выглядел озадаченным, а затем рассмеялся. — А, вы имеете в виду оплату! Дорогой сэр, я почти за честь оказать услугу миссис Дженнингс.

— Но... но... видите ли, доктор, я бы чувствовал себя более уверенно. Прошу вас — я привык платить за магию...

Он протестующе поднял руку:

— Это невозможно, мой юный друг, по двум причинам: во-первых, у меня нет лицензии на практику в вашем штате. А во-вторых, я не маг.

Думаю, вид у меня был идиотский.

— Да?.. Как же это? — забормотал я. — Ох! Извините меня, доктор, я думал, что раз миссис Дженнингс порекомендовала вас... и учитывая ваш титул...

Он продолжал улыбаться, но не насмешливо — то была улыбка понимания.

— Это не удивительно: даже некоторые ваши сограждане моей крови заблуждаются на сей счет. У меня степень почетного доктора юридических наук Кембриджского университета, а моя специальность — антропология. Антропология имеет несколько весьма странных ответвлений, и я здесь для того, чтобы разобраться в одном из таких вопросов.

— Хорошо, тогда могу ли я спросить?..

— Конечно, сэр. Мое занятие в часы досуга — если попытаться перевести нечто совершенно непроеизносимое — колдун-охотник.

Я все еще был в замешательстве.

— Но разве это не требует применения магии?

— И да, и нет. В Африке иерархия и категории в этом деле иные, чем на вашем континенте.

Что-то встревожило Джедсона.

— Доктор, — спросил он, — вы родом не из Южной Африки?

Вортингтон сделал жест в сторону своего лица. Видимо, Джедсон прочел на нем нечто, что ускользнуло от меня.

— Да, вы правы. Я родился в племени бушменов на юге Нижнего Конго.

— Ах, вот как! Это интересно. Вы случайно не нганга?

— Ндембо. — Вортингтон повернулся ко мне и вежливо разъяснил. — Ваш друг спросил, не являюсь ли я членом

некоего оккультного братства, которое распространено по всей Африке. Большинство его членов проживают именно на моей родине. Посвященные называют себя "нганга".

— Это еще больше заинтересовало Джедсона.

— Мне кажется, доктор, что у вас есть и другое имя. Вортингтон — это для удобства произношения, не так ли?

— И вновь вы правы! Вы хотите знать мое племенное имя?

— Если вы не возражаете.

Я не смог бы воспроизвести те странные щелкающие и чмокающие звуки, которые он издал.

— По-английски это означает: Человек-Который-Зада-ет-Неудобные-Вопросы. Другое идиоматическое значение, хотя это и не буквальный перевод, — Практикующий Поверенный; — здесь намек на племенные функции. Однако мне кажется, — Вортингтон мягко улыбнулся, — что это имя подходит вам даже больше, чем мне. Могу ли я презентовать его вам?

Далее я понял только то, что мои собеседники совершают какой-то африканский обряд, совершенно непонятный нашему соотечественнику. Я уже был готов оценить остроумие мистера Вортингтона, полагая, что это всего лишь шутка, но Джедсон ответил абсолютно серьезно:

— Я глубоко польщен этим и готов принять его.

— Для меня это большая честь, брат.

С этого момента и на протяжении всего времени нашего сотрудничества д-р Вортингтон неизменно называл Джедсона своим африканским именем, а Джедсон обращался к нему: "Брат" или "Ройс". Их отношение друг к другу изменилось так, как будто передача имени и в самом деле сделала их братьями, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

— Но я ведь не оставил тебя без имени? — заметил Джедсон. — У тебя есть третье, настоящее имя?

— Да, конечно, — подтвердил Вортингтон, — имя, которое нам не следует упоминать.

— Естественно, — согласился Джедсон, — имя, которое не должно упоминаться. Ну, приступим к работе?

Доктор повернулся ко мне:

— У вас есть небольшое помещение, где бы я мог подготовиться?

— Это подойдет? — Я открыл дверь в комнату, примы-

кающую к моему кабинету, которая служила мне гардеробом и душевой.

— Очень хорошо, спасибо! Вортингтон отсутствовал не менее десяти минут.

Похоже, Джедсон не был расположен к разговору, он лишь велел предупредить мою секретаршу, чтобы нас никто не беспокоил. Мы сидели и молча ждали.

Когда наш новый друг вышел, у меня во второй раз за этот день появился повод внутренне ахнуть. Городской доктор Вортингтон исчез. Вместо него нам явился африканский персонаж: рост — шесть футов, могучие голые черные ноги, мощная выпуклая грудь с лоснящимися мускулами цвета отполированного обсидиана. Его торс покрывала шкура леопарда, а талию опоясывал шнур, на котором висели всякие таинственные штуковины и небольшой мешочек.

Внимание, однако, на себя обращала не экипировка и не телосложение воина, а лицо д-ра Вортингтона. Его брови были выкрашены в белый цвет и так же очерчена линия волос. Но главное — выражение лица: суровое, непримиримое, полное достоинства и силы. Глаза излучали непостижимую мудрость, в них не было жалости — только суровая справедливость. Такому неумолимому правосудию нелегко посмотреть в лицо.

Мы, белые, склонны недооценивать черных, потому что общаемся с ними вне их родной культурной среды. У нескольких поколений тех, кого мы знаем, отняли их собственную культуру и силой навязали рабскую псевдокультуру. А между тем их культура более древняя, чем наша, имеет более глубокие корни, базируется на характере и силе духа, а не на дешевых, эфемерных трюках с использованием механических приспособлений. Но это суровая, жестокая культура, лишенная сентиментальной заботы о слабых и немощных. И она никогда не умрет.

Я поднялся с невольным почтением.

— Начнем, — сказал д-р Вортингтон совершенно обычным голосом и опустил на корточки; пальцы его огромных ног прочно впечатались в пол. Он достал из мешочка собачий хвост, сморщенный черный предмет величиной с кулак и другие вещи, которым трудно дать определение. Хвост колдун прикрепил сзади, на поясе. Затем он взял какой-то маленький предмет, завернутый в красный шелк, и попросил меня открыть мой сейф.

Я сделал это. Он положил сверток внутрь, закрыл дверцу и повернул ручку. Я вопросительно взглянул на Джедсона.

— В этом пакете его душа. Он укрыл ее за холодным железом, ибо не знает, с какой опасностью может столкнуться, — прошептал Джедсон. — Видишь?

Доктор осторожно водил большим пальцем по пазам дверцы сейфа. Затем он вернулся на середину комнаты, поднял сморщенный черный предмет и нежно прикоснулся к нему.

— Отец моей матери, — объяснил он. Я присмотрелся — это была мумифицированная человеческая голова с жалкими остатками седых волос.

— Он очень мудрый, — продолжал Вортингтон, — и мне понадобится его совет. Дедушка, это твой новый сын и его друг. — Джедсон поклонился, и я обнаружил, что делаю то же самое. — Они просят твоей помощи.

Он заговорил с головой на своем языке, время от времени слушая, а потом отвечая. Один раз мне показалось, что возник спор, но, должно быть, они пришли к согласию, так как совещание вскоре закончилось. Доктор обвел глазами комнату. Взгляд его остановился на полочке для вентилятора, которая была прикреплена довольно высоко от пола.

— Там! — сказал он. — Прекрасное место для наблюдения, — и поместил голову на эту полочку так, чтобы лицом она была обращена к комнате.

Потом колдун опустился на четвереньки и начал прижиматься, как охотничья собака, которая пытается взять след. Он кружил по комнате, втягивал носом воздух и скулил. Хвост, привязанный к его талии, стоял торчком и дрожал, как будто все еще принадлежал живому животному. Походка и поведение Вортингтона имитировали гончую так убедительно, что я растерянно заморгал. Вдруг он сел и объявил:

— Никогда не встречал места, где бы все было так пропитано магией. Я отчетливо различаю магию миссис Дженнингс и магию вашего бизнеса. Но это далеко не все: воздух здесь перенасыщен. Танец дождя и шабаш ведьм — веселенькое место!

Он вновь уподобился собаке и начал метаться, обнюхивая все большее пространство. Вскоре он, видимо, оказался в тупике, так как вернулся назад, посмотрел на голову деда и заскулил. Затем некоторое время ждал ответа.

Ответ, должно быть, удовлетворил колдуна. Он отрывисто залаял и с усилием, неуклюже — как будто у него и впрямь вместо рук собачьи лапы — выдвинул нижний ящик полированного шкафчика. Нестерпеливо покопался в нем, что-то вытащил и положил в свой мешочек. После этого он бодрой рысью, засовывая нос в каждый угол, обежал всю комнату, вновь уселся на корточки и возвестил:

— Это место — центр их атаки, поэтому дедушка согласился остаться здесь и понаблюдать за обстановкой до тех пор, пока я не обвяжу шнур вокруг комнаты, чтобы сюда не проникали ведьмы.

Меня это несколько смутило. Я был уверен, что голова напугает мою секретаршу до безумия, и поведал это Вортингтону настолько дипломатично, насколько это было возможно.

— Что ты скажешь на это? — спросил он голову и, послушав, повернулся ко мне. — Дедушка говорит, что все будет в порядке — никому, с кем не знаком, он не позволит увидеть себя.

И действительно, дедушку так никто и не заметил, даже уборщица.

— Теперь, — продолжал доктор, — я хотел бы как можно скорее проверить рабочее помещение моего брата, а также окурить ваши дома, чтобы оградить их от несчастья. А пока вот вам мой совет, и ему надо следовать неукоснительно: следите за тем, чтобы ваши личные вещи не попали в руки чужих людей. Обрезанные ногти, волосы, слюна — будьте осторожны со всем этим. Сжигайте их и сливайте проточной водой. Это значительно упростит нашу задачу. Я кончил. — Он поднялся и ушел переодеваться.

Десятью минутами позже почтенный ученый доктор Вортингтон сидел и курил с нами. Время от времени я поглядывал на голову его деда, чтобы убедиться, что король джунглей действительно находится в моей конторе.

После визита д-ра Вортингтона и его манипуляций в моей конторе мои дела пошли на лад. Странные случайности, "естественные" несчастные случаи больше меня не преследовали. Квартал принес мне немалую прибыль, и я взбодрился. От Дитворта пришло письмо, в котором он настойчиво требовал, чтобы я ушлатил по дутому счету Биддла. Ни на минуту не задумавшись, я зашвырнул это письмо в мусорную корзину.

Однажды ко мне в контору заглянул Фельдштейн, агент чародеев.

— Привет, Зак! — воскликнул я весело. — Как дела?

— Мистер Фрейзер, из всех вопросов, которые вы могли бы мне задать, — сказал он, печально покачав головой, — этот самый неудачный. Дела ужасны.

— Ты это серьезно? — удивился я. — По тебе не скажешь.

— Внешность обманчива, — уныло изрек он, — особенно в моем деле. Скажите, вы слышали о концерне, который называется "Магия, инкорпорейтед"?*

— Только что услышал в первый раз. — Я протянул ему еще не распечатанное письмо. В обратном адресе значилось: "Магия, инк.," здание Содружества, комната 700". — Получил пять минут назад.

Фельдштейн с опаской взял его и повертел в руках.

— Этих субъектов я и имел в виду, — подтвердил он. — Негодяи!

— Почему? Что тебя встревожило, Зак?

— Они не хотят, чтобы люди жили честно, мистер Фрейзер, — и сам себя перебил. — Вы же не откажетесь от старых, испытанных партнеров?

— Конечно нет, Зак, но что произошло?

— Прочтите это, — он вернул мне письмо.

Я вскрыл его. Превосходная, с водяными знаками бумага. Сам бланк оформлен просто и в то же время респектабельно. Впечатлял список учредителей. За исключением двух-трех незнакомых имен, всё это были люди весьма высокого ранга.

Письмо представляло собой рекламный проспект. Идея была новой: холдинговая компания** для магов. Полный перечень услуг. Клиент не должен никуда ходить — достаточно позвонить по телефону и сделать заказ. Компания выполнит его, после чего придет счет. Все это выглядело вполне привлекательно. И не настораживало: всего лишь новое зарегистрированное агентство.

Я пробежал глазами концовку: "...Полная гарантия высокого качества обслуживания, подкрепленная всем имуществом компании.

* Инкорпорейтед — зарегистрированный в качестве юридического лица (в названиях корпораций).

** Холдинговая компания — материнская компания, компания — держатель акций, владеющая контрольным пакетом акций других компаний

...Потрясающе низкие цены, обусловленные централизованным управлением и отказом от услуг агентов-посредников... Одобрительные отзывы представителей великой профессии дают основания утверждать, что "Магия, инк." будет единственным в своем роде поставщиком компетентной, истинно первоклассной магии любого характера..."

Я отложил письмо: "Ну и что? Почему тебя это беспокоит, Зак? Чем это тебе угрожает? Ведь и среди тех, кто работает на тебя, есть первоклассные специалисты."

— Большинство моих лучших работников они переманили, предложив им такие деньги, что куда мне с ними тягаться! Нет, я им не конкурент! И это очень серьезно, мистер Фрейзер. Ведь теперь корпорация предлагает магию по гораздо более низкой цене, чем это делал я. Это крах, говорю я вам!

"Да, тяжелый случай", — подумал я. Фельдштейн был славным малым, к тому же на нем висела забота о семье — жене и пятерых ребятишках с глазами-бусинками, которым он был предан. Хотя Зак, вероятно, стесняет краски. У него склонность все драматизировать.

— Не паникуй, старина, — попытался я ободрить его. — Лично я останусь тебе верен, и так, думаю, поступит большинство твоих клиентов. Эта компания не сможет заполучить всех магов. Посмотри на того же Дитворта. Он тоже носился со своей ассоциацией. Ну и что из этого вышло?

— Дитворт! — Зак чуть не сплюнул, но вовремя вспомнил, что он в моем кабинете. — Корпорация — это и есть Дитворт!

— С чего ты взял? Его имени нет среди учредителей.

— Я докопался. А вы думаете, его смутила неудача, которую он потерпел с вами? Как бы не так! Они, то бишь Дитворт с двумя своими секретарями, провели собрание директоров ассоциации и решили передать свои контракты новой корпорации. Затем Дитворт якобы подает в отставку, а его марионетки приступают к делу как благотворительная организация. На самом же деле Дитворт управляет обеими компаниями. Я уверен! Если бы мы могли заглянуть в книги "Магии, инк.", мы бы обнаружили, что у него контрольный пакет акций!

— Невероятно! — протянул я.

— Вне всяких сомнений! Дитворт со всеми его милыми лживыми разговорами о благотворительном обслуживании

во имя улучшения стандартов окопался именно в "Магии, инк.!" Позвоните туда — сами в этом убедитесь...

Так я и сделал: набрал указанный на бланке номер.

— Доброе утро, "Магия, инкорпорейтсд", — отозвался девичий голос.

— Мистера Дитворта, будьте добры.

Она довольно долго молчала, затем поинтересовалась:

— Извините, кто его спрашивает?

Настала моя очередь помолчать. Я не собирался разговаривать с Дитвортом, мне нужно было лишь кое в чем удостовериться. Наконец я нашелся:

— Скажите ему, что его беспокоят из конторы доктора Биддла.

Она ответила с недоумением:

— Но мистер Дитворт как раз отправился в контору доктора Биддла уже полчаса назад. Его до сих пор нет?

— А! — отреагировал я, — наверное, он у шефа, а я не заметил, как он вошел. Извините. — И положил трубку.

— Похоже, ты прав, — повернулся я к Фельдштейну.

Он был слишком встревожен, чтобы почувствовать удовлетворение.

— Слушайте, — сказал он, — давайте пообедаем вместе и еще кое-что обсудим.

— Пошли в Торговую палату? Я как раз собирался там пообедать. По дороге поговорим. Ты ведь тоже член Торговой палаты?

— Хорошо, — согласился он скорбно, — быть может, вскоре я уже не смогу себе этого позволить.

Мы немного опоздали и поэтому сели порознь. Казначей потряс у меня под носом "котенком". Это означало, что я должен заплатить десять центов за опоздание. Котенок — это обыкновенная сковорода с прикрепленным к ее ручке велосипедным звонком. Все платили штраф по первому же требованию, что было выгодно для казны и являлось невинным развлечением для других. Казначей трясет сковороду, и, пока штраф не будет уплачен, звонок не умолкает.

Я торопливо извлек монету и бросил ее в сковороду. Стив Харрис, владелец автомобильного агентства, завопил:

— Отлично! Молодец шотландец! — и швырнул в меня булочку.

— Десять центов за беспорядок, — объявил наш председатель Норман Сомерс. Казначей направил "котенка" на

Стива. Я услышал, как монета со звоном упала в сковороду. Но звонок продолжал звонить.

— В чем дело? — спросил Сомерс.

— Очередные шуточки Стива, — устало проговорил казначей. — Монета не настоящая. Должно быть, ее изготовил какой-нибудь приятель Стива — из магов. Соприкоснувшись с холодным железом, она, естественно, испарилась.

— Двадцать пять центов за подлог, — решил Сомерс, — а в следующий раз надеть на него наручники и позвонить министру юстиции Соединенных Штатов.

Стив — большая шишка, но Нормана это не слишком впечатляет.

— Не могу ли я закончить завтрак? — спросил Стив голосом, полным плутовской жалости к себе. Норман проигнорировал это, и Стив заплатил.

— Шути, Стив, пока есть возможность, — прокомментировал Эл Донахью, управляющий целой сети передвижных ресторанов. — Вот подпишешь контракт с "Магией, инк." — и тогда не очень-то пошутишь с магией.

Я прислушался.

— А кто сказал, что я собираюсь это сделать?

— Еще как подпишешь, если не дурак, конечно. Никуда от этого не деться.

— Но с какой стати?

— С какой стати? Потому что это прогресс, старина! Возьми мой случай: я выпускаю фантастическую штуку — исчезающий десерт. Ты можешь съесть три порции — и не почувствуешь тяжести, а самое главное — не прибавишь ни грамма в весе. И что же? До сих пор я был в убытке, но продолжал рекламировать этот товар — он должен привлечь женщин. А тут появляется "Магия, инк." и предлагает поставлять мне его по такой цене, что я смогу на этом зарабатывать. Естественно, я подписал контракт.

— А ты уверен, что они не поднимут цены после того, как приручат или вытеснят из бизнеса всех компетентных магов в городе?

Донахью самодовольно рассмеялся.

— У меня контракт.

— Да? А на какой срок? И внимательно ли ты прочел пункт, предусматривающий отказ от взятого обязательства?

В отличие от Донахью я понял, о чем идет речь. Однажды, лет пять назад, я уже наблюдал подобную ситу-

ацию. В городе появилась портлендская цементная фирма и стала скупать цемент у мелких торговцев, сбивая таким образом цены. Мешок цемента вместо шестидесяти стал стоить тридцать пять центов. Конкуренты были сражены. Затем не спеша, постепенно эти деятели начали поднимать цены и взвинтили их до доллара двадцати пяти центов. Парни потерпели поражение прежде, чем осознали, что произошло.

Тут в разговор вступил наш гость старина Б.Дж.Тимкен, большой любитель поразглагольствовать, и стал рассуждать о кооперации и сервисе. Прирожденным оратором Б.Дж.Тимкена не назовешь, но кое-что вдохновляющее о служении бизнесменов обществу и взаимопомощи прозвучало. Я наслаждался его речью.

После того как стихли аплодисменты, Норман Сомерс поблагодарил Б.Дж. и возвестил:

— На сегодня все, джентльмены, если ни у кого нет больше вопросов или предложений.

Поднялся Дждесон. Оказывается, он тоже тут присутствовал.

— Есть один очень важный вопрос, господин председатель. Я прошу несколько минут для неофициальной информации.

— Конечно, Джо,— разрешил Сомерс,— раз вы считаете, что это важно.

— Спасибо. В сущности это продолжение разговора между Элом Донахью и Стивом Харрисом. Прямо у нас под носом происходят принципиальные изменения в ведении бизнеса, а мы не замечаем этого — разве что только тогда, когда это затрагивает наше собственное дело. Я имею в виду торговлю в коммерческой магии. Кто из вас пользуется услугами магии в своем бизнесе? Поднимите руки.

За исключением двух адвокатов (лично я всегда подозревал, что они сами — маги), руки подняли все.

— О'кей, — продолжал Дждесон,— опустите. Итак, практически все. Я пользуюсь ею для производства текстиля, присутствующий здесь Ханк Меннинг — при чистке и глажке, а возможно, и при покраске. В магазине Вилли Хейтса используют магию при сборке и отделке прекрасной мебели. Стэн Робертсон подтвердит, что превосходные экраны его дисплеев производятся с помощью заклинаний — так же, как и две трети всего, что продается в его магазине, особенно в отделе детской игрушки. А сейчас я хочу задать вам еще один вопрос: случалось ли, что расходы

на магию превышали прибыль? Подумайте, прежде чем ответить, — он минуту подождет. — Ну, а теперь поднимите руки.

Поднялось почти столько же рук, как и в первый раз.

— Вот в том-то все и дело! Мы не можем обойтись без магии. И если кто-нибудь приберет всех магов к рукам, мы окажемся в зависимости от него. Нам будут диктовать цены и регламентировать нашу прибыль, а иначе — вон из бизнеса!

— Минутку, Джо, — прервал его председатель. — Допустим, все, что вы сказали, правда — а, видимо, это так, — есть ли у вас основания полагать, что здесь мы столкнулись с особой опасностью?

— Да, есть. — Джо говорил тихо и очень серьезно. — Я убежден, что кто-то тайно занят ограничением торговли, — и Джедсон вкратце рассказал о попытках Дитворта организовать магов и их клиентов в ассоциацию, якобы с целью повышения стандартов профессии, и о том, как эта ассоциация превратилась вдруг в солидную корпорацию, которая уже весьма близка к тому, чтобы стать монополией.

— Погоди, Джо, — вмешался Эд Пармели, который занимался биржевыми спекуляциями, — а я считаю, что ассоциация — это прекрасная идея. Меня тоже пыталась запугать одна крыса — желала подбирать мне магов. Но я стал членом ассоциации, которая и позаботилась о том, чтобы у меня больше не было таких проблем. Я думаю, что организация, которая сможет приструнить рэкетиров, — дело хорошее.

— Но, чтобы ассоциация помогла тебе, ты должен был заключить с ними договор, не так ли?

— Да, но это вполне разумно...

— А может быть, твой гангстер добивался именно этого?

— Ну, это слишком надуманно.

— Я не утверждаю, — продолжал настаивать Джо, — но такая версия весьма правдоподобна. Монополисты уже не в первый раз прибегают к услугам наемных головорезов. Интересно, еще с кем-нибудь происходило что-либо подобное?

Оказалось — да. Я видел, что джентльмены задумались.

Один из адвокатов задал вопрос официально, через председателя:

— Господин председатель, отвлечемся на минуту от ассоциации. Я хотел бы узнать подробнее о том, что представляет собой "Магия, инк.". Только лишь союз магов

или нечто большее? И если да, то есть ли у них на это юридические права?

Норман обратился к Джелсону:

— Вы можете ответить, Джо?

— Конечно. Это вовсе не союз. В качестве примера могу привести аналогичную ситуацию. Скажем, все плотники города являются служащими одного подрядчика. И вы либо соглашаетесь на его условия, либо остаетесь не у дел — то есть вообще не строите.

— Тогда, если это и монополия, то самый примитивный ее вариант. Но в нашем штате действует закон Шермана*, и можно провести расследование.

— Оно наверняка подтвердило бы, что это именно монополия. Кто-нибудь обратил внимание на то, что на сегодняшнем собрании не присутствует ни один из магов?

Мы стали озираться вокруг. Это была истинная правда!

— Думаю, можно предположить,— добавил Джелсон,— что в дальнейшем их в этой палате будет представлять администратор "Магии, инк.". Что же касается возможности расследования,— Джо вытащил из кармана сложенную газету,— заметили ли вы сообщение о созыве внеочередной сессии легислатуры***?

Эл Донахью высокомерно заявил, что он слишком занят, чтобы тратить время на политические игры. Это был камешек в огород Джелсона: все знали, что он был членом комитета и довольно много времени посвящал общественным делам.

— Черт возьми, Эл,— откликнулся Джо с досадой,— для тебя же лучше, чтобы хоть один из нас это сделал, иначе в одно прекрасное утро ты проснешься — и обнаружишь, что перед твоим домом стащили тротуар.

Председатель постучал молоточком, призывая к порядку. Джо извинился. Донахью пробурчал, что политика — грязное дело и что всякий, кто в это дело встрянет — хочет он этого или нет,— окажется замаранным. Я потянулся к пепельнице достаточно неуклюже, чтобы опрокинуть на колени Донахью стакан воды. Это отвлекло его. А Джо тем временем продолжал:

— Для созыва внеочередной сессии нужны весьма веские

* Закон, направленный на защиту торговли и промышленности от незаконных ограничений и монополий.

** Законодательный орган штата.

причины. Но вот в конце опубликованной повестки дня я обнаружил любопытный пункт: "Регулирование волшебства". Никогда не поверю, что подобный вопрос должен рассматриваться на специальной сессии — если только кое-что не замышляется. Вчера вечером я позвонил в конгресс штата моей приятельнице, которая является членом Исследовательского комитета. Ей ничего об этом не было известно. Позже она мне перезвонила — я попросил разузнать, в чем там дело, — и вот что ей удалось выяснить. Вопрос внесен в повестку дня по просьбе нескольких участников предвыборной кампании губернатора. Сам губернатор не имеет к этому отношения. Похоже, никто точно не знает, что за этим стоит, но один билль уже пущен по инстанциям...

Тут его прервали: все хотели знать, о чем говорится в этом законопроекте.

— Пока известно лишь его название, — терпеливо разъяснял Джо. — Кто-то, видимо, не хочет, чтобы мы узнали содержание билля до тех пор, пока он не будет обсужден в комитете. А озаглавлен он так: "Билль об установлении профессиональных стандартов для магов, о регулировании частной практики профессиональной магии, о назначении комиссии для изучения, лицензирования, администрирования..." и так далее. Как видите, они подключили сюда все, что касается магии, включая даже ограничения антимонопольного урегулирования.

Наступила непродолжительная тишина. Каждый из нас пытался настроить свои неповоротливые мозги на мало известную нам область — политику. Наконец кто-то спросил:

— Что мы можем предпринять?

— Как минимум, — ответил Джо, — нам нужно иметь своего представителя в Капитолии, чтобы он защищал наши интересы на заключительных прениях. Кроме того, мы должны подготовить свой собственный законопроект — если в представленном есть хоть одна ловушка — и сражаться за наилучшее компромиссное решение. Или по меньшей мере добиться поправок, которые могли бы стать реальной опорой в антимонопольной деятельности. — Он улыбнулся. — Я думаю, этого более чем достаточно.

— А почему этим не может заняться Торговая палата штата? Там же есть законодательное бюро.

— Да, у них есть лобби, но вы прекрасно знаете, что Торговой палате штата мало дела до нас, мелких предпринимателей. Мы должны действовать сами и ни на кого не надеяться.

Когда Джо сел, собрание загудело, как встревоженный улей. Заговорили все разом: каждый имел собственные идеи на этот счет и спешил ими поделиться. Было ясно, что общего согласия не добиться. Поэтому Сомерс закрыл собрание, предложив: пусть останутся те, кто заинтересован в направлении представителя в Капитолий.

Несколько консерваторов, подобных Донахью, удалились, а остальные, во главе с Сомерсом, продолжали заседать. Предложили кандидатуру Джедсона, и Джо дал согласие.

Поднялся Фельдштейн и со слезами на глазах произнес речь. Он отклонился от темы, и, казалось, ничего путного мы от него не услышим. Но в конце концов ему удалось высказать дельную мысль. Джедсону, изрек Зак, предстоит выдержать нелегкий бой, и его материальные расходы, потраченное время и моральные издержки должны быть компенсированы. При этом он вытащил пачку банкнот общей стоимостью в тысячу долларов и протянул их Джо.

Это произвело впечатление, и в результате Фельдштейн был единогласно избран казначеем. Сбор средств прошел весьма живо. Я сдержал свою природную импульсивность и сделал такой же взнос, как и Зак. Думаю, позже Фельдштейн слегка опомнился и посчитал, что поступил несколько опрометчиво, потому что стал настаивать Джо быть экономным и не тратить слишком много денег на выпивку для этих шельм в Капитолии.

Джедсон покачал головой и сказал, что свои расходы он намерен оплачивать сам, но в отношении фонда руки у него должны быть развязаны, в особенности нельзя скупиться на угощения. Осталось слишком мало времени, чтобы взывать к благоразумию и бескорыстному патриотизму депутатов, тем более что некоторые из этих болванов имеют не больше собственного мнения, чем флюгер, и готовы голосовать за любого собутыльника.

Кто-то шокировал публику, намекнув на взяточничество.

— Я никому не собираюсь давать взятки,— возразил Джедсон дрогнувшим голосом.— Если дело дойдет до взятки, это будет первым признаком того, что мы терпим

поражение. Остается только молиться, чтобы там было достаточно не связанных с этой шайкой людей, с которыми можно было бы убедительно побеседовать, а может, слегка их и припугнуть.

Наверное, он был прав, но в глубине души я был согласен с Фельдштейном и решил, что в дальнейшем буду уделять политике больше внимания. Я ведь даже не знал имени губернатора штата, в котором живу. Откуда же было мне знать, порядочный он человек или дешевой соглашатель?

И вот Джелсон, Бади и я оказались в поезде, направляющемся в столицу штата.

Бади поехал, потому что Джелсон хотел, чтобы рядом с ним находился опытный маг. Трудно представить, как может обернуться дело, сказал Джо. Я поехал по собственному желанию. Я никогда не был в Капитолии, и мне было интересно посмотреть, как делается этот бизнес — сотворение законов.

Джелсон сразу же направился в офис секретаря штата, чтобы зарегистрироваться в качестве лоббиста, а мы с Джеком повезли наш багаж в отель "Конституция" и заказали комнаты. Джо еще не вернулся, когда появилась его приятельница миссис Логан.

Пока мы ехали в поезде, Джелсон много рассказывал о Салли Логан. По его словам выходило, что мудрость и проницательность Макиавелли сочетаются в ней с великодушием и прямоотой Оливера Венделла Холмса. Я удивлялся энтузиазму Джо, потому что часто слышал, что он весьма неодобрительно относится к участию женщин в политике.

— Да ты не понимаешь, Арчи,— развивал он свою мысль.— Салли не женщина-политик, она просто политик, без всяких скидок на ее пол. Она может сразиться с любым самым крупным деятелем там, наверху. То, что я говорил о женщинах-политиках, истинная правда, но только как статистическое обобщение. Естественно, есть и исключения.

Дело в том, что большинству женщин в Соединенных Штатах свойствен педаляновидный крестьянский индивидуализм, обусловленный романтической традицией прошлого века. Мужчины внушали им, что они высшие, ангелоподобные создания. Женщины отвыкли всерьез мыслить, их социальная активность не поощрялась. Нужно иметь сильный характер, чтобы вырваться из такой жесткой детерминированности. Таким образом, на женщин-избирателей может произвести впечатление любой романтиче-

ский вздор. Играя на этом, их гораздо легче, чем мужчин, склонить к тому или иному выбору. А вот Салли не такая. У нее сильный ум, ее не проведешь дешевыми трюками.

— Похоже, ты в нее влюблен, старина!

— Я?! У Салли счастливый брак и двое чудесных малышей.

— А что делает ее муж?

— Он адвокат. Один из сторонников губернатора. Салли начала заниматься политикой, помогая ему в одной из предвыборных кампаний.

— А каков ее официальный статус?

— Никакой. Правая рука губернатора. В этом ее сила. Салли никогда не занималась патронажной работой и никогда не брала денег за свои услуги.

Итак, Салли была образцом совершенства, и я страстно желал с ней познакомиться. Когда она позвонила снизу, я хотел предложить встретиться в холле, но Салли заявила, что поднимается к нам. Я был слегка удивлен, однако потом сообразил, что политики рассматривают номер в отеле не как спальню, а как кабинет для деловой беседы.

— Вы — Арчи Фрейзер, не так ли? — сказала она, входя. — А я Салли Логан. Где Джо?

— Он скоро вернется. Не хотите ли присесть и подождать?

— Спасибо. — Салли плюхнулась на стул, сняла шляпку и тряхнула волосами. Я наблюдал за ней. Подсознательно я предполагал увидеть такую мужеподобную матрону, а передо мной сидела молодая, не старше тридцати лет, пухленькая, веселая блондинка с копной непокорных, соломенного цвета волос и искренними голубыми глазами. Она была чрезвычайно женственна и источала умиротворенность. Она наводила на мысль о сельских ярмарках, чистой воде и сладких булочках.

— Боюсь, дело будет не из легких, — сразу же начала Салли. — Этот бильд АБ-22, о котором я говорила Джо, имеет мощную поддержку. Что вы намерены делать, мальчишки? Похоронить его или пробить альтернативный вариант?

— Джедсон составил свой текст. Ему помогали друзья из Полумира и пара юристов. Хотите взглянуть?

— Да. А я заглянула в Государственную печатную контору и взяла несколько копий АБ-22. Обменяемся.

Я все еще блуждал в дебрях юридической терминологии,

когда вошел Дждсон. Не говоря ни слова, он потрепал Салли по щеке, а она приподнялась, пожала ему руку и продолжала читать. Джо тоже начал читать — из-за моего плеча. Отчаявшись что-либо понять, я отдал ему билль. В сравнении с этим текстом строительная спецификация покажется поэмой.

— Что ты думаешь об этом, Джо? — спросила Салли.

— Дело обстоит гораздо хуже, чем я ожидал. Взять, например, параграф семь...

— Я еще не читала.

— Ну так вот: ассоциация рассматривается здесь как полуобщественная организация по типу Ассоциации адвокатов или Общественного казначейства, что дает ей право начать свою деятельность до заседания комиссии. А это, черт возьми, означает, что любому магу лучше вступить в ассоциацию Дитворта, иначе можно остаться за бортом. И уж по меньшей мере все маги вынуждены будут с ней считаться.

— Но ведь это незаконно! — возмутился я. — Это нарушение конституционных прав! Частная ассоциация...

— Таких прецедентов полно, сынок! К примеру, корпорации, которые устраивают конкурсы красоты. Что же касается неконституционности, то это еще нужно доказать, а сделать это крайне сложно.

— Но маги хотя бы имеют право быть выслушанными комиссией?

— Конечно. Но и здесь есть загвоздка. У комиссии очень широкие, почти безграничные полномочия во всем, что касается магии. Билль изобилует выражениями типа "целесообразный и надлежащий". А что за этим стоит? Какой в них вложен смысл? В каждом конкретном случае это будут определять члены комиссии. Остается лишь надеяться на их здравомыслие и порядочность. В этом суть моих возражений против комиссий в правительстве: они по-своему трактуют закон.

Среди девяти членов комиссии шестеро — дипломированные маги первого класса. Вряд ли стоит объяснять, что несколько необдуманных назначений превратят комиссию в крупную самосохраняющуюся олигархию, и все это благодаря монополии на выдачу лицензий.

Салли и Джо отправились на встречу с депутатом, который, по их мнению, мог бы поддержать наш билль.

Они подбросили меня в Капитолий: я хотел послушать дебаты.

С особым чувством поднимался я по широким ступеням. Старые, уродливые стены символизировали упорство, свойственное характеру американского народа, готовность свободных людей управлять своими делами. Наши проблемы показались здесь мелкими и не такими уж важными — эпизоды в долгой истории глобальных проблем самоуправления.

Приблизившись к огромным бронзовым дверям, я еще кое-что заметил своим наметанным глазом: тот, кто строил это здание, видимо, нажил целое состояние — строительный раствор был не гуще, чем один к шести!

По совету Салли я выбрал Ассамблею, а не Сенат: она считала, что в Ассамблее шоу гораздо ярче. Когда я вошел в зал, депутаты обсуждали случай самосуда, который произошел в прошлом месяце. Трех сельскохозяйственных рабочих недалеко от Сикс Пойнтс обмазали дегтем и вывалили в перьях. Потом оказалось, что это были не живые люди, а мандрагоры. В Государственном Совете об этом узнали лишь накануне слушания. И теперь эту историю надо было как-то замять.

Дело в том, что создание мандрагор — дело рук самой черной магии, и оно запрещено законом.

Использование мандрагор всегда встречает ожесточенное противодействие со стороны рабочих, потому что они вытесняют живых людей, которым надо кормить свои семьи. По этой же причине профсоюзы противятся применению искусственных людей — фантомов и гомункулов. Хотя хорошо известно, что сами союзы не гнушаются использовать мандрагор в своих целях: для пикетирования, в группах подавления и тому подобное. Думаю, они считают это справедливым — в борьбе со злом использовать зло. Гомункулы для этого не подходят: они слишком малы ростом, чтобы сойти за людей.

Если бы Салли заранее мне всего этого не объяснила, я бы ничего не понял. Члены либеральной партии поднимались один за другим и в решительных выражениях требовали принять резолюцию о проведении расследования. Когда они наконец выдохлись, кто-то предложил отложить слушание вопроса до следующей сессии большого жюри округа. Это предложение приняли единогласно, без дебатов.

Следующим пунктом повестки дня был один из законопроектов, касающихся нефтяной промышленности. В нем губернатору предписывалось заключить договор с гномами: чтобы они помогали инженерам-нефтяникам в разведке, а также консультировали бурильщиков, чтобы те не нарушали подземное давление природного газа, обеспечивающее выход нефти на поверхность. По-моему, суть была именно в этом. Первым выступил депутат, который предложил этот билль для обсуждения.

— Господин Спикер,— начал он,— я прошу всех проголосовать "за". Преимущества билля очевидны. Огромная часть накладных расходов по добыче неочищенной нефти обусловлена тем, что разведка и бурение осуществляются в условиях неопределенности. По нашим подсчетам, с помощью гномов эти расходы могут быть уменьшены не менее чем на семь процентов, а цены на бензин и другие нефтепродукты — значительно снижены.

Далее, для вытеснения на поверхность одного барреля нефти требуется примерно тысяча кубических метров газа. Если бы можно было контролировать процесс бурения глубоко под землей, куда человеку не проникнуть, то драгоценное сырье использовалось бы с наибольшей экономичностью.

Правда, возникает вопрос, можно ли вести дела с гномами на выгодных для нас условиях? Я полагаю, можно. Ведь Администрация имеет прекрасные связи в Полумире. А гномы стремятся к сотрудничеству с нами, потому что это в их интересах. Ведь под землей царит настоящий хаос, когда нефтяники бурят вслепую, разрушая их дома и оскверняя священные места. Гномы вполне справедливо напоминают, что все находящееся под землей — это их владения, и готовы пойти на сотрудничество, чтобы уменьшить тяжесть последствий, связанных с вторжением человека. Если мы договоримся, то в будущем можно рассчитывать на помощь гномов и в добыче других полезных ископаемых на выгодных для нас и не пагубных для них условиях. Представьте себе, что гном с его рентгеновскими глазами всматривается в горную породу и обнаруживает для вас золотonosную жилу!..

Все выглядело вполне разумно, хотя, повидав однажды короля гномов, я не уверен в успехе, если переговоры будут вести не миссис Дженнингс.

Как только первый депутат выговорился, вскочил второй

и все решительно осудил. Он был старше большинства депутатов и, думаю, состоял в должности окружного прокурора. Акцент выдавал в нем уроженца северной части штата, что было довольно далеко от нефтеносного района.

— Господин Спикер,— прорычал он,— прошу всех проголосовать "против"! Кто бы мог подумать, что мы докажемся до такого абсурда?! Кто-нибудь из вас видел гномов? У вас есть основания полагать, что они существуют? Это же политическая дешевка, рассчитанная на обман общественности и имеющая целью скрыть истинные размеры природных ресурсов нашего штата...

Его прервали:

— Означает ли это, что distinguished депутат от округа Линкольн не верит в магию? Возможно, он отвергает также и телефонную связь?

— Вовсе нет! Если господин председатель позволит, я сформулирую свою позицию так четко, чтобы даже мой уважаемый коллега понял ее. Да, наши знания об окружающем мире расширились настолько, что мы овладели некоторыми весьма неординарными возможностями и методами и используем их для общей пользы. Профаны называют это магией. Я глубоко уважаю ученых и настоящих профессионалов, но, насколько мне известно, в этой великой науке нет ничего такого, что давало бы основания верить в существование гномов.

Ну хорошо, предположим — в качестве особого условия,— что они действительно существуют. С какой стати платить дань этим обитателям подземного мира за то, что по праву принадлежит нам? Если этот смехотворный принцип довести до логического конца, то от фермеров и торговцев молочными продуктами (я горжусь, что они в числе моих избирателей!) нужно потребовать выплаты дани эльфам за то, что коровы дают молоко!

Кто-то скользнул в кресло рядом со мной. Это был Джедсон. Я вопросительно посмотрел на него.

— Ничего не вышло,— прошептал Джо.— Но мы еще поборемся! — и он весь обратился в слух.

Кто-то поднялся, чтобы ответить старому индейцу из округа Линкольн:

— Господин Спикер, я все же не уловил, какую позицию занимает наш уважаемый коллега. В свою очередь мне хотелось бы привлечь внимание собрания к имеющемуся в юриспруденции прецеденту — со стихиями природы

считаются не только в законах Моисея, римском праве, английском общем праве, но даже в апелляционном суде соседнего южного штата. Уверен, что любой человек, имеющий элементарные познания в области права, понимает, о чем я говорю.

— Господин Спикер! Я вынужден внести поправку!

— Уловка, чтобы получить возможность выступить, — шепнул Джо.

— Является ли целью достойного депутата, выступавшего передо мной...

Это продолжалось до бесконечности. Я пожал плечами.

— Не могу понять этого парня, который вопил о коровах. Чего он боится — религиозных предрассудков?

— Отчасти. Он из очень консервативного района. Но связан с независимыми нефтяниками. Они не хотят, чтобы штат устанавливал какие-либо условия, предпочитают иметь дело непосредственно с гномами.

— Но какое ему дело до нефти? Ведь в их округе нефти нет.

— Нет. Но он создает себе реноме. Та же холдинговая компания, которая контролирует так называемых независимых нефтяников, имеет право голоса в Сельской рекламной корпорации. А для него это может быть чрезвычайно важным во время выборов.

Спикер посмотрел на нас, а стоящий неподалеку помощник сержанта направился в нашу сторону. Мы замолчали. Но тут изменили регламент: нефтяной билль был отложен ради рассмотрения одного законопроекта, касающегося магии, который уже поступил из комитета. Он объявлял вне закона все виды магии, колдовства и волшебства.

Предложивший этот билль депутат пустился всячески обличать магию — старательно, но отнюдь не аргументированно. Он приводил пространные цитаты из "Комментариев" Блэкстоуна и архивных материалов массачусетских судов. Заканчивая свое выступление, он театрально запрокинул голову и яростно возопил, тыча пальцем в небеса:

— Господи, ты не допустишь, чтобы процветало колдовство и жили ведьмы!

Больше никто не выступил, все быстро проголосовали, к моему величайшему изумлению, причем не было ни единого голоса против! Я повернулся к Джелсону и обнаружил, что он улыбается, глядя на выражение моего лица.

— Это ничего не значит, Арчи,— сказал он тихо.

— Да?

— Он как бы играет роль коренника, который должен протащить этот билль, чтобы угодить какой-то группе своих избирателей.

— Ты считаешь, что он не убежден в том, что говорит?

— Ну нет, скорее всего убежден, но при этом он хорошо знает, что все это бесполезно. Очевидно, было согласовано, что этому деятелю позволят провести билль на сессии Ассамблеи, чтобы можно было отчитаться перед избирателями. Теперь законопроект пойдет в Сенат и там умрет. О нем больше никто не услышит.

Очевидно, мой голос прозвучал довольно громко. Председатель бросил на нас мрачный взгляд. Мы торопливо поднялись и вышли.

На улице я спросил Джо, почему он так быстро возвратился.

— Тот парень заявил, что не может позволить себе выступить против ассоциации.

— Значит, все пропало?

— Нет, мы с Салли сразу же после обеда собираемся встретиться с другим депутатом. Сейчас он занят.

Мы пошли в ресторан, где Джедсон договорился встретиться с Салли Логан. Он заказал себе обед, а я пару банок легкого пива. Причем настоял, что сам их открою. Однажды я заплатил за обработанный магом ликер, а вместо него получил возбуждающий напиток. С тех пор предпочитаю закрытую тару.

Я сидел, уставившись на стакан, и обдумывал услышанное сегодня утром. В особенности билль, объявляющий магию вне закона. Чем больше я думал об этом, тем лучше — во всяком случае так мне казалось — понимал. Ведь были времена, когда люди прекрасно обходились без магии. Это уже потом она стала популярной и проникла в сферу коммерции, что, несомненно, породило новые заботы. Я уже не говорю о наших нынешних проблемах с рэкетирами и монополистами. Я поделился этими соображениями со своим другом, но Джо со мной не согласился. По его мнению, запрет никогда не срабатывает. Все, на что есть спрос, должно продаваться, законно или незаконно. Запретить магию — это значит отдать ее на откуп мошенникам и черным волшебникам.

— Я, как и ты, вижу недостатки магии,— продолжал

Джедсон,— но это как огнестрельное оружие: используя его, любой может совершить убийство. Однако зло возникло тогда, когда оружие было изобретено. А теперь, что ж, нужно с этим мириться. Законы, подобные акту Салливана, отбирают оружие у честных людей. Негодяям же наплевать на законы. Так и с магией. Если ты ее запретишь, то лишишь миллионы порядочных людей возможности пользоваться огромными благами, которые можно извлечь из знания великих тайных законов. В то время как опасные, вредные тайны, сокрытые в черной и красной Тарабарщине, будут продаваться любому, кто сможет за это заплатить и не уважает закон. Я не думаю, что, скажем, в 1750 или в 1950 году черная магия практиковалась меньше, чем теперь. Возьми Пенсильванию или далекий Юг. Но с тех пор мы начали прибегать к помощи белой магии.

Подошла Салли.

— Слава богу, добралась! — сказала она со вздохом облегчения.— Я пыталась разобраться, что творится в кулуарах. Третья палата во всеоружии. Я никогда не видела их в таком количестве, особенно женщин.

— Третья палата? — переспросил я.

— Она имеет в виду лоббистов, Арчи,— объяснил Джедсон.— Да, я тоже обратил на это внимание. Бьюсь об заклад, что две трети из них — фантомы.

— Боюсь, что я не отличу их от настоящих женщин,— пробормотала Салли. — Ты уверен, Джо?

— Не вполне. Но Бади тоже так считает. Он говорит, что женщины — почти все мандрагоры или какие-то андроиды. Настоящие женщины не бывают так безупречно красивы и послушны. Я попросил его провести небольшое исследование.

— Каким образом?

— Он сказал, что может определить "почерк" большинства магов, способных сотворить такой качественный материал. Быть может, нам даже удастся доказать, что все эти андроиды — дело рук "Магии, инкорпорейтед". Хотя я не уверен, что мы сможем извлечь из этого какую-то пользу. Бади даже распознал нескольких зомби,— добавил Джедсон.

— Не может быть! — воскликнула Салли. Она сморщила носик и смотрела возмущенно.— Странные, однако, у некоторых людей вкусы!

Джо и Салли начали обсуждать некие политические аспекты, в которых я ничего не понимал. При этом Салли

со вкусом поглощала весьма внушительных размеров обед, который завершила солидным куском торта и мороженым. Однако я заметил, что она заказывала то, что значилось в первой половине меню, то есть исчезающие продукты (как и алкоголь в моем пиве), и поэтому могла не тревожиться за последствия.

Прислушиваясь к их разговору, я стал лучше разбираться в ситуации.

Законопроект, представленный в легислатуру, первым делом отправляют на рассмотрение в тот или иной комитет. Законопроект Дитворта направили в Комитет по профессиональным стандартам. Затем председательствующий в Сенате заместитель губернатора отослал его в Комитет по промышленному применению.

Нам нужно было немедленно найти поручителей для нашего билля, желательно в каждой палате и предпочтительно тех, кто был членом соответствующего комитета. Сделать это следовало до того, как билль Дитворта примут к слушанию.

Пообедав, мы отправились на встречу с нашим гипотетическим поручителем. Он не состоял в Комитете по профессиональным стандартам, но был членом постоянной бюджетной комиссии, то есть имел вес в любом комитете.

Это был приятный парень по имени Спенс Лютер Б.Спенс, и я видел, что ему очень хочется оказать услугу Салли. Очевидно, она тоже его выручала. Но здесь нам повезло не больше, чем с первым кандидатом. Спенс сказал, что у него нет времени бороться за наш билль, так как он замещает заболевшего председателя комиссии. Салли решительно его перебила:

— Послушай, Лютер, когда тебе нужна была моя помощь, ты ее получил. Я ненавижу напоминать человеку о его долгах, но то, о чем мы сейчас тебя просим, крайне важно. И я жду от тебя действий, а не извинений.

Спенс был явно смущен.

— Салли, пожалуйста, не горячись! Ты же знаешь, я сделаю все, что смогу. Но тебе это, в сущности, и не нужно. А я буду вынужден пренебречь своими прямыми обязанностями, на что не имею права.

— Что ты имеешь в виду? Почему мне это не нужно?

— Я имею в виду, что не стоит беспокоиться из-за АБ-22. Это же предрешенный законопроект.

Джелсон разъяснил мне позднее значение этого выра-

жения. Предрешенный законопроект — это билль, представляемый по тактическим соображениям. Поручители не собираются вводить его в силу, а лишь используют как точку отсчета. Наподобие первоначально запрашиваемой цены при совершении сделки.

— Ты уверен в этом?

— Ну, я так думаю. Ходят слухи, что вслед за этим появится другой вариант, в котором не будет таких казусов, как в первом.

— Надеюсь, Салли, Лютер прав,- сказал Джедсон, когда мы вышли из офиса Спенса,— но я не доверяю Дитворту. Он собирается здесь схватить за горло промышленность. Я это чувствую!

— У Лютера обычно точная информация, Джо.

— Не сомневаюсь, но это не похоже на Дитворта. Как бы то ни было, спасибо, детка. Ты сделала все, что смогла.

— Позвони, если еще что-нибудь понадобится, Джо. И до отъезда обязательно приходи к нам обедать, ты ведь не видел ни Билла, ни малышей...

В конце концов Джедсон оставил бесплодные попытки провести наш билль и сконцентрировал внимание на комитетах, рассматривающих законопроект Дитворта. Виделись мы нечасто. В четыре часа дня он уходил на коктейль и возвращался в отель в три часа ночи с затуманенными от усталости глазами и рассказывал о положении дел.

Спустя трое суток, ночью, он разбудил меня и ликующим голосом сообщил:

— Дело сделано, Арчи!

— Ты похоронил билль?

— Не совсем. Это мне не удалось. Но он будет слушаться в парламенте с большими поправками. Более того, в каждом комитете будут свои поправки.

— Ну, и что из того?

— Это значит, что даже если он и пройдет в палатах, то впереди еще Согласительный комитет — для устранения разночтений, а потом опять каждая палата должна будет окончательно его утвердить. Шансы на то, что они успеют сделать это за столь короткое время, ничтожны. А значит, билль приказал долго жить!

Надежды Джедсона оправдались. Билль вернулся из комитетов в субботу поздно вечером с рекомендацией "принять". Часы же на здании Капитолия останавливались

за сорок восемь часов до разрешения администрацией первого и второго чтений законопроекта. Следовательно, официально это должно было произойти в четверг (в конце сессии, когда времени в обрез, так поступают все законодательные учреждения страны).

Итак, сессия заканчивала свою работу сегодня, хотя и могла продлиться до глубокой ночи.

Я наблюдал, как билль Дитворта поступил в Ассамблею. Он был принят без прений, в исправленном виде. Я вздохнул с облегчением. Около полуночи ко мне присоединился Джедсон и рассказал, что то же самое произошло и в Сенате. Салли была на страже в помещении Согласительного комитета, чтобы удостовериться, что законопроект останется нежизнеспособным.

Джо и я несли вахту в палатах. Возможно, в этом и не было необходимости, но так нам было спокойнее. Около двух часов ночи ко мне подошел Бади и сообщил, что Джедсон и Салли ждут нас возле конференц-зала Согласительного комитета.

— Что случилось? — спросил я, мгновенно превратившись в комок нервов. — Что-то сорвалось?

— Нет, все в порядке, и все закончилось. Пошли.

— Все о'кей, Арчи, — подтвердил Джо, — Салли присутствовала, когда заседание комитета было отложено на неопределенный срок. А к работе над биллем Дитворта комитет и не приступал. Мы победили!

На другой стороне улицы был бар, и мы отправились туда, чтобы отметить наше торжество.

Несмотря на поздний час, в баре было полно народу. Лоббисты, местные политики, законодательные атташе, толпа сторонников различных лагерей, переполняющая Капитолий, когда идут заседания, — все они бродили вокруг, а этот бар был удобным местом для ожидания новостей с сессии.

Нам посчастливилось найти около стойки стул для Салли. Мы, трое мужчин, сгрудились вокруг нее и жестами пытались привлечь внимание переутомленного бармена. Наконец нам удалось сделать заказ, и в этот момент какой-то парень похлопал по плечу клиента, сидевшего справа от Салли. Тот сразу же поднялся и вышел. Я подтолкнул Бади занять освободившееся место.

Салли повернулась к Джо:

— Отлично, ждать осталось недолго. Сержант уже при-

шел. — Она кивнула в сторону молодого человека, который хлопал по плечу то одного, то другого из присутствующих.

— Что это значит? — спросил я Джо.

— Это значит, что им нужно идти на окончательное голосование: спикер прислал сержанта арестовать отсутствующих депутатов.

— Арестовать? — удивился я.

— Всего лишь технически. Видишь ли, Ассамблея должна оставаться до тех пор, пока Сенат закончит свои слушания, а большинство ее членов разбредаются кто куда — перекусить или выпить. Сейчас начинается голосование, поэтому их и собирают.

На стул рядом с нами опустился какой-то толстяк.

— Привет, Дон! — Салли его знала.

Он вынул изо рта сигару:

— Как дела, Салли? Что новенького? Я думал, ты интересуешься этим биллем насчет магии.

Мы насторожились.

— Да — сказала Салли, — а в чем дело?

— Ну, тогда тебе лучше пойти туда. По нему как раз идет голосование. Ты не заметила, что созывали палату?

Думаю, мы побили все рекорды, когда вихрем неслись через улицу. Несмотря на свою полноту, Салли лидировала в этом спринте. Я спросил Джедсона, как такое могло произойти.

— Не знаю, парень! — рявкнул он. — Посмотрим.

Нам удалось найти места в центральном ярусе за барьером. Салли подозвала знакомого служителя и попросила принести копию билля, судьба которого сейчас решалась. Члены Ассамблеи группами расположились перед барьером. Вокруг стола руководителя правительственного крыла собралась целая толпа, а у стола лидера оппозиции — лишь небольшая группка. Депутаты подходили то к одному, то к другому из них и что-то втолковывали напряженным шепотом.

Служитель принес копию билля "О мелиорации центральных округов". Это был последний из законопроектов, ради которых созывалась сессия. В качестве дополнения — как поправку Сената — к нему приложили билль Дитворта в его первоначальном, самом ужасном виде! Очевидно, это была уступка марионеткам Дитворта, чтобы с их помощью получить необходимые две трети голосов для принятия законопроекта, к которому пристегнули билль о магии.

Голосование началось почти сразу же. И сразу же стало ясно, что билль прошел. Когда секретарь объявил об этом, лидер оппозиции предложил отложить заседание на неопределенный срок, что и было единогласно принято...

Из остолебнения нас вывел стук молотка спикера...

Утром следующего дня нас принял губернатор. Этой встречей, с трудом втиснутой в его перегруженное расписание, мы были обязаны Салли, вернее, тому уважению, которым она пользовалась в Капитолии. Было ясно, что у губернатора нет ни времени, ни желания беседовать с нами. Но он тепло приветствовал Салли и терпеливо выслушал Джексона.

Обстановка не способствовала плодотворному разговору. Дважды губернатора отвлекали телефонные звонки: один раз от директора бюджетного ведомства, второй — из Вашингтона. Вошел секретарь и положил перед ним меморандум. Старик обеспокоенно взглянул на него, что-то нацарапал и вернул. По-моему, после этого он на некоторое время погрузился в свои мысли и вряд ли слышал Джо.

Когда Джексон изложил свои доводы, губернатор мгновение сидел молча, уставившись на свой блокнот. Его лицо не выражало ничего, кроме глубокой усталости. Затем он медленно заговорил:

— Ну что ж, мистер Джексон. Я тоже сожалею, что это дело по урегулированию магии соединили с совершенно иным вопросом. Но я не могу наложить вето только на одну часть законопроекта, даже если он включает в себя два абсолютно разных предмета.

Я ценю вашу помощь на выборах — это относилось к Салли, которая в ответ лишь махнула рукой — и хотел бы пойти вам навстречу. Но над проектом мелиорации я работал со дня своего вступления в должность. И надеюсь, что благодаря ему многие районы с хронической безработицей смогут разрешить свои экономические проблемы без дальнейших дотаций. Если бы я был уверен, что билль относительно магии и в самом деле нанесет вред штату...— Он сделал паузу.— Однако думаю, что это не так. Когда миссис Логан позвонила мне сегодня утром, я попросил мой законодательный совет проанализировать билль. Согласен, что такой законопроект вовсе не является необходимостью. Но, похоже, он всего лишь добавляет чуть-чуть бюрократической волокиты, что, конечно, нехорошо, однако с этим злом мы справляемся.

Я прервал его довольно грубо, но уж очень я был взвинчен:

— Ваше Превосходительство, если бы вы смогли найти время и лично изучить этот вопрос, вникнув в детали, вы бы поняли, сколько вреда он принесет!

Я бы не удивился, если бы губернатор одернул меня. Но он лишь указал на до отказа набитую папку с бумагами.

— Мистер Фрейзер, здесь пятьдесят семь биллей, принятых на этой сессии. В каждом из них есть какие-то недостатки. И каждый из них жизненно важен для всех или для части жителей штата. Некоторые из этих биллей по объему не меньше хорошего романа. За девять дней я должен решить, какие из них станут законами, а какие должны быть пересмотрены на следующей сессии. В течение девяти дней не менее тысячи человек захотят встретиться со мной в связи с этим.

Его помощник просунул голову в дверь:

— Двенадцать двадцать, шеф! Через сорок минут вы выступаете по радио.

Губернатор рассеянно кивнул и поднялся.

— Прошу простить меня.— Он повернулся к помощнику, который доставал из шкафа его шляпу и перчатки.— Речь у вас, Джим?

— Конечно, сэр.

— Минуточку! — вмешалась Салли.— Вы приняли тонизирующее?

— Еще нет.

Она нырнула в его туалетную комнату и вернулась с лекарством. Мы с Джо поспешили откланяться.

На улице я позволил себе несколько крепких выражений в адрес одураченных, беспринципных политиканов, но Джо оборвал меня:

— Прекрати, Арчи! Попробуй как-нибудь поуправлять штатом вместо небольшого предприятия и посмотришь, насколько это легко!

Я заткнулся...

Бади ждал нас в вестибюле Капитолия. Он был чрезвычайно возбужден: выбросил почти целую сигарету и кинулся навстречу.

— Смотрите! Сюда!

Мы проследили направление его пальца: из больших дверей как раз выходили двое мужчин. Один из них был Дитворт, другой — хорошо известный лоббист.

— Ну и что? — спросил Джо.

— Я стоял здесь, за телефонной будкой, закурил и выглядывал вас: в том большом зеркале отражается основание ротондовой лестницы. И тут я заметил, что по ней спускается этот лоббист Симс. Спускается один, но жестикулирует так, будто с кем-то разговаривает. Меня это заинтриговало, и я выглянул из-за будки. Симс шел с Дитвортом! Я снова посмотрел в зеркало — и снова увидел одного Симса. Дитворт не отражается в зеркале!

Джедсон щелкнул пальцами.

— Демон! — воскликнул он изумленно. — Вот уж не ожидал!

Странно, что в поездах совершается так мало самоубийств. Я не знаю ничего более угнетающего, чем монотонный пейзаж за окном и сводящий с ума перестук колес. Особенно если человек в плохом настроении. Так что хорошо, что мне было о чем поразмышлять — о нечеловеческом статусе Дитворта. Это отвлекало от мыслей о бедняге Фельдштейне и его тысяче долларов.

Хотя открытие, что Дитворт — демон, и было весьма впечатляющим, оно ничего не меняло. Разве что объясняло ту эффективность и быстроту, с которой нас обошли, и подтверждало наше подозрение, что рэкетеры и "Магия, инк." — одного поля ягоды. Но мы не могли доказать, что Дитворт есть монстр из Полумира. Если попытаться заткнуть его в суд для экспертизы, он пошлет вместо себя фантом или мандрагора — точную свою копию, которая выдержит испытание зеркалом.

Да, нам ведь еще предстояло объясняться в комитете. И хотя мы сделали все, что было в наших силах, провал есть провал.

Билль о мелиорации включал в себя статью о непредвиденных обстоятельствах и поэтому вступал в силу со дня его подписания. Следовательно, это относилось и к законопроекту Дитворта.

Выйдя из поезда, мы купили газеты. Они пестрели именами новых членов комиссии по волшебству.

Комиссия времени зря не теряла. Она объявила о своем намерении повысить стандарты магической практики и о том, что всем магам в связи с этим предстоит переэкзаменовка. Ассоциация, ранее возглавляемая Дитвортом, от-

крыла для практикующих магов курсы повышения квалификации. Причем высокие принципы устава позволяли посещать эти курсы не только членам ассоциации.

Этот якобы великодушный жест имел далеко идущие цели: на занятиях недвусмысленно давали понять, что решающую роль на экзаменах будет играть членство в ассоциации. Формально же придрататься было не к чему. Ассоциация росла.

Пару недель спустя были аннулированы все лицензии; маги же продолжали практиковать, ожидая вызова на переекзаменовку. Для нескольких известных, опытных магов, которые выстояли и не подписали договор с "Магией, инк.", результат переекзаменовки был предопределен — в лицензии им отказали. Давление продолжалось. Тихо отошла от всякой практики миссис Дженнингс. Запел возвращать невыполненный контракт Бадн: он должен был помочь мне в строительстве нескольких многоквартирных домов, но, естественно, тоже остался без лицензии.

— Вот твой контракт, Арчи,— сказал он горько.— Мне нужно время, чтобы уплатить неустойку...

Я взял контракт и разорвал его пополам.

— Забудь о неустойке, Джек. Сдашь экзамены — и мы заключим новый контракт.

Он невесело рассмеялся:

— О, у меня нет иллюзий на этот счет!

Я изменил курс:

— Что ты собираешься делать? Подпишешь договор с "Магией, инк."?

Он гордо выпрямился:

— Я никогда не шел на компромисс с демонами, не собираюсь делать этого и впредь.

— Ты молодчина,— одобрил я,— на худой конец, думаю, мы сможем здесь найти какую-нибудь работу для тебя.

Как оказалось, я, мягко говоря, слегка переборщил в своем оптимизме. "Магия, инк." быстро приступила ко второму этапу натиска, и вскоре мне самому пришлось задуматься, смогу ли я заработать на кусок хлеба.

В городе все еще оставалось довольно много дипломированных магов, которые не служили в "Магии, инк.". Но это были неведжды и растяпы, не способные приготовить даже приворотное зелье. Квалифицированную же и при

этом законную помощь нельзя было получить никак иначе, чем через "Магию, инк."

Я вынужден был снова начать работать по-старинке. Я мог себе это позволить, поскольку, как уже упоминал, в моем деле в принципе можно обойтись и без магии. Но делать деньги — это одно, а терять их — совсем другое.

Когда прогорело агентство Фельдштейна, я взял его к себе продавцом. Зак проявил недоожинные способности и помог мне значительно уменьшить убытки. Нюх на прибыль у него был безошибочным — почище чем у доктора Вортингтона на ведем.

Но большинство бизнесменов капитулировали. Почти все они пользовались магией по меньшей мере на одном из участков своего бизнеса, и теперь они стояли перед выбором: либо подписать контракт с "Магией, инк.", либо закрыть дело. У всех были жены, дети — и они подписали.

Стоимость волшебства снижалась и наконец дошла до точки, когда работать с использованием магии стало дешевле, чем без нее. Маги не получали никаких доходов: все доставалось корпорации. Собственно говоря, маги стали зарабатывать меньше, чем когда они были независимы. Но вынуждены были довольствоваться этим, да еще радовались, что могут прокормить семью.

Джедсон катастрофически пострадал. Естественно, он держался до конца, предпочитая банкротство сделке с демонами. Но ведь весь его бизнес был построен на магии. Они начали с того, что дисквалифицировали Августа Велкера, мастера Джо, а затем перекрыли ему все выходы. Причем дали понять, что "Магия, инк." не станет иметь с ним дела, даже если он и выразит такое желание...

Как-то под вечер мы собрались у миссис Дженнингс на чаепитие — я, Джедсон, Бади и доктор Вортингтон, колдун-охотник. Беседуя, мы пытались не касаться наших проблем, но это было невозможно: какую бы тему мы ни затрагивали, все в конце концов замыкалось на Дитворте и его проклятой монополии.

Джек Бади не менее десяти минут фальшиво уверял нас, что даже рад отстранению от колдовства, что у него и таланта-то настоящего нет и занимался он этим только ради своего старика — чтобы доставить ему удовольствие.

Миссис Дженнингс слушала Джека с такой жалостью и состраданием в глазах, что мне захотелось выть. И я попытался сменить тему — повернулся к Джедсону и спросил:

— Как поживает мисс Меджис?

Это была белая ведьма из Джерси, та, которая занималась творческой магией на текстиле. Честно говоря, ее судьба меня совершенно не интересовала.

Джо, вздрогнув, поднял глаза.

— Элен? Она... С ней все в порядке. Они забрали у нее лицензию месяц назад, — пробормотал он.

Это было совсем не то русло, в которое я хотел направить разговор. И я попытался снова:

— Ей удалось проделать тот трюк с одеждой?

Джедсон слегка оживился:

— О да, один раз удалось. Разве я тебе не рассказывал?

Тут и миссис Дженнингс проявила вежливое любопытство, за что я мысленно поблагодарил ее. Джедсон объяснил другим, чего они с Элен пытались достичь.

— Однажды она отлично справилась с этим, — продолжал он. — Правда, мы никак не могли вывести ее из транса, и Элен сотворила более тридцати тысяч полосатых спортивных платиц одного размера и фасона. Весь верхний этаж моего склада был забит этими платьями. Девять десятых из них испарились раньше, чем я успел их реализовать. Но больше она не пыталась — это слишком тяжело для ее здоровья.

— Как это? — не понял я.

— Ну, она потеряла десять фунтов веса, проделывая этот фокус. Элен недостаточно вынослива для магии. Что ей действительно нужно — так это поехать в Аризону и с годик поваляться на солнце. Господи, если бы у меня были деньги! Я бы отправил ее туда.

Я подмигнул ему:

— Особый интерес, Джо?

Джедсон — закоренелый холостяк, но мне доставляет удовольствие иногда подразнить его. Обычно он отшучивался, но на сей раз вдруг рассердился.

— О, ради бога, Арчи! Неужели я не могу проявить к кому-то простой человеческий интерес без того, чтобы ты не увидел в этом некий подтекст?!

— Прости, Джо.

— Ладно уж, — смягчился Джедсон. — Мне не следует

быть таким неуравновешенным. Как бы то ни было, Элен и я состряпали изобретение, которое могло бы решить многие наши проблемы. Я собирался продемонстрировать его вам, как только у нас будет рабочая модель. Вот, смотрите! — Из кармана жилета он извлек нечто, напоминающее авторучку, и вручил мне.

— Что это? Ручка?

— Нет.

— Термометр?

— Нет. Открой.

Я отвинтил колпачок и обнаружил, что внутри находится крошечный зонтик. Он открывался и закрывался как настоящий; в раскрытом состоянии был примерно три дюйма шириной. Зонтик напоминал японский сувенир, только сделан был не из папиросной бумаги и бамбука, а из промасленного шелка и металла.

— Симпатично,— сказал я,— и хитро придумано. Но для чего он?

— Окуни его в воду.

Я огляделся.

Миссис Дженнингс налила в чашку немного воды, и я опустил в нее зонтик. Он начал как бы распускаться у меня в руках. Меньше чем через тридцать секунд я держал зонтик нормального размера и ошеломленно его разглядывал. Бади стукнул кулаком по ладони:

— Здорово, Джо! И как это никто не додумался до этого раньше?!

Джедсон принимал поздравления с лукавой улыбкой, а затем заявил:

— Это еще не все. Прошу внимания! — и вынул из кармана небольшой конверт. В нем оказался такой же крошечный, как и зонтик, прозрачный плащ от дождя, годящийся разве что для куклы.

— Это такая же штуковина. И это тоже.— Он достал пару резиновых сапожек не больше дюйма в длину. Мужчина может носить их как брелок на часах, а женщина — прикрепить к браслету. И никакой дождь не страшен. Чуть намокнут, и presto*! — полный размер. Высохнут — съезжаются.

Мы передавали эти вещи из рук в руки и восхищались ими. Джо продолжал:

* presto — быстро (ит.)

— Вот о чем я думаю. Для этого дела требуется хороший маг — это ты, Джек, и хороший коммерсант — ты, Арчи. И двое акционеров — это Элен и я. Элен сможет пройти курс лечения, которое ей так необходимо, а я возобновлю свою учебу, я всегда об этом мечтал.

Мои мысли тотчас же завертелись вокруг коммерческих возможностей этого предприятия. Но тут я вдруг спохватился:

— Постой, Джо. Мы ведь не сможем раскрутить это дело в нашем штате!

— Нет.

— Значит, нужно перебраться в другой штат. Но для этого потребуются немалые средства. Как у тебя насчет этого? Откровенно говоря, я думаю, что не наскребу и тысячи долларов, если продам свою контору.

Он сделал кислую мину:

— Да ты богат! по сравнению со мной!

Я вскочил и начал первню кружить по комнате. Мы должны достать деньги! Слишком выгодное дело, чтобы упустить его. Оно сможет всех нас воскресить. Было очевидно, что задумка тянет на патент. А это открывало широкие коммерческие перспективы, о которых Джо и не подозревал: палатки для кемпингов, каноз, купальные костюмы, разнообразное туристическое снаряжение. Золотая жила!

Мои мечты разрушил мягкий голос миссис Дженнигс:

— Думаю, пелегко будет найти штат, где бы вы смогли беспрепятственно работать.

— Простите, что вы сказали?

— Доктор Вортингтон и я предприняли некоторую разведку. Боюсь, вся страна под таким же контролем, как и наш штат.

— Что?! Все сорок восемь штатов?!

— Демонам подвластно практически все. И потом, они в отличие от нас не ограничены во времени.

Это меня добило. Снова Дитворт! Тяжелое уныние, как удушливый туман, поглотило нас. Мы обсудили этот вопрос со всех сторон и пришли к тому же, с чего начали. Помощи ждать было неоткуда: Дитворт выпшвырнет нас из любого бизнеса.

Наступило пеловкое молчание. Я нарушил его, неожиданно взорвавшись (чем сам себя удивил):

— Послушайте! Положение стало совершенно нетерпимым! Почему мы смирились с этим? Почему ничего не предпринимаем?

Джелсон ответил с горькой улыбкой:

— Один Бог знает, Арчи, как бы я хотел что-нибудь придумать!

— Но мы знаем, кто наш враг — Дитворт! Давайте возьмемся за него! Законными средствами или незаконными — это уже не должно иметь значения.

— В том-то все и дело! Что мы знаем о нашем враге? Да, мы знаем, что он — демон. Но какой? И где он пребывает? Его шедеврами никто не видит.

— Да? А я думал, что в тот день...

— Это была всего лишь оболочка, пустая скорлупа. Настоящий Дитворт где-то вне поля нашего зрения.

— Но, погоди, если он демон, разве его нельзя вызвать и принудить прийти?

На этот раз ответила миссис Дженнингс:

— Можно. Но это ненадежно и опасно. И потом, мы не знаем главного — его имени. Чтобы вызвать демона, нужно знать его настоящее имя. Иначе не помогут самые сильные заклинания. Я пыталась поискать его в Полумире, но безрезультатно.

Доктор Воргингтон громоподобно откашлялся и предложил:

— Если могу чем-нибудь помочь, то я — в вашем распоряжении.

Миссис Дженнингс поблагодарила его.

— Я пока не вижу, каким образом мы могли бы использовать ваши выдающиеся способности,— задумчиво сказала она.— Но я всегда знала, что мы можем на вас рассчитывать.

— Белое превалирует над черным,— неожиданно изрек Джелсон.

— Конечно,— отозвалась миссис Дженнингс.

— Всегда?

— Всегда, ибо тьма есть отсутствие света.

Джо продолжал:

— Нельзя, чтобы белое прислуживало черному.

— Нельзя!

— С помощью моего брата Ройса мы могли бы осветить тьму.

Она задумалась.

— Это возможно. Но очень опасно.

— Вы там бывали?

— Случалось. Но я — это не вы...

Похоже, из всех присутствующих только я не понимал, о чем идет речь.

— Одну минутку, будьте любезны, — занервничал я. — Вас не слишком бы затруднило и мне кое-что объяснить?

— Прости нам, Арчибалд, невольную неучтивость, — сказала миссис Дженнингс голосом, который сразу успокоил меня. — Джозеф предложил, раз уж мы здесь оказались в безвыходном положении, проникнуть в Полумир, чтобы выследить этого демона и атаковать на его же территории.

Мне потребовалось лишь мгновение, чтобы оценить дерзость замысла. И я воскликнул:

— Превосходная мысль! Когда мы сможем отправиться?

Они снова перешли на непонятный для непосвященных профессиональный жаргон. Миссис Дженнингс принесла несколько покрытых плесенью томов и углубилась в чтение одного из них. Я заглянул — для меня этот текст был не более понятен, чем санскрит. Джедсон взял календарь, и они с доктором вышли во двор, чтобы понаблюдать за луной.

Все это в конце концов завершилось спором, вернее, дискуссией, в которой решающим было мнение миссис Дженнингс. Я уразумел, что там не было надежного способа поддерживать контакт с реальным миром. И миссис Дженнингс не соглашалась начинать, пока все, до мельчайших деталей, не будет проработано. Трудность заключалась вот в чем: не будучи черными магами, не имея контракта с дьяволом Старым Ником, они не являлись гражданами Черного Королевства и, естественно, не могли безнаказанно по нему путешествовать.

Бади неуверенно спросил у Джедсона:

— А как насчет Элен Меджис?

— Элен? Ну конечно же! Она сможет. Я позвоню ей. Миссис Дженнингс, у ваших соседей есть телефон?

— Необязательно, — сказал Бади, — достаточно, чтобы вы подумали об Элен несколько минут — и я установлю с ней связь. Секунду он пристально вглядывался в лицо Джедсона, а потом вдруг исчез.

Минуты через три возникла Элен Меджис.

— Мистер Бади сейчас будет,— сообщила она.— Он остановился купить сигареты.

Джедсон взял девушку за руку и представил миссис Дженнингс. Элен и в самом деле выглядела больной, и я понял тревогу Джо. Каждые несколько минут она делала глотательное движение и покашливала, как будто ее беспокоила увеличенная щитовидка.

Как только вернулся Бади, они тут же приступили к обсуждению деталей. Джек объяснил Элен, что от нее требуется, и она не колеблясь согласилась, уверяя, что еще один сеанс магии не причинит ей особого вреда.

Итак, начались приготовления к походу. Миссис Дженнингс отдавала последние распоряжения:

— Элен, вы будете следовать за мной в состоянии транса и держать постоянную связь. Думаю, эта кушетка у камина — удобное место для вашего тела. Джек, останешься здесь, будешь охранять ворота (наиболее удобным выходом в Полумир сочли дымоход в гостиной миссис Дженнингс) и держать с нами связь через Элен.

— Но я могу понадобиться в Полумире! — запротестовал Бади.

— Нет, Джек,— мягко, но непреклонно ответила миссис Дженнингс.— Здесь ты будешь нужен гораздо больше. Кто-то должен охранять путь и помочь нам вернуться, ты же сам знаешь. У каждого своя задача.

Он еще немного поворчал, но согласился.

— Думаю, это все. Элен и Джек здесь, Джозеф, Ройс и я отправляемся. А тебе, Арчибальд, остается только ждать. Здесь пройдет не более десяти минут, пока мы вернемся — если нам суждено возвратиться.— Она торопливо направилась на кухню, бормоча что-то о мази и о том, что у Джека должны быть наготове свечи. Я поспешил за ней и потребовал объяснений.

— Что это значит — мне остается только ждать? Я иду с вами!

Она повернулась и внимательно посмотрела на меня; в ее чудесных глазах светилось беспокойство.

— Я не знаю, как это сделать, Арчибальд.

Подождал Джедсон и взял меня за руку.

— Послушай, Арчи, будь благоразумен. Это совершенно исключено. Ты же не маг.

Я вырвал руку.

— Ты тоже.

— В плане техники, может, и нет, но все же я кое-что умею, чтобы быть полезным. Не упрямься, парень. Там ты будешь только мешать.

Это была вопиющая несправедливость!

— Почему? — не сдался я.

— Черт возьми, Арчи, ты молод, силен и полон рвения. Никого другого я не хотел бы иметь за своей спиной во время драки. Но здесь нужны не храбрость и даже не ум. Это дело требует специальных знаний и опыта.

— Ладно, — ответил я. — Этого с лихвой хватит у миссис Дженнингс. Но, да простит меня миссис Дженнингс, она старая и слабая. Я буду ее мускулами, если ее силы иссякнут.

Джо, казалось, это позабавило, и мне захотелось стукнуть его.

— Вряд ли это потребуете в...

И тут позади нас загрохотал бас доктора Вортингтона:

— Мне думается, брат, темпераменту нашего молодого друга можно будет найти применение. Мудрость чересчур осторожна.

Миссис Дженнингс остановила их:

— Подождите, — приказала она и подошла к кухонному шкафу. Открыв его, миссис Дженнингс достала кожаный мешочек, который был набит тонкими палочками, высыпала их на пол и стала изучать получившийся узор.

— Бросьте еще раз, — посоветовал Джо. Она так и сделала. После этого я увидел, как колдунья и доктор торжественно кивнули друг другу. Джедсон пожал плечами и отвернулся. Миссис Дженнингс повернулась ко мне:

— Ты пойдешь, — сказала она ласково. — Это небезопасно, но ты пойдешь.

Больше мы времени зря не теряли. Мазь уже разогрелась, и мы натерли ею друг другу спины. Бади — страж врат — сел, окружив себя магическими фигурами, и начал нараспев читать что-то из огромной старинной книги. Вортингтон решил не изменять свою внешность — величественный негр в набедренной повязке. Тело его с головы до пят было расписано магическими символами. На плече покачивалась голова дедушки.

По поводу облика Джедсона они слегка поспорили и несколько раз меняли его. На результат метаморфозы нельзя было смотреть без содрогания: уродливо согбенная спина, искривленный череп, обтянутый серой пергамент-

ной кожей, худые, впалые бока и длинный костистый хвост, который все время подрагивал. В целом это существо напоминало человека, что делало его еще более отвратительным. Но Джо был доволен.

— Готово! — воскликнул он противным скрипучим голосом. — Отличная работа, миссис Джепнингс! Асмодей не отличит меня от своего племянника.

— Надеюсь, — согласилась волшебница. — Ну, идем?

— А как с Арчи?

— Пусть остается самим собой.

— А что с вашим перевоплощением?

— Я позабочусь об этом, — ответила она довольно резко. — Занимайте свои места.

Миссис Джепнингс и я уселись верхом на одну метлу: я — впереди, лицом к свече, воткнутой в прутья. Мне вспомнились декорации ко Дню Всех Святых: метла у ведьмы там изображалась ручкой вперед. Значит, это было ошибкой.

Ройс и Джо должны были двигаться за нами. Серафим молниеносно прыгнул на плечо хозяйки и устроился там, усы его дрожали от нетерпения.

Бади произнес какое-то слово, наша свеча вспыхнула большим пламенем, и мы взлетели. Меня охватила паника; стараясь не выдать своего страха, я изо всех сил вцепился в метлу. Камин как бы зевнул огромным ртом и превратился в арку. Пламя внутри него бушевало, как в горящем лесу, и увлекало нас за собой. Кружась в огненном водовороте, я заметил саламандру, танцующую среди языков пламени, и счел это добрым предзнаменованием.

Ворота остались далеко позади, если это слово можно употребить по отношению к такому месту, где любое направление чисто символично. Оглушительного грохота пламени уже не было слышно. Я начал приходить в себя. Почувствовав успокаивающую руку у себя на плече, я оглянулся — и чуть не свалился с метлы.

Когда мы вылетали из дома, у меня за спиной сидела древняя старуха, чье сморщенное и высохшее тело оставалось живым только благодаря неукротимому духу. Сейчас же я видел молодую, сильную, волнующе прекрасную женщину. Нет слов, чтобы описать ее: в ней не было никаких изъянов, даже обладая самым уточненным воображением нельзя было представить большее совершенство.

Вы когда-нибудь видели бронзовую Диану-охотницу?

Эта женщина чем-то напоминала ее, но только никакой металл не смог бы передать такую живую, динамичную красоту.

Миссис Дженнингс, Аманда Тодд, в свои двадцать пять лет, в расцвете прекрасной женственности, когда время еще не оставило ни одного губительного следа.

Я забыл о своем страхе. Я забыл обо всем, кроме того, что со мной рядом — самая прелестная женщина из всех, которых я встречал в своей жизни. Я забыл и о том, что она по меньшей мере на шестьдесят лет старше меня, и что ее нынешний вид — это шедевр колдовского искусства. Если бы меня спросили тогда, не влюбился ли я в Аманду Дженнингс, я бы ответил: "Да!" Впрочем, мысли мои были слишком беспорядочными. Она находилась здесь, и этого было достаточно.

Аманда улыбнулась. В ее глазах светились нежность и понимание. Потом она заговорила, и я узнал этот голос, хотя это было глубокое контральто вместо привычного чистого и тонкого сопрано.

— Все в порядке, Арчи?

— Да,— ответил я дрожащим голосом.— Да, Аманда, все в порядке!

Что же касается Полумира, то как я могу рассказать о месте, которое нельзя сравнить ни с одним из известных мне? Как я могу говорить о том, для чего не придумано слов? Человек описывает незнакомые вещи, используя знакомые понятия. Однако здесь не за что ухватиться, и все определения неуместны. Я могу лишь попытаться передать то, что предстало пред моими глазами, что затем происходило в Черном Королевстве и как все это воздействовало на мои человеческие чувства и эмоции. Знаю, что при этом мне не избежать двойного обмана — обмана моего зрения, моих ощущений и словесного их выражения.

Позднее я обсуждал это с Джедсоном, и он согласился, что трудности в описании практически непреодолимы, хотя кое о чем можно говорить с определенной долей достоверности.

Самое существенное различие между реальным миром и Полумиром состоит в том, что в реальном мире действуют естественные законы, которые остаются неизменными, даже если изменяются обычаи и культура. В Полумире лишь обычай правит бал, а природных законов нет вообще.

Представьте себе: условия, в которых глава штата может отменить закон гравитации, и такое распоряжение действительно сработает; место, где король Канут может приказывать морю отступить, и волны будут повиноваться ему; где понятия "верх" и "низ" весьма относительны, а расстояние может измеряться в днях или цвете, равно как и в милях. И еще там нет бессмысленной анархии; они чтут свои обычаи так же свято, как мы — законы природы.

Мы резко свернули влево в бесформенной серой субстанции, которая нас окружала, чтобы обозреть горы и попасть на шабаш. Аманда хотела предстать перед Старым Ником немедленно, а не блуждать в бесплодных поисках по изменяющимся лабиринтам Полумира.

Вскоре Ройс учуял шабаш. Я же ничего не мог различить до тех пор, пока не встал на ноги. Лишь тогда увидел свет и очертания. Впереди, наверное, за четверть мили от нас, просматривалась возвышенность, на которой располагался гигантский трон. Исходившее от него красное сияние рассекало тьму. Я не мог четко определить, кто сидел на троне, хотя точно знал, что это был он — наш извечный враг.

Мы больше не были одни. Зло, явственно ощущаемое, бессмертное, бурлило вокруг нас, парило в воздухе, выползало из-под земли.

Сама земля дрожала и пульсировала, когда мы шли по ней. Мы ощущали невидимое присутствие в туманном мраке каких-то существ, которые пищали, хрюкали, хныкали, хихикали, рычали и скулили.

Видимо, наше вторжение их встревожило. Я слышал, как они отпрыгивали и перемещались, освобождая нам дорогу, а потом осторожно следовали за нами, о чем-то предупреждая друг друга нечленораздельным мычанием. Некоторые принюхивались и хватали нас за пятки.

Один Бог знает, как я их боялся! Кто-то преградил нам путь — призрак с огромной, раздутой головой и влажными, проворными руками.

— Назад! — прохрипел он. — Кандидатов на колдовство принимают на нижнем уровне! — Он говорил не по-английски, но слова его почему-то были понятны.

Ройс съездил по безобразной физиономии и сбил чудовище с ног. Мы прошли напрямик, под ногами захрустели его подагрические кости. Восстановив себя, монстр прохныкал, что он — существо подневольное, и

мелкими шажками побесжал впереди нас, провожая до самого трона.

— Только так и нужно с этими тварями,— шепнул мне на ухо Джо.— Двинь по зубам — и тебя сразу же зауважают.

Перед троном толпились черные ведьмы, черные маги, демоны в самых разнообразных отвратительных обличьях и прочая нечисть. Слева кипел котел. Справа кого-то пожирали. Сдрогнувшись, я отвернулся. Прямо перед троном, как того требовал обычай, для увеселения "Самого" исполнялся ритуальный танец. Несколько десятков мужчин и женщин, молодых и старых, миловидных и безобразных, скакали и кувыркались в немыслимом акробатическом адажио.

Танец кончился, они неохотно расступались, пропуская нас к трону.

— Что это? Что это? — раздался сишый, флегматичный голос. — А, это ты, золотко? Поднимайся и садись рядом со мной! Ты пришла наконец подписать договор?

Джедсон схватил меня за руку; я прикусил язык.

— Я останусь здесь,— жестко и презрительно ответила Аманда. — Что же касается договора, ты хорошо знаешь...

— Тогда зачем ты тут? И что за странные у тебя спутники? — Он как букашек разглядывал нас с высоты своего трона, затем хлопнул себя по волосатым ляжкам и издевательски захохотал. Ройс что-то возмущенно пробормотал сквозь зубы; голова его дедушки тряслась от ярости. Серафим плонул.

Джедсон и Аманда на мгновение склонили друг к другу головы, потом она заявила: "На основании договора с Адамом я требую права на проверку".

Старый Ник хмыкнул, а маленькие дьяволята вокруг него заткнули уши.

— Ты требуешь привилегий? Не подписав договора?

— Таков обычай! — ответила она резко.

— Ах, вот как! Ну, раз уж ты вызываешь к обычаям, да будет так! И кого же ты хочешь проверить?

— Я не знаю его имени. Это один из твоих демонов, который позволяет себе неуместные вольности за пределами твоей сферы.

— Один из моих демонов? И ты не знаешь его имени? Милочка, да у меня семь миллионов демонов. Ты будешь проверять их по одному или всех вместе? — Его сарказм был почти равен ее презрению.

— Всех вместе.

— Ну, что ж! По крайней мере никто не скажет, что я не угодил госте. Если ты пройдешь... дай сообразить... ровно пять месяцев и три дня, то найдешь моих джентльменов выстроившимися для проверки...

Я не помню, как мы добирались туда. Была огромная, коричневая равнина, и не было неба. Вытянувшись в струнку, как на смотре, который проводит их злой повелитель, стояли все демоны Полумира. Легион за легионом. Волна за волной. Старого Ника обслуживал целый Кабинет; Дждсон указал мне на них: Люцифер — премьер-министр; Вельзевул и Левиафан — фланговые командиры; Ашторет, Абаддон, Маммона, Титус, Асмодей и Инкуб — павшие престолы. Семьдесят принцев, каждый из которых командовал дивизионом и оставался со своим войском. Ближайшее окружение Сатаны Мекратрига составляли только герцоги.

Сам он все еще был в обличии Козла, а его приближенные струились, принимая отвратительнейшие формы. Асмодей, щеголявший о трех головах — все разные и все злющие, — был похож на раздувшегося дракона. Маммона напоминал мерзкого тарантула. Ашторета я вообще не могу описать. Только Инкуб предпочел походить на человека, что наиболее эффектно передавало его развращенность.

Козел мрачно посмотрел в нашу сторону.

— Поторопитесь, — приказал он. — Мы здесь не для того, чтоб развлекать вас.

Аманда проигнорировала его, однако мы и сами спешили. И направились к первому эскадрону.

— Назад! — взревел Сатана, и мы опять оказались на прежнем месте. — Ты пренебрегаешь обычаями! Сначала заложники!

Аманда прикусила губу.

— Принимается! — бросила она в ответ и стала торопливо совещаться с Ройсом и Дждсоном. Я разобрал слова Ройса:

— Так как идти мне, будет лучше, если я сам выберу себе спутника. Дедушка советует мне взять самого молодого. Это, естественно, Фрейзер.

— В чем дело? — немедленно включился я. До сих пор меня старательно отстраняли от всех дискуссий.

— Ройс хочет взять тебя с собой охотиться на Дитворта, — объяснил Дждсон.

— И оставить Аманду с этими дьяволами? Мне это не нравится.

— Я смогу постоять за себя, Арчи,— сказала Аманда спокойно.— Если доктор Вортингтон выбрал тебя, ты окажешь мне большую услугу, отправившись с ним.

— А зачем заложники?

— Поскольку мы потребовали права на проверку,— объяснила она,— мы должны найти Дитворта, иначе нам придется остаться здесь навсегда.

Прежде чем я успел возразить, вмешался Джедсон:

— Не разрывай из себя героя, сынок. Дело слишком серьезное. Лучше всего ты нам послужишь, если пойдешь с Ройсом. Если же вы не вернетесь, можешь быть уверен — им придется выдержать хорошую драку, прежде чем они заплут наши души.

И я пошел. Как только мы с Вортингтоном стали удаляться от них, я вдруг отчетливо понял, что своим относительным спокойствием был обязан Аманде. Стоило мне оказаться вне ее непосредственного влияния, как на меня обрушился кошмар этого места с его жуткими обитателями. Я почувствовал, что кто-то трется о мои лодыжки, и чуть не выскочил из ботинок. Но, посмотрев вниз, увидел Серафима: кот Аманды решил сопровождать нас. И мне стало легче.

Когда мы подошли к первому ряду демонов, Ройс принял свою собачью позу. Перед этим он передал мне голову дедушки. Она оказалась дружелюбной, домашней, а раньше-то я не мог без отвращения думать о том, как можно прикоснуться к этой мумифицированной штуковине!

Итак, доктор Вортингтон опустил на четвереньки и, ошестинившись, стал прочесывать ряды адовых воинов. Серафим стремглав помчался за ним и присоединился к охоте. Собака была не прочь разделить с ним эту работу, и у меня не возникало сомнений в том, что поиски завершатся удачей. Ройс и Серафим метались из стороны в сторону, а я пошел между рядами соседнего эскадрона.

Мне казалось, что уже прошла целая вечность. Усталость сменилась тупым автоматизмом, страх — мрачным предчувствием. Я научился не смотреть в глаза демонам и больше не удивлялся их экстравагантным формам.

Эскадрон за эскадроном, дивизион за дивизионом — и вот наконец левый фланг, то есть конец. Нам осталось проверить лишь генералов ведущих дивизионов этого

фланга. Вортингтон и Серафим все сильнее нервничали. Когда они просмотрели первый ряд ведущего эскадрона, собака подбежала ко мне и заскулила. Думаю, ей нужна была поддержка деда, но я наклонился и погладил ее по голове.

— Держись, дружище! У нас еще есть шанс! — Но отчаяние уже сжимало сердце: что такое полдюжины возможностей против семи миллионов отсеянных?

Собака побежала к ближайшему генералу, кот — за ней, я спешил следом. Она начала лаять еще до того, как приблизилась к демону, и я бросился к ней со всех ног. Демон зашевелился, с ним начали происходить различные метаморфозы. Но даже в этих причудливо меняющихся образах проскальзывало нечто знакомое.

— Дитворт! — заорал я и набросился на него.

Меня молотили кожаные крылья, рвали когти. На помощь мне пришел Ройс. Это уже была не собака, а двести фунтов огромного негра, сражающегося, как лев. Кот являл собой сгусток зубов, когтей и ярости. И все-таки, измотанные до изнеможения, мы бы проиграли, если бы не произошло непредвиденное. Один из демонов вырвался из строя и бросился к нам. Я скорее почувствовал, чем увидел его, и решил, что он спешит на помощь своему господину (хотя их обычаи такого не позволяют). Но он помогал нам — нам, своим врагам. Он атаковал Дитворта с таким мстительным неистовством, что положение очень быстро изменилось в нашу пользу.

Неожиданно все закончилось. Я обнаружил себя на земле, вцепившимся не в принца-демона, а в Дитворта в его псевдочеловеческом облике: маленький кроткий бизнесмен, одетый со сдержанной элегантностью, портфель, очки, лысеющие волосы.

— Уберите эту штуку! — раздраженно кричал он.

"Этой штукой" оказалась голова дедушки, которая по-собачьи впиалась беззубыми деснами в его шею.

Ройс высвободил руку, которой держал Дитворта, и заполучил обратно своего деда. Серафим же не двинулся с места — его когти глубоко вонзились в ногу нашего пленника.

Демон, который спас нас, когтями держал Дитворта за плечи. Я откашлялся и обратился к нему:

— Полагаю, мы в долгу перед вами... — Я совершенно не знал, что сказать: ситуация была беспрецедентной.

Демон скорчил гримасу, которая, видимо, должна была означать дружелюбие; но я нашел ее устрашающей.

— Позвольте представиться,— сказал он по-английски.— Федеральный агент Вильям Кейн, Бюро расследований.

Думаю, именно это оказалось для меня последней каплей — я потерял сознание.

Когда я очнулся, то лежал на спине. Кто-то смазал целебной мазью мои раны, они слегка затянулись и, по крайней мере, не болели, но я смертельно устал. Где-то совсем рядом разговаривали. Я повернул голову и увидел всех членов нашей команды. Вортингтон и дружественный демон, оказавшийся агентом ФБР, держали Дитворта с двух сторон, стоя перед Сатаной. Мощной адовой армии и след простыл.

— Так это мой племянник Небирус,— кудачтал Козел, качая головой. — Небирус, ты — скверный малый, я горжусь тобой. Однако боюсь, тебе придется померяться силами с победителем, раз они тебя схватили.— Он обратился к Аманде. — Кто этот герой, моя дорогая?

— Похоже, это моя работа,— отозвался дружественный демон.

— Не думаю,— возразила Аманда. Она отвела его в сторону и что-то настойчиво зашептала. В конце концов он пожал крыльями и отошел.

Аманда вновь присоединилась к группе. Я с трудом поднялся на ноги и подошел к ним.

— Я полагаю — борьба на смерть? — говорила в этот момент Аманда.— Ты готов, Небирус? — Мое сердце разрывалось от страха за нее, и в то же время в нем была спокойная уверенность, что она может сделать все, за что возьмется. Джексон увидел выражение моего лица и покачал головой: не вменяйся!

Но у Небируса, который еще был в облике Дитворта и выглядел весьма забавно, кишка оказалась тонка. Повернувшись к Старiku, он взмолился:

— Дядя, я не хочу рисковать. Ведь исход ясен. Заступись за меня!

— Ладно, племянник. Хотя я надеялся, что она разрушит тебя. Хлопот с тобой не обернется! — Затем он обратился к Аманде — Скажем... э-э-э... десять тысяч лет?

Аманда взглядом посоветовалась с нами — включая меня, к моему гордому удовлетворению — и сказала:

— Да будет так!

Приговор был не слишком суров: потом я узнал, что это равносильно шести месяцам тюрьмы в реальном мире. Впрочем, Дитворт ведь не нарушил их обычаев. Он просто потерпел поражение от белой магии.

Старый Ник выразительным жестом махнул рукой. Оглушительный грохот, вспышка света — и мы увидели Дитворта-Небируса расластанным на громадном валуне. Массивные железные цепи сковывали его руки и ноги. Он снова был в облике демона. Аманда и Вортингтон проверили оковы. Она прижала к каждому замку кольцо-печатку и кивнула Козлу. Валун сразу же покатился с огромной скоростью и исчез из виду.

— Итак, с этим покончено, — объявил Козел. — Я полагаю, теперь удалитесь и вы. Все, за исключением этого... — Он злоеде улынулся демону — агенту ФБР. — У меня относительно него свои планы.

— Нет, — голос Аманды был спокойным.

— В чем дело, малышка? Он не из твоей команды, и он нарушил наши обычаи.

— Нет!

— Но я настаиваю!

— Сатана Мекратринг, — медленно промолвила Аманда, — ты хочешь померяться со мной силой?

— С вами, мадам? — Он внимательно посмотрел на нее, как будто увидел впервые. — Пожалуй, нет. Слишком уж напряженным был сегодня день, правда? Вернемся к этому разговору как-нибудь в другой раз...

И он исчез. Демон повернулся к Аманде.

— Спасибо! — сказал он просто. — Снимаю перед вами шляпу! — И добавил обеспокоенно. — Знаете ли вы, как отсюда выйти?

— А вы не знаете?

— Нет, в том-то вся и беда. Видимо, мне следует объясниться. Я закреплен за антимонопольным дивизионом. Мы вели этого парня — Дитворта, или Небируса. Я последовал за ним сюда, полагая, что он обычный черный маг и что я смогу воспользоваться его порталом, чтобы вернуться. А когда узнал, кто он, было уже слишком поздно: я попал в ловушку. И уже почти смирился с тем, что навеки останусь фальшивым демоном.

Его рассказ очень меня заинтересовал. Конечно, я знал, что все федеральные агенты — юристы, маги или бухгал-

тера, но мне доводилось встречаться только с бухгалтерами. Эта спокойная готовность к экстраординарной ситуации и опасности произвела на меня неизгладимое впечатление и еще более укрепила мое высокое мнение о федеральных агентах.

— Вы можете воспользоваться нашим порталом,— предложила Аманда.— Следуйте за нами,— потом улыбнулась нам.— Ну, в дорогу!

Джек Бади все еще распевал строки из колдовской книги, когда мы приземлились.

— Восемь с половиной минут,— объявил он, посмотрев на свои наручные часы.— Хорошая работа! Номер удался?

— Удался,— ответил Джексон. Голос его звучал глухо: обратное перевоплощение было мучительным.— Все, что...

Но Бади перебил его.

— Билл Кейн, старый негодник! — завопил он.— Как ты попал в эту компанию?

Наш новый приятель в дороге сбросил личину демона и приземлился в своем естественном виде — худой, молодой, упрямый, в сером костюме и шляпе с опущенными полями.

— Привет, Джек,— откликнулся он.— Увидимся завтра, и я все тебе расскажу. Сейчас я должен докладывать.

И он исчез. Вышла из транса Элен, Джо заботливо склонился над ней. Я оглянулся в поисках Аманды и, услышав ее шаги на кухне, поспешил туда. Она увидела меня и улыбнулась, ее молодое лицо было безмятежным и прохладно прекрасным.

— Аманда,— сказал я,— Аманда...

Вероятно, у меня было подсознательное желание поцеловать и приласкать ее. Если бы она сделала хоть крошечный шаг мне навстречу! Если бы как-то дала понять, что тоже хочет этого! Аманда этого не сделала. Она была ласкова и дружелюбна, но между нами существовал барьер, через который я не мог переступить. Я ходил за ней по кухне и что-то бессвязно лепетал, пока она готовила для нас горячее какао и тосты.

Когда мы вернулись в комнату, я сел в кресло и, отодвинув стакан, с обидой воззрился на нее. Джексон в это время рассказывал Элен и Бади о наших приключениях. Он вскоре повел Элен домой, а Джек последовал за ними.

Когда Аманда вернулась, пожелав им доброй ночи у дверей, доктор Ройс уже растянулся на коврике перед

камином, а Серафим свернулся клубочком на его широкой груди. Оба они тихонько посапывали. Внезапно я понял, что отчаянно устал. Аманда тоже заметила это.

— Приляг здесь, на кушетке, и подремли немного, если удастся, — сказала она.

Меня не нужно было долго уговаривать. Она подошла, укрыла меня шалью и нежно поцеловала. Я слышал сквозь сон, как она поднималась по лестнице.

Меня разбудил лучик солнца, бивший прямо в лицо. Серафим сидел на окне и умывался. Доктор Вортингтон уже ушел, но, видимо, совсем недавно был здесь — складки на ковре у камина от его тела еще не расправились. Дом казался совершенно пустым. Потом я услышал легкие шаги на кухне. Я мгновенно вскочил и бросился туда.

Аманда стояла, повернувшись ко мне спиной, и старалась дотянуться до старомодных часов с маятником, которые висели на стене. Она обернулась, когда я вошел, — маленькая, невероятно старая, с жидкими седыми волосами, уложенными аккуратным узелком на затылке.

Мне сразу стал понятен тот материнский поцелуй и пожелание доброй ночи — все, что я получил вчера.

Она взглянула на меня и сказала совершенно простым, обыденным голосом:

— Арчи, мои старые часы вчера остановились. — Она коснулась маятника рукой. — А сегодня снова идут...

Больше мне, собственно, нечего добавить, поскольку Дитворт исчез, а Кейн написал-таки свой рапорт. "Магия, инк" распалась почти в ту же ночь. Новые лицензионные законы стали пустыми бумажками даже раньше, чем их отменили.

Мы все иногда заглядываем в дом миссис Дженнингс — так часто, как она нам позволяет. Я чрезвычайно благодарен ей за то, что она не позволила мне влюбиться в ее молодое "я". Наши теперешние отношения гораздо прочнее — это нечто такое, чем стоит дорожить. Но если бы я родился на шестьдесят лет раньше, мистер Дженнингс имел бы в моем лице весьма серьезного соперника.

Я помог Элен и Джо организовать их бизнес. Бади стал у них менеджером, а сам я решил, что мне не стоит отказываться от своей прежней линии. Я пристроил новое крыло к зданию и купил два новых грузовика, как и предсказывала миссис Дженнингс. Бизнес идет хорошо.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИ МАФУСАИЛА

Перевод Я. Войтко

7

УОЛДО

Перевод Н. Войко

209

"МАГИЯ, ИНК"

Перевод А. Цират

323

СЕРИАЛ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ФАНТАСТИКА, МИСТИКА, ДЕТЕКТИВ,
ТРИЛЛЕР, СКАЗКИ, ЛЮБОВНЫЙ РОМАН —
ЛИТЕРАТУРА НА ЛЮБОЙ ВКУС!
КНИГИ, ПРИЗНАННЫЕ МИЛЛИОНАМИ
ЧИТАТЕЛЕЙ
ВО ВСЕМ МИРЕ,
УКРАСЯТ ВАШУ БИБЛИОТЕКУ!**

В ближайшее время
в

«УНИВЕРСАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ»

издательской группы «МАГ» выйдут произведения

**ДИКА ФРЕНСИСА
ФИЛИПА К. ДИКА
ОЛДОСА ХАКСЛИ
ИЗАК ДИНЕСЕН
ФЛЭННА О'БРАЙЕНА**

***Таинственные миры, волшебные страны,
блестящая интрига, головокружительные
приключения —
на Вашей книжной полке!***

ОПТОВЫЕ ЗАКУПКИ:
тел. (044) 2241005 (044) 2240471

Літературно-художнє видання

Роберт Е. Хайнлайн

УОЛДО

Переклад з англійської

(російською мовою)

Перекладачі

Я. Войтко, Н. Войко, А. Цират

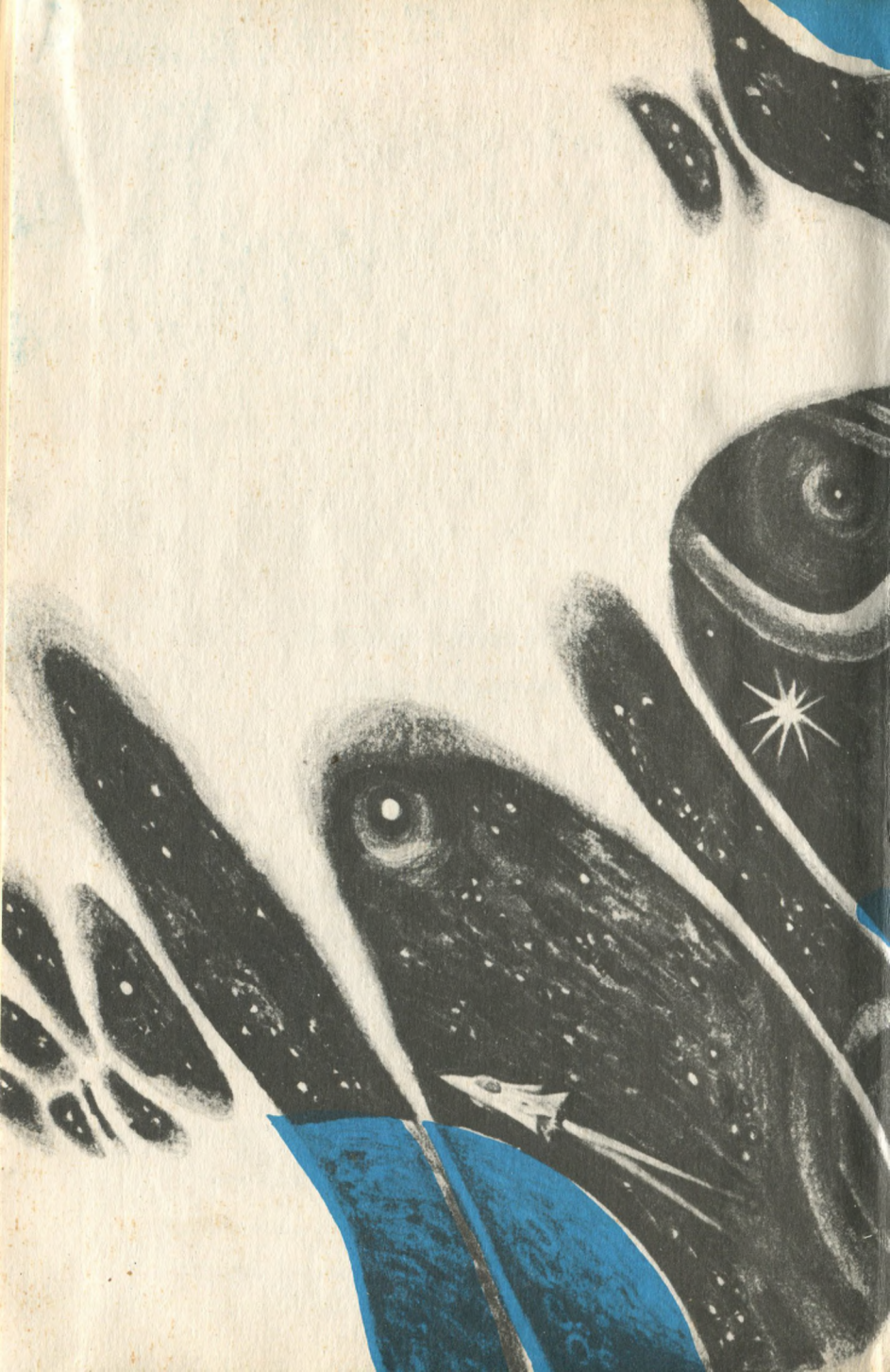
Художник *С. Середенко*

Відповідальний за випуск *І. Бойченко*

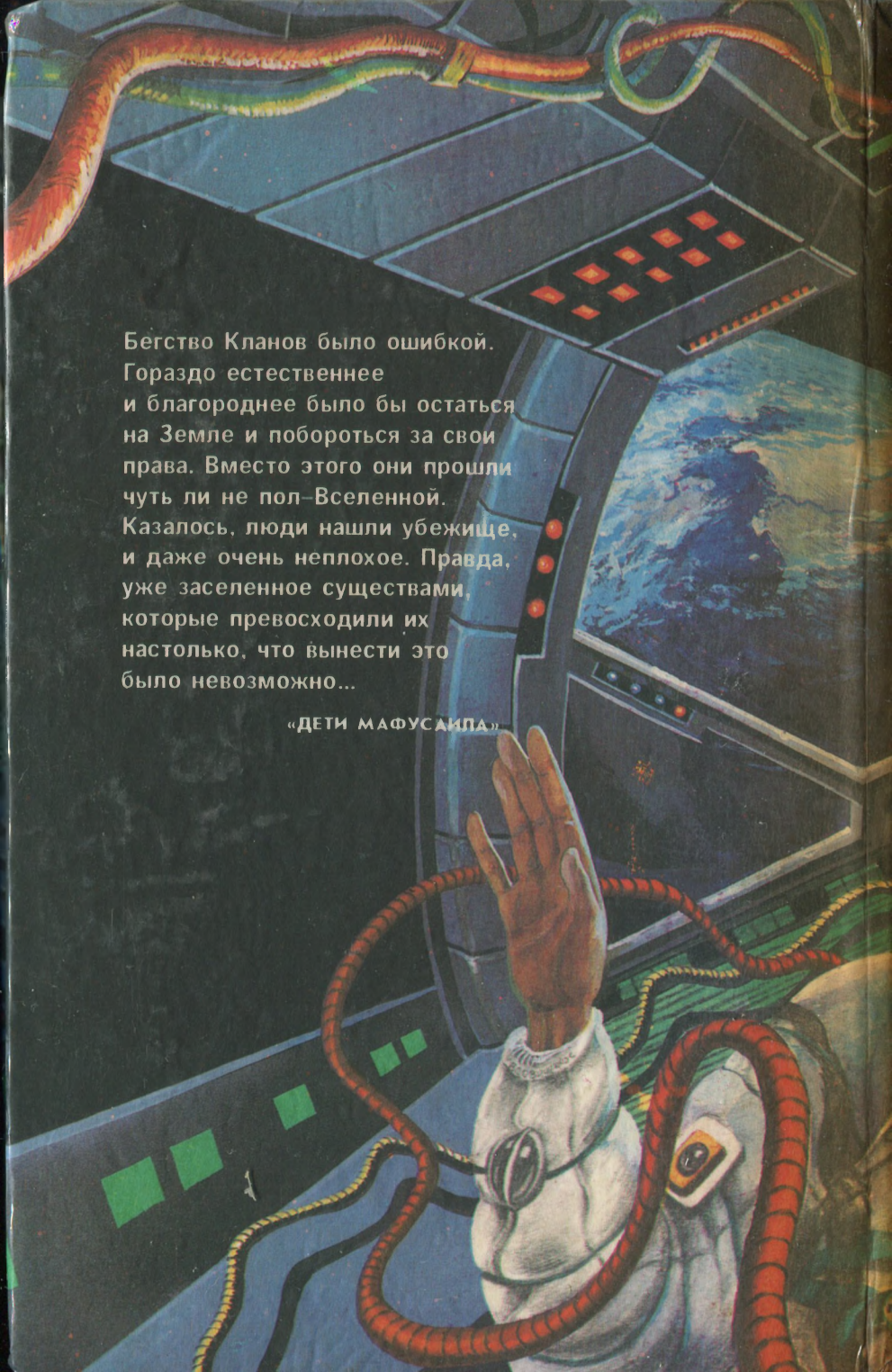
Здано до складання 5.05.93. Підписано до друку 18.05.93. Формат
84 × 108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура «Таймс».
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 21,84. Зам. 3-1080.

ВТОВ «А.С.К.», 252114, Київ-114, вул. Шамрила, 26.

Київська фабрика друкованої реклами, 252067,
Київ-67, вул. Виборзька, 84.

Бегство Кланов было ошибкой.
Гораздо естественнее
и благороднее было бы остаться
на Земле и побороться за свои
права. Вместо этого они прошли
чуть ли не пол-Вселенной.
Казалось, люди нашли убежище,
и даже очень неплохое. Правда,
уже заселенное существами,
которые превосходили их
настолько, что вынести это
было невозможно...

«ДЕТИ МАФУСАИЛА»